

ЛАНА ЧИ

РЕКА ВРЕМЕН

Когда научная карьера — главное в твоей жизни, глупо просить у волшебного озера красоты, богатства и женского счастья. Да и в принципе верить в "места силы". Но на что только не понадеешься, если многообещающие раскопки принесли лишь груды черепков и одну золотую подвеску! Юлия Владимировна, археолог с мировым именем, загадала желание: найти древний город и разобраться в причинах его исчезновения. Кто же знал, что здешние боги реальны и понимают просьбы слишком буквально!

Действие происходит в параллельной реальности. Совпадения мест, имен и характеров случайны. Все исторические неточности допущены намеренно. Автор

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
Г. Р. Державин*

Со скользкого карниза перед нами открылся огромный зал, заполненный водой. Здесь фонари уже нигде не доставали до противоположной стены пещеры. Их лучи то тут, то там выхватывали из темноты огромные колонны сталагнатов*, выроставших из черной поверхности озера. Каменный лес, застывший в безвременье. Ниже по склону, у самой кромки воды, лежал упавший ствол одного из таких каменных деревьев.

— Это место силы моего народа, — тихо произнес наш проводник, указывая на него. — Нужно дойти по нему до конца и загадать желание. Но никому о нем говорить нельзя!

— А нам можно это сделать или только избранным? — спросил Пьетро, вглядываясь в темные воды подземного озера.

— Можно всем, но с желанием нужно быть аккуратнее. Боги слышат и то, чего не скажет язык!

Проводник усмехнулся, его глаза нездорово блестели в робких лучах фонарей.

— Главное, будьте осторожны! — вырвалось у меня. Иногда я начинала напоминать наседку с цыплятами. «Это все от того, что в твои годы самая пора воспитывать детей!» — подумалось мне.

Перебравшись по узкому карнизу, Пьетро первым вступил на «тропу желаний».

— Тут совсем мелко, — светя фонариком себе под ноги, заверил он — Ого, даже рыбки какие-то плавают!

«Наверное, и Белинскому позвонить или еще кому из биологов», — подумалось мне. Мысли текли вяло и холодно. Музыка капель зачаровывала, мешая думать логично. Наверное, именно поэтому следующей на поваленный сталактит ступила я.

Все притихли, лишь лучи фонарей лениво разрезали темноту, звуки падающих капель стали отчетливее. Мне начало казаться, что они сливаются в какую-то дикую природную музыку и сердце начинает стучать им в такт. Зеркало воды отражало мою фигуру на темной глади, вздрагивая, когда крупная капля с потолка достигала поверхности. В сминающемся отражении мне привиделось голубое небо, но уже в следующий миг темная гладь выровнялась, и отражение потонуло в черноте свода. Когда до кромки воды оставалось шага два, в воздухе почудился аромат цветов и дождя, неуловимый и одновременно вполне узнаваемый.

«Что же мне загадать?» — ответ всплыл в следующий же миг.

— Я хочу найти Ассубу и до конца понять причины ее исчезновения! — еле слышно шепнула я темноте, и в тот же миг моя нога заскользила по каменной поверхности.

Неуклюже взмахнув руками, я лицом вперед рухнула в холодные объятия подземного озера.
Острая боль во лбу ослепила, мгновенно лишая сознания.

Глава 1. Археологическое танго

Настоящее время. Васильева Юлия Владимировна.

Нужно сказать сразу — я не блондинка. Конечно, в раннем детстве мои волосы были довольно светлыми, но с возрастом потемнели до оттенка ореховой скорлупы. Стройная фигурка с годами тоже пострадала, округлившись на талии и бедрах. Ношение легкомысленных летних платьиц и прочих нарядов, которыми дамы приманивают противоположный пол, стало невозможным, но мне это никогда и не было близко. Постоянная полевая работа сделала из восторженной Юленьки упрямую рабочую лошадку, которая полагалась больше на собственные силы, чем на чью-либо помощь. Годы не сделали меня краше. Личная жизнь разладилась, тихонько собрав носки и переехав к маме. И в этот момент ко мне пришел академический успех.

Дамы редко делают достойную научную карьеру, особенно в археологии. К началу четвертого десятка у них чаще всего имеется дом-полная чаша, дети, дача, престарелые родители, собачки-кошечки. Мне ничего подобного не досталось. Не потому, что я какая-нибудь дурнушка. Тут все сложнее.

Мои родители еще довольно молоды и полны энтузиазма. Они неплохо устроились за рубежом и периодически зовут меня к себе, но начинать с нуля — увольте.

В годы учебы ухажеров хватало, но все они были скучны. Если же я находила интерес в общении с кем-нибудь, то обнаруживалось, что он уже встречается с некой легкомысленной кокеткой. Вот такое везение!

Словно мстя за отвергнутых ухажеров, интересные мужчины видели в моем лице друга, коллегу, но не любимую. Исколесив почти половину мира в экспедициях, Юленька обрела славу умного, надежного товарища — эдакого рубахи-парня, но не создала семьи. Я уже не тосковала по прогулкам, косметике, танцам, увлекшись романтикой тайн, которые хранит земля. И тут я и встретила ЕГО. Молодой, подающий надежды ученый, коллега... Ну, что могло пойти не так?!

После бурного, но кратковременного романа было принято решение стать полноценной семьей. Сейчас, два года спустя, я благодарю богов, что помешали нам окончательно узаконить отношения.

Окунувшись в пучину чувств, я наслаждалась внезапно обретенным счастьем, не замечая, что на мне паразитируют. Готовила-стирала, обустроивая свое гнездышко, и не видела никого кроме любимого, пока в один прекрасный день не обнаружила свои идеи и переводы в статье «Вестника археологии» под его фамилией! Конечно, в последнее время я «подзабила» на науку, и работа над докторской застыла, но воровство — это уже слишком! И пришлось моему «благоверному» быстренько собирать вещички и ретироваться, пока не прибили его ничем тяжелым.

Окончание семейной жизни почти сломало меня, но шеф, которого я всегда уважала за ум и житейскую мудрость, предложил идею, отказаться от которой было невозможно. Пять лет назад, уже в конце работы над кандидатской диссертацией, мне в руки попало несколько осколков табличек, относящихся к эпохе заката карешской культуры, которой в тот момент занималась наша группа. Это были куски переписки, но фраз было мало. На самом большом фрагменте содержалось описание местности с ярким ориентиром — скалой, подобной вратам храма, через которые был виден восход солнца из-за вершины горы Иират. От этой

точки полагалось двигаться на северо-восток, не пересекая вод быстрого Иреша, чтобы через три дня прибыть в столицу карешского царства благословенную Ассубу.

Этот перевод был неточен, но он был первым. Опираясь на составленный нами алгоритм, немногочисленные письменные источники и слова иных языков того времени, мы, заставили карешские таблички «заговорить». Но даже после расшифровки письменности район, в котором располагалось древнее царство, славное керамикой и ювелирными украшениями, был неясен. Не оставившее после себя крупных архитектурных памятников, государство словно сгнуло в безвременье. Согласно легендам, его поглотили насланные гневом богов пески Абустана, в настоящее время населенного кочевниками и скотоводами. Именно туда мне и предстояло скататься-развестись.

— Конечно, душенька, это скорее для вашего спокойствия, чем для дела, — лукаво улыбнулся мой шеф, Валериан Петрович. — Но может статься, что вы наметанным глазом чего и обнаружите. Загляните уж тогда в Джатти, к нашим коллегам, поинтересуйтесь насчет осколков. Может, они еще что-то нашли?

Поехала я не одна, с парой аспирантов, молодых увлеченных делом людей. Высокий, еще по-юношески нескладный, но крепкий Марат под моим руководством изучал эволюцию письменности народов Абустана — его родины. В отличие от большинства сверстников, в двадцать два года он уже служил «на все руки мастером» нашей рабочей группы и поисковой партии. К тому же лучше всех знал язык и обычаи своего народа.

По сравнению с ним долговязый и худой интеллигент Пьетро казался неженкой, но первое впечатление и тут было обманчиво. Юноша имел недюжинные таланты как в точных науках, так и в искусстве. Изучая архитектуру и живопись абустанского региона, он с легкостью обнаруживал тонкие различия в технике исполнения и мог определить изделия одного мастера даже без клейма. А уж работоспособности обоим было не занимать — другие в нашей лаборатории не приживались.

Путь, проведенный за построением маршрута и планов, пролетел незаметно. Добравшись до Джатти, столицы Абустанской республики, мы неделю просидели в местном филиале археологического института, разбирая коллекции и изучая последние находки. Особенно интересно было читать осколки табличек из переписки карешского владыки, хотя уточнить местоположение его столицы это не помогло. Высоких снежных вершин вокруг хватало, как и распадков с долинами между ними. Определив всех кандидатов на роль горы Иират, мы методично объезжали местность, но похвастаться было нечем, а сроки экспедиции неумолимо приближались к концу.

Именно тогда, в один из душных июньских вечеров, когда мы, все в пыли, жадно глотали ледяную воду из деревенского колодца, Марат предложил заехать в гости к своему двоюродному дяде. Просто так, поесть барашка и выпить домашнего вина. Возвращаться в город и сидеть в обшарпанной раскалившейся до состояния духовки гостинице никому не хотелось. Поэтому, усадив за руль виновника, мы отправились на горный перевал, где нас ждал столь гостеприимный родственник.

Теперь, вспоминая всю череду событий, я не могу отделаться от ощущения, что чья-то высшая воля вела меня через все ключевые точки, но в тот жаркий южный вечер я не думала о своих печалях. Забыв о годах, я снова стала ясноглазой девчонкой, впервые попавшей в горы Абустана. Душа пела от вида изумрудной зелени травяных склонов, перевитой темными лентами дубрав и кустарника. Казалось, что можно легко-легко, едва касаясь ногами, взбежать по ним и, оторвавшись от грешной земли, воспарить, словно птица.

Мягкие кучевые облачка, словно непослушные барашки, то взбирались на каменистые вершины, скрывая их, то убегали, вновь обнажая белоснежные языки снежников и серосиние россыпи камней. Дух товарищества, пропитавший нас за дни путешествия, стирал ненужную мишуру излишних формальностей. Сейчас мы были просто коллегами, единомышленниками. Экспедиционная машина, басовито и натужно взрыкивая на крутых подъемах, глотала километры горного серпантина, приближая нас к сытному ужину и душевному общению.

Двоюродный дядя Марата был очень радушен. Его совершенно не удивило внезапное появление гостей, и когда серый от пыли внедорожник затормозил на каменистой обочине, статный седобородый мужчина уже спешил к нам.

Колорит местных жителей всегда приводил меня в восторг, но Амахсан-ба казался живым ископаемым, вобравшим в себя отголоски множества ушедших культур. Седые, убранные во множество косиц с разноцветными веревочками волосы обрамляли смуглое узкое лицо, покрытое темной пергаментной кожей. Рот и нос тонули в роскошной бороде, концы которой тоже были заплетены и украшены бусинами и нитями. Во всем этом благообразии особенно выделялись глаза, светло-карие, но с какими-то невероятными золотистыми точками, будто десятки солнечных зайчиков плясали в загустевшем солнечном сиропе. Оттого их искренний лучистый взгляд, приправленный благодушной улыбкой, не оставлял сомнений — нам здесь рады.

— Ай, Ашмурах-джан! — почти пропел пожилой пастух и первым делом заключил младшего родича в объятия. — Я слышал, что ты уже месяц здесь, почему зашел только сейчас? Как можно заставляешь меня так долго ждать?

«Ашмурах?» — пронеслось в голове. Оказывается, наш Марат носит одно имя с великим царем Самира! Это показалось мне забавным. Черноокий, кудрявый и широкоплечий юноша и впрямь немного походил на барельефы, изображавшие царей того времени, только без окладистой бороды. Имя Ашмураха Великого — завоевателя бесчисленного количества земель, подчинившего своей власти десятки кочевых племен — было знакомо каждому школьнику. Именно с главы о нем и началось мое серьезное увлечение историей, переросшее в профессию. Маленькая Юленька была просто влюблена в этого завоевателя, перечитала всю доступную литературу и даже написала диплом о его политической переписке.

От приятных воспоминаний меня отвлек сдавленный смешок за спиной. Пьетро, видимо, тоже по достоинству оценил полное имя нашего товарища.

— Прости, дядя Амах, — смущенно пробормотал смущенный Марат, исчезая в разноцветной груде одеял, которые родич носил наподобие пончо.

— Ай, брось! Давай, знакомь уже меня с друзьями! — восклицал дядюшка, внимательным хитрым взором выбирая следующую жертву для своих пыльных объятий.

— Вот, это мой научный руководитель Юлия Владимировна. Ну, я тебе про это писал, помнишь? — юноша посмотрел в мою сторону и снова немного покраснел, как будто чего-то стыдись.

— Ай, дорогая и почитаемая! — задорно воскликнул старый пастух и заорал в голос: — Эй! Все сюда! Нам оказана великая честь!

И тут пришла пора мне краснеть и удивляться. Этот горный житель вдруг на полном серьезе склонился передо мной в таком почтительном поклоне, что полы его одежд взметнули пыль.

— Это большая честь для моего народа видеть здесь ту, что может читать на языке моих предков, — с почтением проговорил Амахсан-ба. — А ты, почтенная, еще и возвращаешь сыну моего народа эти знания.

Я совсем смутилась. Легкость бытия стремительно покидала меня, груз цивилизации снова ложился на плечи. Старик словно заметил происходящие изменения, смешно всплеснул загорелыми руками и воскликнул:

— Э! Да что я, почтенная! Прости меня, совсем из ума выжил! Совсем разучился говорить с умными людьми! — в глазах пастуха снова забегали золотистые отблески, и он оглянулся, ища повод сменить тему.

— А это, должно быть, твой друг Пьетро! — радостно заключил хитрый старик. — Как же хорошо, что ты познакомил меня со всеми, сынок!

Пыльные объятия достались второму аспиранту, который слегка опешил от неожиданности. «Мои мальчишки» никогда не могли бы назвать друг друга лучшими друзьями. Они встречались в институте, ездили в экспедиции, но кроме археологии общих тем у них не было.

К этому времени остальные обитатели горной стоянки уже окружили нас. Смуглые, бородатые, все как один завернутые в цветастые шерстяные одеяла, они смотрели радостно и открыто. Улыбки не сходили с их лиц, и скоро мы сами начали улыбаться.

Я предложила выгрузить из машины привезенные продукты. Марат не забыл закупить все необходимое для родичей.

— Слушай, а тебя называли Ашмурахом в честь того, великого? — как будто невзначай спросил Пьетро у товарища, пока мы таскали ящики и сумки из машины под хлипенький дощатый навес.

Глаза Марата потемнели. Он напрягся, так и не опустив один из ящиков на землю. Вопрос был явно неуместен.

— Можно тебя попросить, — он сглотнул и повернулся ко мне. — И вас, Юлия Владимировна... Не называйте меня этим именем. Это семейное, оно для таких вот встреч.

— Извини, Марат, ступил я! Мир? — тут же нашелся виновник неловкости. — Меня мама в детстве называла Пи-пин, сами понимаете, за что. Так что секрет за секрет.

Пьетро скорчил такую заговорщицкую рожу, что Марата сложило в приступе смеха. Инцидент был исчерпан. Вечер снова обрел ту сказочную легкость, которая так радовала меня вначале.

Мириады звезд раскинулись над головой, дрожа и мерцая в остывающем воздухе. Тихое блеяние скота в деревянном загоне и глухое позвякивание колокольцев, вкусное мясо и странная протяжная песня уносили меня далеко назад во времени. Казалось, я одна из дочерей древнего народа, что испокон веков пасет скот на склонах этих гор. Ароматное вино и яркое пламя согревали, но ночной холод, словно зверь, подкрадывался все ближе, аккуратно просачиваясь под полы рубахи. Я поежилась, и, дождавшись последней ноты песни, пошевелилась, поворачиваясь боком к огню. Это не укрылось от дядюшки Амахсана. Он покачал головой и что-то гортанно сказал Марату. Тот, кивнув, скрылся в темноте ночи.

— Ай, почтенная учитель, совсем забыл я, что ночи здесь холодные, — обратился ко мне старик. — Сейчас исправим.

— Спасибо, — смущенно пробормотала я, в глубине души надеясь, что Марату хватит ума принести из машины спальники, а не пару страшеньких пастушьих одеял.

— Скажите, почтенный Амахсан-ба, о чем поется в этой песне? Я не могу даже понять

на каком языке она.

— Хорошо спросила, уважаемая! — расцвел снова в улыбке старый пастух. — Это древняя легенда моего народа, сейчас на этом языке никто не говорит. Слов я не понимаю, но моя бабка рассказывала, о чем она. Мы поем ее всегда, когда в дом приходят дорогие гости, и сердце радуется!

Пастух сделал паузу и отхлебнул вина из щербатой чашки, держа выразительную актерскую паузу. Нетерпение мое нарастало.

— Это рассказ о том, что мир приходит в дом, когда заканчивается великая битва. О том, как две силы, черная и белая, бились насмерть меж собой у Врат заката и восхода. В сражении родилась любовь. Но люди испугались, что союз двух сердец изменит мир, и разделили их. Тогда Боги наказали людей, а влюбленных обратили в птиц. С тех пор белая хранит рассвет для нашей земли, а черная — закат. Лишь раз в тысячу лет им дано снова повстречать друг друга, и, быть может, обрести счастье.

— Красивая легенда, — протянула я и, видимо, нотки разочарования прокрались в голос.

Пастух сокрушенно покачал головой, бусины на концах его косиц зашелестели.

— Ты не веришь в такое? — протянул он.

— Это прекрасная история, конечно, — постаралась объяснить я, — но подобные сказания встречаются у многих народов.

— Ай, почтенная! — старик всплеснул руками, а остальные пастухи, соглашаясь с ним, закачали головами. — Белая и черная птицы правда живут у западных врат. Каждый, кто был там, видел это. И если их нет — жди беды!

— Дядя, — подал голос вернувшийся Марат, который, к моему облегчению, принес из машины спальники, — ты говоришь про то ущелье, куда мы в прошлый раз не успели добраться? Может, хоть сейчас получится?

— Да, Ашмурах-джан, и я готов отвести всех вас туда завтра. Хочу, чтобы уважаемая руководитель тоже увидела это!

Мое неверие, оказалось, сильно задело старика.

— Спасибо, будем только рады посетить священное место, — поскорее заверила пастухов я.

— Дядя говорит, там есть знаки, похожие на письмена, — шепнул мне Марат, отдавая спальник. — Я давно хочу на них взглянуть. Будем надеяться, что это не просто следы эрозии.

Внутри зажглось любопытство, которое в ту ночь не дало мне заснуть. Выбравшись из машины (мы с Пьетро не решились ночевать в шатре гостеприимных хозяев), я подошла почти к самому обрыву и окинула взглядом открывающуюся долину.

Где-то там внизу легкой серой полосой исчезала в ночи лента дорожного серпантина, поглощенная тенями деревьев. Иссиня-черное небо, расписанное блестками звезд, уже светлело на востоке и западе, окрашиваясь розовым золотом. Издалека, наверное даже с соседней гряды, донесся крик неизвестной мне птицы, наполнив молчаливую ночь тоскливыми таинственными звуками. В ответ ему с нашей стороны заухала сова. Ледяной воздух пробирался под спальник, но я не уходила. Интересно, где же в этих тенях сокрыта долина из песни? Нетерпение обжигало, хотелось поскорее увидеть загадочные письмена и птиц. Только бы все это не оказалось уловкой, чтобы привлечь туристов к очередному «месту силы».

Внезапно я увидела легкие быстрые силуэты, кружащиеся по светлеющему бархату небес. Они стремительно проносились над моей головой, разворачивались и растворялись на юго-западе, следуя вдоль долины. «Черная птица» — всплыло в голове. «Нет, это просто летучие мыши, наверняка они», — тут же нашел объяснение голос неумолимой логики.

Совсем продрогнув, я все же загнала себя в железное нутро машины. Пьетро сладко спал на разложенных сиденьях, закутавшись в спальник с головой. Мне, как самой низкой, досталось место за рулем. Я попыталась угнездиться, но закрывать глаза не хотелось. Разгорающийся восход уже начал золотить горные вершины, и ночные тени потихоньку отступали. Нестройный птичий хор зазвенел в ледяном предрассветном воздухе, словно прославляя восходящее светило, а оно, окрашивая в розовое золото темные склоны гор, лениво поднималось на небосвод. На секунду мне показалось, что вдалеке я слышу скрип колодезного ворота, тяжелое постукивание, лай, людские голоса просыпающегося южного города... Сон тихо прокрался в явь, окутав своими мягкими крыльями.

Не успела я сомкнуть веки, как меня разбудили. Перед машиной, облаченные все в те же цветастые накидки, стояли Амахсан-ба, Марат и еще какой-то очень древний старик. Улыбки цвели на смуглых морщинистых лицах аборигенов, утопая в седых бородах. Только мой ученик выглядел снова крайне смущенным.

— Доброго утра, почтенная, надо скорее выходить, если ты хочешь все увидеть сама, — радостно сообщил дядюшка, увидев, что я открыла глаза.

— Простите, Юлия Владимировна, — извинился юноша, переминаясь с ноги на ногу. — Амахсан-ба говорит, что идти далеко.

Я села и сжала руками виски, прогоняя остатки сна. Солнце уже ярко высвечивало горные вершины, разгоняя остатки сумерек. Левая рука успела немного затечь, ноги плоховато слушались. «Старею», — подумала я, не слишком грациозно вылезая из машины.

— Дайте нам пять-десять минут на сборы, нужно взять необходимое оборудование.

— Что еще тебе нужно с собой, кроме твоих глаз, красавица? — поинтересовался пастух, за плечами у которого покоилась солидная тканевая торба.

— Фотоаппарат хотя бы, да и все измерить не помешает, — охотно пояснила я.

Древний старик вопросительно взглянул на соплеменника и что-то забубнил на местном наречии. Тот отрицательно качнул головой.

— Почтенный Мирса-ба говорит, что это будет непочтительно. Нельзя брать фотокамеру! — сказал Амахсан, сразу посерьезнев. — Семья моего родича спокон веков охраняет эту долину, и он говорит, что ничто не должно потревожить ее обитателей.

Я нахмурилась. Разумеется, слышала про такое ранее, но сама столкнулась впервые. Сзади завозился, выбираясь из спальника, Пьетро.

— Раз нельзя брать технику, то, может, хотя бы блокнот и карандаш? — тихо уточнил юноша.

Пастухи пошептались и кивнули. Я облегченно вздохнула. Мальчик прекрасно рисует! Он вполне сможет сделать все необходимые наброски, если мы найдем что-то стоящее, хотя археологи уже отвыкли от методов позапрошлого века.

Через полчаса мы уже спускались по горному склону. Старики посоветовали одеться тепло и вдобавок вручили нам по шерстяной накидке.

— Бери, почтенная, успокой свое сердце, — лукаво подмигнул мне дядюшка Амахсан, протягивая одеяло, — Ничего тебя не потревожит, не бойся.

Отказываться было некрасиво — одежда была явно новой или хорошо выстиранной.

Пробираться по горным склонам, заросшим колючим жестким кустарником, было довольно трудно, но пока холодный утренний воздух еще освежал нас, а тропа шла под уклон — терпимо. Наш престарелый проводник скакал по уступам с невероятной для своих лет грацией. Словно горный баран, он карабкался среди камней, находя едва уловимую нить тропы. Вслед за ним ловко прыгали аспиранты, неся на своих широких спинах весь наш скарб. Даже выросший в городе и не очень спортивный Пьетро легко держался впереди. А вот мне приходилось несладко. Лишний вес и годы сделали меня неповоротливой и осмотрительной. Там, где молодежь легко перепрыгивала через трещину, я осторожно шагала, удерживая равновесие. Помня наставления знакомого альпиниста, старалась не вставать на колено, забираясь на уступ, проверяла каждый камень, идя по карнизам, но все равно каждый раз, когда огромный тяжеленный булыжник приходил в движение под ногами, — сердце пропускало пару ударов.

Видимо, получалось не так уж плохо. Я и замыкающий нашу процессию Амахсан не сильно отстали к тому моменту, как старец объявил привал почти на самом дне ущелья. Недалеко журчал горный ручей, а коренастое, закрученное ветрами деревце давало немного тени. С трудом наклонившись над водой, я умыла лицо и намочила бандану. Болело все... «А не пора ли тебе, матушка, на пенсию?» — мрачно поинтересовалась я сама у себя, чувствуя, как гудят и наливаются свинцом ноги. «Ну, уж нет! — ехидно ответила другая часть сознания. — Просто кому-то нужно меньше есть и больше ходить». Опершись на скальный выступ, я дала телу отдых, решив не садиться. Если не смогу встать — будет совсем позорно.

Пастухи тоже умылись и напились. Старик-проводник забурчал, доставая из котомки какую-то снедь. Марат отозвался и подошел. Раньше я не подозревала, что юноша свободно говорит и на местном наречии. Родом он был из Джатти, одного из немногих оплотов цивилизации Абустана и, разумеется, говорил на абу. За пятнадцать экспедиционных сезонов даже я немного выучила его, но горцы говорили совсем на другом языке. В нем было гораздо больше носовых согласных, и длина гласных тоже явно имела значение. Слушая короткие отрывистые фразы моих спутников, я не смогла даже выделить общих с абу корней.

Когда молодой человек подошел ко мне, чтобы вручить кусок светло-коричневой, похожей на колбасу снеди, я воспользовалась случаем прояснить ситуацию.

— Простите, Марат, к своему стыду, мне не удалось определить, к какому языку принадлежит тот, на котором общаются ваши родственники. Расскажите? — я неловко улыбнулась, рассматривая протянутый мне кусок.

— Попробуйте, это вкусно, — улыбнулся парень, — Называется н'мбаат. Его делают из сушеных фруктов и пряных трав. А про нашу речь я подробно вам расскажу потом, хорошо? Племена, говорившие на абу, переселились на эти земли не ранее первого тысячелетия нашей эры. Мои же предки жили здесь задолго до этого.

Я кивнула, принимая ситуацию. Говорить на профессиональные темы можно часами, но наши проводники уже начинали подниматься со своих свернутых накидок, готовые продолжать поход.

Еще раз внимательно осмотрев еду, я рискнула откусить уголок. Отсутствием аппетита или разборчивостью Юленька никогда не страдала, но сейчас усталость забивала все, и есть не хотелось абсолютно. Посопротивлявшись для порядка, снедь поддалась моим усилиям, и пряный яркий вкус наполнил рот, выводя организм из оцепенения и наполняя энергией. Сладкая, но не приторная на вкус плитка по консистенции напоминала хорошо высушенную

чурчхеллу, и ее нужно было довольно долго жевать. Пряности же пробуждали не хуже крепкой чашки кофе или ягод лимонника. Отгрызя еще немного, я гораздо веселее зашагала вперед.

Каменные ворота предстали перед нами внезапно. Открывшийся из-за скального уступа вид завораживал. По дну узкой долины со светлыми известняковыми стенами бежал широкий и быстрый пенящийся поток, пробивая себе путь среди россыпи гигантских валунов, почти перегородивших долину. Стены ущелья были высоки и отвесны, образуя узкий естественный коридор, слегка расширявшийся в конце. Там открывался фантастический вид на одну из высочайших вершин этой гряды — пик Солоницкого. Покрытая снегами гора ослепительно белела на фоне голубого неба, а над ней медленно взбиралось на небосвод солнце. На востоке, на фоне величественных гор, отчетливо виднелась пара светлых столбов.

— Иират! — восхищенно выдохнула я.

— Мои предки называли эту скалу Эррат, — словно подтверждая мою догадку, пояснил Амахсан. — Через эту долину проходят души всех людей, что рождаются и умирают здесь. Это Врата рассвета и заката. Моя бабка говорила, что в древние времена здесь стоял величественный храм и через долину непрерывно шли торговые караваны, но это было очень-очень давно.

— Дядя Амах, а те надписи, про которые ты говорил, здесь? — спросил Марат, не отводя восторженных глаз от долины.

— Здесь, любопытное дитя, здесь, — пастух протянул свою жилистую руку, указывая на столбы. — Там много надписей, но прочитать их никто не может. Старики говорят — это наказание нашему народу за то, что разделили двух птиц. Боги лишили нас мудрости и забрали земли.

— Давайте спустимся и посмотрим! — от нетерпения у меня прошла вся усталость.

Даже вид довольно обрывистого обрыва уже совершенно не пугал. Наш старый проводник захихикал и жестом показал, что нужно идти осторожнее. Один за другим, соблюдая безопасное расстояние, мы начали спуск.

На дне ущелья царил холод. Ветер, влетающий с одного конца этой естественной трубы, дул сильно и постоянно. Зябко поежившись после жарких лучей солнца, мы молча натянули шерстяные накидки. Пробираясь меж валунов, я тщетно искала в их очертаниях хоть что-то рукотворное. Огромные, покрытые мхом трещиноватые бока известняковых глыб были явно созданы природой. Они дышали мертвенным холодом, напоминая своей россыпью лабиринт, через который, пенясь и журча, пробивался горный поток. Видимо, обрушение произошло много лет назад: все стены были одинаково серыми и выветренными. Сложно было представить, что в столь негостеприимном месте могла проходить древняя дорога.

Я оглянулась назад и не нашла даже следа той узкой обрывистой тропки, по которой мы спустились всего несколько минут назад. Словно созданная руками великана, крутая каменистая насыпь высотой в половину ущелья перегораживала западный конец. А за ней между отвесных скал снова синело небо. «Интересно, если бы камни убрать, что бы можно было увидеть?» — подумалось мне, и, перебравшись через очередную россыпь валунов, я дала себе слово, что обязательно выясню это на обратном пути.

Наконец мы достигли каменных столбов, сложенных из многотонных известняковых блоков. Их поверхность, некогда покрытая узорами и надписями, была почти наглядно

отшлифована ветрами с западной стороны. Проступающие издалека узоры вблизи оказались неглубокими кавернами, и мое сердце почти остановилось. Не отрывая руки от желтоватого бока колонны, я поспешила обогнуть ее. В груди все сжималось от плохих предчувствий, но волнения были напрасны. Позолоченные теплыми лучами восходящего солнца бока обеих колонн были испещрены напоминающим клинопись карешским письмом. Поля текста разделял узорный орнамент со вплетенными в него охранными магическими символами. И этой радости для глаз имелось два столба метров пятнадцати в высоту и пяти в ширину. За моей спиной, пораженные не меньше моего, замерли аспиранты.

— Юлия Владимировна, — тихо протянул осипшим от волнения голосом Пьетро, — здесь хватит не только на вашу докторскую, но и на наши. Это же настоящее сокровище!

Жадно вчитываясь в тексты, я с ужасом поняла, что не знаю и половины слов. Тут действительно работы хватит не на один сезон.

— Уважаемый Амахсан-ба, можно ли нам остаться здесь хоть еще на один день? — тихо спросила я, осознавая, что из-за святости этого места ответ вполне может быть отрицательным. Старики зашептались.

— Мирса-ба увидел в твоих глазах радость и разрешает вам остаться, — мягко ответил пастух. — Но он хочет знать, умеешь ли ты читать эти знаки?

— Ох, почтенный Амахсан-ба, — копируя обращение дядюшки, отозвалась я, — обо всех надписях я сейчас не могу сказать, но часть из них повествует о давно исчезнувшем Карешском царстве и прославляет имя поставившего эти ворота царя Марш-Анмаха, остальные титулы не так просто разобрать. Мне понадобятся годы, чтобы прочесть даже оставшиеся строки.

Я повернулась к проводникам. Старший из них смотрел на меня очень удивленно и пристально.

— Амаарш-ан-маах ишана ибу усул н'гаартал иррет манил, — сорвалось с его скрытых бородой губ, как тихий шелест.

— Ну, может и так, — согласилась я, — огласовку очень трудно правильно установить, имея только текст.

Так и началась наша известность. Пробыв в долине около недели, мы запечатлели почти все надписи. Пораженный моими знаниями, Мирса-ба позволил сделать несколько фотоснимков колонн, что значительно помогло в расшифровке. На наветренной стороне текст был на более изученном хоннитском, но большую часть написанного восстановить нам так и не удалось.

Спустя почти год с момента расшифровки надписей, получив солидный международный грант я, при всяческой поддержке шефа, организовала экспедицию по поискам столицы Карешского царства — Ассубы. Именно отсюда и начинается моя история.

Глава 2. Я блондинка

Бытие начальника экспедиции не мед с маслом, а сало в шоколаде, как любит выражаться мой шеф, академик Валериан Петрович Цик. Постоянные переговоры, заключение договоров, разъезды не давали мне заниматься любимой работой, и если бы не верные ученики — я бы, возможно, сошла с ума. Именно благодаря моим «мальчикам» у меня хоть иногда появлялось время посидеть в камеральной или на раскопе.

В жаркие июльские дни работа продвигалась совсем уж тяжело. В раскопах попадались редкие мелкие черепки, обломки некрупных костей, иногда — бронзовые вещицы. Было очевидно, что люди здесь обитали давно, но никакого намека на город или некрополь! Судя по характеру отложений, мы копали бывшее речное русло. Поток, от которого ныне остались только многометровые слои окатанной гальки и ила, много тысяч лет питал земли этой долины, делая их плодородными и пригодными для житья. Сейчас высохшее русло было погребено под толстым слоем песка и пыли. Следуя по нему, мы искали остатки поселений. Только однажды удача улыбнулась нам, обнадежив и придав сил. Ковыряясь в комках, бывших когда-то речной глиной, Пьетро наткнулся на драгоценный артефакт — маленькую, всю переломанную и покореженную золотую подвеску-серьгу с редким для этих мест и того времени зеленовато-голубым бериллом.

Заперев драгоценность в сейф, я размечала новые квадраты, но ничего ценного найти не получалось. Целыми днями, медитируя над точной топографической картой местности, решала, где еще за этот полевой сезон успеем заложить раскоп. Иногда доставала уже очищенную подвеску и, положив ее на серо-коричневую поверхность, любовалась, как бирюзовый камень преломляет лучи жгучего солнца, рождая на поверхности стола прозрачные «водоемы». Но столицы все не было.

Видя отчаяние и усталость в моих глазах, Марат предложил развеяться, доехать до гор и осмотреть какую-то местную достопримечательность, о которой ему рассказал один из нанятых нами местных рабочих. Низкорослый, но крепкий чернявый мужичок с маленькими хитрыми глазками согласился нас проводить, если мы сохраним ему плату за день и добавим еще, если нам понравится. И вот уже прохлада пещерных сводов ласково обнимала наши уставшие от дневного жара тела. Кайлуз на абском рассказывал нам о том, что это место почитается в его деревне как место силы. Духи, обитающие в озере, которое находится на нижних уровнях, даруют успех и излечение от многих болезней. Аналогичную ерунду вы можете услышать о каждой второй пещере в любой стране мира, и я слушала болтовню нашего проводника краем уха. Своды у самого входа в пещеру покрывал толстый слой копти, а земляной пол был сухим и плотным. Чуть дальше на стенах начинались не совсем ясные рисунки, очень похожие на пещерные росписи каменного века. «Надо бы сюда антропологов выписать, — подумалось мне. — Лешке Вержбицкому непременно позвоню, как вернемся».

Наш проводник не стал задерживаться на верхнем ярусе пещеры, змеей скользнув в одну из узких щелей. Следом за ним в отверстии исчез широкоплечий Марат.

— Здесь шкуродер*, но не слишком узкий! — крикнул он нам с Пьетро. — Юлия Владимировна, стоит рискнуть, тут очень красиво.

Лучше бы он меня не соблазнял! Но ребята за четыре года нашего знакомства, а пришли

они еще дипломниками, хорошо знали, что при всей своей кажущейся солидности их шеф падок на подобные авантюры. Отринув минутные сомнения, я втиснулась в ход. Он был и правда довольно широк, но ползти приходилось на спине ногами вперед. И вот где-то на середине пути мне вспомнился злосчастный Винни-Пух**, а на душе сделалось тоскливо. Ужас клаустрофобии начал подниматься из глубин сознания, но я стиснула зубы и продолжила движение. К облегчению, буквально через мгновение сильные руки аспиранта схватили мои лодыжки.

— Вы там как — сами или вытянуть? — осведомился он.

— Марат, я очень ценю вашу помощь, но просто помогите мне нащупать пол, — попросила я, боясь даже представить, как моя перепачканная в глине тушка с комичным «чпоком» вываливается из дыры. Выползать пришлось как можно более непринужденно, не теряя достоинства. Пока я отряхивалась, пытаюсь оттереть комья липкой грязи со штанов, из щели вытянули Пьетро.

Нижний ярус был очень темным холодным и сырым, в воздухе висел тонкий «химический» аромат солей, а его движения совсем не ощущалось. Узкие проходы между стенами, покрытые искрящейся коркой кристаллов, вдруг сменялись небольшими залами. С высоких сводов навстречу сталагмитам тянулись сталактиты. Наши мощные фонари здесь едва добивали до сводов. Лишь иногда бархатную темноту лабиринта нарушали узкие колодезные окна. Под их слабым светом на полу разрасталась тонкая корка зеленой жизни. На потолках таких комнат возились летучие мыши, наполняя зал мистическим шорохом и ни с чем не сравнимым ароматом гуано.

Здесь явно бывали не мы одни. Поверхности узких уступов были заглажены прикосновением множества рук, на стенах иногда встречались отпечатки чьих-то грязных ладоней.

— Много тысяч лет сюда ходят люди поговорить с духами, — важно пояснил проводник. — Мой прапрадед был здесь колдуном тоже! — явно гордясь своим предком, добавил он. — Он показал эту пещеру своему сыну, а он — своему. Путь к озеру знают не все, вам там понравится. Это очень сильное место!

Он улыбнулся, показав мелкие, немного кривые зубы.

— Нам УЖЕ здесь нравится, — ответила ему я, любуясь мириадами сверкающих капелек на стенах узкого, но чрезвычайно высокого коридора. — Но далеко ли нам еще?

— Ближе, — отозвался проводник, прицокнув языком от предвкушения. — Вам там еще больше понравится!

Явно гордый собой он направился дальше по лабиринту ходов, освещая себе дорогу одним из экспедиционных фонарей, который уже успел выпросить в награду.

Шкуродер на следующий уровень был гораздо уже, но, хвала богам, короче. Испугаться я не успела. Гораздо менее приятным оказался подъем вверх. Скользкие, мокрые камни все время норовили выскользнуть из-под ботинка, но старания были не напрасны.

С узкого, полного мокрой глины карниза нам открывался потрясающий вид на огромный зал, заполненный водой. Здесь лучи фонарей уже не доставали до противоположной стены и свода. Тишина, пронизанная нестройным звоном падающих с потолка капель, оглушала. Из бархата темноты то тут, то там выступали огромные колонны, похожие на стволы окаменевшего леса, выраставшие из черной поверхности озера. В метре от нас, ниже по склону, лежало упавшее в воду «бревно» одного из таких каменных деревьев.

— Это место силы моего народа, — тихо произнес наш проводник. — Нужно пройти по

нему до конца и загадать желание. Но никому о нем говорить нельзя!

— А нам можно это сделать или только избранным? — спросил Пьетро, вглядываясь в темные воды.

— Можно всем, но с желанием нужно быть осторожнее, — усмехнулся Кайлуз, его глаза нездорово блеснули лучах фонарей.

— Ну, это везде так, — вздохнул аспирант, и, перебравшись по узенькому карнизу, первым из нас вступил на «тропу желаний».

— Главное, будьте осторожны! — вырвалось у меня. Иногда я начинала напоминать наездку с цыплятами. «Это все от того, что в твои годы самая пора воспитывать детей!» — пронеслось в голове.

— Тут совсем мелко, — комментировал свое продвижение Пьетро, светя фонариком под ноги. — Ого, даже рыбки какие-то плавают!

«Наверное, и Белинскому позвонить стоит или еще кому из биологов», — подумалось мне. Мысли текли вяло и холодно. Музыка капель зачаровывала, мешая думать логично. Наверное, именно поэтому следующей на поваленный сталактит ступила я. Мальчишки на карнизе притихли, лишь фонари лениво прорезали темноту. С «бревна» звуки падающих капель стали слышны отчетливее. Казалось, они сливаются в какую-то дикую природную музыку и сердце начинает стучать ей в такт. Зеркало воды отражало мою фигуру на темной глади, вздрагивая, когда крупная капля с потолка достигала поверхности. Неожиданно в сминающемся отражении мне привиделось голубое небо, но уже в следующий миг темная поверхность выравнялась, и отражение потонуло в черноте свода. Когда до самой кромки воды оставалось шага два, в воздухе почудился аромат цветов и дождя, такой неуловимый и одновременно вполне узнаваемый.

Что же мне загадать?

Ответ всплыл в следующий же миг.

— Я хочу найти Ассубу*** и понять причины ее исчезновения! — еле слышно шепнула я темноте, и в тот же миг нога заскользила по каменной поверхности. Неуклюже взмахнув руками, я лицом вперед рухнула в холодные объятия подземного озера. Острая боль во лбу ослепила, мгновенно лишая сознания.

Ветер играл изумрудным ковром свежих трав на холмах, уже начинающих окрашиваться в золотой и розовый от распускающихся цветов. Весна ласковой волной пробуждала долину от сна. Глядя с высоты храмовых стен на людскую суету, можно было представить себя птицей, раскинуть руки и заскользить в шелковых потоках ветра над зеленеющими холмами, еще коричневыми полями. Подняться в голубую высь, где в объятиях облаков блестит драгоценным убранством Обитель Неба, откуда взирает на детей своих Великая Мать**. Как бы хотелось оказаться в тех чертогах, украшенных тысячами небесных камней, что так призывно сверкают в лучах света. Наверное, они в сотни раз больше, чем те, что на шестнадцатилетие преподнес ей отец, и уж точно ценнее.

Но где же они? Где эти низкие обманщики-ювелиры??? Вот уже почти четыре луны о них ничего не известно! Может быть, эти псы уже перепродали те лазурные, как небесные воды камни!

О! Если бы на ее челе уже покоились их волшебные кристаллы, то Всеблагая несомненно показала бы ей красоты своих чертогов! Успеют ли доделать хоть до праздника? Может, сказать об этом отцу еще раз? Невозможно же так медлить!

А над северо-восточным краем долины, за могучими спинами сопок, небо уже клубилось темной чернотой непогоды. Ветер сделался менее ласковым и уже не играл в волосах, а налетал порывами, словно стараясь скинуть со стены. Пришлось взяться за белый, теплый от дневного света край стены и пачкать руки. Тяжелые небесные кони загрохотали копытами в дали, неся бурю. Если пристально всматриваться, то можно заметить, как взблескивают доспехи их всадников... А над городом все еще безмятежно синее небо, воздух пахнет цветами и пылью. Можно прямо сейчас сбежать вниз, где уже ждет стол, накрытый для дневного отдыха. Там прохлада домашних стен и зелень сада. Дом...

Только бы брат скорей возвращался! Вот-вот его отряд покажется вдали, вынырнет из тени и запылит по дороге. Могучие воины будут смеяться, бряцать оружием, возвещая о своем прибытии. А к воротам сбежится целая толпа встречающих. Тогда она, несомненно, спустится, да, спустится и даже велит нарвать цветов. Спустится самой первой... Как это было бы славно, чтобы он прямо сейчас приехал! Сейчас, пока ласковые лучи солнца еще заливают цветущие улицы города. Ах, как она хороша была бы, выбежав навстречу, украшенная только цветами! Он бы обнял ее своими огромными могучими руками, пропахший потом, пыльный и радостный. И на этот раз она бы не отстранилась, все-все бы стерпела! Да, нужно стерпеть, тогда брат будет доволен и, несомненно, подарит ей чего-нибудь. Ведь у кочевников так много разных товаров! Было приятно думать о том, как из огромной кучи сверкающих драгоценностей Тишрин собственной рукой выбирает для нее самые красивые золотые браслеты с маленькими серебряными бубенчиками. И пусть они будут украшены теми самыми медовыми камнями, о которых рассказывал ей отец, чей цвет словно бы впитал все тепло летних вечеров. Тогда она без сомнений будет самой красивой во всех землях и все, и сестры и царица признают это! А вот если бы те камни еще и грели бы, словно лучи солнышка. Хорошо еще и серьги вдобавок или заколку, и, конечно, пояс из самых дорогих и мягких кож с перламутровыми подвесками или даже лунными камнями...

Но отряда все не видно, а клубящаяся непогода уже заволакивает низкими тучами вершины холмов и уже наползает на края горных вершин, все отчетливее видны всполохи, все темнее и зловещее горизонт. А над долиной все еще царит свет, и птицы лениво порхают меж ветвей дворцового сада, беспечные как всегда. Кажется, что непогода не посмеет переступить границу сиих чертогов, нарушив белизну высоких храмовых стен, никакой дождь не посмеет коснуться цветной плитки дворцовых садов. Здесь всегда должна царить весна.

Можно бы спуститься в покои, но ноги сами влекут в прохладный темный зев храма Иинат. Небесная Мать, береги его в пути! Теплый красный жар углей жадно принимает подношение из сухих трав, и плотный дым начинает клубиться, а в нем все скачут и скачут кони... Их глаза пышут злым огнем, копыта выбивают из земли алые брызги, алые, словно человеческая кровь. Плотные флаги грив развиваются под напором ветра, не дают увидеть, что же за ними.

Песня рождается из ее уст как будто сама. Сперва робким, едва слышным ручейком она струится под огромные своды храма, растворяясь в их тишине, но даруя надежду. Потом в нее начинают вплетаться голоса других жриц, и вот уже мощный поток взбирается в небо, такой не может не достичь стен Небесной Обители! В темноте, озаряемой лишь красными всполохами языков пламени, шуршат одежды, отбивают четкий ритм десятков босых ступней, хрипло звякают бубенцы ножных браслетов... И где-то в небесной глубине, казалось, в такт им отвечают волшебные бубенчики. Только бы все было хорошо, только бы к ним были

добры Боги холмов и равнин, отведи, Всесильная Иинат, от них беды, подари сил!

Но отряд не вернулся, ни тогда, ни на следующий день... Напрасно ветер, словно утешая, гладил одинокую фигурку, взбирающуюся на рассвете и закате на пологую крышу святилища.

Даже убор из сине-зеленых, прозрачных, как вода в горной реке, бериллов не принес утешения. Работа была достойной, отец не зря заплатил так много чужеземным мастерам. По белой, сделанной из мягкой кожи, подложке-шапочке струили свои извитые стебли диковинные золотые побеги, свиваясь в ажурный обруч. Подвески в виде нежных золотистых цветов со сверкающими серединками из бериллов тяжело покачивались, обрамляя лицо. Сотня легких серебряных колечек, сердоликовых и лазуритовых бусин, свисающих с ветвей и листьев, сладко пели при каждом шаге. Камни в уборе словно светились сами и так оттеняли глаза, что невозможно было оторвать взгляд. Видел бы это не только отец, но и брат!!! Сиятельная супруга родителя должно быть просто исходила от гнева, ей достался богатый золотой убор с редчайшими огненно-красными камнями, но того чарующего легкого волшебства в нем не было.

Облачившись в самые тонкие одежды и дивный убор, снова в храм, молить о скорейшем возвращении брата Всеблагую! Может, теперь она услышит? Ноги болят, руки устали, но надо продолжать, как иначе? Жертвенный алтарь не должен остыть!

Уже в сумерках у дальней горы дозорные заметили огонь и отец сам повел людей в ночную темень, храбро — презрев опасность... Отряд вернулся, закружились, захрапели кони у ворот, но все вокруг померкло. Нет среди воинов больше того, кого так ждало сердце. И не стало больше ни солнечных лучей, ни разноцветных холмов, не поют больше птицы и вода не утоляет жажду. Не будет больше драгоценных даров и богатых материй, нет больше света — Великая Мать не слышит мой голос... Все тщетно.

Как в тумане иногда возникают вдруг голоса, они ждут меня, манят, аукают на границе сна и яви. Под ногами вдруг четко ощущается мокрый холод гладких дворовых камней. Они тоже зовут меня, и я иду на этот зов...

Юлия Владимировна.

Боль была первым чувством, которое вывело меня из небытия. Голова просто раскаливалась. Пересиливая это, я прислушалась к ощущениям. Саднило локоть правой руки и правое колено. Остальные части тела хоть и не столь явственно проявляли себя, но были ощутимы. Какой-то яркий шуршащий звук достиг ушей и, оторвав от самосозерцания, вернул во внешний мир.

Вокруг было ощутимо теплее, чем в пещере, воздух навязчиво и отчетливо пах цветами и еще чем-то неуловимо знакомым, напоминавшем о религиозных богослужениях и одновременно о пыльных улицах южных городов. Невдалеке снова завозились, там явно кто-то перешептывался.

«Больница, — подумалось мне. — А нечего было лезть на рожон! Догулялась, мать, лежи теперь в заштатной абустанской клинике и считай ворон». Попытка открыть глаза вызвала новую волну боли, и жалкий, скулящий стон сорвался с губ. Рядом тут же засуетились, что-то гроыхнуло, жалобно звякнуло, а надо мной нависли размытые силуэты. Я напрягла зрение, и картинка стала заметно четче. У постели стояли трое: пожилой бородатый мужчина в темном балахонистом халате не первой свежести, и две женщины в столь же неболичных одеждах, но с такими полными сочувствия лицами, что мне

неудержимо захотелось плакать. Слезы услужливо набежали на глаза, затуманивая взор.

— Сиятельная царевна очнулась, радость-то какая! — закудаhtала с восторгом дама постарше, с седыми, убранными под цветной полосатый платок волосами. Реветь захотелось просто невыносимо, и слезы хлынули неостановимым потоком. «Дожили, воешь как дура даже без повода, точно головой ушиблась!» — ехидно подвел итоги голос разума из глубины подсознания, но от этого истерика лишь набрала ход. В последний раз я рыдала так самозабвенно разве что в раннем детстве, сломав в песочнице любимую лопатку.

— Свет дней наших, сиятельная, осушите свои глаза! Будьте послушной, примите вот это, — закудаhtала и вторая женщина, аккуратно промокая потоки моих слез тончайшим платочком. Седой же старикашка во всем этом балагане активного участия не принимал, только пялился, мелко кивая своей лохматой головой, нехорошо щурился, да теребил нервными тонкими костлявыми пальцами амулет на шее. Вид у него был самый гнусный и ничего кроме омерзения не вызывал.

Меж тем теплая рука молодой женщины осторожно приподняла мне голову и холодная сладковатая жидкость, остро пахнувшая какими-то пряными травами, коснулась губ. Тело отреагировало само. Левая рука взметнулась, с силой выбивая плоску из рук благодетельницы.

— Не желаю! Прочь! — пискляво крикнула я и, потеряв остатки сил, повалилась на подушки. Тяжело дыша, я судорожно соображала, почему настолько слаба. Может быть, долго лежала без сознания?

Молодая дама коротко вскрикнула, отшатнулась, но мгновенно собралась и, подхватив сосуд, не позволила ему упасть на каменный пол. Остатки зелья темными пятнами залили ее серые одежды. «Как же ловко Шанхаат это делает, а кажется такой недотепой!» — машинально прокомментировала я, как будто подобное происходило регулярно. И тут же задалась вопросом: «Откуда мне известно, ее имя? Кто она?» Сознание услужливо подсказало: «Личная служанка». Переведя взгляд на вторую женщину, я определила: «Иба — моя кормилица». Нет, это все уже не напоминало больницу, а больше походило на дурдом! Форменное помешательство с раздвоением сознания, а такое не лечится.

Имени старика я не знала, но догадывалась, что он врач, лекарь, нет, скорее жрец-целитель. Слова в голове путались, их смысл почему-то теперь с трудом налезал на форму, словно шерстяной свитер, севший от стирки. Мысли же пытались играть друг с другом в догонялки, как дикие лошади: то разделяясь на два потока, то сливаясь в какую-то бешеную лавину. А меж тем этот местный эскулап о-очень внимательно рассматривал меня, как будто в чем-то подозревая. От такого взгляда сделалось бы не по себе даже бывалой кобре. Голову стиснул сильнейший болевой спазм, и на глаза опять накатились слезы. Собрав последние силы, я прохрипела:

— Дайте мне уже что-нибудь от боли! — голос опять получился тонким и плаксивым, а Шанхаат снова всплеснула руками.

— Сиятельная госпожа только что разлила все лекарство, что приготовил мудрейший Айш-Ибет, и я не знаю, что теперь облегчит боль! — она умоляюще посмотрела в сторону старика, будто бы прося сделать еще чудодейственного сиропа. От одной мысли об этом меня передернуло. Что-то в сладком запахе этих трав отзывалось в моей голове страшной болью, смешенной с отвращением.

— Прогоните его! — морщась, выдавила я, не в силах сопротивляться истеричным порывам своего организма. В другой ситуации я бы никогда не позволила бы себе такого

хамства.

Старая Иба, исполняя мою прихоть, тотчас же не слишком почтительно замахала на лекаря руками.

— Уходите, знающий, да хранит вас Иинат, уходите! Сиятельной госпоже слишком плохо, но нет облегчения от ваших стараний! — она очень быстро и невежливо вытолкала слегка упирающегося старикана из комнаты.

— Ух, у самой все время мурашки от его взгляда! Как зыркнет — обмираю вся, — пожилая женщина возвела очи горе. А потом, обращаясь к той, что помоложе, добавила: — Я, пожалуй, позову мудрую Каи из старого храма. В женских хворях кто лучше разбирается? Хоть характер у нее не медовый, но уж, не откажет! Тем более, что матушка госпожи нашей была у нее в любимицах! И не нужно нам больше никаких этих зелий премудрых. Совсем мудрейший сиятельное дитя своими питьями измучил! А ведь разве может мужчина женское понять?

Еще пару минут повздыхав и поохав надо мной, как над покойницей, кормилица, тяжело раскачиваясь при каждом шаге, словно фрегат на волнах, удалилась, а Шанхаат, положив мне на лоб мокрую тряпицу, принялась махать плетеным веером. От этого стало действительно лучше, и я, закрыв глаза, начала разбираться в собственных мыслях.

Первое: откуда я знаю, кто они и как их зовут? Моя «кормилица» выглядит всего лет на десять старше меня, а может разница и того меньше, так как южные женщины раньше стареют. А прислужница Шанхаат? Ее одежды явно из домотканого небеленого шерстяного полотна, да еще и сшиты вручную! Это же не реконструкторский клуб? И на отельную горничную или медсестру она совершенно не похожа.

Второе: почему, когда я хотела попросить анальгина, у меня получилось про то, что от боли? Мое тело просто не понимало меня! Фразы получались странными и непривычными. Слова было очень трудно подбирать. Слово я пыталась впихнуть в них невпихуемое, натянув сову на глобус! Думаешь одно, а с языка слетает совершенно другое.

И третье — непривычная слабость во всем теле. Раньше приковать меня к постели не могла даже высокая температура, а сейчас шевельнуться не могу!

Я попыталась поднести левую руку к глазам и рассмотреть ее. Тощая синюшная конечность с бледной тонкой кожей и длинными худосочными пальчиками предстала перед взором. Где мой бронзовый загар, где мускулатура, наконец? Сколько времени нужно проваляться в отключке, чтобы так исхудать? Или это шутка? Я пошевелила рукой, чтобы еще раз убедиться, что она действительно моя. Тонкие пальцы с аккуратными, ровненькими ноготочками точно исполнили все движения. Всмотревшись повнимательней, я не обнаружила на второй фаланге указательного пальца рубца от старого ожога, стало жутко — рука не моя! Комок паники подкатил к самому горлу. Я зажмурилась и как можно тверже приказала себе: «Спокойно! Даже если это трансплантат или протез, то она все равно работает!» Но на душе не полегчало.

В комнату вошли, и я открыла глаза. Вернулась Иба, а вместе с ней высокая и жилистая старуха. На вид ей было глубоко за семьдесят или больше, загорелую кожу лица прорезали острые пергаментные складки морщин, собираясь вокруг глаз, губ и шеи. Я никогда ранее не видела этой женщины. Темный балахон складками висел на худощавом теле, а голову и плечи укутывало широкое светлое полотнище, прихваченное тонкой кожаной лентой на лбу. Чем-то она напоминала католическую монахиню. На шее болталась подвеска: несколько крупных стеклянных бусин на грубой нитке и грубо сработанный медный кулон, в виде коня.

И вот его я узнала! Такую же подвеску мы извлекли из раскопа примерно неделю назад. Я лично чистила его. Вон, тот же дефект литья на задней ноге!

Холодные иголки мурашек пробежали по затылку, выводя из замешательства. Взгляд гостя заскользил по мне, исследуя. Глаза женщины были прекрасными, холодными и пугающими одновременно. Светло-голубые, почти белые, они словно пытались рассмотреть мою душу. Налюбовавшись, старуха одобрительно кивнула, жестом приказала снять со лба больной полотенце. Шанхаат не посмела послушаться.

Целительница, а это была она, порылась в своей сумке и извлекла оттуда горшочек, заткнутый тряпичной пробкой.

— Вот, наноси на края по три раза, только не мажь красную кожу! А вот это, — она извлекла полотняный сверток, — завари в трех ри** воды и давай пить после еды. Не менее плоски на восходе и закате луны. Знаешь хоть как считать-то?

Иба уверенно кивнула, забирая лекарства и пряча их в складках одежды.

— Да смотри, оно горькое, но пить нужно! — старуха строго посмотрела на меня своими пронзительными глазами. — И не смей отказываться, госпожа! — строго произнесла она тоже явно в мой адрес. В облике этой женщины: в сухих жестких губах, сжатых в упрямую нить, во взгляде строгих колючих глаз, было нечто особенное, заставлявшее повиноваться.

— Ох, так уж сиятельная мучается, так страдает! — запричитала где-то Шанхаат. — Спаси ее, знающая, помоги нам! Наш владыка щедро наградит тебя за старания!

Я закатила глаза. Устроили тут цирк! Мне обязательно нужно немедленно увидеть и оценить, что же за страсть со мной приключилась! Собравшись с духом, я произнесла: «Покажите, что со мной!»

Иба нахмурилась и сокрушенно закачала головой, а прислужница тихо ахнула. Престарелая лекарка же ничуть не смутилась. Она пожевала тонкими губами, покачала седой головой и снова смерила меня своим ледяным взглядом.

— Дурного в том не вижу, сразу поймет царевна, почему нужно лечиться, — сухо заключила она. — Совсем извели девку, одной ногой в нижнем мире стоит!

Добрые женщины извлекли меня из-под груды покрывал и каких-то шкур, и практически отнесли к тяжелому резному деревянному столу, на котором стояло зеркало, ну почти...

В отполированном до блеска медном кругляше размером с небольшой щит отразились трое. Две уже знакомые мне женщины, на плечах которых висела измученного вида молоденькая худосочная девочка лет пятнадцати-шестнадцати с длинными растрепанными светлыми волосами и шикарным лиловым синяком посреди лба. Меня там не было! Я истошно закричала, и мир снова милосердно померк.

Примечания

Глава 3. Сон про не сон

Юолимпмин-даша

Все вокруг звало за собой, шумело, отдаваясь сотней бубенцов на окраине сознания. Ноги пришли в движение и, словно в ритуальном танце, понесли по невидимой дорожке из мокрых камней. Сначала они лишь холодили ступни, а потом сделались вдруг обжигающе горячими. Устоять на месте не было ни шанса, но ноги уверенно знали узор танца.

Вокруг в туманном мареве проплывали деревья, изумленные люди, явно пытавшиеся остановить этот внезапный порыв, но звенящая нить волшебной мелодии звала, вела, тянула, не позволяя замедлить темп. Словно блистательная Иинат, овладев новым телом, заново создавала мир, презрев сотни темных созданий, тянувшихся к ее свету.

Шаг, еще шаг, прыжок. Ноги легко вносят невесомое тело, приземляя его на скользкий край канала. Поворот, холодный, немного затхлый воздух врывается в ноздри. «Я птица, я ветер!» — тело, уворачиваясь от тянущихся рук, уходит в полет. Темные воды принимают его, обволакивая ледяным коконом, и погружают в милосердное забвение.

Сознание возвращалось с трудом, рывками. Тело бессильно, бесполезно, словно пустая кожа. Нет более ни божественного ощущения легкости, ни чудесного перезвона. Есть лишь грязная тупая боль, сначала заставившая сделать первый вдох, а потом расколовшая сознание. Постоянно чувствовались чьи-то прикосновения, какая-то тряска и мельтешение света. Станный, влажный холодный воздух вызывал в голове только одно слово — смерть.

Наконец, решившись приоткрыть глаза, она настолько аккуратно сделала это, что никто из окружающих не заметил, за что мысленно тут же похвалила саму себя. А потом еще раз, и едва удержалась от вскрика. Увиденное больше всего напоминало гробницу, но она явно была жива и это радовало.

В полутьме над ней метались лица, о чем-то спрашивая, то ли ее, то ли себя. Резкий свет бил в глаза, мешая разглядеть подробности. Ее явно спасали из этого гадкого места. «Какие красивые мужчины!» — отметила она с некоторым удовольствием, пообещав, что как только прояснит все подробности, то отблагодарит их со всей щедростью. Улыбка сама заиграла на губах, вызвав облегченные возгласы со стороны спасителей. Но больше ничем им помочь было не возможно. Тело окоченело и болело, не способное действовать самостоятельно. «Двигайтесь быстрее, я же совсем замерзла!» — мысленно прикрикнула она на них. Может это снова тот странный сон? Он снился ей уже несколько раз подряд. В нем она бродила по пустынной местности и видела пугающие создания и странных людей, рывших песок. Но при любой попытке поговорить с ними или дотронуться, те исчезали, словно отражение на глади воды. Да, но тогда ничем не пахло, и было очень жарко. Может быть это другой сон?

Девушка позволила заботливым рукам укутать себя в таинственно шуршащую теплоту и вынести из пучин мрака на поверхность. Здесь, озаренные золотистым сиянием странно одетые люди снова принялись рассуждать о ней. Смысл слов ей был понятен, но звучали они непривычно. Царевну поначалу это очень забавляло. Потом все прискучило, и она, открыв глаза, гортанным криком заявив о своем присутствии в этом мире. На этот раз фигуры не пропали.

Юлия Владимировна

Наверное, только приключенцам из эпической фэнтези или юным девам-мечтательницам хочется попасть в новую неизведанную реальность, где их на правах главных героев ждут захватывающие приключения и страшные опасности, пережить которые им помогает воля автора. В действительности, в первые дни мне было очень страшно.

Все кругом казалось бредовым сном, но проснуться я не могла. Я уже щипала себя по пять раз на дню и колола, но проклятая реальность все равно оставалась прежней! Мой зрелый разум отказывался принимать тот мир, что меня окружал — конец третьего тысячелетия до нашей эры, явно бронзовый век. Сам по себе этот факт мог бы меня и обрадовать, если бы фантастические путешествия в машине времени вдруг стали возможны. Но неведомая сила заключила меня в тщедушное тельце шестнадцатилетней старшей царевны Юилиммин-даши, дочери сиятельного и могучего Маарш-а-Н'мах-Ишана, владыки всех плодородных земель и городов долины реки Иреш, всех его притоков и гор со столицей в столь желанной мною Ассубе.

Казалось бы, чего же я так страдаю? Сбросила с плеч более двадцати лет, молода, красива и блондинка... А в том и беда, что вокруг все с бронзовым загаром щеголяют и никого светлее шатена не найти! Царевшна же, к здешнему климату неприспособленная — суцая «белая ворона» и малохольная, гляди — помрет, при здешнем то уровне медицины. Да и социальный статус женщины в это время, скорее всего, незавиден, даром, что дочь правителя.

Царство моего отца, скажем сразу, по современным меркам не очень большое, но по тем временам весьма развитое и благополучное. И все же жизнь мне предстояла нелегкая. Кровати у них жесткие, полы по ночам холодные, вечные сквозняки и туалет в виде кувшина, ну, хоть отгорожен. Самое большое неудобство доставляло, полное отсутствие дверей в покоях. Собранные из деревянных бусин занавески и полотняные полосы, что их заменяли, не могли приглушить звуков, а только слегка скрывали говорящих. Не дворец, а находка для шпиона! Хотя в моем положении это было выгодно, и я внимательно слушала чужие разговоры, притворяясь спящей.

Мой батюшка, как подсказывала память, правил уже долго и успешно. Жен и детей ему Боги посылали с избытком, но все больше дочерей, что владыку огорчало. Голос в голове услужливо подсказал мне имена моих многочисленных сестриц, как только старшие из них соизволили навестить больную, чтобы потом с огромным наслаждением шушукаться, обсуждая мой синяк. Девушки были милы и приветливы с больной, но особой любви ни в словах, ни на лицах я не отметила. Эти уж скорей отравят, чем пожалеют! Единственные люди, которым я пока могла доверять — личная прислуга царевны. Их преданность малолетней скандалистке немного удивляла, но, скорее всего, верная служба обеспечивала высокий статус и безбедную жизнь.

Заметив слишком уж болезненный интерес к моей шишке и устав от причитаний, я попросила сердобольную Шанхаат положить мне на лоб мокрый платок и не допускать моих любопытных родственниц более, чем по одной в день. Пусть мучаются, решая, кому идти. Я бы и совсем это пресекла, но, повторяюсь, дверей в моих покоях не было, запирать нечего.

Гораздо сложнее общения оказалось умение удержать равновесие между собой и новым телом. Прошлая его хозяйка была натурой истеричной и крайне, на мой вкус, невоспитанной, но выпускать на волю свое я было гораздо опасней. В те далекие времена даже царские дети не были застрахованы от вселения какой-нибудь потусторонней

сущности, а методы лечения подобных недугов, как правило, ВЕСЬМА радикальны. Лично знакомиться с ними не хотелось. А вот чего хотелось, так это узнать благодаря чьим стараниям я совершаю сие увлекательное путешествие во времени. Нет, конечно, я сама пожелала на том мосту найти Ассубу и в какой-то мере нашла ее. Полностью город именовали Ассуба аар н'Кареш, что следовало понимать, как благословенное место племени Кар. Но признать в то, что в моих злключениях виновато лишь «исполнение» желания было трудно, поверить в магию — еще труднее, а считать все плодом моего больного воображения — последнее дело. Может оно и большое, но исчезать явно не спешило. Магией этот мир тоже не мог похвастать — обычный «до боли знакомый» бронзовый век!

И вот почти полную неделю я пролежала в постели, с головой закрыв свое хиленькое тельце подушками, покрывалами да коврами, наблюдая и думая. Бедную принцессу посещали не только «заботливые» сестренки. Один раз приходила царствующая супруга моего отца — моя мачеха, довольно молодая красивая женщина лет тридцати, украшенная золотыми и сердоликовыми бусами, браслетами и подвесками, словно новогодняя елка. Удостоив меня мимолетным взглядом, она сухо осведомилась у Ибы, почему ее личный лекарь больше не пользуется «возлюбленную дочь». От такого обращения меня всю скорезило под грудой шкур и подушек. Вот же «любящая змеюка»! Такая и отравит — не дорого возьмет! Кормилица же явно побаивалась царицу и, не зная, что ответить, мялась, комкая своими красными руками складки юбки. Но ситуацию ловко разрушила моя внутренняя скандальная «принцесска». Почувствовав закипающий внутри гнев, я просто открыла рот, разрешив ее личности заявить о себе.

— От этого доктора мерзко воняет! — капризно возопила больная. — А еще у него холодные мерзкие руки и он напугал меня до смерти! Видеть его больше не желаю!

Раздался звон и приглушенный вскрик, похоже, Шанхаат все-таки что-то разбила. Иба сокрушенно покачала седой головой. Она собралась духом и, подбирая слова, произнесла:

— Милостивая владычица, не гневайтесь! От вашего взора не утаю ничего! Давно уж госпожа наша, Юилиммин-даши была не здорова рассудком, о чем все скорбели. Вчера же, когда искуснейший Айш-Ибет сопровождал ее в храм Великой Матери, сиятельная, думаю, испугалась птиц во дворе и упала в один из оросительных прудов. Насилу достали. Хорошо, я рядом была, — кормилица снова тяжело вздохнула.

— Не вижу связи, — фыркнула царица. — Мой личный лекарь лучший во всей столице!

— Он напугал меня! — снова подала свой писклявый и капризный голосок я, — И от его лекарств тошнит! Я не желаю, чтобы его мерзкие глаза смотрели на меня!

«Матушка» только покачала головой так, что подвески нежно зазвенели. Она явно не желала раздувать скандал или опасалась мне возражать.

— Сиятельный владыка всерьез обеспокоен твоим здоровьем, скорейшее выздоровление принесет его душе радость. Но беспокоит его и то, что ты слишком долго пренебрегаешь занятиями, а ведь мы ожидаем посольство! — сменила тему дама, слишком приторно улыбаясь окружающим. Ее цепкие глаза, казалось, проникали под все мои покрывала. Тело похолодело, снова нестерпимо захотелось плакать.

Я собрала всю себя и остановила внутреннюю скандалистку, которую явно тошнило от одной мысли о науках, да и от «матушки».

— Видит Всеблагая Иинат, я могла бы делать это здесь, если мне не будет тяжело, — смиренно, но с явным нежеланием сказала я. Мне уже на самом деле не терпелось скорее узнать как можно больше об этой реальности. А вот прошлая хозяйка явно была не в

восторге от учения, и пришлось хитрить.

Владычица изумленно подняла бровь и более мягко произнесла:

— Я понимаю твое нежелание выходить и постараюсь, чтобы наставники не говорили лишнего и берегли твое здоровье. Я пришлю тебе ароматного масла для светильников из личных запасов и музыкантов, если пожелаешь.

«Еще запрети злословить моим сестренкам и будет вообще прекрасно!» — подумалось мне. Моя мачеха, несмотря на огромную нелюбовь ко мне, старалась не показывать этого явно, но для меня, закаленной подковерными интригами института, все читалось в жестах и мелкой мимике. Принимать подарки от нее нужно было крайне осторожно, но и отвергать такую заботу опасно. Наверное, просто разолью подарочек или разобью о чью-нибудь голову для поддержания имиджа. Главное — не забыть!

Когда царица удалилась я, сославшись на провалы в памяти, попыталась расспросить мою кормилицу о неприятном инциденте, из-за которого моя нынешняя сиятельная тушка блистала жутчайшей гематомой на лбу. Иба недоверчиво и опасливо поглядела на меня своими темными глазами. Возможно, я обратилась к ней слишком приветливо, чего прошлая личность себе не позволяла. Ее руки оправили головной плат, потом затеребили юбку, но говорить она не решалась. Явно нервничала.

Пришлось, изобразив на лице гневную гримасу, закатить глаза и закусить губы. Это возымело действие, и бедная кормилица, сев на край моей огромной постели, тихо зашептала.

— Ты уж не сердись на меня, свет очей, в последнее время ты не вспоминала, а я и напомнить боюсь.

— Напомнить о чем? — задумчиво осведомилась я.

— Да уж так ты, наше солнышко, убивалась, так плакала, что страшно мне о том говорить, — лепетала женщина, глядя на меня с нежностью и любовью. Видимо, даже скандальный характер царской дочери не смог выжечь теплых чувств ко вскормленному ей ребенку. Если я вдруг задержусь в этом теле, то надо будет потихонечку поменять поведение. Гнев и брезгливость нового тела сильно раздражали. Но сейчас надо играть по прежним правилам.

— Если уж мне нужно узнать, то и не смей перечить! — гневно воскликнула я, слегка приподнявшись от подушек. Заботливые руки кормилицы сейчас же подложили мне под спину новый пуфик, чтобы я села.

— Мне ужасно от того, что я хоть что-то не помню! Не допусти Всеблагая, о моей беспомощности узнают! — я в отчаянье всплеснула тоненькими руками, — Они же как пустынные псы!

— И тяжело мне говорить, но, видимо, надо, — Иба снова затеребила край юбки, собираясь с мыслями.

— Третьего дня месяца Большой воды твой сиятельный брат, царевич Тишрин, да будет счастлив он в нижних землях, покинул нас. А погиб, помогая своим людям, истинно великого правителя мы потеряли!

У меня от такой новости перехватило дыхание, и слезы предательски задрожали в глазах. Тишрина царевна помнила. Ее любимый, единственный единокровный старший брат, и наследник отца. Пожалуй, один из немногих, к кому избалованная Юи испытывала действительно теплые чувства и привязанность. Он во всем воплощал мечты и чаяния родителя: хорошо учился, вырос умным, сильным, справедливым. А вот погиб трагично,

попав в селевой поток вместе с небольшим отрядом, возвращаясь из восточных земель. Не бросься тогда воины спасать землепашцев, все они были живы. Героическая смерть в глазах народа вознесла царевича практически до уровня богов, но лишила царство наследника.

Судя по реакциям, бывшую обладательницу этого тела эта ситуация одновременно бесила и печалила. Если же верить словам кормилицы и нянюшки, сиятельная Юилиммин впала в безумную истерику. Она плакала ночи напролет, била посуду, отказывалась кушать и не ходила в храм всеблагой Иинат, где была жрицей. Буквально за месяц девушка превратилась в тень бывшей первой красавицы Кареша. Вылечить от недуга печали юную особу пытался личный лекарь сиятельной царицы, но девушке становилось только хуже. Иба и Шанхаат не оставляли свою госпожу ни на миг, но та просыпалась ночами, крича от ужаса. Во дворце уже начинали поговаривать, о возможном расторжении будущего союза «Золотого цветка» с хоннитским наследником. Надежды отца на мирное царствование рушились. «Надо бы хоть географию подучить», — вяло подумалось мне. У прошлой обладательницы данного тела словосочетание «хоннитский царевич» вызывало лишь смутные тревожные ощущения. В сознании почему-то всплывали запряженные четверкой коней колесницы с весьма бородатыми полуголыми мужиками.

Иные же шептали о том, что злое проклятие мстительного духа первой царицы настигло детей второй жены, мстя за своих скончавшихся в раннем детстве отпрысков. В подобное я не верила. Вряд ли царевна своим существованием могла помешать умершим, а вот ныне живущим — вполне. В корыстность «родичей» верилось больше.

Я прислушалась к своим ощущениям, переваривая информацию, а Иба меж тем продолжала.

— А в тот день совсем напугались мы, сиятельная. Только я на миг отлучилась, как пришел мудрый Айш-Ибет, чтобы отвести вас в храм милостивой Иинат — матери богов. Думали мы, что жрицы смогут очистить тело твое и изгнать хворь. Даже наш сиятельный владыка согласился с этим!

Далее события развивались стремительно. Слабая разумом царевна, выскочив из паланкина, попыталась сбежать от своих опекунов, но, оступившись, упала в один из оросительных прудов храма, который почему-то не был доверху наполнен. Как результат, видимо, сотрясение мозга, здоровенный синяк на лбу и мое сознание в этом теле. Волна ужаса опять накрыла меня. Если я здесь, в теле мелкой школьницы, то, что же будет, если она окажется на моем месте?! Мне срочно нужно возвращаться назад! Страшно подумать, что из-за этой избалованной истерички вся моя нормальная жизнь может пойти по откос. А может она умерла? Или это я умерла?

«Наверное, нужно будет «покопать» немного под этого лекаря, Выяснить, что за «травки» он мне спаивал, — отметила я. — По описаниям эффект похож на отравление мандрагорой, а может это опийный отвар?» Но насколько велики связи царевны? Ответа пока не было.

— И уж так все вокруг радуются, что разум вновь вернулся к тебе, отрада моих очей, что сама я немедленно уйду из мира, если скорбь вновь обуяет тебя! — воскликнула в сердцах Иба, выводя меня из задумчивости. Я поманила кормилицу рукой и прошептала, что ей и впредь стоит помалкивать об этом, а всем отвечать, что царевна ничего не помнит о днях болезни. Для закрепления эффекта я пригрозила тем, что снова не буду есть. Женщина побледнела и взмолилась, заклиная именем всемогущей Иинат, что она целиком на моей стороне и сделает все, что не пожелаю.

Дни тянулись за днями, мне удалось слегка откормить нынешнее тело. Каждый день наблюдать этот осунувшийся скелет в медном зеркале было тяжело. Питались тут не слишком разнообразно. Постоянные каши, лепешки, фрукты и мед сводили с ума, но просить большего я не осмеливалась, боясь выдать себя новыми привычками. Очень хотелось кофе, но откуда бы он мог тут быть?

Понемногу мышцы начинали крепнуть, и я могла уже позволить себе получасовые утренние и вечерние прогулки по внутреннему двору. Был еще и большой дворцовый сад, но мои «няньки» запретили мне даже думать о нем. А ведь это создание еще и танцевало, как с этим быть? Юленька даже в хороводе плясала с грацией медведя. Ну, ничего, разберусь как-нибудь!

Год назад. Ассуба, Юилиммин-даша

Как тих и прекрасен дворцовый сад, залитый светом луны. Все живое отдыхает после дневной суеты, купаясь в прохладных лучах колесницы Аннана. Сладко звенят в темном лабиринте крон цикады, сонно шуршат крыльями птицы, нежно поют струи фонтанов, даря драгоценную свежесть ночному воздуху. Царит весна и ее дыхание ощутимо везде. Как же благоухают в такое время цветы! Источают сладкий дурман лилии, нежно чаруют фиалки, свежо пахнут цветущие сады. Вдалеке за спиной из покоев дворца доносится музыка, там ужинают и веселятся после дневных хлопот сестры. Можно присоединиться к ним, но таинственный шепот сада так манит! Лучше бродить по усыпанным мягким белым песком дорожкам, вдыхать аромат цветов и танцевать! В последнее время ее искусство стало столь велико, что Юилиммин частенько ловила на себе завистливые взгляды прочих танцовщиц храма. Да, пусть они сдохнут от зависти, неумехи, а она ДОЛЖНА быть лучшей! И пусть ее мольбы достигнут Великой Матери, и Иинат ответит ей.

Можно было конечно снова взять с собой мальчонку со свирелью, но сегодня сад и сам так дивно пел, что самая нежная мелодия показалась бы грубым шумом. Нет, сегодня она будет танцевать одна!

Раздумья привели девушку в один из наиболее удаленных уголков сада. Здесь под небольшим горбом каменного моста струил свои темные воды небольшой поток — канал, по которому в сад подавалась вода. У самой его кромки, почти касаясь поверхности своими ветвями, росло старое железное дерево*. Говорили, что оно помнило времена, когда здесь не было ни стен дворца, ни самой Ассубы, но в такое верилось с трудом. Огромный, корявый ствол великана напоминал сморщенное, словно кожа сухого фрукта, лицо мерзкой старухи, но свежая листва уже развернулась и нежно окутывала ветви, пряча уродство. Некоторые из ветвей долгожителя вскидывались высоко, и тяжелой ношей лежали сверху стены, которая под таким весом постепенно осыпалась, уступая упорству и твердости древесного великана.

Где-то высоко в ветвях запел соловей и Юилиммин, словно бы подчиняясь его воле, начала свой танец. Словно рога лука взметнулись в воздух изящные руки, серебряным перезвоном зазвенели кольца бериллового убора, тихо звякнули ручные браслеты, белым волшебным цветком взметнулись лоскуты юбки. Девушка, казалось, струилась над землей, то вспархивая в легком прыжке, то почти прижимаясь к ней. Под неверным светом луны ее хрупкое тело казалось нематериальным. Словно дух она скользила по мозаике теней, то почти растворяясь во мраке, то засверкав в лунном сиянии.

Она не помнила, сколько длился этот танец, но вдруг птица смолкла, и звенящая

тишина заставила тело остановиться. Царевна замерла, словно напуганная лань, и прижала руки к груди. Сердце бешено стучало, мешая прислушаться, а перед взором все немного плыло, искажая ночную мглу.

Хор цикад и птичьи голоса звучали вокруг, но могучее дерево молчало. Девушка без сил опустилась на холодные камни моста. Страх клейкой жижей поднялся из глубины сознания, сковывая мысли и ноги. Где-то среди ветвей зашуршало, Юилиммин сжалась и закрыла лицо руками.

— Почему ты больше не танцуешь, прекрасная дева? — почти ласково осведомился тихий низкий мужской голос откуда-то из темной листвы. — Прости, если напугал тебя.

Царевна медленно отняла руки от лица и посмотрела вверх. Ее огромные, полные слез глаза, заблестели в холодном свете, как драгоценные камни. Почти над самой головой, удобно устроившись на толстом суку, полулежал молодой мужчина. Заметив, что он обнаружен незнакомец улыбнулся и, ухватившись за одну из ветвей, словно кошка бесшумно спрыгнул на землю. Теперь девушка смогла рассмотреть его хорошо. Чужак был бос, выше щиколоток ноги скрывали широкие светлые матерчатые штаны, подобные тем, что носили всадники кочевых племен, на талии красовалась очень короткая полосатая юбка, переходящая в узорчатый широкий расшитый пояс. Могучий торс мужчины был обнажен и жирно поблескивал от масла, которым покрывают себя многие воины, чтобы их было труднее схватить. Черные волосы волнами спадали на широкие плечи.

— Что тебе надо, вор?! Или ты пришел меня убить? — к Юилиммин вернулся дар речи, но ноги все еще предательски дрожали, не позволяя встать, а незнакомец скалой нависал над ней. Он казался царевне огромным и страшным, похожим на злых духов ночи, что крадут детей на Другую Сторону.

— О, красавица, если среди нас и есть воришка, то это ты! — рассмеялся молодой человек, сверкнув белками глаз. — Ты похитила мое сердце, и я не знаю, как мне теперь быть!

Мужчина опустился на колено рядом с ней, и его лицо оказалось совсем близко. От него пахло незнакомыми терпкими пряностями и потом, что заставило девушку слегка отшатнуться, поморщившись. Незнакомец был старше ее, но еще очень молод. Темная щетина короткой бороды уже очерчивала лицо, но была редка на щеках. На смуглом лице с красивыми, точеными чертами выделялись глаза, обрамленные тенью густых ресниц. Они смотрели жадно и властно, но не без тени восхищения.

— Я много слышал о тебе, Золотой цветок Ассубы, и пришел убедиться сам, насколько правдивы эти слухи. Скажи мне, не ошибся ли я? — низкие нотки его голоса ни сколько не успокаивали Юилиммин, а скорее наоборот, лишали сил, вводя в транс. Шансов на побег у нее не было, воин, а в этом царевна уже не сомневалась, не позволил бы ей уйти. Стража в этом уголке сада появляется так редко, что криков о помощи тоже никто не услышит, да и не успеет она крикнуть. Меж тем врать этому человеку совсем не хотелось и, сглотнув противный ком в горле, девушка кивнула.

— Это я! Если ты пришел за моей жизнью, то отец даст богатый выкуп! Он даст столько, сколько попросишь!

Незнакомца же, по всей видимости, нисколько не смущала паника его жертвы, наоборот, — забавляла. Он довольно ухмыльнулся и протянул свою сильную, жилистую руку к ее голове. Золото волос заструилось в смуглых пальцах.

— Знаешь, я хочу очень многого, но не бойся, я не причиню тебе вреда! — тихо шепнул

он. — Ты танцевала, словно бы сама Иинат, сошедшая на землю. Клянусь, я не слышал твоих шагов, жрица! Ты желанна мне, хотя и слишком молода, чтобы иметь формы, возбуждающие страсть у мужчин. Думаю, ты стоишь больше, чем есть у твоего отца.

Незнакомец крепко, почти до боли, обхватил ее за плечи и поднял на ноги. Дрожа, Юилиммин не смела и думать о сопротивлении. Ее хрупкая фигурка казалась тростинкой в его руках. И только осознание того, что незнакомец сражен ее красотой начинало капля за каплей начала возвращать уверенность в благополучном исходе. Девушка захлопала густыми ресницами и умоляюще поглядела на мужчину. Обычно это срабатывало.

— Твоя робость украшает тебя, лунолика. Полюбивший тебя воистину богач и бедняк! Как жаль, что я не могу забрать тебя прямо сейчас, но тем желаннее ты станешь потом. Я хочу, чтобы ты вновь танцевала для меня, — буквально на мгновение воин ослабил свою хватку, предаваясь мечтам. Но воспользоваться моментом девушка не успела.

— Но как же ты узнаешь меня, когда ночь скрывает нас? — он властно приподнял лицо царевны за подбородок и заглянул в глаза. Лунные блики призрачными огнями метались в них, отраженные от драгоценных бериллов. Мужчина хищно улыбнулся и протянул руку к подвескам.

— Никогда еще не видел таких камней, они словно родились из твоих глаз. Думаю, что именно это и будет залогом нашей будущей встречи. По нему ты узнаешь меня, когда я вернусь! — он легко оторвал центральный цветок от убора и сунул его в складки пояса.

— Но я не хотел бы, чтобы прекрасная жрица сочла бы меня бедняком или вором. У меня найдется дар не хуже, — с этими словами воин откинул с уха прядь черных как смоль волос и легко вытащил из правого уха одну из драгоценных серег, которые ранее скрывала шевелюра. Камень искрой алой крови блеснул в ночи. — Тебе не обязательно носить это, но его ценность велика. Говорят, такие рождаются из капель крови Отца Небес!

— Но ты стоишь и большего! Забыть твои нежные черты я буду не в силах, — добавил он, вкладывая украшение в безвольную руку девушки.

Мужчина немного отступил назад, давая царевне чуть больше свободы, но та так и стояла, словно замороженная. В душе у нее выли яростные кошки, еще сдерживаемые страхом, но почти готовые вырваться на волю. «Да как ты смеешь трогать меня! Да падет на тебя гнев Всеблагот Матери за подобное!»

Но нахальный незнакомец ничего не замечал. Он отступил в тень ствола, и, казалось, был готов уже исчезнуть, но передумал. В два шага он снова оказался рядом со своей жертвой.

— И так как ты все равно будешь моей, то я не могу уйти без этого! — мужчина сгреб царевну за талию, быстро привлек к себе и поцеловал. Его губы были горячими, жадными и вызвали в душе юной красавицы бурю. Это было омерзительно противно и одновременно мучительно сладко. Онемев от такой бесцеремонности, она не заметила, как наглец легкой тенью скрылся в ветвях, оставив после себя лишь пряный дикий аромат. Сжатую ладонь кольнуло, эта боль и привела девушку в чувство. Даже не взглянув на подарок, Юилиммин зашвырнула его в поток и тяжело осела на камни.

Она хотела отомстить наглецу! О незнакомце из сада немедленно следует рассказать отцу или брату, и пусть их гнев будет страшен! Она почувствует лишь радость, когда они убьют его, раздавят как муху! Но как его найти? Можно бы показать ту вещицу, но темная вода уже поглотила подарок и скрыла его среди камней. Про потерю своей подвески царевна тоже переживала, но это можно исправить. А вот как быть с тем, что наглец ее поцеловал? Да как

он вообще посмел осквернить ее своими грязными прикосновениями?! В груди обжигающе разгорался пожар ненависти, отчаяния и омерзения. За свой поступок незнакомец достоин самой ужасной смерти, но она не сможет о нем рассказать — невыносимо стыдно.

* Железное дерево — *Parrotia persica*. Обладает очень тяжелой и прочной древесиной. Очень долго живет.

Глава 4. Принцесса в западне

Юлия Владимировна. Карейское царство

С учебной задачей обстояло намного хуже, чем со здоровьем. В истинно женских дисциплинах того времени я почти ничего не смыслила. Шить я, конечно, умела, но совсем по-другому. Готовить мне, слава богам, не было нужды, но вот знать, чего и для каких блюд необходимо, было должно. Хорошо, хоть в выборе нарядов и украшений мне явно не было равных! Стоило лишь немного ослабить внутренний контроль и позволить этим маленьким пальчикам ощупать ткань. Нарядиться бывшая хозяйка любила и умела, а мне, подобно прилежной ученице, требовалось все запоминать, опасаясь, что со временем мое «эго» окончательно вытеснит память о прошлой личности. Каждый раз, оправляя легкие складки тончайших одежд, я удивлялась, сколько места в этой маленькой светловолосой голове было отведено красоте и способам ее поддержания. Все эти маленькие золотые раковинки и коробочки, разные палочки и перья, что необходимы были для нанесения сложного макияжа. И всю эту красоту нужно строго в определенном порядке накладывать на нужные места! Стоило учесть и то, что в своем времени я практически не красилась, и мое сознание жутко раздражала эта процедура. Но на войне как на войне!

По пять-семь раз в час прихорашиваться перед зеркалом меня теперь не просто тянуло — это было неизбежно. Сама не замечая того я ловила свое отражение в воде, медных щитах охраны и зеркале. Хорошо хоть пожелтевший синяк каждый раз «отрицательно подкреплял» попытки самолюбования. И все-таки она была невероятно красива и изящна, эта древняя царица! Аккуратное тонкое личико с огромными плоскими льдисто-зелеными глазами, обрамленное копной пышных, вьющихся крупной волной медовых волос, было еще совсем юным и свежим. Стройная, болезненно хрупкая фигурка, но не плоская как доска, а просто еще не успевшая расцвести, царственная осанка и походка. Кожа была очень нежной и слишком белой для этих мест. Поговаривали, что царица очень походила собой на мать нынешнего государя, которую совсем еще малышкой его дед привез из завоевательных походов в дальних странах. Да и ее собственная мать, царица Тулиммин-аша, дочь одного из Арратских царей, тоже была светловолоса и зеленоглаза. Именно за это, как поговаривали, счастливый владыка и полюбил ее, заплатив огромный выкуп. Но мать и бабушку она совсем не помнила. Вторая жена царственного Маарш-а-Н'мах-Ишана умерла родами своей младшей дочери.

Самый большой провал у царицы наблюдался в основах математики и «родной речи». Моих скромных познаний уже явно не хватало, а прошлая хозяйка этого тела, вероятнее всего, совсем не утруждала себя. С письмом все обстояло несколько лучше, но стило постоянно выскользывало из слабеньких пальчиков, оставляя смазанные нечеткие следы на мягкой глине. В точных же науках юная царица воистину уподобилась дубу! И если сложение она хоть немного помнила, то пропорции вызывали в моем новом теле приступ неконтролируемой паники. Едва удерживая свое сознание от обморока, я через тернии пробивалась к звездам, стараясь не слишком усердствовать, чтобы не раскрывать подмену. А ведь не каждую царицу вообще учили, у моего отца на мой счет явно были далеко идущие планы.

Моя врожденная жажда знаний на первых порах замечательно сдерживалась немощью нового тела. И кормилица, и Шанхаат, словно ловчие соколы, следили за здоровьем и

благополучием сиятельной Юилиммин. Стоило мне лишь поднести ладони к вискам или побледнеть от подступающего головокружения, учителя немедленно выгонялись за дверь.

Старая Каи, каждое утро навещавшая меня, тоже настаивала на строгости режима. Эта целительница и жрица Великой Матери вызывала у меня полное доверие, поэтому, хоть юная царица и корчила страшные рожи, но лекарства пила. Силы и румянец потихоньку возвращались к измученному телу.

Наступал месяц Счастья, принося с собой жаркое дыхание приближающегося лета, но сады все еще радовали глаз сочной листвой и цветами. Именно тогда мою изрядно окрепшую особу призвал пред свои очи сам правитель Карешской земли.

Судя по словам Ибы, мой сиятельный и могучий родитель очень любил меня, но тогда было странно, что он не нашел времени посетить больную дочь. Хотя вполне возможно, царям тут возбранялось общаться с больными или государственные дела не давали ему отдыха. Навещать батюшку было почему-то очень боязно. Окружавшие меня каждый день слуги постепенно привыкали к небольшим переменам в характере юной царицы, а вот родитель мог заметить подмену. Хотя какое-то внутреннее чутье подсказывало мне, что даже имена всех своих дочерей он вряд ли помнил наизусть.

На данный момент живых и здоровых цариц было семеро. Пятеро, включая меня, уже довольно взрослые и две малышки, лет пяти-шести. Вторая по статусу царица — Шахрирудаши, была старшей дочерью нынешней царицы Нинмах-аши. Она была практически ровесницей Юилиммин и всегда и везде стремилась соперничать с ней, конечно же, заверяя в искренней дружбе. Третья по старшинству — Аьетимм-даши, чернявенькая девочка 14-ти лет — была рождена от одной из младших цариц высокого происхождения. Ее мать была сестрой нынешнего правителя кочевого народа Шааху-Мере. Но девочка, как и другие дочери второстепенных цариц, находилась в подчиненном положении у старших и более родовитых детей. Во время моей болезни Шахриру времени даром не теряла и управляла всеми младшими согласно своей воле.

У самой же правящей супруги был еще совсем маленький сын, всего нескольких месяцев отроду, наш младший брат Асмара — абац, что означало «драгоценность» на языке его предков по матери. Но к нему в покои почти никого не допускали. Исключение не делалось даже для его родной сестры.

Прожив во дворце немногим более месяца, я еще очень плохо знала его территорию, изучив только небольшой внутренний садик, в который выходили окна моих покоев. На всех прогулках царицу постоянно сопровождали кормилица или Шанхаат. Оказаться в одиночестве было просто невозможно, а сбежать — не было сил.

В назначенный день за мной явился почетный караул из десятка воинов в раскрашенных нарядных кожаных доспехах и паланкин, который тащили четыре раба. Моих сорок килограмм они, казалось, совсем не заметили. Хотя сегодня я весила явно больше. Одних браслетов, запястий и поножей, на мне находилось килограмма два, если не больше. Массивное ожерелье из лазурита оттягивало мне плечи, но зато превосходно подходило к тончайшему полотну, соблазнительно облекавшему тонкий стан. Золотые застёжки с бирюзой удерживали складки, делая объемнее те места, которых у самой царицы было маловато. Узорчатый, украшенный лазуритовыми вставками, пояс подчеркивал изящность и тонкость стана. На моей голове, благодаря усилиям Шанхаат воцарилось сложнейшее украшение с полусотней золотых тончайших листьев, ажурных цветов и полых колец, дополненных голубыми полупрозрачными драгоценными подвесками из берилла. Когда я

увидела этот убор, то в душе заскреблись кошки. По центру, прямо надо лбом висела изящная лазуритовая бляшка в виде розетки цветка, приносящая владельцу удачу, но здесь подобное украшение было лишним. На ее месте должен был находиться еще один цветок, тот, что я уже держала в руках в виде серьги! Пышнее могла позволить себе облачиться только царица. Но в отличие от большинства девушек своего времени царевна обладала светлыми волосами, а этот признак во все времена притягивал к себе мужчин как магнитом, поняла я, заметив взгляды, которыми украдкой одаривали меня стражи собственных покоев. Боялись, конечно, но глазели!

Облачив свои все еще худосочные ножки в сандалии из тончайшей светлой кожи, я с замирающим сердцем села в паланкин. Даже будучи сама шестнадцатилетним подростком я не настолько боялась родительской ругани, которая неизбежно следовала за каждым опозданием домой, как сейчас остатки личности царевны дрожали перед свиданием со своим всемогущим папочкой. Глубоко вздохнув, я обещала себе быть крайне почтительной дочерью и ни в чем не перечить родителю, но обещать — не значит жениться!

Юлимин-даша, современность

Внимательные, готовые сражаться за каждый ее вздох лица склонились над ней, но она не узнала их, а потом, широко распахнула глаза и снова потеряла сознание.

Выбираться из пещеры с бездыханным телом на руках было адски тяжело. Во-первых, человеческое тело не пушиночка. Во-вторых, шкуродеры никто не отменял. Но этой дороги она не запомнила. Несмотря на отсутствие иных видимых повреждений, кроме наливающейся кровью шишки на лбу, сознание к пострадавшей долго не возвращалось.

Лишь спустя несколько часов тонкие струйки реальности смогли пробиться сквозь плотно сомкнутые веки. Звуки и запахи — первое, что заставило открыть глаза. Пахло пылью, старыми вещами и чем-то совершенно незнакомым, приятным и настораживающим одновременно.

Сквозь неплотно прикрытые ставни в комнату проникал яркий свет, в лучах которого медленно кружились пылинки.

«Моя комната», — отчетливо прозвучали в голове чьи-то слова, и царевна от неожиданности вскочила. На стуле рядом с ложем сидел молодой мужчина.

«Марат», — словно бы прокомментировал все тот же невидимый голос.

— Юлия Владимировна, слава богу, вы очнулись! Как вы? Что-нибудь принести? — встревожился юноша, заметив, что она открыла глаза.

— Воды, — слова, с трудом сорвавшиеся с пересохших губ, были тихими, как шорох.

Молодой человек моментально исчез из поля зрения и столь же быстро вернулся. В его руке был зажат прозрачный кубок, подобного которому Юлимин ни разу не встречала. «Граненый стакан, стеклянный», — мгновенно всплыло в голове, и царевна бережно, словно боясь раздавить, дотронулась до сосуда рукой. Стенки были холодными и явно реальными. «Где же я? Я в Чертогах Всеблагой»?! — мысли в голове заметались, словно язычки пламени. Нет, это явно был не Небесный дворец. Разве могло бы там быть все таким серым, пыльным, обыкновенным? Нижний чертог? Тоже нет, так как там не может быть дневного света, а он вот, совсем близко...

Отпив воды, царевна осторожно огляделась еще раз. Покои были ей знакомы и незнакомы одновременно. На какую бы вещь ни наткнулся взгляд, в голове тут же всплывало название. Непонятное и верное одновременно.

«Возможно, я все же умерла и это Нижний мир?» — снова подумала девушка, но словно в опровержение этому, резко закололо правую ногу. Разве может что-нибудь болеть, когда умер? Хотя... все может быть... Лучше подождать, решила она и откинулась на ложе, закрыв глаза.

Следующее пробуждение было не из приятных. Лишний раз доказывая, что царевна все еще пребывает в мире живых, от голода заныл живот. Пришлось снова открывать глаза, осознавая, что мир не изменился. Все тот же заваленный вещами стол у окна, складное кресло, на котором грудой свалена чья-то одежда. Только вот света стало меньше, наверное, наступил вечер.

— Еды, — жалобно попросила девушка и тут же замолчала, испугавшись звука собственного голоса. Но дремавший в кресле Марат мгновенно встрепенулся.

— Сейчас принесу! Вам ужин или что-то другое приготовить? — своей заботой юноша напомнил царевне Шанхаат.

— Можно каши? — шепотом попросила она, так голос звучал привычнее.

Молодой человек кивнул и исчез, тихо скрипнула открываясь дверь. Дверь — смешное слово! Юилиммин повторила его про себя несколько раз, а потом, набравшись храбрости, вслух. С голосом было что-то не то. Он был чужим, гораздо более резким и грубым. «Наверное, я простыла», — утешила она себя и предприняла попытку сесть. Это получилось на удивление легко, даже голова не закружилась. Царевна, посидев немного, встала и сделала несколько шагов, отделявших ее от стола.

«Моя комната, мой стол, мои вещи», — тихо проговаривала она, а потом, набравшись смелости, одним движением скинула ком пыльной одежды со стула и села. Где-то в сознании всезнающий голос явно обиделся. «Велю постирать!» — утешила она саму себя и стала ждать.

Второй ее «спаситель» звался Пьетро. Юноша заглянул под вечер, прижимая к груди кучу бумаг, и попытался решить с ней несколько «рабочих вопросов». Слова звучали понятно, знакомо, но вот, что делать с этим?! Вопросов в монологе подчиненного было слишком много, гораздо больше, чем то «несколько», что уместилось бы в ее голове. Как тут быть? Царевна дослушала, сокрушенно покивала и, сославшись на головную боль, улеглась в кровать. «Если проблему замечать, то она решится сама собой! — подумала она, закрывая глаза: Всегда помогало, почему бы и не в этот раз». Такого поворота событий молодые люди явно не ожидали, но намек поняли верно. Пришлось Пьетро временно принимать бразды правления экспедицией на себя, решительно пресекая все слухи о тяжелой болезни шефа и окончании финансирования. К тому же последние раскопы оказались удачней. Находок стало больше, но на руины древней столицы найденное поселение не тянуло.

Тело быстро шло на поправку, и все меньше хотелось лежать в постели. За дни, проведенные в полутемной комнате, Юилиммин смирилась с тем, что этот мир реален, и утешилась мыслью, что Всеблагая перенесла ее сюда, чтобы укрыть от врагов. Всего за пару дней она освоилась со многими незнакомыми вещами и даже привыкла к новому имени — Юлия Владимировна. Конечно, в нем не было прежней мелодичности, но, как известно, сменив имя, ты прячешься от злых глаз и колдовства. Голос в голове ее больше не пугал, скорее радовал. Он знал о таком количестве разных вещей, которое Юилиммин даже не могла себе представить. Это было истинной милостью Великой Матери, дать такого помощника!

И вот когда уже счастливые замы с нетерпением ждали последнего дня своего

управления, с шефом случился кризис.

Рано утром одна из старших археологов пробралась без спроса к шефу пообщаться. Воспользовавшись тем, что Марат отлучился, девушка вломилась в комнату, полная надежд и восторгов, чем изрядно напугала больную. Вид молодой женщины привел начальницу в истерику, и она с криком вытолкала до смерти перепуганную особу за дверь. А аспиранты узнали, что их всегда корректная начальница весьма искусна в идиоматических выражениях. Чем ей так не угодил старшая раскопа, так и осталось тайной.

В тот же вечер, проходя мимо открытого окна, Юлия Владимировна увидела в темном зеркале стекла свое отражение. Из темной глубины на нее глянуло совершенно чужое лицо. У этой женщины не было золотых локонов, больших лучистых, словно озера глаз. Эффект был настолько ярким, что той же ночью из первопрестольной был срочно вызван знакомый врач-психиатр. Результат терапии не заставил себя ждать, ведь человеческое существо способно смириться почти со всем.

Но все же, ее светлейшее высочество Юилиммин-даши, старшая дочь правителя Карешского царства теперь ненавидела свое существование каждый день. Это подобное раздобревшей корове тело было отвратительно неповоротливым! Оно с трудом слушалось приказов, напоминая строптивного раба. Но, в отличие от рабской скотины, его нельзя было ни продать, ни обменять. Зато зеркала здесь были просто божественны! Она уже перебила их штук двадцать, но все равно по каждому требованию ей приносили новое. И все же отражение оставалось прежним.

Скрашивал безумные будни только храбрый воин, неотлучно находившийся при ней. Всех правил этикета он, конечно, не соблюдал, но всегда был готов прийти на помощь. Его товарищ, явно чиновник, тоже служил как можно старательнее. Да и старая хозяйка этого тела явно относилась к этим юношам с симпатией, Юилиммин решила довериться ее ощущениям.

Станный мир оплетал царевну со всех сторон. Чудовище, встретившее ее поначалу в отражении, стало немного привычнее. Как сказал ей тот знаменитый знахарь: «Пытайтесь находить радость во всем!» И она пыталась.

Для своих лет у чужого тела была на удивление гладкая и приятная кожа и красивые зубы, а остальное, как царевна узнала все от того же лекаря, можно поправить. Лишний вес уходил как сквозь пальцы, так как местная еда была незнакомой и непривычной.

Молодые люди, которых Юилиммин держала теперь подле себя, являлись ее учениками. Но чему их обучать? Царевна всегда уважительно относилась к жрецам и писцам. Да и ее обучали служению Иинат и даже Серебрянорогому*. Но учить кого-то сама — ни за что! Ей была с рождения уготована иная участь — укрепить своим брачным союзом границы государства. Придется им, видимо, заниматься самим.

Самым радостным фактом было то, что она в этом лагере была самой главной и ее уважали, хотя выражением должного почтения к ней никто себя не утруждал. Здесь не было ни слуг, ни рабов. Даже те люди, что были обязаны копать и носить землю, тут были свободными. Она могла с ними не общаться, могла презирать их, но обязана была им платить! Правда, право выгнать любого из этих работников у нее оставалось, чем она тут же и воспользовалась по отношению к наиболее непочтительным и вороватым. Но и здесь был подвох! Идее прогнать их всех ее помощники решительно воспротивились. Чиновник Пьетро мотивировал это тем, что других здесь найти невозможно.

Ее работа была не слишком простой и понятной, но многим отличалась от того, что требовали от нее наставники. Разговоры, договоры, бумаги она, сославшись на недомогание, спихнула на Пьетро. Сама же решила понемногу походить на раскопки, чтобы хоть как-то осознать нужность и важность этих археологов. Здесь тряслись над каждым черепком от ночного горшка, хотя посуды в этом мире хватало с избытком, и она была гораздо лучшего качества!

Местность выглядела немного знакомой, но никаких конкретных ассоциаций не вызывала. Только когда царевна оказавшись в скалистых предгорьях пика Солоницкого, в ущелье восточных Врат, ее память всколыхнулась и она, наконец, осознала, где находится. Воспоминания нахлынули на нее бурным потоком.

Вереница повозок и навьюченных волов медленно тянулась вдоль гор по берегу реки и по массивной, украшенной приветственными стелами насыпи поднималась вверх. Колокольчики волов мерно позвякивали, люди весело переговаривались и смеялись. На всех были лучшие одежды, и атмосфера праздника ясно ощущалась в прохладном предрассветном воздухе. Навстречу из ущелья, kloкоча в своих новых каменных берегах, стремился пенный Иреш— отец посевов и дар великого Аийя**. Его бурные ледяные потоки изливались в долину, вбирая в себя все прочие горные ручьи и принося жизнь всем обитателям Кареша.

Она совершенно отчетливо помнила этот день. Сиятельный владыка отец как раз завершил строительство восточной части великих врат, а его могучий царственный брат, владыка Кумиш-Шебеш из Хоннитского царства, — западной. Этот путь открывал беспрепятственный доступ для торговых людей и скреплял вечный мир между государствами.

На высоких алтарных камнях весь день курились благовония и не смолкали священные напевы. Жрецы и жрицы восхваляли Богов, а восходящее солнце своими лучами раскрашивало врата, делая их еще более величественными.

Еще одним залогом такого укрепления отношений между государствами должна была стать она сама, но отец решил отложить ее замужество до поры зрелых лет. Именно там, под сводами сложенной из черно-красного гранита восточной арки, двенадцатилетняя Юилиммин-даша впервые увидела своего возможного супруга. Он был значительно старше ее и казался юной царевне страшным и свирепым. Только сейчас она, наверное, смогла бы по достоинству оценить его широкие сильные плечи, тело, где каждая мышца рельефно выступала под смуглой, лоснящейся от ароматных масел, кожей. Тогда же подведенные черным горящие яростью глаза и эта длинная, вьющаяся тугими кольцами грива иссиня-черных волос и борода очень напугали ее, но она собралась и выполнила все требуемые части ритуала. Страшнее всего было ехать с ним почетный круг на боевой колеснице, запряженной свирепыми черными лошадьми. Царевич словно тряпичную куклу втянул ее наверх и поставил рядом с собой. Его могучая фигура в крылатой накидке была подобна скале и тоненькая облаченная в белое фигурка принцессы совсем терялась на этом фоне. В тот миг на каменном лице благородного царевича Юилиммин увидела гремучую смесь брезгливости и снисхождения. «Ты об этом еще пожалеешь! — подумала она про себя, нацепляя на себя самую милую из своих улыбок. — Когда придет время, я заставлю тебя ползать передо мной на коленях, если Иинат благословит наш союз!» Со стороны же сиятельные отпрыски радостно улыбались, и люди вокруг них ликовали, приветствуя своих земных повелителей.

Теперь же от бывшего величия не осталось почти ничего. Только два столба отцовских ворот, как последние зубы во рту древней старухи, все еще желтели над пропастью. От огромной, строившейся почти десять лет насыпи не осталось и следа. Воды быстрого Иреша падали и тоже исчезали в бездонной пропасти, не давая своей благодати долине. Владыки мира*** отвернулись от ее народа и лишили его своей благодати. Так вот почему она не узнала этих мест! Все сады и священные рощи исчезли, лишённые живительной влаги могучего потока и люди покинули эти места. Даже от бывшего русла почти не осталось следов, все покрывал принесенный Хозяином ветров песок. Но почему Боги отвернули свой лик от ее народа?

То, что местные жители теперь называли поселком, больше всего походило на становище диких кочевников, что частенько в зимние месяцы налетали из пустыни. Даже в их грубых и смуглых лицах Юилиммин виделось что-то знакомое. Но храбрые воины Кареша всегда прогоняли их, словно шелудивых пустынных псов, со своих земель. Теперь же эти люди были единственными обитателями этих засушливых мест. В небытие исчезли все жители Кареша, словно унесенные мощным грязевым горным потоком. Совсем как Тишрин-ани... Губы ее дрогнули и по щекам потекли слезы. Брат...

Сиреневый туман струится между гор
И свой могучий лук
Аннан меж звезд простер.
Вдоль берегов хрустя,
Ломаясь по холмам,
Его Сыны спешат
вернуться к становьям.
Серебряной стрелой запела тетива
И моего врага скатилась голова.

Ее песня летела между гор, одинокая и протяжная. Не было больше рядом могучих воинов, богатых одежд и близких людей. Исчез под слоями песков ее родной город, ее город! Но она найдет его и докажет тем далеким надменным человечешкам, что посмели требовать у нее вчера какие-то отчеты! Юилиммин сжала кулаки до боли в костяшках и от гнева закусила губу.

«Уж не знаю, кого из Богов и чем прогневала, но я стану вновь владеть своей землей», — твердо решила она. В этот миг она совершенно забыла о том, что является не совсем собой. Она снова была самой прекрасной царевной на всех землях от востока до запада — золотым цветком Кареша, и планировала доказать это всем сомневающимся.

Она загадочно посмотрела на стоявшего рядом широкоплечего красавца — Марата и обворожительно улыбнулась ему. Молодой человек мгновенно покраснел как рак, что лишний раз доказало Юилиммин, что он явно питает теплые чувства к своей наставнице. В этом она была уже уверена, но эта любовь была какой-то странной. Его почитание становилось особенно заметно, когда она читала осколки текстов на табличках, сложенных в большом сером шатре. Царевну эти осколки удивили. В основном они являли собой счета, списки людей, а иногда обломки ученических табличек без смысла и порядка. Но любое слово для этих людей было важным и должно быть записано.

Вот и сейчас, когда она пела, он смотрел на нее обожающе — восхищенным взглядом, словно жрец во время праздничного таинства на свое Божество. Но сейчас сильно стеснялся

своих чувств. Вдобавок к этому молодой человек явно не стремился к обществу других женщин, хотя почти все они тут были очень небрежно одеты и не могли составить ей конкуренции. «Какой застенчивый, — восхитилась сиятельная царица, привыкшая к менее стеснительным нравам дворца, — Великая Мать должна быть к тебе более благосклонна и осенить своими крылами». Погрузившись в эти приятные мысли, Юлимин дошла до рычащей колесницы, которую здесь называли «джип», и велела объехать всю долину. Ей нужно было найти хоть некоторые ориентиры, прежде чем вернуться домой. Та, что владела этим телом ранее, тоже желала этого. Найти место, где погребена ее столица, рассказать миру о народе Кареша и стать знаменитой, последнее было гораздо важнее уже для царицы. Уже безразлично мерзкий ли старик околдовал ее, или Всеблагая сотворила чудо, но ей необходимо приспособиться и занять достойное ее положения место в этом странном времени!

Все чаще царица тратила свое свободное время на чтение «волшебной таблички» — ноутбука, выясняя как вернуть себе красоту и молодость. В этом мире возможно было многое, но Юлимин требовалось богатство и она его должна была получить! Капризность и избалованность в ней всегда сочеталось с непревзойденным упорством, если дело касалось внешности. Ради этого царица была готова сражаться с неистовостью воина. И вот теперь она определила свою цель и начала свое движение к ней. Серебрянорогий божественный охотник явно благоволил к ней, заливая ночные земли своими холодными лучами-стрелами. Его лик, встававший над горами, ясно указал на путь к Ассуба аар н'Кареш. Недаром, старшая из царских дочерей была обязана выполнять ежемесячные ритуалы в святилище и знать тайные знаки. Нужно было как можно скорее отыскать храм Иинат и принести должные жертвы.

По возвращении от Врат рассвета и заката, Юлия Владимировна с удвоенной силой взялась за дело, словно желая наверстать упущенное время. Раскопы, заложенные согласно ее предположениям, принесли плоды. Ассуба была обнаружена.

Примечания

*Серебрянорогий, Аннан, божественный охотник — мужское божество, брат и муж Иинат. С ним отождествляется месяц.

** Аийя — младшее божество. Создатель рек, ручьев и дождя.

*** Владыки мира — Иинат и Аннан.

Глава 5. Владыка земель говорит

Ассуба. Карешское царство

Дворец оказался огромным! Широкая каменная лестница, на которой легко бы разминулись две колесницы, возносила покои владыки ввысь над городом. Выше главных покоев дворца был лишь храм Владычицы Небесных чертогов, сверкающей горой возносившийся к небесам. Каменные тяжелые ворота будто бы сами распахнулись, приветствуя старшую царевну. Светлый отполированный песчаник стен был покрыт рельефами и росписями, на которых всемогущие боги благоволили владыкам этих земель. Могучие крылатые львы своими лазуритовыми крыльями ограждали входящего от нечистого мира, охраняя покой владык. Высокие потолки напоминали бесконечное небо, расчерченное золотыми лучами. Белые барельефы на зеленом и золотом поле разделяли фрески, на которых могучие герои подносили дары, склоняясь перед владыкой Кареша, кочевники преклоняли колени перед мощью царя, которого оберегало благословение Богов. Вслед за ними меж белых тонких колонн по красным стенам мчались тяжелые боевые колесницы, сокрушая врагов. Могучие воины тысячью стрел расчерчивали небо под предводительством Серебряного небесного охотника Аннана. Богатые дары складывали у ног владыки побежденные народы. А вот и торговцы ведут на продажу диковинных животных и несут сосуды с редкими растениями.

Все это великолепие сменилось выложенным синими и белыми плитками тенистым двориком, где в огромных каменных кадках тянули к солнцу свои ветви изысканные деревья, цвели цветы и в золотых клетках пели птицы. Все помещение наполнялось хрустальным звоном струящейся воды, перетекающей из одной белоснежно мраморной чаши в другую. Здесь в любое время года царили свежесть и прохлада, а крылатая Иинат под сводами простирала свои драгоценные крыла над садом.

Сказать, что я была поражена, — не сказать ничего. Все известные мне до этого древние дворцы меркли перед этим великолепием. Свежие краски, драгоценные цветные камни на фресках — все это обычно утрачивается в веках. Предки моего властительного родителя, скорее всего, обладали огромной мощью и властью, раз смогли возвести такое чудо. Царствование отца хоть и было успешным, но мне не верилось, что владыка столь маленькой страны может быть так баснословно богат.

Паланкин опустился, рабы почтительно отошли в сторону, отдернув легкую занавеску, и я смогла выбраться на узорчатый мозаичный пол. Из дальнего конца сада ко мне уже спешили богато одетые мужчины с окладистыми ухоженными и заплетенными в мелкие косицы бородами — советники царя. Не дойдя до меня пяти шагов, они почтительно склонились. Один из этой делегации витиевато приветствовал прибывшую, произнес все полагающиеся имена царевны в должном порядке. У этой маленькой «поганки» было столько титулов, что ей позавидовал бы любой родовитый средневековый король. Я немного растерялась и сдержанно кивнула, не зная, как подобает отвечать на приветствие.

— Могучий владыка, отец земель, ждет вас, семя от семени его, — густым басом добавил царедворец, беря меня за правую руку. Следом за ним, другой вельможа подхватил меня под левую, и они медленно и чинно повели меня вглубь дворца. Остальные, склонив свои курчавые головы, плавно выдвинулись за нами.

Пройдя через длинный темный коридор, мы оказались в тронном зале. Яркие снопы света, падавшие сквозь частые световые окна под крышей, ослепили меня, и все помещение предстало передо мной словно окутанное золотой сетью Владык неба. Окруженный стройным лесом резных золотистых колонн, чьи искусно вделанные медные зеркала преломляли лучи солнца, возвышался драгоценный помост, на котором восседал владыка этих земель.

На самом деле этот зал был не очень большим, но его оформление и убранство увеличивало реальные размеры, подчеркивая величие правителя. По сторонам от трона стояли самые приближенные советники и слуги с опахалами из снежно-белых огромных перьев. У подножия трона, где сейчас проходила и я, толпились вельможи знатных родов. Сам же правитель, облаченный в разноцветные длинные, шитые золотой нитью одежды с роскошной бахромой и накидку из шкуры леопарда, казался драгоценным камнем в божественном венце. Его убранство поражало своей массивностью и ценностью, а суровое, но спокойное лицо в обрамлении густой богато убранной бороды казалось высеченным из камня.

Правитель Кареша был уже не молод. Насколько я научилась различать возраст местных жителей, ему было больше шестидесяти весен. По левую руку от царя, стройная и одетая в золотистые драгоценные ткани, восседала его супруга. Все килограммы ее украшений казались ажурными и невесомыми, оттененные могуществом убранства правителя. Моих сестер видно не было.

Ведомая под руки вельможами я еле шагала по гладким, отполированным стопами множества просителей, ступеням. Подобного официального приема я совсем не ожидала. Совершенно не зная, что делать, я решила объяснить все слабостью своего тела и, еле передвигая ногами, позволяла себя вести.

На самой вершине у ног правителя оказалась я уже одна, мои провожатые не доходя три шага, выпустили мои руки и упали ниц. Мое тело пошатнулось, но падению помешала царица, быстро поднявшаяся и ухватившая складки одеяний. Мой царственный родитель ловко поймал мои тонкие ручки и бережно усадил у своих ног на небольшой пуфик, который расположили здесь явно для этой цели. Я только поразилась, с каким изяществом мое хрупкое тельце грациозно опустилось на сиденье. Словно бы так и было задумано.

— Приветствую тебя, великий владыка земель Кареша, чьи могучие руки поддерживают каждого из нас! — пролепетала я одну из формул приветствия, надеясь, что выбрала верную.

— Рад видеть, что твоя красота и здоровье снова возвращаются к тебе, драгоценная моя дочь, — мощным низким голосом пророкотал мужчина, все еще сжимая мои хрупкие ладошки своими могучими руками. Облаченные в драгоценные тяжелые запястья, они были широкими, жилистыми и сильными, словно правитель постоянно выполнял тяжелую работу.

— Милосердная Иинат вняла нашим молитвам и вернула тебя из теней к свету дня. Сиятельная царица постоянно молила ее и приносила богатые дары. И я рад, что это случилось именно сейчас.

Я робко подняла глаза на владыку. Он смотрел на свою дочь с обычной отеческой любовью и нежностью, подобно любому заботливому родителю. Сейчас он казался совсем обычным усталым мужчиной. Я ласково улыбнулась: похоже, правитель действительно любил свою старшую дочь. Это обнадеживало. Слишком поздно я поняла, что практически ничего не знаю о местном придворном этикете, а спросить не у кого. Придется снова слепо довериться в этом «маленькой» царевне.

— Я рада, что мой родитель пребывает в добром здравии и хранит нашу землю ради нас, а Боги улыбаются ему, — тихо произнесла я, потупив взор.

— Боги пока любят меня, но пришло время задуматься и о том, какую пользу нашей земле можешь принести ты, дочь моя, — царь тоже теперь говорил значительно тише, видимо не желая, чтобы все его окружение слышало эти слова.

— Ранее я планировал заключить твой союз с наследником Хоннитского царства, но теперь, когда мой старший сын ушел в мир теней, такое решение стало невозможным. Мой младший мой сын еще настолько юн, что Боги вольны забрать его и лишить нас последней надежды. Потому я повелеваю, что до своей седьмой весны он не должен покидать пределов своего дворца.

Могучий голос отца, в начале речи бывший тихим, разнесся по залу, донося до слуха двора решение повелителя о младшем сыне.

— Владыка мудр и заботлив, оберегая чадо свое от бед и недугов! — промурлыкала царица, склоняясь к его коленям, но мне, сидевшей ниже, хорошо была видна ее досадная гримаса. Она явно не была рада решению супруга.

— Тебя же, моя старшая дочь, я решил отдать в жены младшему сыну моего царственного брата Кумиш-Шебеша, Энмеру-ани. Владыка Хоннита заверяет меня, что он молод, красив, и, надеюсь, сможет быть твоей правой рукой в деле управления нашей землей. Ибо после меня землю эту оберегать тебе, — снова понизив голос обратился он ко мне.

Я потеряла дар речи! Этот могучий царь действительно решил передать «корону» своей старшей дочери? У многих народов, конечно, женщины могли править, но это встречалось не часто. К тому же царица не блистала умом и государственными талантами. Пусть даже и при умном муже, но официальные права получает она. Это все могло бы очень плохо закончиться, находишься сейчас в этом хлипком тельце прошлая его хозяйка. Я поежилась, снова вспоминая, что эта юная дурочка сейчас где-то, может быть, уже ломает мою собственную жизнь.

— Я принял свое решение, — голос властителя стал густым и громким. — Я хочу, чтобы после того, как отправлюсь к предкам, моя старшая дочь, Юилиммин-даша, укрепив свою силу в могучем союзе, управляла этой землей!

Какой дальновидный у меня родитель! Вроде про замужество мое сказал, а вроде и нет. Кому он намерен отдать свое сокровище и когда, оставалось непонятным.

— Мой же младший сын, если Боги будут к нему милостивы, да примет эти земли после нее! — царь выдержал паузу.

— Драгоценную дочь свою, Шахиру-даши, решено мной отдать в жены наследнику Хоннитских земель и тем укрепить наш союз. А потому повелеваю немедленно послать к царственному брату нашему и оповестить о том. Коли он примет мое решение, то должно старшему сыну его прибыть в Ассубу не откладывая и взять себе дочь мою, при условии, что она всегда будет хозяйкой дворца.

Царица окаменела на своем троне, ее тонкие руки, унизанные драгоценными браслетами, сжались в кулачки, но на лице сияла светлая улыбка.

— Владыка мудр и дальновиден, но все мы уповаем на то, что Боги охранят его еще много весен для этой земли, — нежно произнесла она. Вот ты и нажила себе много врагов — промелькнуло в моей голове. Но оспаривать решение владыки здесь и сейчас мог бы только сумасшедший.

— Обучение же Юилиммин-даши начать немедленно, — снова разнесся над моей головой властный голос. — Я сам прослежу, чтобы лучшие мудрецы отныне наставляли старшую царевну, и решу, чему ее следует учить. Тебе же должно быть покорной моей воле, дитя мое!

— Покоряюсь решению и не смею перечить, — эхом отозвались мои губы.

— Не позднее же конца месяца Небесных огней дочери нашей надлежит приступить к выполнению обрядов очищения и перехода. Чтобы свершилось все мной задуманное, я велю посольству в Хоннитские земли отбыть как можно скорее. Высокий родом Шамунт поведет его и будет моими устами и моими глазами.

Один из встречавших меня вельмож низко склонился, принимая волю владыки. Было заметно, что в словах своего повелителя он прочел больше, чем слышали уши остальных.

— Вам же всем велю собрать богатые дары, достойные этого, и товары для обмена. Правильным будет послать ко двору моего брата и пару красавиц рода высокого, чтобы еще более укрепить связь нашу. Привезете также и дары для великой царственной супруги его и сестры нашей Амминат-аши. Поднесите ей это лично и передайте привет и почитание. От того посылаю с вами и тех, кто хранит в памяти ее облик отчетливо. Ханабит-ата велю сделать это я.

Одна из закутанных в дорогие покрывала фигур тоже склонилась в поклоне.

— Да будет все исполнено по твоей воле, владыка! — прозвучал яркий женский голос в тишине, — Позволь мне взять еще одну из тех, кто знал сиятельную сестру твою, чтобы глаза мои не подвели меня.

— Пусть будет и это! — царь кивнул и продолжил. — Повеления мои должно исполнить вам немедленно.

Владыка закрыл глаза и замолчал, давая всем понять, что все дела окончены. Придворные, пятясь, покидали зал, шурша в золотистом полумраке полами одежд, словно сотня летучих мышей.

— Я желаю разделить с тобой трапезу, дочь моя, — спокойным голосом произнес царь, останавливая мою попытку последовать за свитой. — Мы пройдем во внутренние покои сейчас. Тебе, сиятельная супруга моя, я тоже буду рад.

Одним сильным движением он поднялся и поставил меня на онемевшие ноги. Голова закружилась, но я нашла в себе силы прошептать слова благодарности. Родитель же и далее моих рук не отпустил, а сам провел к проему за тронем. Царица Нинмах-аша, чуть помедлив, тоже поднялась, и, звеня браслетами и подвесками, последовала за нами. В этом нестройном перезвоне мне снова почудился леденящий душу гнев царственной мачехи. Но внешне заметить хоть каплю неприязни или обиды было невозможно. Она легкой ланью ступала за владыкой по коридору, явно понимая, куда мы идем. Я же старалась не висеть на руке царя и не сбиваться с шага, что стоило мне немалых усилий. И хотя отец шел не быстро, размеренно, мои мелкие слабые ножки едва поспевали за ним.

Темные короткие коридоры перемежались более широкими прямоугольными и светлыми проходами, стены в которых были искусно расписаны. Теплые снопы света падали из узких окон под крышей, образуя на полу узоры золотых пятен. Я ощутила, что легко могла бы потеряться в бесконечном лабиринте дворцовых проходов. Владыка же уверенно шел вперед, и вскоре мы оказались в просторной комнате-веранде, где вместо одной стены был ряд прямоугольных колонн, открывавших вид на чудесный дворцовый садик. Над весенней зеленью жемчужной белизной горели вершины заснеженных гор, а над ними царила Иират, божественный предел, вознесшийся над миром. Прохлада дворца смешивалась тут с теплым

ветерком, и пение птиц услаждало слух.

Здесь уже ждали многочисленные рабы и слуги, толпившиеся у дальней стены зала, а в глубине помещения уже был накрыт стол, уставленный яствами. Привыкнуть к местной пище было довольно трудно. Мое появление во дворце пришлось на конец «зимнего» сезона — эттена. В это время сады и поля отдыхали, коровы давали меньше молока, питаясь скудной посохшей травой и ветками, а люди доедали свои запасы. Все, что я здесь попробовала за этот месяц — каши. Огромное количество зерновых каш, ароматные, но суховатые лепешки, яйца и сухофрукты с медом. Последний мне выдавали совсем по чуть-чуть, вероятнее всего он был в дефиците. На царском же столе было жареное мясо и птица, сыры и различные лепешки и даже сладости. Желудок радостно заурчал, предвкушая такое изобилие.

Слуги, подбежавшие к нам, приняли меня под локти и осторожно опустили в маленькое плетеное кресло, а мальчик с опахалом пристроился за спиной. Сейчас же появились девушки с кувшинами для омовения. С отца же аккуратно сняли тяжелый расшитый золотом и дорогими камнями головной убор, обнажив копну густых иссиня-черных курчавых волос. Затем он избавился от массивного драгоценного оплечья, широких запястий, накидки из шкуры леопарда и тяжелого плаща с бахромой, оставшись только в длинной, богато изукрашенной шерстяной юбке-шубату, которую здесь носили мужчины вместо штанов, и расшитой канди*.

Девушки умело омыли его руки и обтерли их отрезами мягкой ткани. Только после этого Владыка опустился на свое сидение. Царица расположилась на легком плетеном стуле по левую руку от супруга и сверлила меня глазами. Мое место было напротив отца, и я восторженно разглядывала этого древнего властителя. Широкоплечее, мощное тело выдавало в нем опытного воина. Несмотря на годы, он поддерживал его в отличной форме. Несколько тоненьких шрамов, едва белевших на смуглой коже рук, говорили о давних ранениях. Волосы на голове вились тугими кольцами, намного сильнее, чем у царевны, но от меня не смогло укрыться, что цветом своей шевелюры он обязан краске. Волосы отца давно поседели под гнетом лет и забот, но показать это он никак не мог. От этого царственного мужчины даже без всех его богатых одеяний веяло спокойной мощью, властью и какой-то неземной силой. Только его карие глаза, в лучистой сети морщинок, совсем как у всех остальных людей, глядели на меня с легким беспокойством и бесконечной нежностью. Отец, казалось, что-то хотел спросить, но почему-то не делал этого. Я почувствовала, что щеки мои покраснели, и отвела взгляд.

Наконец владыка откинулся на спинку кресла и хлопнул в ладоши. Слуги немедленно засуетились и принялись наливать напитки и резать яства.

Я посмотрела на узорный бронзовый кубок, в который мне налили мутноватого золотистого напитка, скорее всего являвшегося разновидностью пива или вина и опустили туда золотую соломинку. Взрослый внутри меня возликовал, но в сознании мгновенно всплыла мысль о том, что на данный момент я больная несовершеннолетняя девочка. А жидкость своим сладким запахом уже манила меня. «К черту, — решила я. — Меня совсем скоро выдадут замуж, видимо, я для этого времени уже вполне взрослая. Так что пейте, Юленька, и радуйтесь, что алкоголь здесь детям не запрещают!» Но мысли мыслями, а притронуться к еде первой я не решалась и, видимо, правильно сделала, царица тоже сидела и делала вид, что любит пейзажем. Наконец глава семьи кивнул нам и отломил ножку жареной птицы. Другой рукой он потянул напиток из большого сосуда, в который слуги

опустили две более длинные соломинки. Вслед за ним и царица аккуратно пригубила вторую, принимаясь за еду. Моя душа возликовала, а руки немедленно захватили хороший кусок мяса. Вкус был божественным! Я совсем не рассчитывала, что здесь в еду добавляют иные специи, кроме сушеных горных трав, лука и чеснока. Но мой сиятельный родитель откуда-то добыл черный перец или что-то очень похожее на него.

Наслаждаясь едой, я чуть было не выдала себя. Царевны ж они как птички, едят помалу и аккуратно. Бросив осторожный взгляд на родичей, я поняла, что пока непоправимого не случилось, но слегка замедлила процесс насыщения. Боги, как же я соскучилась по нормальной пище! Пиво же оказалось не совсем привычным, пряным и освежающим с нотками фруктов. Все портил только вездесущий тонкий осадок, но при аккуратном использовании выданной соломинки, от него получалось избавиться. С алкоголем пришлось быть осторожнее, освежающий напиток мог быстро выключить хрупкую царевну, хоть и имел совсем небольшой градус.

— У тебя хороший аппетит, дочь, это веселит мое сердце! — прогудел владыка, весело взглянув на меня. — Я уже начинал думать, что поспешил в своем решении. Все же ты, наверное, еще не совсем оправилась от недуга своего?

Я смутилась. Чего я никак не ожидала, что его так волнует мое мнение. А может, он просто не хочет выдавать замуж любимую дочь? Отлично, я тоже не в восторге от этого, попробуем потянуть время.

— Благодарю за заботу, родитель, — опустив взгляд, ответила я, — силы мои растут с каждым днем, но верно о моем здоровье знает только почтенная Каи из старого храма Великой Матери, что заботится обо мне.

Отец кивнул и, подозвав к себе одного из слуг, зашептал ему указания.

— Я справлюсь об этом, — пророкотал он и повернулся к супруге. — А ты, мать моих детей, хочешь ли сказать мне чего-нибудь?

Владычица склонила голову в почтённом поклоне, а потом положила свою узкую изящную ладонь на могучее предплечье супруга.

— Не может жена твоя возражать против решений твоих, но видят Боги, царевна только вернулась к нам, и ум и тело ее еще не крепки, — промурлыкала она, словно большая и очень хищная кошка. — Позволяют ли дела земли нашей ждать с замужеством дочерей?

— Нет, Шахиру-даши нужно выдать замуж немедля! — царь говорил быстро и твердо. — Это ждать не может. Владыка Кумиш не простит обиды. А хонниты должны быть довольны, получив нашу дочь. Она красива лицом и умела, как и должно женщине. Союз с братом моим Кумиш-Шебешем очень дорог моему сердцу и приносит много пользы нашему царству, нельзя, чтобы доверие ослабло. Уже больше месяца тому назад получил я от него весть с просьбой не откладывать далее укрепление нашего союза. А потому свадьбе быть! Что касается союза Юилиммин-даши, то здесь все немного сложнее. И хотя Кумиш тоже скорбит о моей потере, но не слишком охотно может принять мое предложение отдать мне своего младшего сына.

— А если те слухи, что знаем мы об Амминат-аше правдивы, и прекрасная сестра наша не возвышена до великой владычицы? Не будет ли какой беды и нашей дочери от хоннитов? — осторожно спросила Нинмах-аша, нервно теребя один из золотых браслетов на своих тонких руках. На ее лице же отразилась неподдельная озабоченность.

— Это тревожит меня сильно, — мрачно ответил царь. — Нужно посмотреть, какие плоды принесет посольство и какой ответ даст брат мой на мою просьбу. Но сама

понимаешь, союз этот нам необходим более, чем им. Будем надеяться, что Мандару-Кумиш покажет себя достойно.

Он хотел было снова заняться едой, но мачеха опять отвлекла его.

— Могу ли я поговорить с тобой еще, владыка мой? — она кротко и выжидающе посмотрела на царя. Тот вздохнул, отложил в сторону уже смоченной в подливе кусок лепешки, и кивнул.

— Дочь твоя, Юилиммин-даша, ранее не была прилежна в учении и здоровьем нынче слаба... Да будет милостива Всеблагая, но справится ли она со всем? Еще же весенние обряды нужно совершать. Может, не стоит спешить?

Я вскипела. Да как смеет эта наряженная кошка обо мне такое говорить, да еще и при отце?

— Прости меня, досточтимая мать, но это не соответствует истине! — резко перебила ее я.

Царица была просто готова испепелить меня взглядом, но я продолжила, не дав ей вставить слово.

— Болезнь моя увела меня далеко от света дня, но Небесная Мать напоила меня своим молоком и вернула меня к вам! — я решила, что немного божественного вмешательства спасет мое положение. — Боги провели меня по тропам иного и открыли тайное. Ясна мне теперь цель обучения и решение владыки я принимаю с радостью.

Отец смотрел на меня странно, как будто не веря своим глазам. Мачеха, казалось, совсем проглотила язык от такой дерзости.

— Нам должно принести большие жертвы и устроить праздник! — воскликнул владыка, — Всеблагая вернула мне больше, чем хотела забрать... Теперь в тебе я увидел жажду к знаниям, моего сына, словно сам он говорит твоими устами.

— Да позволит мне мой родитель попытаться восполнить утрату, что все мы понесли, — глаза наполнились слезами, и я позволила себе заплакать. Это, возможно, смягчит контраст от перемены моего характера. Вот бы еще как-нибудь отвертеться от замужества или оттянуть этот момент на годик-другой, но сейчас я не видела четкого решения этой задачи. Хотя родители моего нового жениха могут и не поддержать папу.

Взгляд отца потеплел, он встал и привлек меня к могучей груди. Его огромные руки ласково гладили меня по волосам.

— Ты, моя драгоценность, успокой свои глаза, ты вернулась к нам другой и все той же. Я повелел, чтобы тебе назначили самых мудрых учителей, но не перетруждай себя. Если наставники будут хвалить твое усердие, то я подарю тебе ожерелье из солнечного камня.

С несколько мерзким ощущением на сердце я подняла на отца заплаканные очи, играя на его любви ко мне. Обещание дорогого подарка явно должно было подкупить девушку.

— Я, правда, буду так стараться, что ты будешь доволен и подаришь мне много украшений! Только не позволяй никому, родитель мой, даже упоминать о болезни моей и свойствах ее. Это огорчает меня и может повредить и делам нашим! Язык людской только гадости приносит! — плаксиво попросила я.

Царь задумался, и на лице его отразилось понимание.

— Велю немедленно молчать всем о болезни дочери нашей и нигде не упоминать о ней более, для блага земли нашей и по моей воле. Ослушников же сечь, невзирая на род и богатство! Донесите это до всякого во дворце! — проревел он окружающим.

Мачеха, судя по ее взгляду, к тому моменту съела бы меня с костями, но явно

стеснялась.

— Твое решение мудро, муж мой! — выдавила она с раболепной улыбкой. Царь окинул ее взглядом и продолжил:

— Прочих же царевен я велю отправить в храм великой Иинат, чтобы постигли все тайны, нужные женщинам, которые красотой своей радуют наш взор. Если же кто из них будет особо усерден в знании своем, то мы поговорим об этом отдельно.

Похоже, сегодняшнее поле боя оставалось за мной, хоть я и четко ощущала, что балансирую на грани дозволенного. Остаток трапезы прошел в незначительных беседах. Владыка расспрашивал супругу о домашних делах и о сыне. Я все больше молчала и рассматривала окружение. То и дело я ловила на себе взгляд отца, он явно любовался мной. «Золотой цветок» — вспомнилось мне.

Когда обед подошел к своему завершению, меня проводили до паланкина. Опустившись на мягкие подушки, я осознала, как устало мое тело, а ведь я почти ничего не делала. Глаза слипались, но спать было нельзя, хоть носилки и покачивались, убаюкивая. Нужно добраться до своих покоев, только там уже можно расслабиться. Но сбыться мечтам о сне было не так просто. К тому времени, как я вышла из паланкина, меня уже ждали.

Старая Каи придирчиво оглядела меня с головы до ног и, ворча, велела мне идти в покои. Там она налила мне кубок целебного отвара, натерла виски остро пахнущей мазью и только после этого позволила Шанхаат снять с меня украшения и одежды.

— Тебе нужен покой, царевна, хоть я и понимаю, что отказать владыке невозможно. Уж прости меня, но наставников твоих я отослала, — жрица жестом приказала мне лечь на плетеную из лозы кушетку. Все, что она делала со мной, больше всего напоминало некий изощренный восточный массаж.

Воскурив ароматную смолу, она мяла мое худосочное тельце, иногда довольно больно щипая в определенных точках. В каких-то случаях прикладывала теплые камни, временами — растирала мазями. Уловить логику в подобном лечении я не могла, но в целом становилось легче.

Я лежала, окутанная ароматными дымами, и думала о том, как быть дальше. Иногда я жалела, что с письменными источниками в эту эпоху было очень скудно. Почти ничего не зная о нормах поведения в эту эпоху, мне приходилось быть крайне осторожной в своих словах и действиях. Ну не может же царевна, всю жизнь прожившая во дворце, не знать элементарных норм этикета или практически ничего не понимать в местной религии? А о богах я знала очень немного.

Конечно, местный пантеон отличался от культов соседних городов-государств, но основные божества мне были знакомы, беда состояла в том, что каждое племя имело свои особенности культов.

Верховное божество в этом регионе называли Эну или Владыка Неба и оно, как и положено, метало молнии, дуло ветрами и насылало дожди. По некоторым версиям, Эну являлся отцом всего или старшим из богов. Но в Кареше его, похоже, не особо любили, а, может, и не признавали, ставя на высшую ступень Великую мать Иинат, которая была мне известна как Энана, и была в почете у женщин. Здесь Всеблагая почиталась как создательница всего живого, каждый год оживлявшая умирающую природу. Именно она ведала здоровьем, плодовитостью и красотой всех людей. Одновременно с этим она была и богиней плодородия земли, вместе со своим мужем и братом-лучником Аннаном. Под этим именем здесь почитали луну. Серебрянорогий, который мог воплощаться и в быка, и в

мужчину, судя по всем признакам, был одновременно и богом плодородия и мужской силы. Женская часть даровала почву, а мужская порождала всходы.

Царевна, видимо, обучалась служению этим двум божествам, так как напевы-заговоры старой Каи, которые она шептала при лечении, были ей во многом знакомы. Но как быть, если ей придется исполнять обряды? Давно пора бы ей было сходить в святилище и принести жертвы в благодарность за свое исцеление, но как это сделать? С танцами тоже не особо получалось. Непонятным было даже то, как это должно выглядеть.

Информация здесь распространялась в основном изустно и мне это было довольно непривычно. Сразу запомнить всю информацию было очень тяжело, приходилось, как в начальной школе, — заучивать наизусть. Записывались лишь значительные факты: счета, указы, письма царских особ — и делалось это в особой манере. Тут мне, конечно, повезло, что сиятельная Юилиммин ранее была в науках чистым листом, из тех учеников, у которых в одно ухо влетает, а из другого — вылетает. Не так уж легко приходилось и мне.

Широко распахнув свои огромные очи и приоткрыв ротик, я с самой невинной миной признавалась, что не помню, как составлять тот или иной документ и наставнику приходилось объяснять, судя по его кислой мине — в сто двадцать первый раз. На самом же деле я училась как никогда ранее. Хорошо хоть царевна, по всей видимости, была не глупа, а просто не видела прока в науках. Мне же было интересно все, но для любопытства нужен был повод.

Теперь, после разговора с владыкой, у меня появилось еще одно оправдание моего рвения. И на следующий же день я изъявила желание узнать все про хоннитское царство, отношения с которым нам так важны.

Мой наставник, полноватый, но очень терпеливый дворцовый писец Нартан, поведал мне о том, как первый правитель пришел к власти, о границах и богатстве наших соседей, а особенно о мощи их воинов. Я даже удивилась, как мой прапрадед сумел удержаться на этом клочке земли и заключить мир с большинством соседей. Но объяснение было простым: владея не только равниной, но и горами, наш народ добывал лазуриты и бирюзу, а также был искусен в изготовлении украшений. Имея со стороны воинственного Хоннита границей лишь узкое и трудно проходимое ущелье, мы всегда могли малыми силами остановить врага. С другой же стороны простиралась жаркая пустынная местность — обиталище кочевников-скотоводов. Их нрав был вспыльчив и переменчив, как ветер, но они не всегда трогали караваны купцов, приходивших из далекого Кхинду — богатой и таинственной страны, где, как говорили, реки наполнены молоком и медом. Так или иначе, а торговый путь во времена моего предка завершался в Кареше, и только мой отец, объединившись с Хоннитом, смог сделать проход через ущелье врат легким и безопасным. В Кареш потек богатый торговый поток с другой стороны гор.

Нартан был удивительно знающим человеком. Он происходил из рабов, чьи предки, подобно моей бабке, были привезены сюда из дальних стран, лежащих далеко за горами, но за свой ум и верность были возвышены и имели хорошее место во дворце. Писец знал огромное множество легенд разных стран и стал для меня той самой «книгой», которой мне так не доставало в этом мире.

Примечания:

*Канди — вид рубахи (туники) с коротким рукавом (месопотамия).

Глава 6. Наглый посланник

Стоял жаркий душный вечер. Воздух, раскалившийся за день, густым маревом висел над стенами дворца. Я наконец-то выбралась из своих покоев и упростила своих «нянек» отпустить меня в большой сад вместе с сестрами, чтобы искупаться. Каи рядом не было, она наверняка запретила бы юной царевне плескаться в холодной воде и бегать по траве.

Шахиру теперь говорила только о своей предстоящей свадьбе и все время просила меня рассказать о будущем муже. Но Юи видела его один лишь раз лет шесть назад, и он запомнился ей страшным и надменным. Пришлось немного пофантазировать, описав стандартного красавца с пышной шевелюрой и богатой бородой. Хотелось даже приврать про огромную бородавку на носу, но я решила не омрачать девичьих грез. Разговоры о свадьбе были гораздо лучше постоянных пикировок с ней.

Внезапно за стенами сада хрипло взвыли трубы, и все девочки побежали к воротам большого дворца, чтобы узнать, кто прибыл. Я же решила не спешить за ними и, оставшись в полном одиночестве, просто вскарабкалась на толстенную смоковницу. Сама Юи, полагаю, никогда бы на такое не пошла, можно же поцарапать нежную кожу или упасть, но Юленька в детстве покорила все окрестные березы и тополя.

С высоты дерева мне открывался чудесный вид. Поднимаясь по склону холма, к воротам большого дворца подходил караван. Тяжело мотая головами, шли груженые коренастые лошадки, их копыта при каждом шаге вздымали облачка пыли. За ними плелась большая группа усталых пеших носильщиков. А впереди колонны уже исчезала за дворцовой лестницей группа воинов. Среди них промелькнул и один конный в более ярком и дорогом одеянии, скорее всего купец или посол. Но полюбоваться как следует зрелищем мне не дали, внизу послышались голоса, нужно было спускаться.

Ну и вымазалась же я! Спеша скрыть следы своих походов мне пришлось спешно занырнуть в тепловатую воду купальни прямо в одеждах. Вот будет весело, если вся эта пыль и кора не отстираются... Как же укоризненно поглядит на меня Иба, а Шанхаат наверняка нажалуется старухе Каи. А уж как это трактует она — лучше не думать.

— Караван, караван! — наперебой кричали Тейен и Ануриммин. Они изо всех сил бежали по траве, оставив прочих царевен и свиту далеко позади. Их длинные косы так и звенели, бряцая амулетами и подвесками. Я улыбнулась им и поманила в воду.

— Там такой большой караван! Прямо, наверное, сто лошадей идет! — с восторгом поведала мне двенадцатилетняя Тейен, обогнав младшую сестру, с брызгами залетая в купальню. Ох, видела бы их сейчас их мать!

— А еще стражник сказал нам, что это приехали посланники со стороны гор. Наверное, тоже на Шахиру жениться будут, — добавила десятилетняя Ануриммин, явно впечатленная недавними рассказами старших сестер о предстоящей свадьбе. В воду она заходила осторожнее, словно боясь оступиться.

— Не говори глупостей! — напустилась на нее Тейен. — Не могут они все на ней жениться! Наверное, эти люди привезли владыке дары, за то, что отец их защитил. Помнишь, в прошлом году такое было?

— Не ссорьтесь, — мягко вмешалась я, останавливая разгоравшийся спор. — Думаю, мы скоро все сами узнаем.

Ануриммин с завистью посмотрела на меня. Младшие царевны почти никогда в большой дворец не допускались.

— Отец за тобой пошлет, правда же? Ты снова поедешь в большой дворец вся такая нарядная? Ты потом расскажешь? — пыливый взгляд карих глаз был настолько мил и открыт, что я не выдержала. Можно и побаловать малышню. Но так как за любое удовольствие в этом мире нужно платить, мне на ум пришла превосходная идея решения собственных проблем чужими руками.

— Конечно, расскажу, а, может быть, даже разрешу посмотреть и примерить свои ожерелья, — посулила я. — Но только тем девочкам, что принесут мне сухие одежды от Шанхаат. И так, чтобы она их не видела.

Цена была высока. Хотя до стен малого дворца, где проживали все женщины семьи, было не очень далеко, проскользнуть мимо стражи, охраняющей мои покои, было сложно. Но мелкие могли перелезть через стену во внутренний дворик, я не раз видела, как они это делали, чтобы из укромного угла понаблюдать за моими занятиями. Сколько раз я отвлекала внимание Нартана и кормилицы, давая им улизнуть незамеченными.

— Если вы думаете, что я не знаю о ваших визитах в мой сад, то зря, — намекнула я притихшим девчонкам. — Бегите быстро и не попадайтесь! Я уже устала тут сидеть.

Тейен лукаво прищурилась.

— И как же ты, дорогая сестра, могла забыть и служанку и запасную одежду, — хитро заметила она. — Шахриру так никогда не поступает.

— Так я и не она, — довольно резко ответила я. — А будешь много знать — скоро состаришься!

В шоколадных глазах девочки заплясали бесы. Она накрутила одну из своим многочисленных косичек на кулачек и натянула, наверное, подбадривая себя.

— Видимо отец хочет, чтобы ты превратилась в старуху, — заключила сестренка. Смотри-ка, и у этой малышки уже прорезались зубки! Осмеливается вести себя так нагло — набралась от старших. Вряд ли это детская непосредственность.

Собираясь как следует осадить зарвавшуюся девчонку, я заметила, что маленькая Ануриммин с нескрываемым ужасом слушает нас. В ее глазах уже поблескивали слезы, маленький ротик был удивленно приоткрыт. Эта девочка умом явно не блистала, но подкупала своей прямоотой и открытостью.

— Мы шутим, — я поспешила утешить доверчивую малышку и бросила свирепый взгляд на вторую сестру.

Тейен еще раз дернула себя за косичку и кивнула, подтверждая мои слова.

— Так и быть, я принесу, — быстро добавила она, исчезая в кустах. — Анури, останься тут!

Меж тем к каменному борту пруда уже подходили старшие царевны. Айтимм хотела было присоединиться к нашим водным процедурам, но стушевалась под удивленным взглядом Шахриру.

— Неужели ты все время купалась, дорогая сестра? — ядовито-нежным, почти как у матери, голоском протянула та. — Слишком частое и долгое купание портит кожу. Она становится противной, как у лягушки, — припечатала царевна, элегантно обмахиваясь плетеным из тростника веером. У Айтимм опахла не было, и она просто встала позади сестры, подставляя свое лицо потокам воздуха.

— За мою кожу не беспокойся, — парировала я. — А вот твоя скоро запечется на

солнце, и ты превратишься в сушеную сливу. Смотри, не понравилась жениху. Спросит, зачем вы мне простую девку подсунули?

Это было грубо, но слова достигли цели, и сестренки чинно удалились под сень шелковицы. Разговаривать оттуда было неудобно. Наверное, Шахриру теперь на улицу и носа не высунет, будет беречь свои красоты.

Вскоре из кустов вынырнула Тейен с моим платьем. Надо ли говорить, что оно было безнадежно измято, слегка запачкано и, увы, немного порвано. Оценив перспективы, я не стала упрекать маленькую посланницу. Возможно, она была намеренно неаккуратна с моей вещью, но доказательств этому нет. Чтобы не провоцировать пересуды я воспользовалась помощью чужих служанок, и переделалась за ширмой из их платков, которыми и женщины, и мужчины здесь драпируют нижние одежды.

У туники был разорван подол почти до колена. Скорее всего, в процессе перелезания через стену край зацепился за ветки. Верхняя накидка у меня была довольно короткой и не могла закрыть дыру. «Ладно, если сделать уверенный вид, то до покоев можно дойти и в платье с разрезом. К тому же мои жреческие наряды для танцев во многом более откровенны» — решила я и уверенным шагом удалилась в сторону дома, повелев мокрую одежду привести в порядок и доставить сухой и чистой. Хоть здесь выкрутилась!

Отец прислал весть тем же вечером. В полдень мне надлежало явиться и быть в его свите при приеме посольской делегации. Одежду и украшения на этот раз он выбрал мне сам и слуги их уже раскладывали. Туника была светло зеленой из тонкого драгоценного льна, к ней прилагалось богато расшитое красно-желтое шерстяное полотнище, отделанное понизу тонкой бахромой и довольно плотное покрывало для головы в тех же тонах. Похоже, владыка на сей раз желает спрятать свой цветок среди советников. Богатые, но не вычурные сердоликовые украшения только подтвердили мои догадки.

Я приложила ткани к себе и попробовала повертеться перед зеркалом. Ну до чего ж все это неудобно! В вечерних сумерках в этом полированном куске металла уже невозможно ничего рассмотреть, только смутные очертания.

После заката в покои прибежали сестренки. Шанхаат, впустившая их, исподтишка кинула на меня долгий печальный взгляд. Уж кто-кто, а она, отвечавшая за царевнин гардероб, явно что-то подозревала. Но не проговорила остальным, что радовало.

Я попросила ее принести несколько ларей с моими украшениями. Служанка, явно не одобряя моих затей, поспешила выполнить указания. Наблюдая за тем, как вертятся младшие сестренки, прикладывая к себе нити разноцветных бусин, мне снова вспоминалось детство. Как же я любила, когда мама позволяла мне порыться в своих сокровищах: примерить сверкающие бусы, приложить к еще не проколотым ушам серьги!

— Сиятельная, а что ж будет, если испортят? — тихо прошептала служанка почти на ухо, наполняя мой кубок медовой водой.

— Я им обещала, Шанхаат, а слово надо держать, — так же полупшепотом откликнулась я. — Они помогли мне сегодня — за это положена награда.

— Ох, госпожа, зачем вам все это! Учение всякое, снова в большой дворец зовут, а девушке в этом возрасте не об этом думать положено! Вот и послы прибыли — увезут теперь нашу красавицу! — служанка всплеснула руками. Так вот, что ее печалит, а вовсе не испачканные мной одежды!

— Шанхаат, — хотела было утешить женщину я, но вовремя одумалась.

Дочь владыки не должна позволять прислуге высказывать свое мнение. Прости, уважаемая, но обстоятельства вынуждают меня быть жесткой.

— Если ты будешь позволять себе обсуждать решения нашего отца, то я отошлю тебя на работы при храме. Будешь чесать шерсть, а не молотить языком! — угроза подействовала. Служанка кротко кивнула и залепетала слова глубочайшего раскаяния. Так-то лучше, распустила я их своей мягкостью.

Полог занавесок дернулся, и на пороге возникла девушка из свиты младшей царицы — матери находившихся сейчас у меня девочек. Она согнулась в поклоне и застыла, ожидая, пока царица разрешит ей говорить. В худеньких загорелых руках девушка держала небольшой кувшин и сверток.

Я мысленно досчитала до двадцати, оглядывая гостью, и жестом руки передала право переговоров Шанхаат. Этот прием мне удалось подсмотреть во время визитов к своим родственницам. Если хозяин посольного был ниже по статусу, то говорить с ним считалось лишним, с этим мог справиться доверенный слуга. «Так я превращаюсь в высокомерную стерву, которой в прошлой жизни руки бы не подала,» — горестно подумалось мне.

Увидев, кто пришел, младшие сестрички моментально отложили драгоценности и притихли. Моя служанка внимательно выслушала посланницу, кивнула и вернулась ко мне.

— Сиятельная Оймин-даша прислала тебе в подарок масла для ламп и отрез тонкой шерсти, чтобы возместить испорченные дочерью.

Надо же, уже и она в курсе моих злоключений. Похоже, Тейен попалась кому-то из приближенных своей матери на глаза. Но, куда более вероятно, что служанки младших цариц, а может и они сами, поддерживают тесный контакт. Надо бы это проверить. Одной в этом змеюшнике мне будет туго — нужно искать союзников.

Отпустив посольную, я приказала принести сушеных фруктов, лепешек с медом и сладкого травяного настоя для себя и девочек. Пусть Тейен, прислушивающаяся к наговорам Шахриру, оценит мою щедрость. Может быть, в следующий раз ее острый язычок будет на нужной стороне.

С угощением я угадала. Видимо, стол у младших дочерей немного скромнее моего. Как сладкий сон вспомнилась трапеза у владыки. Может быть, мне и завтра удастся поесть мяса?

Во дворец я снова отправилась на носилках. На этот раз с эскортом из десятка солдат, чьи доспехи были гораздо скромнее — явно боевые. Завернутая до пят в многочисленные складки нового парадного одеяния, я с трудом двигалась. Платок, закрепленный многочисленными золотыми цепочками на голове, мешал обзору. Судя по внутренним ощущениям тела, Юи не часто приходилось носить такие наряды, хотя, возможно, в силу ее юности. Царица не привыкла скрывать свою необычную красоту. Ее не смущали восхищенные взгляды мужчин и зависть женщин. Мне же все это не слишком нравилось, но приходилось терпеть. Все чаще в голову приходила мысль, что я застряла в теле юной царицы навсегда и именно мне предстоит выйти за принца-консорта из соседнего государства.

Встречали меня тоже более скромно. Четыре задрапированные матроны и уже знакомый вельможа с заплетенной бородой. Надо бы хоть имя и должность узнать, пронеслось в голове. Юилиммин мне здесь ничем помочь не могла. Ее или не интересовали все эти люди, или в большом дворце она и сама бывала не часто. Мой почетный караул безмолвно разделился. Четверо солдат остались у носилок, а шестеро последовали за нами в

лабиринт коридоров.

Здесь стены были украшены гораздо скромнее. Цветные плитки были уложены в ложные колонны, между ними вились цветочные узоры, выполненные краской на штукатурке. Потолок был расписан синими и красными полосами.

Наша делегация довольно быстро добралась до тронного зала с колоннами и зеркалами и вошла через боковые двери. Вот здесь они были! Стража безмолвно застыла на пороге, а вельможа со мной под ручку и дамы прошли внутрь.

Сегодня зал выглядел еще богаче и таинственней, чем при моем первом визите. Все проходы устилали узорчатые ковры. Тот пяточок, на котором было положено стоять просителям, был дополнительно освещен десятком лампад, которые держали на медных палках полуголые рабы. Их точеные тела маслянисто поблескивали. Просто заграждение ОМОНа на концерте поп-дивы, подумалось мне. Все дорого-богато и тщательно продумано. Я оказалась права, мое место было у подножия лестницы, ведущей к владыке, сразу за спиной одного из живых светильников. Компанию мне составляли все те же четыре женщины, как и я упакованные в цветастые наряды. За моей спиной переминался, пристраиваясь удобнее, вельможа. Очевидно, что в его годы стоять всю церемонию было тяжким испытанием. Похоже, мой батюшка от кого-то прячет меня, но хочет, чтобы я все видела. Уверенность в том, что после приема меня пригласят в покои отца, все крепла.

Через двадцать минут после того как мы заняли свои места, появилась царствующая чета. Владыка был основателен и блестящ в своем парадном одеянии, а Нинмах-аша как обычно эффектно его оттеняла вычурностью и нежной красотой.

Отец нашел меня взглядом, убеждаясь, что его повеления исполнены в точности, и кивнул, давая понять, что готов принимать послов.

На дальнем конце залы запели рога, и по дорожке между приближенными зашагала делегация. Впереди, твердым шагом ступая по коврам, выступал молодой мужчина. Он был довольно высок ростом и широк в плечах. Всем своим видом посол хотел подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие оружия и доспехов, он — воин. Плечи прикрывал темный невзрачный плащ, но туника под ним была из дорогого синего льна с золотой вышивкой. Короткая юбка — шубату, которую здесь носили почти все мужчины, была повязана поверх светлых тканевых шаровар. Это выглядело непривычно по сравнению с задрапированными в длинные накидки сановниками Кареша. Руки и шею посла украшали солидные золотые браслеты. Как мне показалось, этот человек заменил ими более привычные боевые наручи. Я залюбовалась посланником. Кого-то он мне сильно напоминал. Наверное, Марата, но на несколько лет старше.

Следом за мужчиной следовали двое бородатых сановников в более каноничных одеяниях, а замыкая процессию, шли двенадцать рабов, неся драгоценные дары. Не доходя до освещенного пятачка, носильщики остановились. Их вид не должен был смущать всесильного владыку дальше положенного. Молодой посол вышел вперед и склонился в низком поклоне перед Маарш-а-Н'мах-Ишаном, хозяином здешних земель. Именно склонился, а не упал ниц, как старцы за его спиной. Мне показалось, что и такое выражение почестей далась этому человеку нелегко. Он явно привык, что в ноги падают ему.

Словно в отместку за такую наглость, отец не спешил позволять посланцу говорить. Тяжелым взглядом из-под кустистых черных бровей он внимательно рассматривал юнца. Владыка явно знал, кто стоит перед ним, но видел этого человека впервые.

Наконец, тяжелые минуты истекли и Маарш-а-Н'мах громко пророкотал: — Я увидел

тебя, посланник, и разрешаю говорить.

Молодой мужчина легко выпрямился, показывая, что стояние в поклоне несколько не утомило его. Старики же поднимались с трудом.

Теперь я разглядела его лицо, и странный холодок пробежал по моим ногам. Остатки личности царевны явно узнали посланника, в груди поднимался животный страх, смешанный с гневом. Чувства были сильными и странными. Сама я никогда ничего подобного не испытывала. «Чего же ты натворил, красавчик?» — промурлыкала я про себя, рассматривая незнакомца и пытаясь охладить бурю чувств, клочкотавшую внутри.

Юноша был довольно молод, судя по не слишком густой и короткой бороде, в которую он не заплел никаких украшений. Длинные до плеч волосы были убраны от висков в косицы и зафиксированы заколками-амулетами, среди которых я узнала обереги «на удачу» и для мужской силы. Неужто у него с этим проблемы?

В ушах красавчика тяжело покачивалось штук шесть разномастных серег, и одну из них я с замиранием сердца узнала. Ах вот как бирюзовый прозрачный цветочек из моего лучшего гарнитура превратился в подвеску, найденную мной на раскопе! Судя по реакциям Юи, добровольно она украшение не отдавала.

— Владыка могучего Самира, Асармериб, приветствует своего брата Маарш-а-Н'мах-Ишана и желает ему долгих лет и процветания. Мой повелитель будет говорить с тобой моими устами — Асмаррах, младший сын Асармериба, почтительно стоит перед тобой!

Твердый и красивый голос говорившего наполнил залу. А я чуть не поперхнулась от услышанного. Асмаррах из Самира... уж не сам ли Великий Ашмурах перед нами! Хотя тот, вроде, был одним из двух старших сыновей. Вот бы увидеть, как пишется его имя, тут уж не промахнешься.

— Правитель Самира шлет тебе богатые дары и заверения в своей дружбе!

Юноша легким шагом сместился в сторону, давая место рабам с поклажей. Теперь он стоял совсем близко, казалось, я слышала его дыхание. Взгляд посла скользнул по рядам придворных и остановился на мне. Темные глаза в обрамлении длинных ресниц сверкнули. Он явно разглядел меня под грудой покрывал. Скорее всего, меня выдали округлившиеся от изумления светлые глаза. Словно невзначай, он легко коснулся берилловой сережки, подтверждая мои догадки.

Рабы разворачивали тюки и открывали сундуки, а посланец подробно пояснял, чего и сколько в них добра. Карешский владыка довольно кивал. Но по его взгляду я поняла, что сокровища не закрыли его глаза. Он просто ждал окончания действия, и когда все подарки были сложены в аккуратную кучу у ступеней к трону, Маарш-а-Н'мах заговорил.

— Наш брат Асармериб смог порадовать наши глаза, но чего он хочет для себя?

Молодой человек снова согнулся в поклоне и тут же распрямился.

— Отец дозволил мне быть его устами, но только для тебя, владыка Кареша. Допустишь ли ты этого? — осведомился родовитый посланник. — Письма же, что он прислал, позволь передать тебе сейчас.

Тут вперед выступил старик и протянул юноше средних размеров шкатулку, а тот, опустившись на одно колено, поставил ее прямо на нижнюю ступень. Отец благодушно кивнул, мол, разрешит в свое время.

В это самое время в дальнем конце зала раздалась какая-то возня и вскрики. Охрана, стеной стоявшая за тронном, вышла вперед, но отец жестом остановил их. По проходу, старательно пытаясь смирить шаг, шел карешский воин, его лицо, запыленное и

обветренное, выглядело очень бледным. Обычный походный доспех в нескольких местах был рассечен. Пройдя через расступающееся посольство, мужчина рухнул ниц у первых ступеней. Все молчали, ожидая решения владыки.

— Говори! — отец поднялся с трона и теперь нависал надо всеми подобно скале. — И лучше, чтобы твои вести были добрыми.

— О, великий, клянусь Всеблагой Иинат, я принес хорошие вести! — гонец поднялся на ноги, но разгибать спины не спешил.

— Шамунт-аба прислал меня сообщить, что посольство благополучно добралось и дела идут хорошо, — добавил он. — Велел также не медлить и передать вам это! — воин на вытянутых руках протянул кожаный сверток.

Прислужники мгновенно забрали его и поднесли владыке. Пока отец читал, я во все глаза глядела на нагловатого молодого посла. Увидев карешского гонца, он, в первый миг казалось, удивился. Сейчас же еле заметно улыбался самыми кончиками губ и выглядел довольным, словно кот, укравший сметану. Пользуясь тем, что внимание публики направлено на отца, молодой царевич снова взглянул на меня. Наши глаза на мгновение встретились.

В этом взгляде был вагон уверенности, камаз нахальства и три тонны мужского вожделения. Царевич снова, словно бы невзначай, тронул серьгу. Смутьившись, я опустила глаза, чувствуя, как щеки заливают румянец. Да что же этот поганец сделал царевне, чтобы так откровенно на нее смотреть?

— Асмаррах-ани из Самаира, я оценил твою скромность! — голос владыки прогремел внезапно. Посол моментально склонился в поклоне, на этот раз и правда почтительном.

— Но почему ты скрыл от нас то, что спас моих посланников от гибели в горах? — отец с огромным интересом смотрел на склоненную спину, но молодой мужчина не двигался. — Я разрешаю тебе, говори!

Только после этих слов царевич Асмаррах выпрямился и, глядя прямо в глаза хозяину дворца, ответил.

— Мудрец прикрывается тряпкой, глупец носит алые одежды, владыка. Я не привык хвастать. Так как я, поступил бы и ты сам.

— А ты хорошо обучен, младший сын владыки! — усмехнувшись в бороду произнес отец. — Дозволяю тебе просить награду за свой поступок.

Юноша склонился, принимая слова.

— О, Маарш-а-Н'мах-Ишана, ты принял меня у себя как родного сына и дал моим людям кров. Этого мне вполне достаточно, — было видно, что посол не кривит душой. Он не рассчитывал на награду.

Владыка опустил в кресло.

— Как знаешь, но люди не могут сказать: «Владыка Кареша не помнит добра»! Может, когда-нибудь моя милость тебе еще понадобится.

Владыка подал знак, что официальная часть приема завершена, и в сопровождении безмолвной царицы покинул зал.

Послов сразу же отвели в сторонку, а меня под локоток снова подхватил пожилой вельможа и сопроводил до носилок.

Глава 7. Лапка увязла — всей птичке пропасть

Обедать вместе с собой отец меня не пригласил, но позвал на ужин. Про одежду никаких приказов не поступало, и Шанхаат принесла мне легкую светлую тунику длиной до лодыжек, не слишком зауженную к низу. Еще один кусок невесомой ткани я накинула через плечо, изящно задрапировав на поясе. В носилки служанка заботливо принесла тонкий шерстяной плащ, укрыв им мои ноги в изящных сандалиях.

У одного из боковых входов большого дворца меня, как и в прошлый раз, ожидал все тот же степенный царедворец. Его наряд стал заметно проще, но не дешевле. Охрана, сопровождавшая паланкин, как и утром, разделилась согласно правилам. Воины моей охраны всегда были молчаливы и старались производить как можно меньше шума. Об их существовании вполне легко было забыть. Я бы не удивилась, узнав, что им отрезают языки, дабы они не могли выболтать дворцовых тайн.

Отец находился в покоях один, если не считать мальчика с опахалом, писца в углу, двух танцовщиц и трех музыкантов. А за занавесками стояла охрана. Ни мачехи, ни сестер не было.

Приподнявшись на плетеном из тростника ложе, он, улыбнувшись, поманил меня к себе, а моего сопровождающего жестом отослал. Ну и собачья же должность у этого придворного! Меня встречай, провожай и часами ожидай в темном коридоре, правда, не каждый день.

Непонятно откуда выскочившая служанка поставила рядом с отцовской лежанкой маленький стульчик для меня. Рядом с нами находился и низенький плетеный столик, уставленный различной едой, у одного его края притулился бронзовый сосуд с пивом и длинной золотой трубочкой. С этим напитком я уже была знакома. Но, повинувшись безмолвному указу владыки, служанка поставила рядом со мной высокий кубок, наполненный темной жидкостью.

— Попробуй, это вино из далеких стран. Оно довольно вкусно, — предложил мне отец, после того как я, почтительно поклонившись и поприветствовав его, села.

— Я призвал тебя не только для того, чтобы скрасить себе вечер, — понизив голос пояснил владыка Кареша. — Правитель Самира хочет вести с нами торговлю, предлагает защиту, а послом присылает своего сына. Я подозреваю, что они попросят взамен тебя, мой цветок.

Батюшка окинул меня столь любящим взглядом, что стало ясно — от себя он любимую дочь отпускать не намерен. Такая ситуация скорее радовала — очень уж не хотелось идти замуж. Но ситуацию необходимо было прояснить.

— Позволит ли досточтимый родитель мне поинтересоваться, союз с каким из государств для нас выгоден? Кто обеспечит нас товарами и защитой, и не грозит ли нам войной ссора?

На самом деле я и сама прекрасно знала ответ на свои вопросы, но выпячивать свой ум нужно осторожно. Лучше, чтобы мужчина тебе все сперва разжевал, тогда твои советы покажутся ему плодом собственных мысленных усилий. Отец полностью подтвердил мои догадки. Хоннит — соседнее государство, с которым у нас давний мир и хорошая торговля, но размеры его немногим больше, чем у Кареша, зажатого между горами и пустыней. Самарское царство гораздо больше, мощней и агрессивнее. Нынешний правитель успешно

объединил под своей властью несколько соседних государств, используя для этого самые разные методы. Если я права и присланный царевич — это юный Ашмурах Великий, то ссориться с самирским владыкой — чистое самоубийство. Даже по сохранившимся до моих дней источникам, этот человек был умен, ловок в политике и безжалостен к тем, кого считал врагами. Для надежности мне надо было увидеть, как пишется его имя, желательно на самиро-найтском. Как они сами называют свой язык, я понятия не имела.

Опустошив для храбрости почти наполовину свою чашу (напиток оказался слабеньким кислым вином), я решительно подтвердила опасения батюшки. Наедине со мной он не казался грозным скорым на гнев царем, а обычным, очень озабоченным благополучием своей семьи, родителем.

— О, владыка мой, — немного заискивающе начала я. — Правильно ли истолковано мной твоё желание о том, чтобы я сама взглянула на этого посла? Хочешь ли ты узнать, что заметили мои глаза?

Идея явно пришлась отцу по душе, но он, сделав дочери знак подождать, приказал играть громко и танцевать. Теперь за шумом музыки мы могли приватно беседовать.

— Человек этот силы немалой, — тихо сказала я. — В глазах его живет лев и ум острее меча.

Внезапно в мою белокурую головку закралась отличная мысль. Как одна из верховных жриц Иинат я могла бы спросить совета у богини и уже не таясь выложить отцу свои опасения. Но все надо делать постепенно.

— Скажи мне, родитель мой, приезжали ли раньше к нам послы из самирских земель? Кажется мне знакомым лицо этого мужчины.

Ага, лицо — моя подвеска у него в ухе и страшная ненависть к нему Юилиммин. Вот ведь хитрец, с царского места побрякушку и не разглядишь!

Владыка почесал свою кудрявую бороду и задумчиво кивнул.

— Прошлой весной к нам уже приезжали посланники Асармериб-Ишана, договаривались о закупках тканей и лазурита, — вспоминая, пояснил он. — Но этого юнца не было среди послов.

Теперь я уже почти не сомневалась, что мальчик был и сделал царевне что-то нехорошее.

— Успокой свое сердце, родитель мой, я знаю, что Великая Мать раскроет нам все его планы. Дозволь мне спросить ее об этом.

— Это будет хорошим делом. Давно тебе пора вернуться в храм! Никто так не умеет служить Всеблагой Иинат как ты, Золотой Цветок.

Все шло отлично, осталось только увидеть имя царевича. Я отпила из кубка и лучезарно улыбнулась папочке. К следующему шагу нужно приступать во всеоружии.

— Владыка, простишь ли ты свою дочь, если я осмелюсь узнать, как этот мужчина пишет свое имя. В гадании это бы помогло, — надеюсь, мои аргументы папа сочтет достаточно весомыми.

Кустистые брови Маарш-а-Н'маха удивленно поползли вверх.

— Чему же тебя учат мудрейшие, если ты не способна написать это имя? — удивился он.

— Написать его по-нашему я могу, но имя чужестранца нужно знать на его языке. Великие силы сокрыты в этом! — поспешила заверить я.

— В этом есть зерно разума, — протянул отец. — Подожди меня.

Он тяжело поднялся с лежанки и сказал несколько слов стоящему у стены писцу. Тот согнулся в поклоне и начал что-то выводить на сырой табличке. Эх, а я так хотела хоть краешком глаза заглянуть в «бумаги»!

Вернувшись, отец протянул мне сырую табличку и сомнений у меня не осталось. К нам в гости нагрянул беспощаднейший воитель своего времени. Оставалось только понять, не он ли уничтожил Кареш. Мне ой как не хотелось менять исторические реалии.

Помня о своем обещании погадать, я наконец решилась заглянуть в храм Иинат. В качестве сопровождения я взяла с собой только мальчонку, что приходил в малый дворец и веселил принцесс игрой на флейте. Именно от него я и узнала, что царевна частенько поступала так.

Благодаря визитам Каи я уже «вспомнила» несколько основных молитвенных песен. Старая жрица частенько обращалась к Богине, прося о поддержке во врачевании. Простенькие мелодии вдруг сами собой оживали в моей голове. Возможно, увидев танцы, я и об этом вспомню.

Новый храм Иинат находился почти в центре дворцовых территорий, и его белоснежные стены возносились даже над громадой большого дворца. Дорога туда была относительно безопасной, но Иба буквально силком запихала воспитанницу в паланкин, причитая, что по такой жаре она и сама бы туда не дошла.

А ведь кормилица права, пребывание на солнце не для нежной кожи Юилиммин.

По итогу скромная процессия из меня, носильщиков, мальчика флейтиста и двух охранников с восходом солнца выдвинулась для совершения утренних ритуалов. От девушек-служанок, чтобы нести ритуальные одежды, удалось отказаться.

Путь до храмовых ворот оказался не таким уж коротким, как полагала я. А ведь по воспоминаниям царевна иногда ходила туда пешком, правда в основном ближе к закату.

Храм встретил меня тишиной, полумраком и сильным запахом курений. Девушки-прислужницы немедленно склонились в почтительном поклоне, стоило мне переступить порог. Из глубины помещений мне навстречу вышли три женщины постарше, облаченные в одеяния верховных жриц. Эти уже лишь приветливо кивнули царевне, я ответила тем же.

Воспоминания оживали. Вот по этому полу много раз в танце скользили мои босые ноги, отбивая ритм бубенцами ножных браслетов. А в самой глубине, сокрытая от посторонних глаз, восседает на своем троне Великая Мать. Внимательно смотрит она с высоты на служения и обряды, порождая саму жизнь. Именно там мне и стоит задавать свои вопросы.

Объяснить «коллегам» цель своего визита оказалось на удивление легко. Утвердительно кивнув, женщины скрылись в одном из боковых помещений храма. Вернулись они уже с помощницами, тащившими ароматное масло для ламп, травы для воскурения и прочие атрибуты. Облачившись в светлые одежды в одной из комнат, я присоединилась к остальным.

Ярко вспыхнули стебли трав на углях, выпуская клубы дыма. В глубине храма зазвучали размеренные удары бубна. Я, сжимая в ладошках уже засохшую табличку с именем Асмарраха, опустилась на колени перед изваянием Богини. Дальше меня повела интуиция и утонувшее в воскурениях сознание.

Лицо самирского царевича возникло перед внутренним взором, словно он вживую стоял передо мной. Гнев, поднимавшийся в душе при любом воспоминании о нем, утих, оставляя

место непонятному восторгу. Я отчетливо увидела, как этот мужчина легко сражает врагов на узкой тропе горного перевала, и восхитилась его силой и ловкостью. Сильные руки, играя, натягивали мощный лук, а стрелы разили без промаха. Не страшась смерти, царевич бился плечом к плечу со своим отрядом.

Потом, словно заметив мой взгляд, замер и посмотрел прямо мне в глаза.

— Я хочу, чтобы ты вновь танцевала для меня, — тихо произнес он, и душу вновь охватило пламя. В непонятном порыве я в пыль разбила табличку о жаровню. Осколки жалобно звякнули о металл и затихли. Видение исчезло.

За моей спиной, сгибаясь как тростник на ветру, танцевали девушки. Их белые одежды разлетались в стороны при поворотах, а босые ноги отбивали ритм, задаваемый бубном, а флейта вторила звону браслетов и многочисленных колец в головных уборах.

Я помнила этот танец, но сейчас моя «внутренняя» царевна была на это категорически не согласна. Все, что мне оставалось — молча наблюдать за ритуалом. Что же этот юнец тебе сделал?

После полудня я отписала отцу, прося дозволения снова посетить его одной, и не ждала ответа раньше завтрашнего утра. Каково же было мое удивление, когда носилки за мной прислали тем же вечером. Видимо, владыку сильно настораживал этот самирский посланник.

Этот мой визит был еще более краток и приватен. Отец и два его доверенных советника ждали меня в одном из маленьких садиков. Приветствия были формальными, а разговор — тихим. Видимо, мнение жриц здесь ценили.

Про видение я рассказала, слегка дополнив его прозрением будущего. У этого царевича большой потенциал, пророчить о его будущих деяниях я не рискнула, намекнув только на то, что он какими-то неведомыми мне путями станет владыкой Самира. Отца это не удивило, наверняка, он лучше представлял, куда можно деть целую толпу наследников. Насколько я помнила, Асармериб еще при жизни сделал Асмарраха своим преемником.

За мою помощь Владыка наградил меня парой изящных звенящих браслетов из электрума, чему я была искренне рада. Уже в темноте, вернувшись из дворца, я примерила их и попробовала повторить увиденный сегодня танец.

Над садом сверкали звезды, но из-за стены уже вылезала слегка ущербная луна, приглушая их блеск. В ночной тиши мерно журчали цикады, и где-то в городе отрывисто лаяла собака. Мои «няньки» уже спали, утомленные дневной работой, а мне совсем не хотелось в кровать.

Ступая босыми ногами по еще теплым камням дворика, я закрыла глаза. Шаг, шаг, поворот, руки сами взмывают к небу и листочки на браслетах поют. Ах, как же я, оказывается, люблю танцевать! Восторг захлестывает меня, и в шуме ночи уже слышится тихая мелодия. Ноги кружат, отбивая пятками ритм.

Как жаль, что пришлось остановиться, слабое тело снова начинало болеть. Буду заниматься каждый вечер, решила я, отправляясь на покой. Я начинала привыкать к царевне, понемногу разделяя ее увлечения.

Настоящее время. Раскопки

Привыкнуть к такому было нельзя! Весь день напролет меня дергают то по одному, то по другому поводу, как будто я служанка! И все время надо думать, думать, думать, а я так

устала быть здесь самой умной. Это не женщина была, а не пойми кто! Одевается как степной кочевник, украшений почти не носит и даже косметику, которая здесь доступна и разнообразна, не использует. Закрутит волосы утром в узел и шасть на раскоп. Хотя здесь почти все они такие. Только самые молоденькие девушки пытаются следить за собой. Ну ничего, я над этим поработаю, как только настанет это «выберемся в цивилизацию», которое мне все обещают! — Юлия Владимировна критично оглядела свое отражение в зеркале.

Оказалось, что родной город покоится теперь под десятиметровым слоем песка и это приводило в ужас. От высокого холма, на котором стояли дворец и храмовый комплекс, остался один намек. Каменная кладка стен даже там, где еще сохранилась, искрошилась, а кирпичи просто истаяли. Нет больше громады храмового зала, нет больших бронзовых створ, настенных росписей, дорогих жаровен, блестящих медных кувшинов — ничего нет. И только под каменной россыпью алтаря, гранит для которого еще ее дед привез из дальних земель, нам удалось найти расколотую голову Иинат. Ее глазницы потеряли драгоценные глаза и теперь слепо и безжизненно взирали на суету этого мира. Великая Мать навсегда отвернулась от своих земель, оставила свой народ! Как же сможет услышать она мольбы сквозь века...

Раньше царевна даже не задумывалась о времени. Предки жили давно, но когда? Старые вещи всегда казались основательней и ценнее новых. Теперь же от родного дома ее отделяло более четырех тысяч лет, и эта старина превратилась в труху... Четыре тысячи лет! Или даже тысяча, еще полтора месяца назад она могла представить себе это число только в виде россыпи несметных богатств! Теперь же с легкостью считала в уме! Вернее, считала та, что звалась Юлией. Она даже на хоннитском читала лучше царевны, и это когда все эти земли пустуют несколько тысяч лет!

Взирая на раскопки дворца, хотелось плакать, но члены экспедиции ликовали, постоянно таскали ей то осколки каких-то счетов, открытых, наверное, в мусорном рве, то обломки кухонной посуды. Когда же раскопки захоронения за храмовой стеной принесли свои «плоды», царевна испытала настоящий шок.

Рано утром, еще ДО завтрака к ней вломились Пьетро с Агнессой, старшей тог раскопа, и всучили кусок сильно потрескавшейся обожженной таблички. Разлепив глаза, она вяло всмотрелась — список чьих-то деяний. Пообещав, что через час прочитает, начальница направилась на кухню. Царевне, не привыкшей пахать как вол, такой темп жизни был в тягость, но и необходимость свою прошлая личность доступно разъяснила.

Не успела она налить себе жиденького чая (только в таком виде он казался девушке менее мерзким, чем КОФЕ), как вновь потребовалось присутствие начальства. На этот раз эти страшные люди прихватили с собой Марата. При таком раскладе отсидеться не было и шанса. Уважаемую Юлию Владимировну под белы ручки увели на площадку.

А там они показали ей скелет! Словно высеченный из слежавшегося песка остов был раздавлен временем, кости черепа проломались, но вокруг них было хорошо замечено некогда массивный и высокий головной убор из золотых колец и рассыпавшиеся сердоликовые подвески. Наверное, не стоит и говорить, что она его сразу узнала... Узнала тяжелые наручные браслеты, бляшки, обвалившиеся с истлевших кожаных пластин, искореженное навершие клинка... Все это она видела много раз, тогда... в прошлой жизни.

А в нескольких метрах далее из-под обломков плиты уже проступало второе захоронение, и эти люди аккуратно обметали кисточками россыпь из лазуритовых и

сердоликовых бусин.

Она закрыла глаза и отошла, боясь новых находок. Хотелось выть от скорби, переполняющей грудь, хотелось кричать, чтобы оставили все как есть! Ушли! Не копали!!! Но разум жившей когда-то в этом теле взрослой женщины логично разъяснял, что раз уж начато, то бросить не получится. Это же чудо, что от них хоть что-то сохранилось, и это вечная память и почтение.

Эта дама знала огромное количество историй про живших в древности царей и цариц. Юилиммин нравилось, когда удавалось выуживать их из памяти, это приятней, чем самой читать. И почти все о них стало известно из раскопок их дворцов и могил!

Видимо и ей только через боль удастся узнать, что стало с родными после ее странного перемещения. Одна мысль о том, что они могут найти захоронение ее бывшего тела, панически пугала. Но одновременно с этим интерес к тому, как все это случилось, не отпускал. «К тому же я здесь и жива. Да и живут здесь гораздо дольше! Так что там умерла вовсе не я!» — эта мысль утешила и привела в чувства.

Унять дрожь в ногах, открыть глаза и собраться. «Сломанный побег семени не даст», — сказала она сама себе и включилась в обсуждение дальнейших планов.

Карешское царство. Ассуба

Утро следующего дня было как всегда солнечным и ярким. Открывать глаза не хотелось, и я позволила себе понежиться еще несколько минут. Когда-то, в прошлой жизни, мне была непозволительна подобная роскошь.

Я потянулась и ахнула — все тело ломило, словно меня всю ночь били палками. Таких ощущений я не помнила со студенческой скамьи, когда после зимней сессии и каникул возвращалась на физкультуру. Сразу вспоминаешь, что мышц у человека гораздо больше и они в самых неожиданных местах.

В покои заглянула Иба, вся такая выспавшаяся и довольная. Увидев, что сиятельное дитя уже соизволило продрать глаза, она спросила про завтрак. Есть мне хотелось, но любое шевеление вызывало боль. Если о последствиях танцев прознает Каи — запретит. Пришлось вывесить на лицо улыбку и подниматься.

День тянулся в обычных заботах: учиться, учиться, обедать и снова за занятия. За полтора месяца моего пребывания в Ассубе я сильно продвинулась в постижении местной истории и географии. Пересиливая царевнину лень, я старалась запомнить на уроках как можно больше, но непривычный формат и нетренированный ум делали свое дело. Как же мне не хватало карандаша и листа бумаги! Но продвигать письменность было бы историческим преступлением.

Ближе к вечеру, когда палящее солнце уже клонилось к горам, ко мне пришла служанка из покоев Шахриру и передала просьбу своей госпожи о моем визите к ним. Идти не хотелось, но девушка почтительно стояла в дверях.

Кликнув Шанхаат и велев ей следовать за собой, я соизволила прогуляться почти полкилометра по галереям дворца. Слишком уж косо смотрели на меня на женской половине, когда я, забываясь, пыталась пойти к кому-то одна.

Моя служанка тут же прихватила с собой все, что могло понадобится царевне вне покоев: искусно плетеный тростниковый веер, тонкий плащ, кувшинчик с настойкой и маленькое бронзовое зеркальце на костяной ручке. Оно и к лучшему, станет скучно — буду любоваться собой. Это здорово раздражает «милую» сестренку.

На первый взгляд причина для визита была не слишком важной и Шахриру явно поставила перед собой цель выбесить белокурую красотку. Но на второй — все оказалось более интересным.

Вторая царевна, как оказалось, сегодня побывала на приеме у владыки и батюшка подарил ей чудесный драгоценный гарнитурчик для свадебных торжеств. Украшения были изящны, и тут было бы чему позавидовать, но внутренняя страсть Юилиммин ко всему золотому и блестящему была взята под контроль и теперь служила в мирных целях. Возможность нормально поесть вызывала у меня большую зависть, чем побрякушки! В последние визиты меня все больше спаивали и втягивали в политические интриги. Такой расклад мне тоже был мил, но душа тосковала по мясу.

Поохав для порядку и вежливо пожелав сестрице всех благ в замужней жизни, я приготовилась скучать, но этого не случилось. Черноглазая красотка вплетала в поток чисто девичьей болтовни крупницы полезной информации. Во дворце в ближайшее время ожидали возвращение посольства и гостей из Хоннита. Сегодняшний гонец, который, ты представляешь, весь пыльный и ужасный, явился прямо на трапезу!!! Моя внутренняя Юи вполне разделяла ужас царевны, а меня забавляла их простота.

«Если вчера они были у храма в ущелье, то не позднее чем послезавтра уже будут здесь», — думала я, стараясь, чтобы мыслительный процесс не слишком отражался на миленьком личике. Теперь я относилась к тому типу женщин, которых умные мысли не красят.

Это влекло за собой новый большой прием и, скорее всего, не один, а самирская делегация еще не отбыла. Такой расклад вызывал у меня смутные опасения. И если брак Шахриру и наследника Хоннита не сулил серьезных осложнений, то необычные планы отца насчет меня висели на волоске. Очень скоро мы узнаем ответ властительного Кумиш-Шебеша на предложение поделиться младшим сыном. А уж если об этом узнает правитель Самира, то может начать возражать!

Больше ничего ценного в рассказах сестры не было, и, позавидовав немного для приличия, я удалилась, сославшись на головную боль.

Галерея дворца еще была многолюдна. Слуги и рабы сновали туда-сюда, выполняя дневные работы. Но все почтительно расступались и опускали головы, едва завидев меня. Только одна совсем юная девушка-служанка, встав на моем пути, дрожащим голосом попросила выслушать ее. Я в задумчивости остановилась, и она буквально сунула мне в руки еще влажноватую глиняную табличку.

«Встретимся на мосту у восточной стены сада в третий час луны», — гласила она. Внизу вместо подписи проступал неразборчивый отпечаток. Неграмотная, но усердная дурочка, видимо, слишком сильно сжала сыроватое послание. Я подняла глаза, чтобы уточнить, кто ее послал, но девушка уже исчезла, а Шанхаат начала проявлять нездоровый интерес к «записке». Пришлось, рассерженно нахмурив бровки, смять таинственный кусочек глины.

— Злые шутки, — словно нехотя прокомментировала я ситуацию и неспешно последовала дальше.

Интересно, кто же таким оригинальным способом назначает царевнам свидания? И стоит ли на него вообще ходить? Разумней было бы послать вместо себя пару стражников посолидней, чтобы скрутили автора, а там уж разбираться, но мой дух авантюризма нашептывал мне иное. Девушку приглашают в сад погулять при луне, так и хочется

согласиться! Если прибыть на место раньше и, прячась в темноте, посмотреть, кто придет? Всегда же можно сбежать!

Я и сама не заметила, как в голову забрела эта идея, но она показалась весьма удачной. Наверное, это гормоны молодого тела тогда помutilи мой разум и я, презрев безрассудность сего поступка, решила пойти.

Но в ранних сумерках выбраться из-под опеки моей челяди мне не удалось. Чтобы все скорее улеглись, я отправилась в постель и запретила себя хоть чем-то тревожить. Свои действия пришлось подкрепить сердитым взглядом и даже топнуть ножкой! Совсем они от моей доброты расслабились! Пролежав на ложе почти час до восхода луны, я чуть не заснула. Гудящие мышцы желали покоя. Но пора было вставать.

Облачившись в самое темное платье, какое нашлось, и, набросив на плечи плащ из серой шерсти, я выбралась через веранду. Все-таки полное отсутствие стекол иногда бывает на руку юным искательницам острых ощущений.

Скользнув тенью вдоль стены внутреннего двора, я выбралась из внутренних покоев через узенькую арку. Теперь главное — не попасться в таком виде охране. Не следует незамужним царевнам в одиночку даже по своему саду гулять. Опасения оказались напрасны. Патрули ходили только вдоль дворцовых стен, и я легко пересидела их в кустах.

Последняя половинка убывающей луны уже довольно высоко взобралась на небо, но прока от нее было мало. Сад уже сбросил с себя душные объятья дня и теперь дремал, нежно шелестя листвой, под бледным неверным светом. В кронах вяло перекрикивались какие-то пичуги, и сверчал ставший привычным хор насекомых.

Я постояла несколько минут с закрытыми глазами, привыкая к ночной темноте. Теперь мрак уже не казался столь беспроглядным, а дорожки, усыпанные светлым песком, казались путеводными нитями. «На востоке у моста», — вспомнила я, вычисляя направление. Если там мост, значит, мне нужно двигаться вверх вдоль речушки, что прихотливо петляет под кронами, питая буйную зелень вокруг. Выбрав подходящую тропку, я нырнула под сень деревьев.

Я брела уже минут пять, а стены не было видно, темные ветви все сильнее смыкались над головой, и только тихое журчание потока не давало мне сбиться с курса. Опавшие лепестки цветов наполняли воздух легким сладким ароматом увядания, а уже огрубевшие стебли трав цеплялись за подол и край накидки. Вслушиваясь в ночные звуки, я сама не заметила, как стала напевать гимн Всеблагой. Но вот едва заметная тропинка сделала небольшой поворот, и впереди замаячила громада стены. Одернув себя за нарушение «конспирации», я примолкла и огляделась в поисках моста, который нашелся чуть дальше.

По пути сюда мне уже попадались небольшие мостики. Грубовато обтесанные тела камней горкой перекидывались через бурный поток, почти не отличимые от дорожки. Этот же был значительно шире и имел парапеты высотой почти по колено. Создавалось ощущение, что раньше мост был частью большой дороги, но дворцовая стена перерезала этот путь. Речушка, выбираясь из темного тоннеля под оградой, в этом месте была довольно широка и, скорее всего, глубока, перебраться на другой берег больше нигде было нельзя. Ее воды ярко блестели в лунном свете. Деревья здесь несколько отступали от стены и только одно, на том берегу, корявым спрутом вскидывало свои ветви в бархатное ночное небо.

По моим ощущениям начинался второй час луны, но я была еще не слишком сильна в определении времени по звездам. На темном куполе неба их было видно гораздо больше, чем в моем далеком будущем, и даже очертания знакомых созвездий казались иными. «Ну

да, планета же движется в космической дали», — вспомнилось мне.

На мосту никого не было, и я рискнула осмотреться. Прятаться за стволами крайних деревьев на моей стороне оказалось неудобно, они были прямыми и довольно тонкими. Выйдя на открытый участок, я огляделась, а потом закрыла глаза и прислушалась. Вдалеке, где-то в городе, лениво перебрехивались собаки, а еще дальше — тоскливо выли шакалы. Стрекот насекомых мирной рекой царил надо всем и убаюкивал. Камни моста дышали прохладой, ощущаемой через тоненькие подошвы моих сандалий, а от реки веяло холодом. И снова я услышала ту неуловимо-прекрасную мелодию, которую умели различать только ушки Юилиммин. Она рождалась из звуков ночи и исполнялась на струнах души. Ноги сами сделали несколько легких шажков и закружили меня в пируэте. Девушка хотела танцевать. Именно за этим она так часто выбиралась в сад, но голос разума в моем лице постановил, что на это у нас нет времени.

Скользнув через мост под сень одинокого гиганта, я снова огляделась, но опять никого не заметила. Ствол дерева был толст, разлапист и коряв, можно было легко спрятаться в его густой тени, но неистребимая тяга к приключениям снова родила в моей голове гениальную идею. Надо взобраться повыше и затаиться на одном из пологих сучков. Оттуда все будет видно как на ладони. Была, конечно, одна мелочь — отступить с этой позиции было невозможно. Плюс, царевну еще что-то беспокоило, но причину тревоги я так и не поняла.

Взглянув вверх, я только сильнее укрепила в своем решении залезть на дерево. Часть ветвей столетнего великана лежала на верхнем краю стены, и оттуда должен был быть виден город. За все дни, что я прожила здесь в теле маленькой царевны, я ни разу не была там. Конечно, сейчас я мало смогу разглядеть, но хоть пойму, что это возможно.

Платье имело довольно широкий подол, но все-таки было длинновато. Его пришлось задрать выше колен, чтобы появилась возможность поставить ногу на самый нижний выступ ствола, плащ просто откинула назад. Зацепившись рукой за шершавую кору, я, призвав на помощь Иинат, осторожно перенесла вес. Опора выдержала. Дальше подниматься было проще. На первой развилке я остановилась перевести дух и тут же оказалась схвачена чьими-то сильными руками.

Глава 8. Встреча под луной и волнение души

Я даже пискнуть не успела, как меня сгребли в охапку, и чья-то широкая ладонь закрыла мне рот. На несколько мгновений отчаяние яркой волной захватило разум, и тело попробовало вывернуться. Но держали крепко.

Руки пленившего меня, казалось, сделаны из железа. Его глубокое дыхание даже не сбилось от моих жалких попыток освободиться. Всей своей спиной я ощущала жар мужского тела и чувствовала, как сильно вздымается его грудь. Смутно знакомый терпковато-пряный запах ударил в ноздри, и я затихла.

— Открой мне, отрада моих глаз, зачем столь прекрасная дева полезла на дерево? — жарко дыша мне почти в ухо, прошептал пленитель. Он аккуратно ослабил хватку, освобождая мне рот.

— Охотно отвечу! Но только если ты откроешь мне, от кого столь храбрый воин прячется на дереве? — хлестко парировала я, собирая всю свою смелость в кулак.

Мужчина тихо рассмеялся и развернул меня к себе лицом. Мы стояли на небольшой естественной площадке, образованной полого отходящим толстым суком. Лучи убывающей луны почти не проникали под полог густой листвы, но мне, привыкшей к полумраку, хватило света, чтобы разглядеть его лицо. Это был Асмаррах Самирский собственной персоной, столь же наглый и самоуверенный, как на приеме у отца.

Молодой воин смеялся от души. Сейчас суровый, немного надменный образ исчез, уступив место обычному человеку. Его руки крепко, но аккуратно держали меня: одна за плечо, а другая за талию, но это было совсем не страшно. Наоборот, сейчас он был очень красив, этот нахальный царевич. Во взгляде исчез тот звериный огонь и жадность. Теперь там плясали искорки веселья. «А он же еще совсем мальчишка, этот великий завоеватель!» — промелькнуло в голове.

— Ты удивила меня, прекрасная, ты пришла, — все еще улыбаясь, тихо промолвил молодой мужчина. Его лицо склонилось совсем близко. — Почему? Ты не боишься, что тебя могут украсть?

И эту тему обсуждать я тоже была не намерена. Слишком уж много этот четвертый царский сын себе позволял!

— Лучше объясни мне, чем ты подкупаешь служанок во дворце? — гневно спросила я, слегка отталкивая наглеющего царевича и отстраняясь. Меня он, конечно, не отпустил, но хватку слегка ослабил и чуть приподнял бровь от удивления. Вот, мол, как мы умеем?

— Я не могу сказать тебе об этом, но поверь, красавица, она осталась довольна...

На этот раз улыбка была довольной и сальной. Вот же поганец, на что намекаешь?

— Мне нравится наше место встречи, с каждым разом все интереснее, — он снова навис надо мной, привлекая ближе. — Хотя, я не долго смогу так простоять.

Я просто онемела от подобной наглости. Самирский царевич же одним неуловимым поворотом поменялся со мной местами и прижал спиной к бугристой древесной коре. Ситуация начинала ухудшаться.

— А ведь я мог бы украсть тебя прямо сейчас, — продолжал он задумчиво. Пора было брать этого быка за рога и сбить с него спесь.

— Неужели сыновья самирских правителей настолько бедны и беспомощны, что им приходится красть себе жен? — рассерженно выпалила я прямо в его наглую морду. Боги,

что я творю! Он же способен одной рукой раздавить меня как кутенка!

Но оскорбление попало в цель. Отпрянув, Асмаррах отстранился от меня на полшага, больше не позволяла ширина площадки.

— Твои слова не задели меня, женщина! За меня отдадут любую, даже тебя! — обиженно бросил он.

— Это такие же похвальбы, как если бы ты мне сказал, что управляешь колесницей Аннана! — настала моя очередь нападать, и я не глядя ринулась в бой.

— Я завтра же поговорю про это с твоим отцом, — упрямо бросил мне юноша. — Я могу заплатить любой выкуп, какой он ни пожелает!

Царевич не шутил, его глаза снова горели тем яростным пламенем, что заставляет людей уважать и бояться. Ох, зря я играю с огнем, но непонятная ненависть снова захлестнула меня.

— Владыка не пожелает тебя даже слушать! — выпалила я, пытаюсь пройти мимо него. — Я обручена с царевичем Хоннита, а ты как ни лай — до неба не достанешь!

И вот где-то тут я промахнулась. Юноша подхватил меня за талию, вскинул на плечо, словно мешок, и легко спрыгнул с дерева.

— Ты хочешь сказать была обручена, — с насмешкой протянул он, ставя меня перед собой. — Ходят слухи, что Мандару пообещали другую, а он и не против. Кому же теперь достанется золотой цветок Ассубы? Не вижу причин, почему бы не мне!

— Женщины, должно быть, убегают от тебя в страхе. Ты груб и не знаешь, как вести себя с ними! — обиженно заявила я, пытаюсь не глядеть ему в лицо.

Молодой мужчина нехорошо усмехнулся и смерил настолько откровенным и оценивающим взглядом, что мне стало неуютно.

— Думаю, ты скоро будешь просить у меня прощения, маленький цветочек! — игриво протянул он. — И вот тогда я вспомню этот разговор.

«Боги, что же ты творишь? Зачем же сама провоцируешь этого парня на безумства? — пыталась урезонить сама себя я — Он так молод и горяч, что наломает дров — а кому разбирать?» — «Ты еще скажи, что он в сыновья тебе годится!» — ехидно подначил голос из глубины подсознания.

Наверное, полминуты мы стояли молча в ночной темноте, слушая, как бьются наши сердца. Я — пытаюсь успокоиться, он — глядя на меня. Луна была в зените и лила свой серебристый свет на мир людей. И может быть, именно эти «стрелы Аннана» подвигли меня прервать затянувшееся молчание.

— Асмаррах-ани, — слова давались тяжело, в глубине души все еще бушевало пламя. Я осмелилась и подняла голову, встречая его взгляд. Но молодой человек вскинул руку и приложил палец к моим губам.

— Подожди меня немного, воровка моей души, — как-то неожиданно ласково сказал он и исчез в тени древесного великана, а я осталась одна.

Как же быстро меняется у него настроение, только что он был страшно зол, а теперь ведет себя как влюбленный романтик! От любви до ненависти, конечно, один шаг, но не такой же короткий?

Самирский царевич вернулся так же быстро, как исчез. Я только-только начала обдумывать мысль о том, что надо уходить. Он шел ко мне, залитый лунным светом, и как-то странно улыбался. Одна рука была спрятана за спиной, а другой он отточенным жестом приглаживал растрепавшиеся волосы.

— Нужно было подарить тебе его в самом начале, — смущенно произнес молодой человек. — Тогда бы ты на меня не сердилась.

В протянутой руке он сжимал небольшой крупный светлый цветок. Цвет различить было невозможно, но по очертаниям я легко угадала в нем ирис.

— Это золотой цветок Кареша, — довольно пояснил он.

— Но откуда ты его взял? Они же отцвели больше месяца назад! — изумилась я. Золотистые низенькие ирисы небольшой кучкой росли во внутреннем садике малого дворца. Из рассказов старой Ибы я знала, что их после моего рождения посадил там отец, приказав принести корневища с далеких склонов Иират.

— В горах время течет по-другому, я поехал и нашел его для тебя, — пояснил царевич.

— Сегодня? — мои глаза снова расширились от удивления. Асмаррах в ответ просто кивнул.

— Если я что-то решил — я достигаю этого, запомни! Будь это цветочек для любимой или ее согласие, — счел нужным пояснить он. — Но что ТЫ хотела мне сказать?

Теперь я уже совсем не была уверена, хочу ли ему об этом говорить, но решила рискнуть.

— Я благодарю тебя за подарок, но... — вся ситуация казалась ужасно неловкой. Этот цветок, который я зачем-то приняла, да и то, что я сюда пришла...

— Говори, не бойся. Обещаю, я не буду сердиться, даже если ты снова скажешь глупости, — «подбодрил» меня слишком уверенный в своих силах царевич. Да он будет просто в гневе от моей просьбы!

— Во имя всех Богов, что ты считаешь, прошу тебя, не говори моему родителю о желании на мне жениться! — отчаянно выпалила я. — Это не принесет никому из нас счастья!

Асмаррах то ли с жалостью, то ли с сожалением смотрел на меня. Он снова был тем же самоуверенным наглецом, как во время посольства.

— Видишь, я не сержусь! — словно малому ребенку пояснил он. — Женщина не может сама решать такие дела. Ты говоришь все это лишь потому, что недостаточно знаешь меня. Я принял решение сделать тебя своей женой в нашу первую встречу и сейчас понимаю, что не ошибся. Ты прекрасна, как лунный свет, твои волосы, как расплавленное золото, твои уши слышат Богов, а внутри бушует пламя. К тому же ты научилась довольно складно говорить. Наверное, про твое обучение говорят правду. Я знаю, что таких умных женщин, как моя Нарамман, мало, но... Такая ты мне еще больше нравишься!

«Да откуда он обо всем знает? И что еще из дворцовых секретов успел вынюхать? И эта Нарамман...» — вопросы бешено множились. Я на минутку задумалась. Ах да, у великого завоевателя, помнится, была властная бабуля. Она вела весьма активную переписку со многими сильными мира тех времен и во всем поощряла военные начинания своего внука. Некоторые из писем довольно хорошо сохранились. Вот ведь поганец, пытается заставить меня ревновать. Не выйдет!

Холод от реки вывел меня из раздумий, заставив поежиться. Мой ночной кошмар стоял в шаге от меня и с интересом разглядывал.

— Ты даже не спросишь у меня, кто она? — попытался подначить он, очевидно ожидая хоть крупицу ревности.

— Меня не волнуют ни твои женщины, ни твое богатство. Мне нужно возвращаться! — уверенно охладила я его пыл. И вдруг в мою голову закралась очередная нелепая мысль.

— Скажи мне честно, ты же видел, как я лезла на дерево? — внезапно выпалила я и почувствовала, как зарделись щеки.

Молодой мужчина довольно улыбнулся, очевидно, вспоминая лучшие моменты, и уверенно кивнул.

— Это было не так грациозно, как танец, но я бы и на это еще раз посмотрел, — заключил он.

О, милосердная Иинат! У него тактичности ни на грамм! Или наоборот, может, царевич специально смущает меня? От всего пережитого за эту ночь у меня уже кружилась голова и подкашивались ноги.

Не знаю как, но несносный «ухажер» догадался о моем плохом самочувствии и одним быстрым движением подхватил на руки. Уже без желания хоть как-то реагировать на его придумки я замерла.

— Пожалуй, на этот раз немного провожу тебя, — заключил он и уверенно зашагал по тропинке от моста. Я молчала, слушая, как ровно и сильно колотится в его груди сердце. Разве тогда юная Юленька, по уши влюбленная в деяния великого полководца, могла себе хоть на секунду представить, что он вот так вот понесет ее по лесу? Но все изменилось. И теперь мне нужно держаться от этого человека как можно дальше. Отец не одобрит его сватовства и по-своему будет прав. Союз с Хоннитом даст намного больше.

Расстались мы в тени купальни. Асмаррах аккуратно поставил меня на землю, убедился, что не упаду, и словно дух леса исчез в ночи.

Вернувшись в покои, я долго думала, куда бы пристроить подаренный цветок, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Осмотревшись, решительно засунула его под стопку обожженных табличек — мои уроки. В голове вертелась какая-то кутерьма из мыслей и чувств, но ноги просили покоя. Полежу, а там посмотрим. Вопреки ожиданиям, я уснула, едва коснувшись шкур на ложе.

Утро началось с переполоха. На моем левом плече наливался синевой здоровенный синяк, и первой его заметила Иба, как всегда пришедшая будить царевну. Надо ли говорить, что она изумилась так громко, что я мигом вскочила на постели.

Стоило огромных усилий пресечь распространение этой новости среди челяди малого дворца, разрешив сказать обо всем только Каи. Правдивую историю получения нового синяка я, разумеется, никому открывать не собиралась, придумав вполне приемлемую ложь про танцы в темноте и падение на камни. Вот только старую жрицу моя история не впечатлила. Осмотрев повреждение, она поджала сухие губы и глянула на меня так, что я поняла — она знает, что меня хватили за руку. Слава Иинат, от комментариев старуха воздержалась. Конечно, проворчала себе под нос что-то про молодых и глупых, намазывая руку жгучей мазью и обматывая тряпицей, и только. Но неприятности не думали на этом заканчиваться.

В самый разгар занятий, когда я, зевая, пыталась постичь премудрости внешней торговли, принесли вести из большого дворца. Буквально за час до заката в Ассубу вступит большой караван Хоннитского царства. Всем женам и дочерям владыки Кареша надлежало участвовать в церемонии приема высоких гостей. Лично мне царственный родитель повелевал нарядиться празднично и достойно, подобно тому, как я выглядела на своем первом приеме.

И как прикажете скрывать синюшный отпечаток нежных объятий похотливого

самирского гостя? А может, и не скрывать? Но тогда отец точно укоротит его на голову, а я нарушу ход истории. Идея маскировки посетила меня внезапно. Отослав мудрого наставника, я принялась прорабатывать свою маленькую женскую хитрость.

Под жалобные причитания сердобольной Шанхаат о том, что они за мной не уследили, я приняла «душ». Точнее, постояла на тряпице, пока служанка поливала меня тепловатой душистой водой. Мочить повязку я запретила.

Совершив тонну подготовительных действий, я привела свое тело и лицо в надлежащий вид и приказала принести самый драгоценный из моих нарядов, из нежно голубой ткани, подозрительно напоминавшей шелк. Рукавов у него не было, но это и нужно. На плечи я прямо поверх повязки намотала бледно-желтые ленты другой материи и зафиксировала эту красоту широкими лазуритовыми браслетами. Вышло вполне симпатично.

Удивляюсь, как этот варвар ухитрился оставить на моем теле всего один синяк! Ну вот, я снова злюсь, а надо бы думать о другом.

Еще почти час был потрачен на подбор остальных украшений и прочие мелочи. Наконец, должным образом наряженная, я опустилась в знакомые крытые носилки и в сопровождении нарядных молчаливых воинов отправилась во дворец.

Церемоний такого размаха я еще не встречала, особенно если учесть, что все было организовано «на скорую руку». На огромной дворцовой лестнице, на самой верхней площадке под белыми полотнищами навесов, украшенных яркими шерстяными кистями, разместилось все царственное семейство. Некоторых жен владыки я сегодня видела впервые. В центре, на высоких расписных деревянных носилках под ало-голубым пологом из расшитых полотнищ, на своем троне восседал правитель. Его высокая шапка из золотых колец и черного войлока ярко блестела на солнце. Могучий торс украшала львиная шкура, чья морда с искусно сделанными глазами, словно живая, покоилась на правом плече. Цветастая ало-золотая юбка из шерстяных полос скрывала ноги до самого пола. В левой руке отец держал тяжелый посох с золотой, раскинувшей длинные узкие крылья, птицей. Рядом, воплощением грации и изящества, примостилась Нинмах. Алые самоцветы в золотом уборе украшали объемную прическу (явно парик). Золотистые, расшитые цветными нитями одежды были прекрасны.

Дочерям было отведено место справа и слева от трона владык, сидеть им не полагалось. Хорошо, что тень навесов достигала сюда и были мальчики с опахалами. Мне досталось место совсем рядом с отцом, и я могла слышать и видеть все, что он говорит и делает. С другой стороны, разряженная в богатые пурпурные ткани и золото, стояла Шахриу. Девочки помладше располагались рядом. Не было только младшего сына карешского владыки. На самом краю площадки у дальних бортиков расположились музыканты: арфистки, флейтисты и прочие. Их нежная музыка должна была заглушать нестройный людской гомон.

Прочие сановники и царедворцы толпились прямо под палящими лучами на ступенях пониже, оттесненные к самым парапетам двумя рядами охраны в отполированных бронзовых доспехах. Этим воинам приходилось тяжелее всего. Вот уже более часа они стояли неподвижно. Пот ручьями стекал по туникам, но на лицах не отражалось ни единой эмоции. Где-то там, совсем недалеко от верхней площадки, должен был находиться и самирский царевич, но сколько ни пыталась я найти его в людском море — все было тщетно.

Вся поверхность пологой лестницы кишела народом, как разноцветный калейдоскоп. Чем ниже — тем серее становилось живое людское море. Наверное, для тех, кто находился у самого основания лестницы, мы казались ярким драгоценным камнем, блистающим в солнечных лучах, недостижимыми божествами.

Но вот у ворот дворца загудели трубы, и показалось начало посольского каравана. Впереди шагал большой отряд воинов, которые, приблизившись к ступеням, начали выстраиваться в живую изгородь по обе стороны от процессии, открывая дорогу идущим за ними.

Виновники всей этой кутерьмы ехали на колеснице, запряженной гнедыми лошадьми, сразу за отрядом — две фигуры, одетые в серое. Поравнявшись с первыми ступенями лестницы, они спрыгнули, скинули верхние плащи, и их доспехи и украшения заблестели на солнце. Рядом тут же появились слуги с навесами-веерами из тростника, перевитого цветными лентами. Следом выстроился шлейф из советников и рабы с подарками.

Гости шли долго, с достоинством преодолевая каждую ступень, чтобы, не дай бог, не сбилось дыхание. Хорошо, что солнце уже клонилось к горам, и его лучи уже не так припекали. На подъем ушло примерно полчаса.

К этому времени я уже начала чувствовать себя печеным фруктом, ноги подкашивались, и было нечем дышать. Словно услышав мои мольбы, кто-то из-за плеча протянул мне тонкую золотую трубочку, холодный кисловатый напиток немного освежил. Я заметила, что остальным девочкам и царице досталось то же благо. Только отец — воплощением мощи и выдержки — продолжал ждать.

Карешу была оказана невиданная честь — сразу оба старших сына хоннитского владыки прибыли к нам с визитом. Царевичи остановились, не доходя всего трех ступеней до верхней площадки, и приветствовали Маарш-а-Н'мах-Ишана поклоном, почтительным, но не слишком глубоким.

Старший из них, уже совсем взрослый мужчина с красиво уложенной в замысловатые колечки бородой, был не очень высок, зато широк в плечах. Богатое длинное покрывало — шубату, украшенное цветными кистями, не скрывало рельеф мускулатуры его бронзового тела. Он пришел с обнаженной грудью в знак того, что доверяет свою жизнь принимающей стороне. На голове блистала узорчатая, но еще довольно низкая шапка. Глаза были жирно подведены черным по моде того времени, в ушах болтались тяжелые серьги. Больше всего он напоминал мне матерого волка, пришедшего на поклон к царю зверей. По местным понятиям наследник был чертовски привлекателен и богат. Быть его женами с радостью бы согласилась половина, если не все обитательницы дворца, так хорош был мой прежний жених. Вспомнить бы, как его зовут!

А вот имя младшего брата я хорошо знала. Энмер-ани, второй сын владыки Кумиш-Шебеша и, возможно, будущий супруг царевны Юилиммин, был совсем юн. Борода на его узком, с тонкими чертами лице еще только пробивалась небольшими колечками, большие, с густыми ресницами глаза, тоже подведенные краской, смотрели на мир не с воинской прямоотой, а скорей уж, с философской задумчивостью. Волосы цвета ореховой скорлупы крупной волной лежали на плечах. Он напомнил мне тех самых трогательных студентов первого курса, высоких, по-юношески нескладных, каждый год приходящих на практику в наш институт. «Совершенно еще ребенок», — подумала я. — «Не забывай, что даже этот ребенок сейчас, скорее всего, старше тебя!» — добавил ехидно внутренний голос.

Одежда младшего царевича была военной, что совершенно не подходило к его

одухотворенному лицу. Бронзовый доспех был призван сделать плечи шире, а грудь мощнее, но, на мой взгляд, только подчеркивал обратное. Юноша был худощав и явно не преуспевал в физических дисциплинах.

Пока я разглядывала пришлецов, гости успели обменяться с бабушкой положенными любезностями и приступили к подношению даров. А подношений было великое множество. К радости владыки, его царственная сестра, Амминат-аша, изволила прислать в дар невесте-племяннице расшитое покрывало и десяток свадебных браслетов.

Хвала милосердной Иинат, церемония на улице вскоре подошла к завершению. Высокие гости, советники и сам владыка удалились через главные ворота первыми. Вслед за ними потянулся пестрый шлейф челяди и чиновников рангом пониже. Старших царевен и царицу проводили в один из тенистых внутренних дворики с бассейном, а остальных женщин отправили в малый дворец.

Четыре часа на ногах под палящим солнцем измотали меня. Я с несказанным удовольствием улеглась на небольшое плетеное ложе рядом с низким столиком и поманила к себе одну из служанок с кувшинами напитков. Осушив половину кубка медовой воды, не отрываясь, я почувствовала себя гораздо лучше.

Нинмах и Шахриру тоже расположились на ложах и сейчас премило беседовали вполголоса, обсуждая достоинства и стать хоннитских царевичей. Заметив, что я смотрю на них, мачеха ласково протянула:

— Порадуйся и ты за сестру, Юилиммин-даши, ей достанется хороший муж. Надеюсь, ты не держишь на нее обиды? — Мачеха приторно улыбнулась.

— Я очень рада за нее, — миролюбиво подтвердила я.

— А вот мне даже тебя жаль, сестренка. Мой Мандару-Кумиш так хорош, что Энмерани за ним не видно, как луну за солнцем! — сестренке явно не доставало урока тактичности от ее матери.

— Не беспокойся, царевич Энмер меня вполне устраивает, — попыталась я успокоить разгорающийся конфликт.

— Но мне тебя жаль еще потому, что я скоро буду царицей. А ты так можешь и навсегда одинокой остаться. Неизвестно еще, отдадут ли тебя за младшего или так и будешь при храме служить. Отец ведь тебя слишком любит, думает, что у тебя может быть ум в голове. Вот и будешь при нем, «цветочек»! А наш владыка, даруй ему Аннан больше сил, будет жить долго! — девушка, желая задеть меня, не смогла вовремя замолчать. Ее мать оказалась мудрей и резко одернула дочь, якобы вступаясь за меня.

— Шахриру! Зачем ты зря говоришь? Каждый отец желает своим дочерям только блага. Каждая из вас получит все, что заслуживает по праву. Ты права только в одном, наш владыка еще очень силен.

— Спасибо, матушка, — процедила я как можно ласковее. — Я — дочь послушная, сделаю, что скажут. Только и тебе, Шахриру, до трона Хоннита пока далеко. Не понравись царевичу — он другую дочь попросит или еще на какой-нибудь царевне женится. Быть любимой для мужа тоже надо уметь!

Сестренка нежно позеленела от обиды, и быть бы скандалу, но в сад вошли царедворцы и объявили, что повелитель ожидает всех на трапезу.

На подобных приемах я тоже была в первый раз. Огромная зала, одной стороной выходящая в зеленый внутренний дворик, была наполнена людьми. В самом темном углу

невидимками расположились музыканты, исполнившие приятные слуху и не слишком громкие мелодии на арфах и свирелях. В центре — огромный каменный стол, чьи массивные ножки были искусно украшены резьбой, а столешница являла собой мозаичное полотно и была наглядно отполирована.

Гостей рассадили согласно их статусу. Спиной к стене и с видом на сад расположились хозяин и его дорогой гость Мандару-Кумиш, с которым владыка собирался вести беседу. По другую руку от владыки посадили Энмера. Нас с Шахриру подсунули к суженым почти под бочок, разделив для приличия одним из доверенных царедворцев, а красавицу-царицу — напротив супруга в компании Асмарраха и его старца. За столом нашлось место и нескольким высшим придворным обеих свит.

К великой радости моего желудка, мяса на пиру было в изобилии. Почти посередине стола истекал соком зажаренный целиком барашек, а рядом протягивали вверх свои сочные ножки многочисленные птички. Словом, живи и радуйся, но весь аппетит мне изрядно портил мрачный вид сидящего почти напротив самирского царевича. Он вошел в зал чернее тучи, и лишь садясь, приветствовал царственную Нинмах улыбкой, от которой могло бы свернуться молоко, будь оно тут. На меня наглый молодой человек упорно старался не смотреть, сверля своими темными глазищами дырку в юном Энмере. Но младший хоннитский царевич этого не замечал, все его внимание было сосредоточено на брате.

Трапеза началась, а у меня кусок в горло не лезет! Сижу и пытаюсь слушать, о чем говорит отец и хоннитские гости, но отвлекает кислый тип напротив. Громко и фальшиво хвалит красоту царицы и сестры, а про меня ни слова! А потом принялся обсуждать с Энмером набеги горных и степных кочевников да весенние паводки с урожаем! Младшему хонниту такая тема пришлась по душе, и он охотно включился в беседу. Теперь я чувствовала себя совсем одиноко. Мои ближайшие соседи упоенно набивали желудки и совсем не горели желанием развлекать прекрасную деву.

Тогда я, из вредности, рискнула и присоединилась к разговору двух царевичей. Наверное, так не полагается, но меня же не зря учат!

Затея, как ни странно, совсем не вызвала возражений у Энмера. Он внимательно слушал, кивал и с охотой поддержал дискуссию. Царевичу явно были по душе науки и всякие умные разговоры. Зловредный же Асмаррах беседу тоже не прекратил, но предпочитал говорить лишь с хоннитом, игнорируя мои предложения. Ну, хоть начал замечать, бросая в мой адрес странные взгляды.

Пользуясь моментом, я дотронулась до левого плеча и изобразила на лице страшную боль, надеясь, что царевич осознает, что ранил меня вчера. Но молодой посол только подарил мне долгий и еще более странный взгляд, да легонько отвел прядь черных волос у правого уха. Вот же нахал, осмеливается носить эту серьгу здесь! Ведь если ее увидит владыка — быть беде!

Юилиммин во мне требовала отмщения за невнимание к себе и за подвеску в отдельности. Сдерживать ее становилось все труднее. Пришлось занимать себя едой и политикой, строя глазки более общительному собеседнику. Пара кубков легкого напитка, типа медовой браги, и мне удалось расслабиться, почти забыв про нахала. Вкусная еда, приятная музыка и никаких приключений!

Молодой Энмер теперь охотно развлекал меня стихами и сказаниями далеких стран, которых знал много и считал явно более подходящими для разговоров с девушками. Время полетело веселей.

Спустя примерно час я начала замечать, что гости стали вставать из-за стола и ненадолго отлучаться. Владыка же приказал позвать танцовщиц, чтобы пирующие не скучали. Музыка полилась громче, и почти все внимание переключилось на новое действо.

Только тогда я тоже решила на недалекий поход. Подозвав служанку и узнав, куда здесь можно отлучиться, я выскользнула из-за стола и заспешила через сад на другую сторону. Скорее всего, следовало захватить ту девушку с собой, но в таких вопросах я была стеснительна.

На обратном пути я решила не спешить и постоять под открытым небом среди кадок с экзотическими деревьями. Прохладный воздух отрезвил, и теперь я снова упрекала себя за ребячество. Зачем мне все эти любезности, нужно думать не о том, чтобы насолить самирскому выскочке, а о том, чтобы он удалился восвояси и больше здесь не показывался!

Внезапный шорох за спиной заставил меня вздрогнуть.

— Не оборачивайся, прекрасная, — донесся уже знакомый мне шепот. — Не бойся, я не подойду ближе.

— Я тебя и не боюсь, — громко прошептала я. — Но мне не нравится, когда меня преследуют!

— Завтра мы уезжаем — завтра после полудня — и я хочу, чтобы ты знала об этом, — снова зашептал мой ночной собеседник. — Твой отец действительно отказал мне, но я хочу, чтобы ты запомнила — это не имеет значения. Я всегда добиваюсь своего!

Так вот с чего этот тип сегодня такой мрачный! На душе стало как то неуютно. Мне бы радоваться этому отказу, но не получается. От такого безбашенного упрямца жди беды.

— Лучше добейся того, чтобы твои лапы оставляли синяки только на врагах, — посоветовала я, вновь заводясь. Но молодой человек не услышал обвинений или сделал вид, что не слышит. Ловко же он умеет пропускать неуютное мимо ушей!

— Утром мы едем на охоту. Если хочешь, могу прислать свою добычу тебе? Я заметил, что тебе нравится мясо.

Даже в его шепоте я уловила нотки уже знакомого заигрывания.

— Спасибо, обо мне есть кому позаботиться, — пресекла все его подкаты я. — Желая тебе доброй охоты и легкой дороги, посланник Самира, да будет с тобой милость Иинат. Если ты действительно испытываешь ко мне хоть немного нежных чувств, то иди и не возвращайся.

Асмаррах промолчал. А потом я даже спиной почувствовала, как он резко развернулся и исчез в темноте. Мне тоже было пора назад, иначе мое отсутствие вызвало бы подозрение. Царевич же, видимо, совсем покинул пир.

Глава 9. Львы и собаки

Ассуба. Четвертый царевич Самира — Асмаррах

Как же игра с этой маленькой жрицей забавляла его! словно дикая кошка, она то выпускала свои коготки, стремясь разодрать в клочья, то сворачивалась мягким клубком, который так и тянет погладить. С тех пор, как он в первый раз увидел ее в ночном саду, она стала первой из женщин, что занимала его мысли дольше пары недель.

Только встретившись с белокурой девой, юноша начинал понимать причины любви и привязанности карешского правителя к своей юной дочери. Она бесспорно красива, но этого мало. Своей необычностью во всем девушка напоминала те цветы, что он отыскивал для нее в горах. Они росли на отвесных скалистых уступах, окруженные грубыми мохнатыми листьями и колючими палками других растений. Не боясь пронизывающего ветра и холода, тянули к солнцу свои нежные золотые лепестки, словно впитывая в себя свет. Так и эта юная жрица Великой Матери в танце перевоплощалась, словно бы сама богиня входила в нее. Он видел это всего лишь раз, но позабыть не смог. Вот и теперь она пожелала ему милости Иинат, и Всеблагая не оставит его, в этом царевич был уверен. Больше чем ранее, теперь он хотел привести ее в Самир, а вместе с ней принести народу и милость Великой Матери.

Покинув прием ранним вечером и вернувшись в отведенные им покои, Асмаррах распорядился начинать сборы в дорогу с восходом солнца. Вещей было немного — успеют. Сам же забрался на пологую крышу временного жилища и начал обдумывать увиденное сегодня. Приезд сразу двух хоннитских царевичей ему совсем не нравился. Мандару он знал давно и довольно хорошо. Еще не будучи признанным наследником, старший сын Кумиш-Шебеша не раз бывал у них по делам. Именно от него больше года назад царевич узнал про золотоволосую девушку — цветок Кареша, и тут же отправился с одним из торговых караванов лично взглянуть на диковинку. Такая выходка вызвала сильный гнев отца и немалый интерес у мудрой бабушки. Именно она углядела немалую пользу в том, чтобы заполучить к себе жрицу Иинат.

Сегодня молодому царевичу тоже удалось перекинуться парой фраз со старшим хоннитом, и Асмаррах понял, что тот действительно приехал сюда за одной из дочерей Маарш-а-Н'мах-Ишана, отданной ему в жены. Слухи не ввали. Как и предполагал самирит ей оказалась не обещанная Мандару в юности Юилиммин, а черноволосая красавица Шахриру, родная дочь царицы. Сегодня за столом она весело щебетала всякие глупости, надеясь понравиться будущему мужу. Что удивительно, Мандару-Кумиша такой расклад, похоже, устраивал!

На его месте Асмаррах почувствовал бы себя оскорбленным, а этот терпел или не показывал вида, что задет. Для чего в Ассубу притащили второго мальчишку, царевич тоже не понимал. Энмеру минуло всего восемнадцать весен, и спешно женить его никакой нужды не было. Да кто же станет запрягать коня позади повозки и отдавать свою любимую дочь тому, кому уготована всего лишь должность советника при брате. Был бы этот царевич хотя сносным воином, толк бы может и вышел, а так... Внезапно нехорошая догадка промелькнула в голове. Нет, нужно сперва все хорошенько разведать! Как же жаль, что поблизости от себя его прекрасная жрица держит лишь двух-трех старых верных хрычовок, которых ни монетой ни лаской не купишь.

Асмаррах снова вспомнил сегодняшней насмешливый отказ Маарш-а-Н'маха, и на душе

потемнело. Старый лис заявил, что царевича от его гнева спас лишь смелый поступок в горах. Не будь этого — выгнал бы наглого мальчишку к отцу, и отписал бы тому, чтобы впредь научил сына понимать, что и кому дозволительно! А сам посадил свое сокровище рядом со вторым сыном Кумиш-Шебеша, от которого нет толка, кроме как сказки девкам рассказывать! Как можно приближать никчемного Энмера-ани и отвергать его, уже не раз доказавшего свои способности полководца Самира!

Пытаясь усмирить гнев, молодой воин вспомнил вчерашнюю встречу в саду, жар и трепет ее маленького тела, которое он прижимал к себе, большие, прозрачные, как вода, глаза... Вот уже больше года как остальные женщины стали казаться ему пресными, как лепешки на празднике Начала. Волшебный танец околдовал его, сердце утонуло в блеске глаз. Никого и никогда он еще так страстно не желал! Вчерашняя встреча только укрепила это чувство.

За то время, пока они не виделись, царевна из нежного бутона превратилась в золотой цветок. Ее формы соблазнительно округлились, а язычок стал острым, словно жало пчелы. Асмаррах не без удовольствия вспомнил, как интересно с ней оказалось говорить. На пиру царевна была не просто прелестной пустышкой, как ее сестра. Своими речами Юилимминдаши начала походить на прозорливую бабушку. Ну уж нет, не знаю пока как, но старый карешский владыка не отдаст свое сокровище никому, кроме него!

Асмаррах быстро спустился вниз и кликнул слугу. Похоже, сегодня под ним снова будет стонать другая, но всему свое время. Он несомненно покажет юной царевне КАК следует обращаться с женщинами!

Охоту самирский царевич любил, пожалуй, не меньше, чем войну и женщин. Свита Маарш-а-Н'маха собралась у главных ворот еще затемно. Загонщики с собаками уехали в степь вчера.

Облачившись в любимые штаны, которые носили конные народы северной холодной степи, взяв с собой длинный нож, лук и копье, Асмаррах с нетерпением ждал начала. Его бы воля — скакал бы с загонщиками. Если упустить время, то зверь уйдет дневать и найти его будет сложно.

Хонниты появились на рассвете. Мандару дружески кивнул, а Энмер пролепетал что-то о погоде и лунном цикле. Как обычно — вчерашняя каша, а не воин! Хоть одет прилично и копье не потерял, но это явно заслуга старшего.

Кони неслись по уже начавшей выгорать высокой траве. Далеко позади остались возделанные поля и последние жалкие лачуги Ассубы. Теперь впереди только холмистая степь до самых предгорий и голубая лента реки. Здесь должно быть достаточно добычи.

Асмаррах правил коня так, чтобы всегда оставаться чуть впереди братьев. Они, казалось, спокойно принимали это. Сам карешский владыка с ними не поехал. Пришел проводить, принес дары богам, чтобы охота удалась, но на коня не сел. Неужто болен? Хотя старик хитер, как кочевник. Заниматься забавой ради забавы не станет!

Передовые сообщили, что всего в получасе езды пасется небольшое стадо диких туров с прекрасным быком во главе. Царевичи наперегонки понеслись за провожатыми по пологой долине между холмов. Ветер трепал их волосы и полы одежд, а предвкушение битвы с вожаком стада веселило кровь. Даже Энмер-ани вполне сносно держался в седле, лишь слегка уступая в скорости старшим мужчинам. Его обычно бледные щеки разрумянились, а взгляд заблестел. Может, мальчишка еще просто молод? Но сам Асмаррах в его годы уже вел

в бой сотню воинов, обороняя рубежи отцовского царства, и успел убить пару львов.

Выбравшись на вершину холма, что отделял охотников от заветной добычи, они осадили коней. Отсюда вся челядь должна была наблюдать за битвой царских сыновей и быть готовой прийти им на помощь, если возникнет нужда. Почти два десятка коров с телятами мирно паслись у подножья. Огромный черный с подпалинами бык держался немного в стороне. Животные наслаждались свежестью раннего утра, спеша набить желудки, чтобы потом, в тени речных зарослей лениво пережевывать ее.

Асмаррах проверил, удобно ли приторочено к боку коня копьё, приготовил лук и стрелу. Молодой воин уже продумывал тактику нападения, как кто-то сзади тихонько окликнул его. Это был один из старших и особо приближенных советников Маарш-а-Н'маха. Игнорировать его самирский царевич не мог. Одними коленями он развернул скакуна и подъехал к вельможе.

— Зачем ты отвлек меня от охоты, уважаемый? — прозвучало не слишком вежливо, но близость добычи бредила кровь.

— Маарш-а-Н'мах-Ишана желает, чтобы бык достался уважаемому Энмеру-ани, — быстро и тихо произнес сановник.

Асмаррах хотел было возразить, но следующая фраза мгновенно остудила его пыл, как ледяной поток горной реки.

— Вчера милость владыки была безгранична, но всему есть цена и предел! — с явным намеком произнес собеседник. — На этом я закончил.

Низко поклонившись, посланник поспешил скрыться в людской толпе.

Вчерашняя просьба отдать за себя старшую царевну, видимо, гораздо сильнее оскорбила старого карешца. Интересно, как долго ему будут поминать его промах? Не зря бабушка всегда твердила: «Будешь осторожен — милость богов с тобой!» Но каждое из чувств просто кричало — поторопись! Ничего, как-нибудь и с этим справлюсь.

Решив больше не злить владыку Кареша понапрасну, Асмаррах повел коня по широкой дуге, позволив братьям напасть на стадо первыми. Они спускались почти так, как намечал для себя сам царевич. Мандару был умен и опытен, с ним необходимо иметь хорошие отношения, по крайней мере, пока. Только богам известно, как будут править старшие братья и сможет ли он служить им, как сейчас отцу. Старого правителя Самира Асмаррах почитал и любил, хоть отец был с ним частенько очень строг. Ощутимо карая за неудачи, тем не менее, он всегда поощрял сына за успехи в военном деле. Если отец узнает о его самовольной попытке жениться... Нужно все повернуть в правильное русло. Тогда, как говорят, и половодьем не смоем, и урожай народится!

Хоннитские царевичи уже ворвались в долину, отрезая тура-самца от коров. Теперь Мандару явно собирался отогнать стадо подальше и держать его там, пока младший брат показывает всем свою доблесть. Интересно, для чего старый царь и наследник Хоннита затеяли все это? У них явно сговор, о котором Асмаррашу очень захотелось узнать. Как жаль, что сразу после охоты нужно уезжать.

Молодой самирский воин остановил коня на середине склона так, чтобы оказаться от быка с другой стороны, но не очень близко. Он ясно видел, как побежали коровы при виде всадников и как вскинулся тур, пытаясь оценить обстановку. Его черные бока часто вздымались, самец решил следовать за стадом, не вступая в бой. Но старший брат пронзительно вскрикнул, заставив быка остановиться. Младший, достав короткий лук, попытался подранить зверя, но то ли шкура была слишком толста, то ли стрелы слишком

тонки — зверь снова упрямо пошел за стадом.

В какой-то момент Энмеру показалось, что бык уже достаточно ранен. Три стрелы прочно застряли у того в хребте. Юноша достал копьё и метнул. Асмаррах, предчувствуя беду, со всех сил прищипорил коня и полетел к ним.

Более сильный удар копьё наконец-то разозлил тура, но ощутимого урона не нанес. Бык развернулся и бросился на врага. Лошадь Энмера взвилась на дыбы, едва не скинув седока, и избежала удара. Но зверь уже разворачивался, набирая скорость для новой атаки.

Сзади его осыпал градом стрел спешащий на выручку Мандару, но большинство из них видимо, просто застревают в курчавой темной шерсти. Бык не менял своего намерения взять на рога коня вместе с седоком.

На третий раз ему это почти удалось, Огромный рог вспорол бок лошади, чудом не задев ногу юноши, вылетевшего из седла. Пока бык отвлекся, добывая коня, Энмер попробовал добежать до брата. Но быстрые движения привлекли внимание разъяренного зверя. Он тяжело развернулся и полетел на врага.

Медлить дальше было нельзя. Некоторые из коров, привлеченные боем, уже подходили обратно, нехорошо потряхивая рогатыми головами. Если в битву вступят и они — подмога с холма не успеет. Асмаррах не раз слышал, что корова, защищающая теленка, в сто раз опаснее любого быка.

Натянув тетиву своего боевого степного лука, он прицелился чудовищномутуру в глаз и выстрелил. Если промахнется — стрела, расщепившись от удара, просто отскочит от толстенных костей бычьего лба, но он должен попасть!

Сердце глухо ударило в груди и ускорило темп. Тонкий наконечник нашел свою цель! Ослепленный болью противник вскинул свою огромную голову в поисках нового врага. Теперь нужно увести его хоть немного на себя, чтобы дать незадачливому Энмеру добраться до брата. Асмаррах заорал изо всех сил и замахал руками, на ходу разворачивая коня. Тур захрапел и начал разгон.

Выяснить, как там хоннитские царевичи и идет ли помощь, времени не было. Молодой воин развернулся в седле и снова выстрелил. Стрела беспомощно засела в холке быка. Теперь их там было не меньше восьми, и каждая из ран потихоньку ослабляла чудовище.

Потерявший контроль от боли бык следовал за ним по пятам. «Вот так и ты выглядишь, когда злость ослепляет тебя», — подумал царевич: «Как жалок воин, потерявший рассудок!» Асмаррах заставил коня легко перескочить через глубокую промоину, оставленную весенним паводком на боку холма. Он заметил эти канавки, еще спускаясь. Несшийся следом бык под ноги не смотрел и, попав копытом в довольно глубокую яму, кубарем покатился вперед. Его могучая голова едва не достала своими страшными рогами притормозившего самирита. Конь вздыбился, и Асмаррах изо всех сил вогнал копьё в бок тура, надеясь поразить сердце.

Кровь стучала в ушах, Мир снова был ярок и многоцветен. Голова слегка кружилась. Никакая женщина не могла сравниться с чувством победы!

Тяжелая черная туша быка вздрогнула и начала подниматься. Царевич отступил назад, понимая, что не успеет выдернуть копьё. Но тут новый сильный удар навсегда успокоил зверя. Это Мандару, подобравший младшего брата, нагнал их и метнул копьё. Все было кончено.

— Ты вовремя, брат, — с благодарностью выдохнул Асмаррах, не особо заботясь о церемонном обращении.

— Я всего лишь вернул долг, брат, — весело улыбнулся, заблестев зубами, наследник Хоннита. — Я не забуду, что сегодня ты спас моего брата. Ты славный воин.

— Благодарю, — ответил Асмаррах, спешиваясь. — Если бы Энмер-ани не измотал этого зверя — мне пришлось бы туго, — добавил он немного лести, осматривая тушу. — Пусть его нож первым разрежет добычу. Он юн, но отважен.

Именно за этими словами молодой самирит сейчас прятал свою обиду. Благодарность Мандару-Кумиша была очень кстати. Без нее отказ от добычи бил бы намного больнее. Люди же на холме, видевшие битву, если хоть немного смыслят в охоте, поймут, чья победа. Пожалуй, больше женщин, войны и охоты молодой царевич любил только победу, а победа была за ним!

Путь домой был долог. Уже почти миновав хоннитские земли он получил весточку от царственной Нарамман. «Поторопись, — писала бабушка — Братья твои забыли место свое. Гнев владыки подобен мощи Нургаала*. Молю Богов, чтобы ты был вовремя и с хорошими вестями».

Сердце забилося сильнее. Нужно возвращаться домой как можно скорее, он должен быть рядом с владыкой, должен защитить и поддержать его. К тому же некоторые из вестей, которые удалось добыть, явно обрадуют отца.

Карешское царство. Ассуба.

Вот уже почти двадцать дней в большом дворце гостило хоннитское посольство. Почти каждый день мне приходилось бывать в большом дворце и частенько беседовать с батюшкой. Новости не радовали.

Во-первых, мне, как жрице, предстояло играть определенную роль в свадебных обрядах сестры. Никаких подробностей церемонии я не знала, но была слабая надежда, что юная царевна раньше и сама ни в чем подобном участия не принимала. Ежевечерние занятия танцами понемногу приносили плоды, и я чувствовала себя гораздо увереннее на служениях в храме.

Во-вторых, хоннитский правитель дал свое «добро» на то, что его младший сын станет консортом, а карешскими землями будет единолично управлять наследница. Для меня это было наибольшей проблемой. Пока об этом решении знали немногие, проблем можно было избежать, но рано или поздно это станет известно всем, в том числе соседям. Если к тому времени у меня не будет достаточного количества сторонников и военных сил — эти псы просто разорвут Кареш на куски.

Занятий стало гораздо больше. Почти половина из них теперь проходила в большом дворце, и Энмер-ани частенько составлял мне компанию. Узнав молодого царевича ближе, я даже стала забывать, что ему всего восемнадцать. Юноша был умен, хорошо воспитан и совсем не считал, что девушкам пристало только рожать детей. Он с явным удовольствием обучал юную царевну тонкостям ведения переговоров, читал ей стихи и гулял по окрестностям. Это было самым большим плюсом от нахождения в его обществе. Теперь у меня был шанс хорошенько изучить огромный дворцовый сад. Конечно, наедине нас не оставляли, рядом постоянно находилась пара служанок и четверо охранников, но Энмер-ани смиренно принимал любые мои затеи. Мне начинало уже казаться, что молодой человек воспринимает меня как младшую сестру. И это было к лучшему, в качестве будущего мужа его было пока сложно представить.

Его брат как мужчина был гораздо более интересен. Он с легкостью завладел всеми

мыслями Шахиру, которая только и грезила замужеством. Хоть Мандару-Кумиш, на мой взгляд, был и не очень красив, но достаточно умен и сдержан. Под маской внимания невозможно было угадать его реальные мысли. У Энмера же все буквально было написано на лице. Особенно после большой охоты. Он словно бы стыдился воздаваемой ему хвалы и почестей. При первой же попытке выяснить, в чем дело, царевич опустил глаза и перевел разговор в другое русло. Ну, прямо как Асмаррах!

От меня не укрылось и то, что четырнадцатилетняя Айетимм, сперва покоренная силой старшего брата, стала все чаще обращать взгляд своих блестящих черных глаз на «моего суженного». Во время наших прогулок она постоянно ухитрялась присоединиться к нам. Вот и сегодня мы гуляли втроем.

Глядя на все это, мне становилось смешно. Если бы сестренка только знала, с какой радостью я бы поменялась с ней местами! Конечно, и ей не светило выйти замуж по своей воле, но призрачный шанс все же оставался.

— Почему ты так грустна сегодня, Юилиммин-даша? — спросил мой нареченный, отрывая меня от нелегких мыслей о женской судьбе.

— Не грустна совсем, — соврала я. — Меня заботит предстоящая свадьба. Нужно совершить еще много приготовлений, а занятия слишком сильно отвлекают меня.

— Мне казалось, что они тебе нравятся, царевна, — удивился Энмер-ани, присаживаясь со мной рядом на берегу реки.

— Сестренке Юилиммин всегда лучше удавались танцы, чем уроки! — ехидно вставила Айетимм, подходя к нам и присаживаясь рядом на корточки. — Вот если бы отец только позволил и мне заниматься...

Девочка явно не представляла себе всей сути учения. Женские науки были обязательными и усваивались девочками довольно рано. Если в доме закончились продукты — пошли раба на рынок и дело с концом!

Я усмехнулась про себя.

— Служение Богам мой долг, сестра. Ты тоже должна быть усердна в этом. Возможно, тебе предстоит заменить меня в храме уже через несколько лет.

— Надеюсь, что на грядущем празднике я смогу увидеть твои танцы, — как бы невзначай перевел тему Энмер-ани. — Все говорят, что тебе нет равных, и что сама Иинат приходит в твое тело.

Ох, напомнил о больном. Для того, чтобы вдохновенно танцевать, мне нужно больше практики и научиться отрешаться от этой действительности. Мой разум сильно мешал, когда надлежало услышать ритм, очистить мысли и предоставить всю работу Юи. С каждым днем это становилось все труднее.

— Я буду участвовать в церемонии, — обнадежила юношу я. — Но не знаю, так ли я хороша. Мне нужно больше практики.

Я посмотрела царевичу прямо в его умные, немного печальные глаза. Только бы он согласился.

— Можешь ли ты отвести меня в сад сегодня вечером? — прошептала я тихо. — Ты я и пара музыкантов. Не хочу лишних глаз.

Юноша сглотнул и спешно кивнул. С ним Иба и Шанхаат, не спрашивая, отпустят меня.

Сестренка, видя, что ее не посвящают в какую-то тайну, немного скисла. Я решила найти занятие и ей.

— Айетимм, — ласково подозвала я ее. — Твоя помощь мне тоже очень нужна. Не

можешь ли ты расспросить Шахиру о ее снах за последнюю неделю. Это нужно для тайных обрядов перед свадьбой. Если узнаешь все — будешь допущена в храм. Но помни, сестра не должна ни о чем догадаться! Лучше это сделать сегодня.

Девушка сначала посмотрела на меня недоверчиво, но потом, будто что-то сообразив, радостно кивнула.

— Я справлюсь, — заверила она.

Дальше прогулка была довольно скучной, все мои мысли были лишь о том, удастся ли мне сегодня вечером заставить Юи танцевать.

Ассуба Царевич Энмер.

Страшно было даже поверить в то, что отец отпустил его вместе с братом. А уж поверить тому, что столь прекрасная девушка может стать твоей — не реально! И, тем не менее, он здесь и ему позволено быть рядом.

Ранее Энмер мало интересовался противоположным полом. Понимая, что почти все в его жизни предопределено, он старался стать полезным и нужным. Эти занятия не раз позволяли получить от обожаемого брата похвалы. Не те, которыми Мандару подбадривал его на тренировках, а настоящие, с примесью гордости и восхищения! Да он из кожи вон вылезет, только бы старший брат им гордился! А девушки? Да что там, отец подберет достойную партию и все дела. Продолжение рода — дело не хитрое, если верить тому, что говорят солдаты. И вот теперь, когда он увидел ее, все изменилось!

Конечно, царевич не раз слышал, что далеко на северо-западе лежат холодные земли, где обитают светловолосые люди. Но одно дело знать, а другое — увидеть самому кудри цвета весеннего меда, глаза — речные омуты, кожу — белей, чем у статуй из эгинского мрамора. Не царевна — богиня! И она говорила с ним, слушала его и совсем не смотрела на брата... Девушка для него, для него самого... Только бы не оттолкнуть ее, стать для нее нужным, защитить ото всех!

И вот теперь он снова чувствовал себя несчастным. Проклятый тур, а ведь все могло быть хорошо! Он же все продумал, все обсудил! Что же пошло не так? Проклятый зверь словно бы не заметил копыя... Но, может, это из-за самирита, что вмешался и раззадорил быка? Или наоборот? Ведь брат был ему так благодарен! Так почему же все потом хвалили Энмера, а не его? Думать об этом было невыносимо. Царевичу везде теперь чувствовалась фальшь. Везде, но только не в ее речах! Слов утешения от нее он не желал, и она, словно поняв мысли, не стала выпытывать ничего. Вот только внутри самой царевны тоже жила грусть, почти незаметная, но хорошо видимая тому, кто почти всю жизнь учился наблюдать. И зная об этом, Энмер старался помогать ей как мог. К тому же это было приятно и самому: видеть неподдельный интерес к его историям, обсуждать различные факты или вот как теперь — любоваться невероятными движениями танца. И все это для него, для него самого... Но брат женится и они потеряют друг друга. Разве это справедливо?

Наступил день торжеств, который специально назначили на праздник благодарности Иинат. Каждый год, когда посева на полях взошли, а у скотины народилось потомство, жители Кареша чествовали Великую Мать, благодаря за дары. В этот день во всех концах благодатной карешской земли курились священные травы, приносились жертвы и совершались молитвенные обряды. Вечером же все молодые женщины и девушки спешили в поле, чтобы, обратив свои взоры на сияющую вершину Иирата, увидеть в последнем

отблеске уходящего солнца предсказание на будущий год и попросить женской силы для себя. Мужчинам в этот момент должно было сидеть по домам и ждать восходящей луны. Только заступничество Аннана могло в эту ночь уберечь их от гнева богини.

Свадьба Мандару-Кумиша и Шахриру удалась. Гадание предрекало паре обильное потомство, жертвы были поднесены самые богатые, несмотря на то, что до нового урожая оставалось не менее трех месяцев.

Столица гуляла до утра, а мне, как одной из жриц богини, надлежало свершать таинственные обряды, а не развлекаться на пиру. Узнав о том, что меня не будет рядом весь праздник, Энмер заметно приуныл, и весь предыдущий день на занятиях смотрел на меня странно, будто видел в последний раз.

— Я буду молить Всеблагую, чтобы она даровала счастье нашим родным, разве это плохо? — спросила я его, заметив потухший взгляд.

— Ты делаешь то, что должна, — тихо откликнулся он.

— Почему же это печалит тебя, разве не ты хотел увидеть своими глазами, как я танцую?

— Думаю, что это вряд ли будет прекраснее того, что я уже видел, но дело не в этом, — пояснил он и вновь печально посмотрел. — Я не должен отвлекать тебя понапрасну перед важным днем.

— Хорошо, — согласилась я, — Но после торжеств ты мне расскажешь? Если это тревожит тебя, то я должна обо всем знать.

Конечно, никакой безумной любви я к этому юноше не испытывала, но ясно понимала, что для блага Кареша мне предстоит связать с ним жизнь. А всякие отношения лучше строить на дружбе и взаимопонимании. При его поддержке я смогу узнавать гораздо больше, и, может, даже обнаружу способ вернуться в свое тело. Но с каждым днем надежда на чудо угасала; очевидно, настала пора смириться с выбором судьбы и достойно принять ее. Умный, мягкий Энмер-ани как никто лучше не подходил на роль соратника и советчика. Постепенно уважение к нему росло. Чем-то он был похож на любимого брата, которого я лично не знала, но чей образ яркой искоркой горел в душе Юи.

— Как захочешь. Завтра большой день, ты должна служить Всеблагой, а я буду ждать тебя, — уклончиво бросил царевич.

Неужели Энмер-ани таким образом пытается сжиться с ролью консорта? В это верилось с трудом, на родине младшему сыну отводилась роль советника или полководца. В Кареше, пожалуй, его ждет больше власти, если он будет правильно вести себя с женой.

Примечания

*Нургаал — *хтоническое божество Самирского пантеона. Повелитель загробного мира.*

Глава 10. Не подгоняй быка, когда он идет сам

Начинался месяц Небесного огня, отмечавший здесь середину эммиша — сухого сезона. Днем воздух настолько раскалялся так, что найти прохладу можно было лишь во внутренних помещениях дворца. Ночью нормально спать можно было только во внутреннем садике, который из-за тени высоких стен успевал немного остыть.

Мандару-Кумиш со своей супругой благополучно добрались до хоннитской столицы, и жизнь в Ассубе вошла в свое неспешно-ленивое русло.

Расставшись с братом, Энмер сперва сильно грустил. Эта разлука и была тем, что печалило царевича в последние дни. Если верить его словам, конечно. А я-то, наивно полагала, что юноша грустит из-за робкого чувства ко мне. Как ни прост казался царевич, он мог и соврать. В тихом омуте, как известно... Ведь иногда, когда он думал, что я не вижу, его взгляд становился словно зачарованным.

Из-за сильной жары мы теперь виделись реже. Не чаще, чем раз в три дня, за мной присылали паланкин, и я ехала на встречу с отцом. Владыка усаживал нас рядом с собой и внимательно слушал отчет о том, как протекает обучение. У Энмера теперь появились уроки боя, после которых он частенько приходил с синяками и ссадинами. Отец всерьез готовил себе преемников.

Сегодня он был особенно суров и мрачен. Выслушав отчет, он покачал головой в одобрение и произнес.

— В горах в последнее время беспокойно, Энмер-ани. Твой отец наказал мне сделать из тебя достойного война, а потому ты отправишься со мной за перевал. Тебе же, любимая дочь моя, — владыка ласково провел рукой по моим белокурым волосам, — предстоит начать подготовку к обрядам. Я уже поручил старой Каи наставить тебя во всем, но ты должна будешь отправиться жить в старый храм, это ее условие.

Мне оставалось лишь кивнуть. Я так и не разобралась, совершения каких обрядов от меня так ждет отец.

— К тому же там будет для тебя безопаснее всего, — неожиданно добавил он.

Я удивилась, прожив во дворце уже достаточно долго, я замечала разные мелкие интрижки на женской половине, но все они были довольно безобидны. Никто никого не резал и не травил без разбора, так что я, осмелев, начала потихоньку принимать подарки от родственниц. Чего же так опасается владыка?

— Пока нас не будет, делами распорядится Шамунт-аба, но хозяин за порог — убирай добро. Мне будет спокойнее, если никто не будет знать, где ты. Своим слугам вели держать рот на замке, чтобы ни одна душа не прознала о том, даже сама Нинмах-аша!

Похоже, все гораздо серьезней. До отъезда Шахриру мне казалось, что владыка полностью доверяет своей главной жене. Теперь же просит не извещать ее о моем учении в старом храме.

— Как велишь, так и сделаю, — смиренно откликнулась я, заглядывая в его большие усталые глаза. — Может быть, мне стоит знать, кого опасаться?

Отец посмотрел на меня с теплотой и заботой. Похоже, для него я все еще была красивой, но не достаточно разумной девочкой.

— Если бы я знал, мой цветочек, если бы я знал, — вздохнул он.

Тем вечером Энмер-ани предложил мне пройтись по саду. В пересохшем воздухе

лениво трепетали пыльные листья деревьев. Сильно пахла разогретая на солнце кора сосен и кедров, наполняя воздух сладковатым ароматом. Трава не пожухла, постоянно орошаемая водами из реки, но цвели теперь только пряные полыни, да колючие степные травы.

Мы долго, не говоря ни слова, бродили по дорожкам, совсем позабыв про молчаливый эскорт охраны. Последние лучи уходящего дня уже едва освещали сад. Лишь у розоватых от закатного света стен купальни Энмер-ани заговорил.

— Я хотел бы, чтобы ты знала кое-что, — начал он, оглянувшись на бессловесных стражей. Но те тактично остановились вдалеке, лишь не теряя нас из виду, но давая нормально поговорить.

— Наверное, многие уже говорили тебе об этом, но я нахожу тебя очень красивой, царевна, — словно стесняясь своих же слов, выпалил он. — Я вижу, как на тебя смотрят мужчины: даже брат, даже тот самирский царевич.

Вот это поворот! Я уж и думать забыла о том наглеце, а этот, гляди ж ты, помнит! А еще я была на все сто процентов уверена, что мой будущий супруг давно влюблен в меня, а тут на тебе, лишь находит красивой.

Я с изумлением изучала его тонкое немного грустное лицо, ожидая продолжения.

— Ты только не думай, но мне гораздо больше нравится говорить с тобой. Я ото всех слышал, что ты глупа и надменна, но совершенно не вижу в тебе этого! — глаза царевича возбужденно блестели, а щеки слегка порозовели, чего не могла скрыть ни жиденья борода, ни вечерний сумрак.

— Когда мой родитель сказал о своем решении отправить меня в Кареш, чтобы я был твою отцу вместо сына и помогал ему, пока не придет пора взять тебя в жены, я был не очень рад. Теперь же не жалею, что Аннан указал мне такую судьбу. Надеюсь, что и ты находишь меня хоть немного приятным.

Я смутилась. Молодой царевич был мне не противен, наоборот, из всех гипотетических кандидатов в мужья он один не вызывал у меня страха перед семейной жизнью. Этот уж точно не будет насильно требовать от девушки ласки в первую же брачную ночь. К тому же учтив и обходителен, с ним было легко разговаривать, так как он явно не считал меня глупой. Но как ему все это сказать, чтобы не дать больше надежд, чем есть на самом деле?

— Я рада, что ты находишь мое общество приятным. Мне тоже нравится, что ты не смотришь на меня как на красивую игрушку. И я тоже ценю твоё общество.

Дальше развивать мысль было опасно. Подозрения в том, что юноша таки влюблен в меня, только окрепли.

— Я буду скучать, когда мы уедем в горы. Нет, ты не думай, я совсем не боюсь этих грязных горцев, я уже видел их, когда ехал сюда. Но хотелось бы не уезжать.

— Владыке нужна твоя помощь, Энмер-ани. Не будь так — он бы оставил тебя во дворце, — наставительно вставила я. Юноша кивнул, соглашаясь.

Его взгляд был задумчив и обращен на темные воды пруда. Мы стояли рядом и молчали. Внезапно, царевич взял меня за руку и развернул к себе. Я от неожиданности вздрогнула.

— Прости, — почти прошептал он. — Могу ли я просить тебя о том, чтобы ты, пока меня не будет, смотрела на колесницу Аннана. Она одна для всех и я смогу почувствовать, что ты думаешь обо мне.

Его глаза горели нездоровым огнем. Похоже, с диагнозом я не ошиблась, мой женишок по уши влюблен, просто не знает, как об этом сказать. Неужели его отец и брат его ничему не обучили?

— Хорошо, — успокоила я этого романтика, — Если меня не запрут во внутренних помещениях старого храма, то я буду молить за тебя Аннана каждую ночь. За тебя и за отца. И пусть дорога ваша будет легкой, а враги — трусливыми.

Юноша все еще держал меня за руку, но его взгляд стал гораздо спокойней и уверенней.

— Да услышат Серебрянорогий твои молитвы! — горячо прошептал он. — Но что же мне привезти тебе?

Я мысленно улыбнулась его наивности.

— Ваше возвращение с победой будет для меня лучшей наградой, — довольно громко ответила я, чтобы наши охранники не заподозрили ничего такого. Но, то ли им не было дела до чести царевны, то ли наше перешептывание на бережку было вполне приличным, они не спешили нас разводить.

А меж тем царевич воспрял духом и стремился продолжить общение. Слава Всеблагой, его склонность к наукам была сильнее романтики, и признаваться в любви мне юноша не спешил. Меня полностью устраивал такой расклад. Со временем, наверное, я смогу к нему привыкнуть и по-своему полюбить. Спешить не стоило. Юноша пока чаще вызывал во мне чаще материнскую тревогу, чем любовный трепет. Но, все же, сегодня что-то изменилось.

Энмер вдохновлено рассказывал мне о звездах и о том, как путешественники и купцы узнают по ним путь. Правда, показывая мне очертания созвездий, видимых в прогалине над деревьями, он слегка приобнял меня за плечи, и я почувствовала неловкость. Но такая вольность казалась уместной. Должен же юноша хоть что-то получить за свое хорошее ко мне отношение.

А про звезды я знала, как оказалось, не так много, и разговор получился довольно познавательным. Живя здесь, начинаешь забывать, что они лишь огромные шары раскаленной плазмы, что следуют своим путем в космической пустоте. Охотнее начинаешь верить в иное...

— Прости, хотелось бы показать тебе больше. Обещаю, что когда вернусь, отвезу тебя куда-нибудь в степь, где все видно намного лучше, — юноша снова грустно вздохнул. Пора было расставаться, луна ущербным полумесяцем уже поднималась над садом.

— Я буду ждать следующей встречи, — прощаясь, сказал Энмер-ани, когда мы подошли почти к самой ограде малого дворца. — И там, наверху, твои молитвы будут хранить нас.

Все-таки он неисправимый романтик, этот младший хоннитский царевич!

Пожелав ему доброй ночи, я поспешила скрыться за стеной. Мой застенчивый нареченный впервые вызывал у меня теплые чувства, но спешить не хотелось. Что-то внутри меня сжималось, предвещая бурю.

В старый храм я отправилась уже следующей ночью. Прибывшая за мной Каи была сурова и молчалива. Всего несколькими жесткими словами она объяснила Ибе и распричитавшейся Шанхаат, что им надлежит делать. Я подтвердила, что слова жрицы не пустое место, а личное повеление владыки. Ни одна живая душа не должна знать, что я покинула дворец. Для всех царевна усердно трудится, постигая науки, и не велела никого принимать.

Замотавшись в предложенное мне покрывало, я вслед за Каи выскользнула из сада. Носилок за стеной не было.

— Хочешь скрыть чего-то — оставь на виду, — как бы в ответ мне буркнула старая жрица. — Никому нет дела до двух женщин, идущих в храм. Только опусти глаза, царевна, и

во всем слушайся меня. Ох, нелегкое дело нам предстоит!

Мы теньями проскользнули по дорожкам и беспрепятственно покинули дворец. Как и предсказала Каи, никто на нас внимания не обратил.

Итак, я в первый раз очутилась в городе! Как же мне хотелось все подробно рассмотреть, хоть вокруг уже царил крошечный сумрак, но я боялась понять взгляд. Мои светлые глаза были тем, чего здесь невозможно угадать. Пришлось довольствоваться тем, что на поворотах голову все же приходилось поднимать.

Несмотря на поздний час, город еще не спал. Дневная жара заставляла его жителей совершать многие дела в глубоких сумерках. Где-то звенели посудой, кто-то за стеной громко смеялся, а порою даже пел. Как бы мне хотелось хоть одним глазком взглянуть на быт обычных горожан! Во дворце я не имела возможности наблюдать за многими из повседневных действий. Единственное, на что мне удалось посмотреть, — изготовление хлебных лепешек, которым Иба занималась каждое утро. Вот и сейчас мы проходили мимо ароматов каши и хлеба.

Старая жрица, не зажигая фонаря, уверенно ориентировалась в лабиринте улиц. По моим ощущениям мы направлялись куда-то на запад от дворца. Люди на пути стали попадаться все реже, ветер теперь доносил до меня запах речной воды. Значит, старый храм находился недалеко от Иреша.

Мы сделали еще несколько поворотов, миновали небольшую площадь и остановились. — Вот и добрались, — буркнула Каи то ли мне, то ли сама себе. — Входи, тут тебя лишние глаза не увидят.

Скрипнули, приотворяясь, тяжелые створы храма и мы проскользнули внутрь.

Эта обитель Великой Матери была гораздо меньше знакомого мне нового храма, который во славу Иинат построил мой отец, когда занял место правителя.

Стены были потемневшими, местами сильно закопченными от факелов. Смутными тенями на них проступали загадочные рисунки. Потолок тяжело нависал над нашими головами.

Несколько женщин, одетых в темные одежды, встречали нас и приветствовали как своих. Этот ритуал спланировал всех жриц Иинат, делая их сестрами, хранительницами тайных знаний. Теперь между нами не было различий в происхождении, только опыт внушал почтение.

— Отведите ее в ту комнату и не смейте говорить ни о чем! — жестко велела старуха. — До восхода солнца тебе надлежит не спать и просить о милости Всеблагую. Завтра мы даруем тебе новое имя и голос, но сегодня ты должна умереть для этого мира.

Это было жестко и немного пугало. Если бы я не была так уверена в том, что Каи не причинит мне вреда, то подумала бы, что меня хотят убить.

Коридоры храма были темны и узки. Моя комната оказалась такой маленькой, что даже я с трудом в ней помещалась. Низкий свод давил на голову, вызывая ощущение, что тебя вот-вот погребет заживо. Здесь была и тяжелая дверь, которую прикрыли за моей спиной. Лязга защелки я не слышала, но отчетливо понимала, что никуда не уйду. Какой бы ритуал мне ни предстояло пройти — этого желал мой отец, и не в моей власти было закатывать истерики. Я прислушалась к внутренним ощущениям, моя царевна тоже не боялась.

Единственной отдушиной в этой маленькой келье было узенькое окно. Бледный свет звезд — первых детей этого мира — делал темноту не такой беспроглядной. Я осмелилась выглянуть в него и застыла, пораженная красотой.

По бархатному небу осторожно взбирался почти исчезающий серп луны. Его свет уже не мог затмевать собой неба и мириады звезд, слегка подрагивая в остывающем воздухе, горели над миром. Белой, отчетливо заметной полосой расстился над головой Млечный Путь — небесная река. Иират темным силуэтом возносила свои склоны в бесконечное небо. Лишь на самом верху, как мне показалось, сверкнул последний отблеск заката.

А внизу спала река, невидимая для моих глаз, но поднимающийся белый туман отчетливо выдавал ее местоположение. Воздух был тих и уже веял прохладой. С наступлением жаркого сезона уже не так громко пели кузнечики в пожухлой траве. Уснули и вездесущие стрижи, насыщавшие дневной воздух веселыми криками. Только где-то вдалеке у воды пронзительно скрежетала какая-то птица.

Лечь в коморке было негде, небольшая охапка сухой травы, лежавшая в одном из углов, годилась лишь для того, чтобы преклонить колени. Я перетасила ее поближе к окну и стала наблюдать, как исчезающий полумесяц луны упорно взбирается над склонами гор.

— Храни вас Серебрянорогий! — мысленно пожелала я всех благ уходившим за перевал.

Думать о будущем не хотелось, вспоминать прошлое — тоже. В голове было удивительно пусто, как будто я и вправду еще не родилась.

С первыми лучами нового дня за мной пришла старая Каи и, ни слова не говоря, потащила меня по лабиринту коридоров.

За ночь я успела слегка замерзнуть и сейчас быстрый шаг согревал. Мы сделали несколько поворотов и, откинув жесткий кожаный полог, оказались во внутреннем дворе храма.

Здесь у небольшой каменной купели, в которую капля за каплей прямо из наружной стены храма стекала прозрачная вода, уже толпились остальные жрицы храма. Их было немного, в основном взрослые женщины лет за тридцать, пара сморщенных старух подревнее Каи и простоволосая юная ученица, совсем еще девочка. Наверное, сирота, подумалось мне.

Жестами моя лекарка приказала мне раздеться и встать в неровное каменное углубление. Моя внутренняя принцесса сморщилась от брезгливости, но я, не дав себе времени на раздумья, начала избавляться от одежд.

Утренний холод приятно освежал кожу. Сейчас снова не верилось, что всего через пару часов температура воздуха достигнет сорока.

Жрицы выбрали упавшие наземь одежды, окружили и начали поливать ледяной водой из кувшинов. Кожу обожгло и в глазах потемнело, но я стиснула зубы, не давая своему телу закричать.

Женщины запели, это была тихая старая песня о рождении первой колесницы-луны из любви Иинат и Аннана и первых звезд — их детей. И о том, что Великая Мать бесконечно любит всех своих детей, а старшие из них указывают младшим их путь.

Песня была такой красивой, что я сама не заметив как начала танцевать. Женщины отступили, расширив круг. Теперь они отбивали мне ритм, притопывая ногами и хлопая себя по бедрам, а я кружилась, полностью отдавшись песне.

Когда стихла последняя нота, Каи протянула мне белую мешкообразную хламиду из грубого льна и помогла облачиться.

— Теперь ты родилась и имя тебе Нарн (никто). Ты проведешь здесь много дней до

второй полной луны. Все то, что будет открыто тебе здесь, ты оставишь внутри себя.

Месяц Небесного огня не зря носил свое имя. Жаркие пыльные дни сменяли душные ночи. Но иногда небо вдруг заволакивали черные тучи. Казалось, сейчас небесные хляби разверзнутся, и бурный поток напоит вконец пересохшую землю, но нет, ни одной капли не падало из них. Грозно сверкали молнии, ужасающе близко грохотали громовые раскаты, порывистый ветер то замирал совсем, то мчался диким конем, вырывая высохшие клоки травы.

Это было очень страшно. Я, уже отвыкшая бояться гроз, снова почувствовала первобытный страх перед этой стихией. А теперь мне приходилось наблюдать за каждой грозой! Как только начинало грохотать, Каи вытаскивала меня на крышу храма и просила высмотреть, куда ударит молния.

Сколько раз я пыталась объяснить старухе, что если мы не уберемся с открытой площадки, то молния испепелит нас, даже искать ее не надо, но старуха упорствовала.

После бури мы пешком отправлялись в степь искать место удара. Ориентиром часто служила горящая трава, тушить такие пожары было нашим долгом. Иногда к нам молчаливо присоединялись и жители окрестных лачуг, сбивая языки пламени палками и топча угли прямо босыми ногами.

Почти через две недели поисков нам улыбнулась удача. Жилистые пальцы жрицы извлекли из песка извилистую трубочку — след от удара. «Фульгурит» — всплыло откуда-то из глубин памяти чуждое слово.

— Вот, небесное стекло, — пояснила Каи, отряхивая золотистую трубочку, — Очень красивый цвет, посмотри.

Она протянула мне находку. Внутри трубочка была слегка зеленоватой с белыми разводами, а снаружи ее плотно покрывал слой золотистого не до конца расплавленного песка.

— Я сделаю тебе из него хороший амулет, девочка, — любясь, произнесла старуха. — Видела бы твоя мать, какое чудесное дитя она родила! Может быть, именно в храме тебе и место. Великая Иинат любит тебя и отметила даром. Но разве владыка услышит...

Я молчала, крутя на ладони след вчерашнего разряда.

— Помяни мое слово, Иинат страшна в гневе. Никогда не иди против ее воли и никогда не торопи события! Все должно идти своим чередом, но мужчинам про то не ведомо. От того и умирает все каждый год.

Эту легенду я знала. Однажды. Великая Мать решила отправиться в нижние земли, где обитают духи ночи, чтобы возродить их к жизни. Возлегла она на свое ложе и строго-настрого повелела Аннану не прикасаться к ней, пока она сама не проснется. Но долгими показались Серебрянорогому дни без жены. Посмотрел он на нее раз другой, да не утерпел. И от этой связи зародилась в мужчинах страсть и похоть. А Иинат, очнувшись раньше времени, потеряла в нижнем мире свое отражение — частичку себя. Теперь каждый год она должна возвращаться на ту сторону, чтобы отыскать тот осколок. Аннана же она допускает в свои покои лишь один раз в месяц, тогда на один день с небосвода исчезает лунная колесница. Этот день почитается священным для обоих богов.

Домой я вернулась больше чем через месяц. Последнюю ночь в старом храме Великой Матери я снова провела без сна. За окном моей маленькой кельи бушевала одна из страшных

летних гроз и первая, принеся столь желанную влагу изнывающей от засухи земле. Это был хороший знак. Всеблагая благословляла меня, отпуская из храма.

Знания о том, что мне предстоит совершить, лежали на моих хрупких плечах тяжким грузом. Получив наставления Иинат, мне надлежало теперь совершить целый ряд ритуалов в тайном храме Аннана, чтобы получить двойственность природы и смочь претендовать на право унаследовать власть.

Нет, я была далеко не первой женщиной, проходившей через такие ритуалы. Чтобы иметь право носить оружие и называться воином, некоторые девушки проходили тем же путем. Но это было скорее исключение, чем правило.

Мое возвращение домой было явным и праздничным. Отец прислал паланкин и отряд стражи. Теперь, в дневном свете, я снова могла увидеть город: низенький, полный маленьких домиков, сделанных из соломы пополам с глиной, чьи крыши плотными рядами смыкались одна к одной. На неказистых заборчиках сидели какие-то птицы, немного напоминавшие голубей, а по дорогам бродили тощие драные собаки. Горожане, завидев мою охрану, падали прямо в дорожную пыль, роняя то, что было в руках. И только вездесущие мальчишки, смуглые и чумазые, в одних набедренных повязках, весело пародировали мой молчаливый эскорт. Немудрено, что спустя три тысячи лет от этой части города почти ничего не останется, кроме прогорелой земли на месте очагов, да мусорных ям.

Ближе к дворцу дома стали каменными и даже в два этажа. Здесь благодаря оросительным каналам росли большие плодовые деревья, чьи ветви уже гнулись под тяжестью наливающегося урожая. Толстые стены дарили прохладу в жару и хранили тепло в холод. Частенько они были покрыты раскрашенной штукатуркой.

Странным было и то, что я совсем перестала скучать по дому — тому, с его уютными электрическими лампами, шумными улицами и вокзалами. Тому, в котором всего за несколько часов ты можешь оказаться на другой стороне земного шара. А может, это был всего лишь сон? Нет, но все это в прошлом. Даже смешно получилось.

Настоящее время. Юлия Владимировна.

По прошлому миру она перестала скучать довольно быстро. Уже к концу полевого сезона все ее мысли устремились «в цивилизацию». Теперь нелепым было даже подумать о том, что можно пользоваться тазом и ковшом, а не нежится под горячими струями душа. А ведь раньше она гордилась тем, что раз в месяц ходит в царские купальни! Да разве может это сравниться с ароматной ванной, что ждала ее дома? И не важно, что ковшик не золотой и нет служанок. Здесь все это решается деньгами, и они у нее будут! Важно то, что больше ей не придется сидеть взаперти. Не придется дрожать холодными ночами под одним покрывалом с Ибой, так как центральное отопление есть в любой квартире. И все это там, в цивилизации.

Так что, едва отдав распоряжение о консервации площадок, Юлия Владимировна поспешила домой «писать отчеты», оставив аспирантам все радости сворачивания лагеря. На мальчиков она могла здесь положиться. Их преданность делу была ценна, и ее нужно чаще поощрять. Это Юилиммин понимала и сама. Но стремление к благам все же перевесило разум.

Город ошеломил ее своим шумом, суетой и скоростью. Не спасло и то, что она готовила себя к этому, просматривая фильмы. Слава Всеблагой, ее встречали. Если бы не это — ошарашенная Юля была бы просто смыта толпой.

А вот институт, хоть и был величественен, оставлял на душе какой-то пыльный след. Коллеги радовались при встрече, но уже через пять минут, извинившись, срывались по своим делам. Одно утешало — эту женщину здесь любили. Уже через неделю на Юленькином столе стоял букет слегка завявших роз, пять коробок разнообразных сладостей и пара безделушек, привезенных для нее друзьями из дальних стран.

Друзья... Раньше у нее никогда не было друзей. Она даже подумать о таком не могла. Разве царской дочери пристало? Юлия же, наоборот, словно магнит притягивала к себе всевозможных людей, мужчин и женщин. Ей были искренне рады, но никто из них не переходил той заветной черты, после которой человека называют «близким». А может, это она сама не позволяла? Там, в глубине сознания, Юлимин отчетливо ощущала ее тоску: «Вот с этим могло бы все и получиться. Зря тогда оттолкнула. Почему я тогда не сказала о своих чувствах?»

Одинокая дурочка — вот кем она была. Но теперь я обо всем позабочусь. Даже при нынешней внешности все еще можно исправить. Больше она не будет одинокой и незащищенной! И бедной тоже не будет!

Здесь, даже в этом старом теле, она сможет прожить гораздо дольше, чем большинство женщин в ее время, сохранить красоту, избежать болезней. При этом ее будут окружать все эти божественные удобства. Конечно, придется ездить в эти «поля», но и тут можно что-нибудь придумать.

Глава 11. Гром среди ясного неба

Кареш. Ассуба

Во дворец я попала уже на следующий день. Отец принял меня в саду, словно одного из своих царедворцев. Усадил на низенький плетеный стульчик у своих ног и долго расспрашивал. Но рассказать я могла лишь немного. Дальнейшие следовало начинать лишь в определенную фазу луны.

Важно было и начать показывать народу, чтобы приучить карешцев к тому, что старшая царевна всегда рядом с отцом. Поэтому я попросила владыку отныне позволить мне выезжать с ним всюду, где требовалось его присутствие. К моему удивлению, он не возражал, наоборот, счел эту мысль здоровой. Пока же в мои обязанности добавилось ежевечернее присутствие при выслушивании жалоб от населения.

Только сейчас у меня получилось поговорить с отцом и узнать новости о посольстве.

Старуха Ханабит, та, что была послана для опознания хоннитской царицы, потеряла на обратной дороге свой разум. Прибывшие в столицу Хоннита — Тахлаш, послы ни в чем не знали отказа. Владыка со своей старшей женой приветствовали их как должно. Ханабит тогда вполне признала Амминат-ату и даже оставила при ней служанку, что брала с собой.

На обратном пути старая посланница вдруг начала чудить. Пришла ночью в шатер Шамунт-абы и, глядя на него невидящим взором, заявила, что царицу-де в Хонните травят, хотят убить. Утром она уже не говорила, только раскачиваясь, смотрела в одну точку.

Шамунт полагал, что старую Ханабит прокляли или отравили. Мне же казалось, что ее просто настиг атеросклероз, что в почтенном возрасте бывает. Кому могла помешать эта женщина, я не понимала. Отца же вполне успокоили подарки от сестры да переданные на словах Мандару-Кумишем благодарности и пожелания. Как же дела обстоят на самом деле, вскоре выяснит Шахриру. Надеюсь, любовь к мужу не лишит ее остатков разума, заставив позабыть о доме!

— Река времени течет сейчас быстрее, чем для моих предков, — вдруг произнес отец, закрывая лицо своими мощными жилистыми руками. С недоумением я посмотрела на владыку.

— Еще совсем недавно я был молод и могуч, а теперь глаза изменяют мне и рука устает держать клинок, — он произнес это как-то странно, словно бы только сейчас осознал, что постарел.

Даже облаченный в простую белую канди, полосатую короткую юбку и простые сандалии, он все равно внушал почтение. Мышцы бугрились на мощной загорелой шее, черные волосы, лоснясь, падали на широкие плечи. Но все это, видимо, благодаря краске и ежедневным занятиям и хорошей наследственности, жестко и безжалостно отбирившей среди карешских вождей лишь самых живучих. Меж тем мужчина уже разменивал седьмой десяток, и время неумолимо пожирало его.

— Как будто только вчера ты появилась на свет, а теперь я вынужден тебя отдавать, — отец за доли мгновения из могучего правителя превратился в обыкновенного мужчину, всю жизнь несущего бремя забот о своей большой семье. А ведь я никогда не задумывалась, когда встает и когда ложится всесильный владыка.

Внезапно я поняла, что за эти месяцы действительно привязалась к нему больше, чем к родному, хотя осознавать такое было странно. Возможно, где-то сейчас или потом мой

собственный неунывающий папа сидит в плетеном кресле на солнечном берегу океана и, наверное, рассказывает уже не совсем своей дочери, как будет здорово всем вместе провести Новый год на Эльбрусе. Весь такой худощавый и подтянутый с никогда не угасающей улыбкой и огромным зарядом оптимизма. А ведь я тогда тоже очень мало интересовалась их с мамой жизнью.

От нахлынувших воспоминаний и чувств я вдруг снова ощутила себя маленькой девочкой, которая искренне и беззаветно любит своих родителей. Да так оно, по сути, и было. В этом порыве нежности я, не заметив как, своими тоненькими руками ласково обняла ноги владыки и прижалась к ним. От отца сладко пахло благовониями и совсем немного пылью. Он не отстранился, а только легко коснулся моих волос.

— Боги милостивы и ты еще полон сил. Царю не обязательно сражаться — на это есть воины! — я подняла взгляд и встретила с его усталыми глазами. А ведь он, похоже, и впрямь не совсем здоров, белки глаз были слегка желтоватыми с многочисленными мелкими кровоизлияниями. Во второй раз в жизни я пожалела, что не пошла учиться на врача, как того хотела мать. Первый раз был, когда наш вездеход скатился, перевернувшись, с крутого обрыва. Чудом выжившие, все израненные, мы сутки тащили бесчувственного водителя до ближайшего населенного пункта, молясь лишь о том, чтобы он не умер на наших руках.

И вот теперь сколько бы пользы могли принести познания в медицине и как бесполезны мои!

— Хоннитский владыка вместе с тобой должен разделять заботы об охране перевала. Товары нужны по обе стороны гор. Молодой же Энмер-ани и я будем помогать тебе, подобно малым ручьям, что вливаясь, питают могучую реку.

— А ты стала действительно умна, мой цветочек, — отец снова ласково погладил меня по волосам. — Если бы Тишрин был рядом, я бы ни за что не стал бы подвергать тебя таким испытаниям. Удел женщины — дом и семья, но наш мир жесток. Я потерял твою мать, Боги отняли у меня ее сына, теперь у меня осталась только ты.

Он еще немного помолчал, перебирая мои кудри. И это говорит человек, у которого еще много детей! Сколько же для него значила Тулиммин-аша, что ни одна женщина больше не заботит его? Почему он, кажется, совсем забыл о своем маленьком сыне? И что по этому поводу думает Нинмах? Царица далеко не дура и за своих детей будет бороться.

Странная мысль промелькнула в голове, заставив задуматься. Царевна не знала, сколько лет ее царственному родителю, но по всему выходило, что шел седьмой десяток. От своего отца Маарш-а-Н'мах получил страну, уже будучи совсем взрослым, немного за тридцать. Теперь под его могучей рукой наш край процветал более трех десятков лет. У мужчин, конечно, возраст не всегда отражается на мужской силе и плодородии, но что если мой маленький братик вовсе не от него, и отец об этом знает или, по крайней мере, догадывается? Это бы только подтвердило, почему владыка даже и не думает объявлять его наследником. Но подробностей не узнать. Маленький царевич надежно упрятан в каменных лабиринтах малого дворца и доступа к нему нет почти ни у кого.

— Энмер-ани очень умен. Если выбрать себе советника в делах — я бы другого и не желал, но на войне он неумел. Если Всеблагая продлит мои дни, то я попытаюсь сделать, что могу, но... — продолжал меж тем рассуждать отец. — Порой я думаю, что тот самиритский мальчишка, что в бою стоит десяти, мог бы защитить тебя лучше. Но он слишком горяч, такие долго не живут.

Владыка тяжело поднялся с плетеного лежака и принялся расхаживать по комнате. Я же

осталась сидеть, внимательно наблюдая за ним.

— К тому же, — добавил он, явно возвращая себе прежнюю уверенность. — Асармериб уважает только силу, а любит только золото. Иметь с ним дело опасней, чем целоваться с куфией. Он стремится покорить всех людей и присоединить их земли к своим. Не стоит даже давать ему повод подумать об этой земле, у нее и так много забот. Остерегайся его, дочь моя и старайся не иметь с ними дел! — голос владыки стал мощным, не терпящим возражений.

— Надеюсь, его щенок слишком горд и самостоятелен, чтобы пожаловаться отцу, а от меня получил достаточно унижения и мы его больше не увидим, — добавил отец как бы сам для себя, отгоняя плохие мысли.

Знал бы он, как судьба посмеется над его словами!

Богатый караван вступил в город спустя неделю после нашего с отцом разговора и принес с собой не новости и товары, а новые хлопоты.

Энмер-ани и я тем вечером сидели на одной из крыш большого дворца, наблюдая закат. После военного похода хоннитский царевич немного возмужал, загорел и теперь постоянно пытался поделиться со мной тяготами военной жизни. Поработал бы он полтора месяца на раскопе под палящим солнцем — считал бы себя героем! Лопата, конечно, не меч, но руки болят знатно.

Конечно, мои нынешние тонкие изящные ручки совсем не подходили для тяжелой работы. Даже упражняясь в танцах ежедневно, тело царевны оставалось хрупким, и синяки могли остаться от малейших прикосновений. А ведь ей надлежало совершить несколько мужских поступков во имя Аннана, в том числе — пролить кровь. Вот только как — противная Каи мне не сказала.

Но рассказы Энмер-ани о свирепых косматых горцах, отваге владыки и лично его, забавляли. Как и все мужчины, царевич стремился приукрасить себя в женских глазах. Но это можно было простить. Этот юноша был надежным и каким-то удобным. Я чувствовала, что он не станет мне врать и не пойдет на предательство. Не станет строить заговоры за моей спиной и требовать власть себе. Он казался мне надежным.

— Можно тебя спросить, — издали начала я. — Скажи, Энмер-ани, а как зовут твою мать?

Юноша, от чего-то, смутился и не спешил отвечать. Пришлось пускать в ход тяжелую артиллерию, и я, глядя ему прямо в глаза, захлопала своими черными ресницами. Враг сдался и пошел на переговоры!

— Я плохо помню ее. Мальчиков у нас с пяти лет воспитывают отдельно, чтобы сделать из них мужчин. Обучают правилам боя и всему такому. Отец считает, что женщина способна испортить мужчину, если он слишком юн, и укрепить, когда он станет взрослым.

Я с недоумением смотрела на него. Этот юноша совершенно отличался от человека, воспитанного в таких условиях.

— Но в детстве я был очень слабым ребенком, и отец отдал меня в храм Аннана, надеясь, что в обители я поправлюсь. Меня воспитывали жрецы; наверное оттого я так люблю читать, — словно прочитав мои мысли, пояснил Энмер. Юноша явно давно собирался на эту тему поговорить, но не решался.

— Вот как.

— Надеюсь, ты не считаешь меня недостойным только потому, что я не слишком

хорошо умею сражаться. У меня лучше получается думать. Но мой брат всегда говорит, что управлять можно не только силой, но и головой. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — откликнулась я. — И поверь, для меня мужчина это не только мускулы, но и поступки. Именно они делают нас теми, кто мы есть.

Вот же, утянул меня в философскую беседу и совсем отвлек от нужной темы. Хорошо, что этот юноша не был знаком с реальной Юилиммин. Его бы неприятно поразила разница характеров!

— То есть ты долго жил в храме, не слишком часто виделся с отцом, а мать почти и не помнишь?

Юноша утвердительно кивнул и хотел что-то добавить, но тут заметил входящий в город караван, и все мои попытки выведать что-либо о Амминат-аше пошли прахом.

— Смотри, — показал он мне на пылящее вдали облачко, — это идет караван из западной степи, что по ту сторону гор.

— Откуда тебе знать? — изумилась я, пытаюсь различить хоть какие-нибудь подробности в клубе пыли.

— Сейчас уже не видно, но там идут верблюды. Таких животных во множестве приводят с юга на хоннитские базары. Но горы они не любят, а потому странно, что кто-то пригнал их сюда.

— Может, глаза подвели тебя и это были ослы или лошади?

Юноша покачал головой.

— Жрецы всегда хвалили мою наблюдательность. Я всегда вижу так, как есть. — Энмер-ани поднялся с уже остывших камней и протянул мне руку. — Идем, завтра мы, несомненно, обо всем узнаем. Сейчас уже довольно поздно, и купцы ко дворцу не пойдут. Ты ведь разрешишь мне проводить тебя? Я бы еще мог рассказать про звезды.

Я согласно кивнула и легко улыбнулась, принимая его руку. Вот ведь неисправимый романтик!

Убедиться в правоте слов своего нареченного я смогла следующим утром, когда караван, заночевав где-то в городе или рядом с ним, подошел к стенам дворца. Прибытие купцов из дальних стран — само по себе большое событие в этом не слишком богатом на развлечения мире. И любая диковинка вызывает огромный интерес. Вот и теперь, весь малый дворец был взбудоражен, всем хотелось узнать свежие новости, поглазеть на чужестранцев, а может и прикупить разных диковинок.

Младшие сестры, навестившие мои покои утром, и так и этак уговаривали старшую сестрицу пойти с ними посмотреть на диковинных животных. Шанхаат же твердо решила меня на солнце не выпускать, в чем была, конечно, права.

— Сиятельные госпожи, ну какие там уж звери! Юилиммин-даша на таком солнце испечется, как яйцо. Да и вам пора бы не на гадость всякую смотреть, а чему полезному обучиться. Не пуцу, хоть секите меня! — стояла на своем служанка.

Находя рациональность в ее словах, я уговорила сестриц сходить к воротам на закате, если купцы все еще будут там. А пока можно было насладиться внезапно выдавшейся свободной минуткой. Мой наставник сегодня задерживался, а такого за ним не водилось.

Я уговорила Тейен сбегать вместе с сестрой на кухню, послушать, о чем там судачат. Самой идти туда было бесполезно, все женщины при виде старшей царевны опускали глаза в пол и замолкали, а вот озорных девочек никто не воспринимал всерьез. Им можно и лепешку прямо из печи подарить и даже побранить за украденные фрукты.

А у меня в груди скреблись кошки. Неясное предчувствие какой-то беды снова маячило на горизонте. В глубине души я уже знала, откуда прибыли эти гости, но гнала эти мысли, словно от этого могла измениться реальность.

Царевны вернулись с новостями примерно через час. В большом дворце будет прием, так как прибыл с визитом сам наследник самирского владыки и привез богатые дары. Тех чудных зверей он завтра намерен подарить владыке, чтобы засвидетельствовать свое почтение. А купцы привезли много красивых тканей и диковинных стеклянных бус. Вот так всегда, то, чего не знают министры, знают на кухне!

Ближе к вечеру мы все, взяв с собой даже упирающуюся Шанхаат, отправились к наружной стене, чтобы посмотреть на верблюдов. И только кормилица осталась в покоях, отговорившись тем, что за свою долгую жизнь навидалась достаточно, а дела сами собой не сделаются.

Заглянуть за почти трехметровую стену было не так-то просто, но девчонки явно знали, как справиться с проблемой. Недалеко от главных ворот в тени небольших сосен каменная кладка была изрядно щербата, как будто сотни ласточек-береговушек пытались рыть в ней свои норы. Используя выбоины как ступеньки, в этом месте можно было легко взобраться на самый верх. Ну, просто находка для вражеских шпионов! Но лезть на стену старшей царевне было не солидно и я, приказав Шанхаат следовать за мной, направилась к воротам. Заодно и проверим, как на меня отреагирует стража, а через приоткрытые створки все замечательно видно.

Животные блаженно лежали под большим тростниковым навесом совсем недалеко от ворот, мирно жуя сено. Их длинные ноги были поджаты, а шеи сложены. На этот мир верблюды высокомерно взирали своими большими карими глазами, а холеные бока были старательно вычесаны и покрыты попонами. В своей прошлой жизни я не только видела верблюдов, но даже почти месяц ездила верхом по пустыне, так что сейчас больше смотрела не на них, а на свою обычно очень правильную служанку.

Женщина была явно поражена, ну, а когда уж один из них встал на свои мохнатые ноги — ахнула:

— Вот страшилище-то какое! Защити Всеблагая, такое убежит, это же сколько ужаса!

— Почему страшилище, ты посмотри, какие у него глаза! Они же красивые как у ребенка, — удивилась я. — А шерсть у них теплее козьей и овечьей.

— Ой, все-то вы теперь, сиятельная, знаете! А чем же этого зверя кормят то?

— Сама смотри, ему даже крыша сгодилась! — хохотнула я.

— Ай, и правда, вот же наглый! — возмутилась моя служанка, наблюдая, как один из верблюдов, с выражением чрезмерного презрения на морде, поднялся и начал методично жевать солому навеса.

Стража у ворот нервно косилась в нашу сторону, но даже заговорить не осмеливалась.

Решив, что на сегодня развлечений достаточно, мы поспешили домой, где нас уже ждала старая Иба и вечерняя трапеза.

Прием снова был роскошным, но хоть на лестнице нам стоять не пришлось.

Я, снова закутанная как мумия в цветастые тряпки, на этот раз встала на пару ступеней ближе к отцу, а за моей спиной примостился Энмер. На этом вся придворная конспирация была провалена. С тем же успехом я могла в самом драгоценном из своих нарядов восседать рядом с владыкой. Скрыть долговязую фигуру хоннитского царевича можно было, лишь

поставив его в самый дальний ряд.

С какими бы намерениями ни прибыл к нам наследник самирского владыки, а знать в лицо своих соседей он должен. Энмер тоже подтвердил, что один раз видел царевича Саурата. По его словам это был уже взрослый мужчина с хитрыми узкими глазами.

— Он приезжал к нам пару лет назад, когда самирийцы покорили Сахет. Заверяли отца, что дальше их войска не пойдут. А глаза у этого Саурата так и бегали. Мне не понравился этот человек, и я не ждал бы от него добра.

— Мне тоже не нравится, что подобные гости зачастили к нам, — согласилась я. Прознай такие воинственные соседи о том, что задумал мой отец, — разорвут. Наш успех гарантирован лишь в том случае, если люди признают меня. А доверие народа и преданность воинов надо заслужить. Пока же, невидимая в тени могучего владыки, я только училась делать первые шаги.

У входа взревели рога, и нарядная процессия двинулась к трону. Каково же было мое удивление, когда я узнала того, кто уверенно шагал впереди!

Наряженный по всем правилам, блистающий дорогими ожерельями и наручами, в окружении многочисленных советников к нам приближался сам Асмаррах Самирский.

Его лицо было спокойным и уверенным, а фигура казалась выше и величественнее, чем в прошлый раз.

Увидев такого гостя, привстал даже владыка. А невозмутимый молодой посол одним жестом отправил вперед себя человека из свиты. Сановник деловито передал таблички одному из дворцовых чиновников и с поклоном попятился назад. Возникло небольшое замешательство, и по рядам пошел шепот.

Царевич же быстро обогнул вельможу, преодолел оставшиеся три шага и, вскинув над головой руку с массивным кольцом, склонил голову, но спины не согнул.

— Что ж, — отозвался владыка Кареша, пробегая глазами переданную табличку. — Мы рады принимать у себя наследника Самира, каким бы путем ты ни стал им. Но скажи, что за дела привели тебя опять в наши земли и так скоро?

Молодой мужчина выпрямился и опустил руку.

— Мой могучий отец, владыка Асармериб, — разнесся в тишине глубокий и уверенный голос Асмарраха, — шлет богатые дары и говорит тебе: «Моему сыну и наследнику пора жениться! Кто как не Маарш-а-Н'мах-Ишана имеет сокровище достойное его?» Знай же, о царь, теперь я уже не тот, кто приходил к тебе раньше, но мой выбор неизменен. Я прошу для себя твою старшую дочь и готов заплатить за нее достойный выкуп!

О боги, ко мне только что официально посватались! И это когда я уже, считай, отдана за другого, хотя об этом и не оглашали! И как всего за пару месяцев он умудрился стать наследником, имея минимум трех старших братьев? Убил он их всех? Думаю, этот может! Мысли неслись галопом, ноги и руки похолодели.

Отец стоял, могучей горой возвышаясь надо всеми, и молчал, пожирая гневным взглядом бесстрашного наглеца, тот отвечал ему тем же, не отводя глаз. Мое сердце забыло, как биться, и пропустило пару ударов, так много силы было вложено в это немое противостояние. Казалось, что отец просто разорвет наглеца прямо здесь и сейчас. Даже прекрасное лицо Нинмах отражало искреннее удивление. Волна шепота нарастала. Наконец, владыка Кареша опустил на свое кресло и произнес:

— Прошу тебя, сын моего брата, будь моим гостем. Такие дела не решаются в спешке. Я буду говорить с тобой позже. Но, может быть, твой владыка поручил тебе и другие дела?

— Про все другие дела изложено здесь! — царевич поставил на ступень небольшую шкатулку.

— Этого я и боялся, — тихо шепнул за моей спиной Энмер-ани. — Твой отец теперь предпочтет меня ему.

— Не думаю, — быстро бросила я в ответ. — Асмаррах Самирский никогда бы не принял, а теперь и не может принять те условия владыки, на которые согласился ты. Он наследник великих земель. Это значит, он проиграл.

Я не стала озвучивать, что, скорее всего, этот мужчина не смирится с тем, как решено мое будущее, но что он предпримет — не понимала. И не знала, чем от него откупиться. Но что-то сделать придется.

А меж тем новоявленный наследник уже отыскал меня глазами и теперь улыбался. Я опустила глаза. Всеблагая, скажи, как мне быть?

Потянулись дни, полные напряжения и тревоги. Отец явно тянул с ответом на прошение новоявленного жениха, выбирая, как лучше поступить.

Мне же оставалось только ждать и молить Великую Мать о том, чтобы подсказала мне правильное решение. Но богиня молчала, в дыму курительниц мне чудились лишь всполохи огня, явно не сулящие долгой и счастливой жизни.

Спустя почти четыре дня владыка призвал меня к себе. К моему удивлению это был «семейный» ужин, на котором меня ждали только он и царственная Нинмах, на прекрасном личике которой отчетливо читалась явная обеспокоенность.

Первые полчаса мы молча вкушали пищу, наслаждаясь приятной музыкой, а потом отец резко хлопнул в ладоши и приказал всем удалиться. К моему удивлению, он выгнал даже мальчика с опахалом, который обмахивал нас, заставляя хоть сколько-то двигаться раскаленный дневной жарой воздух.

— Люди жалуются на эту проклятую жару, — как бы невзначай бросил владыка. — Воды Иреша совсем ушли и им нечем поливать урожай. Если так продолжится, то нам нечего будет есть. В степи тоже беспокойно, запах гари охотники почуяли уже у холмов. Это значит, что Шааху-Мере снова придут как шакалы просить зерна и мяса, а что я им дам?

— Милость Всеблагой безгранична, — промурлыкала Нинмах, легко касаясь кончиками пальцев его могучей руки. — Но не прогневали ли мы ее? Быть может, допустили ошибку или неправильно трактовали гадание?

Она смерила меня долгим, не сулящим ничего хорошего, взглядом.

— Не прогневайся, мой повелитель, но не отнимаешь ли ты у Великой Матери то, что предназначено лишь ей? — царица преданно смотрела своему супругу в лицо, ее глаза были полны искренности.

Я задохнулась от гнева. Эта разряженная стерва задумала упрятать меня в храм на веки вечные? Отец тоже нахмурился, но, к моему удивлению, не возразил супруге.

— В твоих словах есть доля истины, прекрасная. Вы должны усерднее молить Иинат о милости. Я желаю, чтобы ты лично проследила за тем, чтобы как можно скорее нужные подношения были совершены, — он обратил свой взгляд ко мне. — Ты же, дочь, поговори с мудрыми из старого храма. Возможно, старухи знают, как умиловить богов.

Я покорно кивнула, но что толку в молитвах, когда даже на самых высоких пиках горной гряды растаял последний снег! Нас спасут только дожди, а в это время года тут с ними не густо.

Владыка же тем временем продолжал:

— Все происходящее заставляет меня задуматься и о том, что мир на наших границах все труднее сохранять и ссориться даже с далекими владыками нам невозможно, — он пригубил пива, подбирая слова. — Мои советники рассматривали вариант союза с Самиром. Это бы избавило нас от угрозы с их стороны, но надолго ли? Асармериб ненасытен и рано или поздно захочет взять под свой контроль Врата. Хоннит хоть ненадолго сдержит их, если наш союз с ними крепок. От кочевников в таком случае мы сможем откупиться или отбиться. А потому, я думаю, нужно как можно скорей выдать тебя, дочь моя. Тогда самирийцы хоть на время охладят свой пыл. Но твои приготовления еще не закончены.

— О, владыка, — снова замурлыкала моя мачеха, — а может быть лучше расстаться с одним сокровищем, чем потерять все?

В ее подведенных глазах снова было лишь искреннее желание помочь и ни грамма коварства.

— У тебя еще много дочерей и прекрасный сын. А умная жена всегда может направить мужа, — она бросила на меня недвусмысленный взгляд. — И из потенциального врага ты получил бы надежного союзника. Я слышала, что Асмаррах-ани хороший воин и уже не раз приносил своему отцу победу. Желая угодить желанной женщине, он пойдет на многое!

Вот ведь сводница! Хотя ее слова не лишены доли смысла, если бы Асмаррах меня любил, но он только желает. А наигравшись, просто выбросит, как ненужную игрушку.

— У тебя всегда была ясная голова, Нинмах-аша, но короткий ум, — ответил ей отец. — Наш юный царевич возвысился, но он еще не правит и не ему решать с кем вести войну. У Асармериба много сыновей и воинов, он легко заменит зарвавшегося мальчишку!

Владыка начал было сердиться, но тут же взял себя в руки.

— Но ты права, женщина может заставить мужчину перемениться. Возможно, если с ним поговоришь ты, царица, он изменит свое решение и выберет другую. Айетимм приятна и уже вполне созрела. Разрешаю тебе показать ее царевичу. Намекни ему, что моя старшая дочь уже обещана, и я никак не могу ее отдать, не нанеся обиды другому. Возможно, женские уговоры будут лучше прямого отказа.

Нинмах хотела было что-то возразить, но владыка не позволил.

— Я не изменю свое решение сделать Юилиммин-даши своей преемницей. Царевич Энмер же, как никто другой, подходит ей в спутники. Как только обряд посвящения Аннану будет закончен, я разрешу ваш союз и объявлю свое решение всем. Хорошо бы это сделать не позднее праздника урожая.

Отец поднялся, постановляя, что трапеза окончена. На его зов прибежали слуги, советники и музыканты, а нас он быстро отослал, не дав перемолвиться и словечком. А мне было, что сказать моей любимой матушке! То в храм меня сослать предлагает, то в дальние страны выдать! Эх, жаль, что у меня слишком заметная внешность, так и хочется пробраться в ее покои и чего-нибудь подслушать. Наверняка у нее не один «скелет в шкафу».

Вслед за семейным «ужином» последовал отнюдь не семейный прием. Все в той же большой зале владыка угощал дорогих гостей.

Меня усадили на левый край стола довольно далеко от владыки, но рядом с Энмером. Справа от себя правитель Кареша усадил крайне смущенную Айетимм, а прямо напротив — «дорогого» гостя с Нинмах под боком.

Я полагала, что наглый самирит снова будет бросать на меня свои жгучие взгляды и бесить Энмера, но Асмаррах повел себя совершенно иначе. Всю первую часть обеда он о

чем-то беседовал с владыкой и совершенно искренне улыбался на какие-то фразы Нинмах. А еще он с явным интересом рассматривал Айтетимм, все больше вгоняя ее в краску. На меня же за весь вечер взглянул только раз, просто отмечая, что заметил.

Мне же сегодня не хотелось ни есть, ни говорить. Я, конечно, вежливо слушала беседу Энмера с одним из самирских вельмож, но в разговор не лезла. На душе было погано. Один вид Асмарраха вызывал у меня бурю эмоций, а ведь я полагала, что начисто выкинула его из головы. В голове постоянно всплывали воспоминания: вот он прижимает меня к себе, вот нежно заглядывает в глаза, а вот уже в них бушует адское пламя гнева. Так, Юленька, похоже, ты попала на психологические качели, а он искусно раскачивает их, не позволяя забыть о себе.

Вот сейчас он к тебе равнодушен, но трудно забыть ту решимость, с которой он при всех заявил о своих намерениях. И, главное, никак не могу понять, играет ли он со мной или серьезен?

Нет, надо ему все как-то сказать. Дать понять, что не попала на его удочку и предпочту другого, надежного и понятного в своих чувствах. Но как это сделать? Можно отлучиться в сад, как только придут музыканты. Наверняка этот гад снова не упустит возможности поговорить. Как же сложно, когда нельзя просто отозвать в сторонку и все высказать!

Прием шел своим чередом. Асмаррах приволок не только верблюдов, но и ручных хищных птиц, и теперь его ловчие показывали, как пернатые легко настигают добычу. Оказавшись без закрывавшей голову шапочки, сокол стрелой взмывал ввысь, и в мгновение ока настигал тушканчика, которого использовали в качестве добычи. Бедная зверушка не успевала даже добежать до ближайшей кадки с цветком. А все веселились, пока в один из таких «забегов» несчастная жертва не ринулась вглубь веранды и нашла спасение под моим подолом.

Время растянулось, останавливая свой бег. Словно в замедленном кино хищник расправил свои острые крылья и взмыл вверх, набирая высоту. Вот заметался сокольник, пытаюсь перехватить птицу, но его движения слишком медлительны. А зверек у меня под ногами сжался в маленький комочек. Я чувствую его тепло и, кажется, ощущаю, как быстро-быстро бьется крохотное сердечко.

В голове совсем нет страха. Я не боюсь, я сильнее этой птицы. Опускаюсь на колени, скрывая маленькую жертву подолом, щитом выставляю перед собой руку и жду. Сейчас будет больно.

А сокол уже падает, но вдруг крылья начинают отчаянно биться, останавливая пике. Каждой клеточкой чувствую эти мощные потоки, но не опускаю руки. В ушах противно звенит, крылья отчаянно молотят воздух, но боль все не приходит.

Время вновь обрело свой нормальный темп, и на меня обрушился шквал шума. Я открыла глаза. Вокруг плотной толпой стояли люди: вот бледный как молоко отец, удивленная Нинмах, плачущая Айтемимм, испуганный Энмер и застывший Асмаррах. У его ног валяется разбитый глиняный свисток, а на руке, раздирая острыми когтями кожу, отряхивается сокол.

Надо что-то сделать, сказать...

— Эта птица хорошо обучена, — слова даются мне с трудом, голос дрожит. — Но ради забавы убивать живых созданий Иинат — не подходит для настоящих мужчин.

Теперь выпрямиться и с достоинством покинуть этот балаган. Только сейчас я начала

чувствовать, как трясутся мои руки и ноги. «А ты ничего, уже не такая трусишка!» — похвалила я маленькую царевну и шагнула в темноту коридора.

Рядом возник мой извечный проводник, тоже удивленный, но старательно скрывающий это. Я направилась к себе, даже не подумав, что нужно бы испросить разрешения у владыки. Надеюсь, он поймет.

А утром Шанхаат принесла слух о том, что сама Всеблагая вчера вселилась в меня и остановила ужасную птицу, не дав ей коснуться себя. Интересно, через неделю, наверное, это будут три десятка крокодилов и как минимум разъяренный слон. Но это мне на руку, пусть народ немного, но боготворит старшую царевну, меньше будут удивляться, когда придет время.

На расспросы служанки я отвечала довольно скупой, на занятиях была рассеяна. Перед глазами все качалась, отряхиваясь, птица, а из разодранной кожи текла алая кровь. И глаза, его глаза, а в них то ли восторг, то ли восхищение.

Надо срочно поговорить, нет, лучше написать, но что?

Пока я мучилась всем этим, пролетело полдня. Кто-то приходил, что-то говорил, а я никого не хотела видеть. Но посланникам отца отказать нельзя, и мне пришлось появиться во дворце.

Привычный вельможа отвел меня в уже знакомый небольшой сад. К моему удивлению, владыка там был не один. Компанию ему составляли несколько сановников и вездесущий царевич Асмаррах.

Я замерла на пороге, не зная, что делать дальше. Отец улыбнулся и протянул ко мне руки.

— Рад тебя видеть, дочь моя! — как обычно приветствовал он меня. — Надеюсь, твой день был приятным.

Я поблагодарила, заверив, что каждый день под его кровом именно таков.

— Высокородный Асмаррах пожелал лично принести тебе извинения за вчерашнее и высказать восхищение твоей смелостью.

Ну вот и отлично, папа за него уже все сказал, я могу уходить? Но, к сожалению, мне предстояло выслушать это еще раз.

На самирском царевиче была карешская канди с коротким рукавом, вполне приличная шубату и цветастое покрывало, которое носили здесь все. Надо же, перестал выпендриваться своими штанами, подумалось мне. Но взгляд упал на руку и остановился на аккуратной белой повязке. Смотрите-ка, и тут не бравирует своей брутальностью. Мне казалось, что именно в его стиле было бы ходить с открытыми ранами, демонстрируя всем свою крутизну. Но, выходит, я не так уж хорошо его знаю.

Молодой мужчина поднялся с низенького бортика, на котором сидел, и почтительно поклонился.

Мои глаза полезли на лоб. С чего же это гордец, едва склонивший голову перед владыкой, передо мной согнул спину?

— Я и мои люди просим простить вас нашу неосторожность. Я виноват в том больше других, так как все было сделано по моему приказу, — его тон был почтителен. — Ваша смелость была удивительна, и птица не посмела причинить вреда.

Ага, а ты, значит, там так просто в свисток дул? Ох, уж эти приличия.

Я вообще отказывалась теперь узнавать в этом человека того наглеца, что лазал по

ночам в чужой сад и приставал к незамужним царским дочерям. Может, это на него положение так влияет?

— В том, что я осталась цела, есть и твоя заслуга, наследник Самаира, ведь это ты успел отозвать сокола. И раны, которые должны были достаться мне, теперь носишь ты, — разводить все эти уважительные церемонии ужасно не хотелось.

— Это заслуженное наказание за мою оплошность. Я бы хотел принести должные жертвы великой Иинат за то, что прогневил ее. Позволено ли мне будет посетить ее храм?

— К алтарю может прийти любой, если он того желает, — нет, я определенно не понимала этих перемен.

— Если царевна действительно не сердится на меня, позволит ли подарить ей эту безделушку?

Мужчина сделал знак одному из своих челядинцев, и тот подал ему резную деревянную шкатулку.

— Там лишь немного жалких безделиц из тех, что так нравятся девушкам, — пояснил он, протягивая мне подарок.

Я посмотрела на отца, спрашивая его совета, но он довольно кивал, давая понять, что одобряет. Придется взять.

— Надеюсь, что в скором времени узнаю, понравилось ли вам.

Принимая шкатулку, я встретила с ним глазами и меня вновь обожгло. Нет, там под толстым слоем скромности скрывался все тот же разбойник, что мешает девушкам ночами лазать по деревьям!

На этом обмен любезностями был закончен, и я могла отправляться по своим делам. А завтра меня снова ожидали здесь, видимо, чтобы достойно отметить завершение самирской дипломатической миссии. Несколько служанок несли за моими носилками очередные подарки отца. В последнее время владыка сильно баловал свою дочь.

Глава 12. Страшная ночь

Оказавшись в своих покоях, я восхищенно рассматривала подарки и снова чувствовала себя маленькой девочкой на Новый Год.

За плечом у меня восторженно ахала Шанхаат, а кормилица лишь махнула рукой.

— И скажи мне, что с этим всем делать, сиятельная. Уж сундуков для нарядов не хватает! Можно ли владыке о том сказать?

Я отмахнулась.

— Скажу я, Иба, скажу. Вот завтра все и устрою.

И тут мне в голову пришла хорошая мысль.

— А не лучше ли будет те сундуки самой у мастера заказать? Тебе виднее, сколько и каких надо.

— И так можно, — согласилась кормилица. — Ваша матушка все так и делала. Все сама в хозяйстве вела да учитывала.

Я отмахнулась. Не хватает мне еще и домашними делами заведовать, помимо учебы.

— Лучше испеки мне лепешек сейчас и не ворчи. Вот разберусь со всем этим — и спать, темнеет уже.

Первым делом мы с Шанхаат разобрали наряды. Красивая увешенная по подолу блестящими амулетами голубая юбка мне настолько понравилась, что и снимать не хотелось. К ней в комплект шла короткая узкая туника такого же цвета, расшитая по краю цветной нитью, широкое ожерелье из несметного количества лазуритовых и золотых бусин и украшенный голубыми бляхами плетеный пояс из темной кожи, понизу обшитый длинной бахромой лазоревых снизок.

В этом нужно будет отправиться в храм Аннана, так как лазурит — мужской камень, решила я. Только дополнить браслетами и головным убором. Нужно будет поискать и серьги-лунницы.

Второй комплект был явно для завтрашнего приема, и я велела развесить ткань, чтобы исчезли складки.

Так и не сняв с себя новый наряд, я уселась перед блестящим тазом, заменявшим мне зеркало, но уже было темно. Пришлось крикнуть, чтоб принесли огня. Пока Шанхаат зажигала лампы, я выбралась во дворик, чтобы без лишних свидетелей рассмотреть содержимое подаренной мне самирским царевичем шкатулки.

По верхней стороне резной крышки сплетались в узор резные ветви диковинных растений, а между ними пели, раскинув крылья, перламутровые птицы. Ящичек запирался на простую бронзовую булавку с головкой в виде цветка.

Я осторожно заглянула под крышку. Там лежал красивый инкрустированный перламутром деревянный гребень для волос, небольшая подвеска для прически с прозрачным, как мед, куском янтаря, и маленькая глиняная табличка, надпись на которой гласила: «Ты будешь танцевать сегодня для меня?»

Воистину, наглость — второе счастье! Неужели он думает, что я дважды попадусь на этот трюк? Нет, для общего же блага будет лучше, чтобы он провел этот вечер один. Моя судьба уже определена, и изменить ее ничто не в силах.

Конечно, надо бы поговорить, но я боялась оставаться с ним один на один. Иногда в глазах этого мужчины я видела неудержимый огонь желания, совсем как тот, из-за которого

раскололась сущность Иинат.

Да, он могучий воин, да, его тело и лицо очень красивы, и худенький долговязый Энмер-ани выглядит на его фоне просто заморышем, убеждала я себя, возвращаясь в комнату. Но зато рядом с ним я не чувствую себя как уж на сковородке! От одного взгляда самирита меня бросает то в жар, то в холод, а мысли в голову лезут такие, что от зависти помрет и главная героиня любовного романа!

Нет, завтра же наберусь смелости и найду повод поговорить с обнаглевшим прЫнцем, просто выскажу все наблевшее ему в лицо, хотя приличные девушки так не поступают! А сегодня пусть поскучает один!

Бросив шкатулку на кровать, я уселась перед зеркалом расчесывать на ночь волосы, отослав поспешившую на помощь Шанхаат. Слишком много мыслей нужно было обдумать, а ее болтовня и причитания будут только мешать.

Волосы почти каждый день мне мыла Иба, полоща их в немного пенном отваре трав. От этого локоны становились мягкими и пушистыми.

Сейчас из темных глубин зеркала на меня смотрела уже не заморенная бледная девочка, какой я увидела себя больше четырех месяцев назад, а прекрасная молодая девушка с нежной кожей и розовыми чуть пухлыми губами. Бездонные голубые глаза, окаймленные густой каймой темных ресниц, завершали образ.

«Ах, нет, я все-таки хороша! Чудо, как хороша!» — всплыли в памяти слова красавицы Оксаны*. А ведь и правда повезет тому, кому я буду женою! И пусть вредный Асмаррах всю ночь киснет под своим деревом, я к нему не приду! Я же знаю, чего он хочет!

Просить, чтобы я для него танцевала, экий наглец. Наглец и врун!

Я встала и крутанулась на месте, амулеты на подоле нежно зазвенели.

Для полноты картины добавила ручные и ножные браслеты, а вот мешавшее длинное и тяжелое ожерелье сняла. Потом привыкну.

И подвеску его красивую я носить не буду! Жуткая обида колыхнулась в душе и прошла.

«А, собственно, почему я на него так злюсь?» — вдруг задумалась я. Никаких весомых причин не находилось. Царевич, конечно, гад, но смелый. «И красивый!» — подсказали мне в голове. Мне, разумеется, не стоит обнадеживать его ничем, так как мое замужество — дело решенное. Но если бы не он, то этот сокол распорол бы мне всю руку и на коже навсегда остались бы шрамы. «Ага, а чья же была птица?» — снова отметил голос разума и был прав.

«А поблагодарить мужчину все же стоит, не так уж это и сложно. Просто дойду до моста, станцую что-нибудь из хвалебных танцев и уйду. Даже говорить с ним не буду!» — пообещала я себе. «Где-то я уже такое слышала!» — съязвил внутренний голос, но обнаружив, что его все равно не слушают, затих. А я, в последний раз улыбнувшись себе в зеркале, выбежала в сад.

Деревья устало шуршали над головой, но сад сегодня казался особенно волшебным. Таким ярким, легким и лишь немного таинственным. Ноги сами несли меня к заветному месту. Да, сегодня я буду танцевать для него! В первый и последний раз!

Дорожка вильнула, и взору снова открылся знакомый пейзаж. Удивительно, в своих прогулках с Энмером я старательно избегала этого места, где-то в глубине души желая сохранить его для другого. Маленькая тайна приятно будоражила нервы.

Полная луна заливала все открытое пространство перед мостом призрачным светом. Мне даже почудилось, что я вижу серебряные струны божественной волшебной арфы, уже

натянутые под чьими-то пальцами. Стоит их отпустить и зазвучит прекрасная мелодия, мне нужно только уловить ее. Я скинула с плеч серый плащ, закрыла глаза и глубоко вздохнула и услышала.

Музыка рождалась из темноты, постепенно вплетая в себя окружающий мир. Вот в бархатной тишине ночи переливаясь, поет река, нежным голосом ей вторят струны лунной арфы, шелест травы задает ритм. Я сделала шаг и вскинула руки, мелодично зазвенели браслеты; поворот — и к ним добавились амулеты, вплетаясь в общий ритм. На душе вдруг стало светло и радостно.

Шаг, еще шаг, поворот, прыжок. Ноги легко вносят невесомое тело в воздух и вновь приземляют его, а мелодия все ускоряет темп, не давая остановиться. Камни моста то холодят ступни, то делаются вдруг обжигающе горячими. Устоять на месте нет ни шанса, но я двигаюсь в такт, уверенно исполняя узор танца. Шаг, шаг, прыжок и снова шаг, шаг...

Все оборвалось так же внезапно, как и началось. Музыка исчезла, и в уши ворвался шум бурлящей воды. А еще голос, немного хриплый и знакомый.

— Да простит меня милосердная Иинат за то, что я посмел прервать ее танец, — раздалось у меня над головой, и я открыла глаза. Его лицо было совсем близко, такое красивое, слегка обеспокоенное. Я залюбовалась. В голове было легко и пусто.

— Еще мгновение и это могло плохо закончиться, — продолжал говорить Асмаррах, с тревогой глядя мне прямо в глаза. Только сейчас я осознала, что он держит меня на руках и очень удивилась. Откуда он здесь?

— Надеюсь, тебе понравился мой танец? — весело спросила я, глядя на то, как легкий ветерок играет в его волосах. Хотелось улыбаться, смеяться.

— Ты была божественна, красавица, но почему столь неосторожна? — взгляд молодого мужчины становился все более тревожным. — Ты могла разбиться!

Только сейчас я глянула вниз. Под нами бушевал черный поток, поглощавший ноги царевича выше колена. На нем опять были уже знакомые светлые штаны. Это меня тоже развеселило.

— Я была уверена, что ты где-то рядом, — промурлыкала я и протянула руку, чтобы взъерошить его густую шевелюру. Поглоченная танцем, я совсем забыла о том, для кого он, но сейчас мне отчего-то хотелось быть с этим мужчиной милой и игривой.

Погладить себя Асмаррах не дал, твердо, аккуратно перехватив мою руку у запястья. Взгляд его бездонных темных глаз сделался еще мрачнее. Я ощутила это всем телом. Молча он выбрался на берег и остановился, по-прежнему внимательно вглядываясь в мое лицо, как будто на моем лбу вновь красовалась шишка или, на худой конец, рога. От подобной картины вдруг стало безумно смешно и совсем немного неловко. Я расхохоталась.

Но мое веселье он прервал поцелуем, сначала обжигающе горячим, а потом бездушным, завершившимся слишком резко. Царевич внезапно отстранился, опасливо глядя на меня.

— Ну что же ты остановился? Почему не хочешь целовать? Видишь, я даже не возражаю! — хохотнула я и обвила руками его шею.

Асмаррах же явно не находил все это забавным.

— И как давно с тобой такое происходит? — совершенно серьезно спросил он.

— Ты знаешь, я ведь сегодня решила к тебе не ходить. НИ-ЗА-ЧТО! — легко призналась я. — И сидел бы ты один-одинешенек под своим деревом. А потом как-то захотелось увидеть твою физиономию. И вот я здесь, а ты мрачный как грозовая туча! Даже как следует поцеловать не можешь!

Внезапная оплеуха отрезвила меня. Я ошарашено заморгала.

— Как долго ты чувствуешь беспричинное веселье, отвечай! Или ты пьяна? — рявкнул мужчина. Остатки хорошего настроения начали испаряться. Я тут с ним вся такая нежная, а он недоволен!

— Почти с самого заката, — призналась я, решив не бесить молодого человека. Все-таки силы у него было немеряно. — И ничего я не пила, совсем! Просто весело и все, а ты меня ударил, — теперь меня наполняла жгучая обида. Вот сейчас спрыгну и уйду от него, будет один сидеть мокрый и несчастный. Тогда-то он пожалеет!

Но мужчина держал крепко и начисто игнорировал мои попытки вырваться.

— Сегодня ты зажигала в своих покоях жаровню, лампу или курительницу? — зачем-то спросил он, и мне снова стало смешно. Обида испарилась. Разве можно долго сердиться на него, когда он такой милый?!

— Ну конечно, глупый! Все зажигают вечером лампы, а как же в темноте разобрать куда идешь? Или у вас светильников совсем нет? — рассмеялась я и снова получила по щекам звонкую оплеуху. Слезы наполнили глаза.

— Не обижайся, царевна, но ты явно не в себе, — словно извиняясь, проронил этот хамский тип, одной рукой прижимая меня к себе, а другой, пытаясь что-то нашарить на поясе. Эх, знал бы ты НАСКОЛЬКО я не в себе, мой друг!

От этой мысли сразу сделалось грустно. Как там теперь мои аспиранты? Надеюсь, новая я не слишком обижает их. Продлили ли финансирование? Сможет ли эта девица нормально отчитаться по гранту?

Мои размышления снова бесцеремонно прервали. Не успела ничего сообразить, как этот хам запихал мне в рот какие-то кусочки и снова рявкнул:

— Жуй немедленно!

От возмущения я стиснула зубы, и рот наполнился жуткой отрезвляющей горечью. Я попыталась выплюнуть гадость, но он снова не позволил.

— Потерпи, нужно пожевать еще немного. Досчитай до десяти, а потом сплюнь.

Вид самирского царевича был настолько серьезен, что я не посмела ослушаться. Ошарашено озираясь, я заново оглядела мир.

Мы по-прежнему стояли около моста под сенью старого железного дерева. Мужчина держал меня на руках, но от него совершенно не исходило той наигранной распушенности, с которой он домогался меня в прошлый раз. Его действительно заботило мое самочувствие! Уже одно это казалось необычным. Ситуация же тоже не казалась ни смешной, ни милой.

— Уже лучше? — спросил Асмаррах, когда я избавилась от горькой жвачки. Я кивнула. Говорить не хотелось. Рот горел, словно я наелась красного перца с хиной.

— Что это за гадость? — перебарывая мерзкие ощущения, выдавила я.

— Семена нартыша. Он позволяет не спать в седле по трое суток. Надеюсь, что и тебя приведет в чувства, — загадочно пояснил мужчина.

— А зачем ты мне их дал? — еще с большим изумлением поинтересовалась я.

— Думаю, что тебя пытались отравить, — мрачно произнес он. — Как бы то ни было, но домой сегодня тебе нельзя!

Да что этот тип себе удумал?! Захочу, и прямо сейчас уйду, и он меня не остановит!

— Поставь меня на землю! — потребовала я тут же, но Асмаррах отрицательно покачал головой.

— А ну поставь немедленно! — со всей дури заорала я, но он не отпустил.

— Думаю, что ты не сможешь стоять, — тихо, но уверенно произнес он.

— Никто не просил тебя думать за меня! Я сама решу, что мне делать!

На этот раз мужчина послушался и осторожно опустил мои ноги на землю. Перед глазами все поплыло, к горлу подкатила тошнота, и я, чтобы не упасть, одной рукой уцепилась за его шею. Асмаррах подхватил меня за талию и прижал к себе. Я снова слышала как часто и сильно бьется его сердце, слишком часто для его невозмутимого вида.

— Успокойся, надо успокоиться и немного отдохнуть. Надеюсь, что ты не сильно отравилась и выдержишь, — попытался успокоить меня он. Но это плохо получилось. Отравили? Кто? Как? Предательский холодок побежал по телу.

— Что со мной происходит? — с ужасом выдохнула я.

— Полагаю, тебя хотели убить, но к счастью, ты вовремя ушла из дома. Это очень похоже на один из ядов, про которые мне рассказывал старик Ахтым, я обучался у него, когда жил среди кочевников. Он говорил, что его делают люди с юга и это какое-то масло. Когда вдыхаешь его пар или дым, то сначала делается беспричинно весело и легко, потом начинает клонить в сон, от которого уже нельзя проснуться. Одним из признаков этого яда является то, что слюна отравленного начинает быть кисловатой. Потому я и дал тебе нартыш. Ты не должна засыпать, пока весь яд не выйдет.

— Но там же Иба и Шанхаат! — от осознания всего ужаса происходящего у меня потемнело в глазах. Я снова попыталась встать на ноги, но опять бессильно повисла, подхваченная сильной рукой. У меня возникла ужасная догадка, и внутри все заледенело. Он знает все про этот яд, он специально вызвал меня сюда, у него даже и противоядие имеется! Но зачем?! Зачем так жестоко??

— Скажи мне, это же ты сделал это? Ты, ты знаешь, как действует яд, и потому и послал мне записку, будучи уверенным, что я приду! — бросила я со всей ненавистью ему в лицо свои подозрения.

— Зачем? Почему? В чем они виноваты перед тобой? Чего ты хочешь? Я выполню все, но не стой без дела — спаси их! — истерика охватила меня. Я билась в его объятиях как сумасшедшая, но царевич крепко держал меня, только уворачиваясь.

— Ты, ты монстр! Для чего тебе все это? Чего ты хочешь?! Отпусти! — голос сорвался от крика.

— Я не делал этого, клянусь тебе! — говорил он спокойно и уверенно. — Но если я прав, то до утра воздух в твоих покоях будет смертельным для любого, кто туда войдет, а может и гораздо дольше. Если же ты настаиваешь, то я готов пойти с тобой туда хоть сейчас. Лучше заплачу своей жизнью, чем слышать, как ты обвиняешь меня в столь низком поступке! Яды — удел слабых, тех, кто не в силах держать оружие!

Он сильно встряхнул меня за плечи и приблизил ко мне свое лицо. Теперь его глаза горели огнем, а он смотрел мне не в глаза — прямо в душу. Это отрезвило.

— Я не делал этого, слышишь? — голос был просто ледяным. — Я могу отнять жизнь тысячью других способов и никогда не опущусь до ядов. Я никогда не стал бы подвергать опасности ту, что мне желанна. Даже если бы и был уверен, что ты придешь. Возьми себя в руки!

Я отпрянула. Нет, этот человек умеет убивать, он убивал и прикончит еще многих врагов. Но он скорее свернет мне шею, чем отравит. Слезы все еще катились из моих глаз ручьями.

— Если не у тебя, у кого могло возникнуть такое желание? Кто еще желает мне зла? —

а в голове уже всплывал ответ. Тот, кто не может напасть в открытую. Тот, кому есть, что терять, если я обрету статус полноправного наследника, как того желает отец. Блистательная Нинмах! Мать, готовая перегрызть горло за права своего сына!

А перед глазами стояла кормилица со своими добрыми, мягкими руками, теребящими подол серой юбки. Вечно переживающая за мое благополучие Шанхаат, и ее полные страха и восторга глаза, когда она разглядывала верблюдов... Как страшно даже допустить, что их уже может не быть на этом свете, что из-за меня они уснули вечным сном!

Слезы рекой хлынули из глаз, истерика сотрясала меня всю, а мой сегодняшний невольный спаситель лишь нежно гладил меня по волосам, крепко прижимая к себе. Но я не слышала ни его голоса, ни стука сердца. Внутри меня все разрывалось, и не было способа облегчить эту боль.

Не знаю, сколько времени я редела, но потихоньку слезы иссякли. Мне попросту нечем было плакать. Сорванное горло саднило, а щеки горели.

Асмаррах сидел под деревом и держал меня на руках, тихонько баюкая, словно младенца. Сейчас он был снова совсем не похож на себя. Не суровый опытный воин, а обеспокоенный и сострадающий мужчина.

Заметив, что я успокоилась, он улыбнулся.

— Знаешь, я никогда раньше не утешал плачущую девчонку, — как то так просто сказал он. — У меня нет сестер, только братья.

Мне показалось, что он и сам немного ошарашен своим поведением.

— Но в чем причина таких слез? — серьезно спросил он. — Ты же жива.

— Но... моя кормилица и служанка... Если это яд, то они могут быть мертвы! Мертвы из-за меня! — я зажмурилась не понимая, как можно быть таким черствым. — Неужели тебе никого не бывает жалко?

Царевич тяжело вздохнул.

— Моя драгоценная, твоя жизнь дороже, чем они. Любой, находящийся рядом с тобой или со мной, или с твоим отцом должен быть готов отдать за него жизнь. Поверь, Иинат будет милосердна к их душам! — Асмаррах говорил тихо, но уверенно. — Вокруг владыки всегда есть враги и завистники, разве ты не знала? И часто ими могут оказаться даже родные люди. Власть иногда лишает разума, поверь мне.

Разумеется, я все понимала, но от того не делалось легче. Снова захотелось ринуться домой и попробовать хоть кого-то спасти. А Асмаррах все говорил:

— Если ты только покажешь свою мягкотелость, дашь понять, что ты их боишься, враги убьют тебя. По крайней мере, это верно для мужчин. Люди должны тебя уважать и бояться. Должны понимать, что ты можешь убить их раньше, чем они смогут дотянуться до тебя.

Его взгляд снова обрел жесткость. Да, он на себе проверил каждое слово из тех, что говорил. Этот мир был жесток к слабым.

— Возможно, ты прав, но я не могу так жить, я не умею запугивать, женщины для этого не предназначены! — говорить было тяжело. Горло саднило от рыданий.

— Разумеется, — хмыкнул царевич, — Для этого есть мужчины. Поэтому сейчас успокойся. До утра я что-нибудь придумаю.

— Асмаррах-ани, я все понимаю, но я должна рискнуть, — голос все еще дрожал от недавней истерии. — Может хоть кого-то удастся спасти? Может хоть стражу у дверей? Ну, вдруг?

Я умоляюще посмотрела в глаза мужчине, сегодня спасшему мне жизнь. Но он лишь

отрицательно покачал головой.

— Если я прав, тебе нельзя больше дышать отравой ни минуты. Да и что ты сможешь сделать, оказавшись там? Позовешь стражу? Они тоже погибнут.

— Если мы ничего не сделаем, то я не смогу жить с этим, — обреченно уронила я.

— Говорила мне бабушка, что нет ничего глупее, чем влюбиться в женщину! И врагов не надо — сам голову сложишь, — вздохнул молодой воин. — Ты действительно хочешь этого?

Он явно медлил, а я смотрела на него и ждала.

— Если ты хочешь награды — отдам тебе все, что имею! — выпалила я, но царевич снова покачал своей лохматой головой.

— Того, что я хочу, ты сейчас дать не в силах. А другой награды мне не нужно, — проронил он, легко поднялся, подхватил меня и двинулся в темноту.

— Я оставлю тебя за оградой и все проверю сам, но обещаю, что если я не вернусь, ты не дашь очернить мое имя грязными подозрениями и все расскажешь отцу.

— Все? — удивилась я. — Он же убьет тебя!

— Если я не вернусь, то и так буду мертв, — отрезал царевич и до самых купален не проронил больше ни слова.

Пока мы шли в напряженном молчании, я снова украдкой рассматривала его лицо. Сейчас уже совсем не ощущалась та нездоровая эйфория, но Асмаррах снова показался мне таким красивым и желанным, что сладко заныло в груди. А ведь раньше бородатые мужики вызывали у меня отвращение. Теперь же один из них идет исполнять мой каприз, возможно в последний раз в своей жизни. Даже если никакого яда в моих покоях нет, то стража схватит его и убьет, потому, что он молодой мужчина, забравшийся ночью к женщинам, к тому же чужестранец. В темноте никто не признает в полуголом оборванце наследника Самира! Но и останавливать его не хотелось. Я должна все выяснить сама или с чьей-либо помощью.

Усадив меня под шелковицу у пруда, Асмаррах исчез в кустах. Ночь подступала со всех сторон и уже не казалась яркой и волшебной. Кусты зловеще шелестели листьями, в глубине сада печально стонала какая-то птица.

Минуты шли за минутами. Я жадно вслушивалась, пытаюсь уловить хоть звук со стороны темных стен малого дворца. Луна почти заползла за кромку гор — шла вторая половина ночи. Я покинула свои покои, наверное, больше четырех часов назад. Только сейчас я поняла, что безумно устала и хочу спать. Даже боль и тревога, час назад разрывавшие сердце, затаились, как змеи под камнями. Ночная темнота смежила веки, и я провалилась в тяжелый липкий сон.

Пробуждение было резким. До судорог горький сок снова заструился мне в рот. Я ошарашено распахнула глаза. Испуганное лицо Асмарраха снова нависло надо мной. Темная жидкость стекала из угла его рта. Увидев, что я очнулась, он, как мне показалось, облегченно вздохнул.

— Зачем ты разбудил меня ...этим? — изумленно поинтересовалась я.

Молодой человек что-то сплюнул на землю. Так вот, значит, откуда во рту оказалась эта мерзость.

— Я испугался. Боялся, что яд все еще действует, — смущенно пояснил он. — Я звал тебя, тряс, но ты не просыпалась.

— Тебе удалось пробраться в мои покои? — требовательно перебила его я. От горьких

семян было противно во рту, но спать больше не хотелось.

— Я был у самого входа. Твои охранники одурманены и спят, но пока еще живы. Уж прости, внутрь заходить не стал, оттащил к наружной стене, там их найдет стража. Света я не увидел, будем надеяться, что лампы погасли давно. Но тебе туда нельзя возвращаться даже утром!

— Что же мне делать? — обескуражено спросила я, — Стража, найдя мою охрану без сознания, поднимет тревогу. Если кто-нибудь зайдет в покои, то может погибнуть, а я не могу никого предупредить! Как я объясню, где провела всю ночь?

— С последним вопросом легче всего, — хмыкнул мужчина, опускаясь рядом со мной на траву. — Скажешь, как было. Почувствовала внезапный порыв и убежала в сад танцевать. Ты же и раньше так делала. А потом потеряла сознание и очнулась лишь утром.

Я с изумлением смотрела на него. Как же быстро он соображает! Моя голова сейчас больше напоминала мешок с опилками.

— Тебе, наверное, холодно? — снова спросил он, — Хочешь, я могу поискать твой плащ?

— Нет, не оставляй больше меня одну! — я вцепилась в его руку, боясь, что если он снова исчезнет, то усну мертвым сном.

— Хорошо, — хмыкнул он и обнял меня за плечи, прижимая к горячей груди, — я побуду с тобой до рассвета, а потом, уж прости, мне придется сбежать. Твои близкие не оценят наших ночных прогулок.

Он криво усмехнулся и привалился спиной к шершавой коре.

Так мы сидели в ночной тишине, прижавшись друг к другу, и молчали. Как же я теперь скажу ему, что не хочу его больше видеть? Как объясню теперь, что отец решил связать меня с другим, и я приняла его волю? Да разве он поверит теперь в то, что я его не люблю? Разве поверю в это сама я? Эх, судья собака, да хвост свидетель!

Сегодня этот человек спас меня и рискнул своей жизнью. Сейчас он нежно обнимал меня и не корчил из себя нахального кобеля, как раньше. Такой Асмаррах мне нравился гораздо больше, но надолго ли его хватит?

Я посмотрела в лицо притихшему царевичу — он спал и чему-то улыбался во сне.

Примечания:

*Оксаны — героиня вспоминает монолог Оксаны из пьесы Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Глава 13. Тени сгущаются

Утро этой ужасной ночи не запомнилось. Я выпала из забытья уже не в саду, а в небольшой просторной комнате. На краю ложа серым столбом сидела старая Каи, ее лицо показалось мне еще более высохшим и осунувшимся, чем прежде. Мне показалось, что женщина спит и я тихонько позвала:

— Каи, где я?

Воспоминания нахлынули, пробуждая боль и страх.

— Что с Ибой и Шанхаат?

Старуха пристально посмотрела на меня. В ее глазах полыхнула искра удивления.

— Ответь мне как жрица жрице, девочка, — без церемоний процедила она. — Что тебе известно о той ночи?

Я огляделась, мы были одни.

— Я долго спала? — мне нужно было понять, сколько я пробыла без сознания, прежде чем что-либо отвечать.

— Тебя нашли в саду у купален утром прошлого дня, — сухо пояснила женщина, выжидающе глядя на меня.

Значит, больше суток... Асмаррах был прав, не давая мне заснуть и тем самым спас мою жизнь. Теперь пришла моя очередь спасать его, если еще не поздно. Надеюсь, он успел уйти.

— В тот вечер я почувствовала странное возбуждение, почти как то, что бывает во время обрядов, и убежала в сад. Я помню, что я танцевала, танцевала, а потом мне стало плохо. Меня вывернуло наизнанку, и ноги не слушались, а во рту появилась горечь, — я врала, понимая, что даже ей опасно говорить всю правду.

— Я хоть и стара, царица, но из ума еще не выжила и отлично знаю, что с тобой был кто-то еще, иначе утром нашли бы твой труп.

Голос старухи был тих и спокоен, но каждое слово, словно хлестало меня по щекам.

— Каи, прости мою ложь, но я не могу никому сказать об этом. Иначе из-за меня погибнет еще одна жизнь! — я умоляюще поглядела на жрицу. — Ради таинств Всеблагой, не пытай имени и помоги скрыть от других!

— Хорошо, — проскрипела старая лекаря. — Я понимаю, ты обязана ему жизнью, да и не ты одна. Один из стражей выжил — остальные ушли, но спасти их не смог бы никто.

Она посмотрела на меня, и ее глаза хитро блеснули.

— Но я рада, что девичья глупость спасла твою жизнь, — хмыкнула жрица. — Может, хоть расскажешь мне, как знающей, что ты делала, когда поняла, что отравлена.

— Каи, во имя Великой Матери и всего, что она сотворила, я расскажу тебе все, что помню, только храни мою тайну, как я храню те, что доверила мне ты.

Старуха качнула седой головой и приготовилась слушать.

— Наргыш значит... Что ж, совсем неглупо, — довольно сказала она, когда я в общих чертах рассказала, как мне не давали заснуть. — Думаю, что Иинат хранит тебя, царица. Но никто не уберезит тебя, если сама не позаботишься об этом. Ты знаешь, кто и почему мог бы сделать такое?

Я кивнула.

— Но и об этом я не могу говорить, так как еще не пришло время. Но я уверена, что ты все поймешь, так как сама учила Нары.

— Всеблагая поможет тебе и укажет путь. Укрепи свое сердце и пройди ее путем не оглядываясь! — старая жрица повертела в руках свой амулет. — Я принимала роды Нары и не могу предать ее как мать.

На моей душе потеплело, рядом со мной была эта мудрая женщина и, значит, я не одинока. Пустоты от потери это не заполнит, но на поддержку старого храма я могу рассчитывать.

— Спасибо тебе, знающая Каи. Ты в который раз спасаешь меня!

Но старуха жестом пресекла поток благодарностей.

— Запомни вот еще что, девочка. Никому не доверяй, кроме тех, в ком уверена. Ничего не ешь и не пей, пока еду не попробуют служанки. И еще вот, — она покопалась в складках юбок, — разбей, пока не поздно, даже если это тебе дорого.

На мою ладонь легла глиняная табличка. «Ты будешь танцевать сегодня для меня?» — гласила она, и сердце бешено забилося в груди.

— Хвала Всеблагой, сразу за мной послали. Вроде никто не видел, — пробурчала старая жрица.

Как же захотелось кинуться ей на шею и расцеловать за то, что укрыла такое от чужих глаз, но царевны так не поступают.

— Чем я смогу отплатить тебе, Каи, и смогу ли вообще?

— Постарайтесь побыстрее поправиться, сиятельная царевна, — чуть громче произнесла лекарка, предупреждая, что мы не одни.

В комнату вошел отец и еще несколько мужчин. Владыка жестом оставил их у дверей, а сам подошел к моему ложу. Каи степенно поднялась и склонилась перед ним, а я быстро запахала предательскую табличку под грудку шкур в изголовье.

— Приветствую тебя, мудрая, — заговорил отец, — Есть ли у тебя хорошие новости?

— Да, могучий, твоя дочь вполне здорова. Милость Иинат и в этот раз снизошла на нее.

Отец посмотрел на меня, растерянно сидящую закутавшись в гору покрывал и шкур. Я попыталась выдавить из себя радостную улыбку.

— Можешь ли ты рассказать мне о том, что случилось, дочь моя? — ласково спросил он, и я поведала историю о том, как мне захотелось вечером потанцевать во славу Богини, а дальше я ничего не помню.

Отец внимательно выслушал и произнес:

— Тебя хотели отравить, дитя мое, — он тяжело опустился на ложе и оно жалобно скрипнуло. — Иинат уберегла лишь тебя и самого молодого из твоих стражей. Все остальные ушли в нижний мир. Ты должна знать это.

Мне даже не пришлось ничего играть, слезы горечи снова хлынули по моим щекам, слишком свежа была потеря.

Отец ласково погладил мои волосы своей огромной рукой.

— Я повелел, чтобы тебе отвели комнаты в большом дворце. Здесь ты будешь в большей безопасности. Уммат-аба будет беречь тебя постоянно и наберет доверенную прислугу.

Мой постоянный провожатый низко поклонился и заверил меня в готовности услужить во всем. Наконец-то я узнала, как его зовут, а то было ужасно неловко.

— Благодарю тебя, родитель мой. Позволь только жрице Каи отныне в любое время приходить ко мне, — попросила я.

Старуха довольно хмыкнула, одобряя.

Владыка улыбнулся и встал.

— А старому храму в благодарность мою я принесу богатые дары. Молите Всеблагу за урожай, знающие! — владыка легко склонил голову в знак огромной благодарности.

— Да услышит Великая Мать твои слова, о царь! — старая жрица поклонилась в ответ.

— Никому не доверяй, царевна! Помни, змея может казаться палкой, пока не ужалит! — тихо напомнила она, когда делегация скрылась в дверях. — И никаких лекарей до себя не допускай!

Старуха попрощалась и вышла, а я осталась одна. Я снова почувствовала себя в клетке. Никого не видеть, никому не доверять...

Я спустила босые ноги на холодный пол и заткнула табличку за полотно пояса. Нужно разбить ее где-нибудь во дворике и сунуть осколки в кадку с деревом.

Надо бы еще выяснить, где сейчас самирский царевич, не случилось ли с ним чего. На душе снова стало тоскливо. Приходилось признать, что этот нагловатый тип мне нравился. Нравился как мужчина и, к сожалению, гораздо больше, чем мой нареченный. «Это все психологические качели!» — попыталась я урезонить саму себя, но не помогло. Кажется, я позволила себе увлечься слишком сильно. Юное тело жаждало любви, и против этого мое занудство было бессильно.

Потянулись тоскливые дни моего почти добровольного заточения в большом дворце, единственной отдушиной в которых были визиты мудрой Каи и прогулки по крыше в компании Энмер-ани и охраны. В сад меня больше не выпускали. Поэтому я решила сосредоточиться на подготовке к посвящению Аннани: необходимо было подобрать ритуальное облачение, выучить все ответы и необходимые движения. Это хоть как-то развлекало.

Лишь неделю спустя я узнала, что самирские гости покинули Ассубу на третье утро после происшествия, а подробности их отъезда открылись мне еще позднее.

Отец отказался отдать Асмарраху меня и предложил Аьетимм. Тот был явно не слишком доволен, но обещал подумать, а потом поползли эти слухи. Самые простые люди начали поговаривать, что чужеземный царевич наверняка сам и отравил старшую царевну и ее приближенных, подбросив ей яд с подарком, так как она отвергла его. Слухи ползли и множились, словно плесень в старом подвале. Про подарок явно знали слуги, что словно мебель, всегда ждут у стены приказаний. Слуги были везде, и про них часто забывали, но автором идеи были явно не они. Кто-то невидимый, затаившийся словно паук, руководил людской молвой.

Надо ли говорить, что гордый наследник самирских земель был от всего этого в бешенстве? Он сразу же покинул Ассубу, даже не попрощавшись с владыкой. А потом прислал письмо, о содержании которого я узнала случайно.

В тот день я пришла к владыке, чтобы попросить помощи с подготовкой моего посвящения. Отец стремительно расхаживал по покоям мрачный, как туча. Мальчик с опахалом едва поспевал за ним. Мне пришлось несколько минут простоять в дверном проеме, прежде чем он заметил меня.

— У меня плохие новости, дочь! — коротко бросил он мне вместо приветствия, кивая в сторону небольшого плетеного столика у окна. Там, освещенная ярким солнцем лежала одна-единственная табличка.

«Я просил золотой цветок, когда не имел ничего, и ты отказал мне. Сейчас у меня есть многое, но ты снова отказал мне. Теперь я сам приду и возьму, что желаю. А ту, что ты дал

вместо нее, я отослал владыке», — гласила она. Рядом была личная печать самирского наследника.

На душе у меня похолодело, я знала этот текст. Только найдена эта табличка была за много километров от Кареша и часть ее была утрачена. В мое время ее совсем по-другому переводили, полагая, что речь идет о золоте. Сейчас же было совершенно ясно, что царевич хотел не денег. Его честь была задета мерзкими слухами, а сам он оскорблен новым отказом. И уж конечно зря отец навязал вместо меня Аьетимм. Не принять ее — оскорбить владыку Кареша, но Асмаррах и тут отличился, отослав ее Асармерибу. Это было гораздо почетнее, вот только бедная девочка, ее ждет незавидная участь очередной наложницы старика и укреплению отношений между странами это не поспособствовало.

— Этот юнец смеет угрожать мне! — Маарш-а-Н'мах в ярости ударил своим огромным кулаком в стену. — Он возомнил, что может что-то решать!

Царь снова заходил по комнате. А я присела рядом со столом, не решаясь ничего сказать.

— Но надо признать, что он изворотлив как степная ящерица и, если старый Асармериб поддержит его, сможет развязать войну, — рассуждал владыка как бы сам с собой. — Я должен любой ценой этого избежать. Мы не сможем вести войну со всеми, а кочевники снова нападут, так как им нечего есть!

Мысли в моей голове метались, ища выход из этой безвыходной ситуации. Нужно как-то охладить пыл молодого человека, прежде, чем он начнет военные действия. Прямого пути я не видела, но осмелилась подать голос:

— Прости меня, мой владыка, если скажу неправильно, но нельзя ли в такой ситуации попросить помощи у Хоннита?

Отец остановился и посмотрел на меня так, как будто впервые видел.

— Я уже думал об этом и послал гонца за перевал. Но мы не можем просто ждать, — пояснил он, а потом вдруг шагнул ко мне.

— Ты должна пройти посвящение как можно скорее, дочь моя. Боюсь, моих сил надолго не хватит. Если начнется война, то я должен быть уверен, что сердце Кареша в надежных руках. Ты с помощью Энмера-ани справишься с этим, твои наставники тобой довольны.

Я, конечно, всегда любила и умела учиться, да и управление коллективом для меня было не в новинку, а уж какой историк не знает про севооборот. Хуже всего дела обстояли с организацией армии, то есть совсем никак. Отца, харизматичного лидера и известного воина, солдаты любили. Он никогда не подвергал их опасности зря, предпочитая мирное решение проблем. Меня или Энмера они просто не воспримут, если не случится чуда.

Наблюдая, как отец ходит туда-сюда, словно тигр в клетке, я решилась поговорить с ним об еще одном важном деле. Это не могло больше оставаться не решенным.

— Владыка, прости мне и эту дерзость, но мне кажется, во многом виной обиды наследника Самира являются грязные слухи, что распускали наши слуги. Он человек гордый, ты говорил, что он хороший воин. Я уверена, он не опустился бы до отравы. Уж скорее бы выкрал меня, но не стал бы поступать, как женщина.

Отец резко остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Ты считаешь, что это дело рук какой-то женщины?

— Да, владыка, — подтвердила я.

— Может быть, ты знаешь, кто это сделал? — резко спросил он. В его низком голосе загрохотала сталь.

— Я предполагаю, владыка, но не имею никаких доказательств, — спокойно ответила я.

— Даже если я не попрошу, а прикажу сказать?

— И тогда я не позволю себе обвинить человека во лжи. Да и владыка не должен карать невиновных. Пока у меня нечего показать — я вынуждена молчать.

Глаза правителя Кареша вспыхнули, но он не позволил эмоциям вырваться наружу. Отец подошел ко мне и положил свои огромные руки на плечи. Я просто смотрела на него, без страха, не отводя взгляд.

— Если боги позволят мне жить, я сам обучу тебя всему. Как учил когда-то Тишрина. Истинно, Иинат вернула тебя с двумя душами! Ты разумна, словно мужчина и прекраснее, чем все женщины, мой Золотой Цветок.

Он поднял меня и прижал к могучей груди, но всего лишь на мгновение. Через миг передо мной был снова могучий Маарш-а-Н'мах-Ишана, владыка окрестных земель.

— Можешь ли ты узнать виновного? Может быть, Всеблагая откроет тебе это? И уверена ли в том, что это не самирские происки?

— Асмаррах-ани не делал этого, в этом я уверена как в том, что днем светло! — с горячностью подтвердила я и сразу смутилась, боясь, что слишком уж жарко защищаю царевича. С другой стороны, он, кажется, просил о чем-то подобном. Некоторые воспоминания страшной ночи казались кошмарным сном.

— Иинат не всегда открывает тайное. Люди должны решать проблемы сами. Но я расспрошу жриц и жрецов о том, откуда можно достать такой яд. Узнав это, мы пойдем и то, кто его мог получить. Ты хорошо знаешь своих советников, скажи мне, кто из них может быть вхож в малый дворец?

Владыка потемнел лицом.

— Ты думаешь, что эта женщина живет там? — прогремел он.

— Я думаю, что яд был в масле для ламп. Каи сказала мне, что в воздухе был странный запах, — немного приврала я, чтобы оправдать свои доводы. В том, что отравка была именно в масле, я не сомневалась.

— Только человек из дворца или вхожий туда мог отравить наше масло. К сожалению, я не знаю, откуда налила его в тот вечер Шанхаат.

При одном лишь упоминании ее имени, слезы навернулись на глаза. Моя сердобольная служанка уже никогда не сможет причитать по поводу моего нездоровья, ловить то, что я в гневе опрокинула... А я даже не знаю, были ли у них с Ибой семьи.

— Ты говоришь хорошо. Я узнаю для тебя, кто в последнее время мог посещать дворец.

— погоди, отец! — внезапно встрепенулась я, — Дозволь мне как жрице поговорить с тем солдатом, что тоже выжил в ту ночь. Обещаю, со мной будет мудрая Каи. Возможно, он вспомнит, не приходил ли к нам кто в тот вечер. Да и охрана, что была в предыдущий день, может помочь.

— Я сам велю допросить всех, кто охранял твои покои. Того же несчастного еще лечат, можешь сходить к нему завтра.

За нашей спиной раздалось тихое покашливание. Мы обернулись — у входа стоял один из советников отца.

— А, входи, входи, Сельмиш. Давно тебя жду! — вошедший был явно близок владыке. К тому же, это явно был воин, не одну битву сражавшийся с отцом рука об руку. Мужчина был несколько моложе правителя, но седина уже серебрилась в его курчавых волосах, особенно это было заметно у висков. Почти такой же высокий и широкоплечий, он был все же

изящнее отца, скорее походя на поджарого волка.

Генерал Сельмиш, а это был именно он, низко поклонился, произнес формальную фразу приветствия и вошел. За ним следовал Нартан, мой учитель письма, несший кипу табличек в полотняной перевязи и в руках.

— Юилиммин-даши, да хранит вас Всеблагая! Это честь видеть вас! — он поклонился и мне, но не так низко.

Я поднялась, намереваясь уходить, но вспомнила, что так и не попросила отца о том, зачем пришла.

— Если владыка позволит мне отвлечь его еще ненадолго, — начала я.

— Дочь моя, я не прогоняю тебя. Наоборот, останься с нами, — произнес отец. — Тебе полезно будет послушать, как два старых воина собираются воевать, — добавил он, улыбаясь.

А вот на лице Сельмиша проскользнула легкая гримаса отвращения. В душе этот военачальник явно не одобрял стремлений владыки обучать свою дочь. Наверняка считая, что женщины предназначены для других целей. А вот Нартан был мне рад. Своим умом заслуживший уважение, он должен был понимать, что меня оставили не как украшение.

Я вернулась к себе только поздним вечером. За длинным совещанием последовал ужин в компании мачехи и Энмера. При своей царице отец не показывал виду, что смертельно устал. Но я заметила, с каким трудом ему дались последние полчаса работы. Владыка и генерал решили выслать разведчиков на перевал, чтобы определить, сколь давно там проехал самирский гость. А еще гонцов к Хоннитскому двору, предупредить, что политика Самирского царства становится агрессивной. Решено было проследить и за гонцом, привезшим послание от Асмарраха. Это была уже моя идея. Мне почему-то, казалось, что мой горячий поклонник не так прост, как думали о нем окружающие. В душе я ждала от него самых неожиданных поступков, подобных тому, что он умудрялся назначать тайные свидания малознакомым царевнам в самом темном углу сада. И, надо отметить, три раза преуспевал в этом!

Когда генерал, на прощание низко поклонившись, скрылся в коридоре, от меня не укрылось, что отец сильно сжал виски и поморщился, словно от сильной боли. Потом, когда служанки разминали его широкие плечи, было заметно, что мучительные пульсирующие спазмы потихоньку ослабевают. Посеревшее от усталости лицо владыки постепенно обретало нормальный цвет.

Сейчас же он напоминал мне большого добродушного медведя, но в душе это был хитрый лис, умело избегавший ответов на непростые вопросы, которыми донимала его супруга.

Нинмах-аша, как всегда свежая и блестящая, пыталась аккуратно выведать у мужа, что он собирается предпринять по поводу Самира, неурожая и степных кочевников. Интересовало ее и то, когда ее «возлюбленная дочь» соединит свою судьбу с блистательным Энмером. Но и на этот вопрос ей ответили крайне расплывчато, а я вдруг остро почувствовала, что время моего паломничества в тайные святилища Аннана и Иинат совсем близко.

Оставалось только поговорить с Энмером-ани, и то, что я ему хотела рассказать, смущало меня. Как жрица и историк, я прекрасно понимала все истоки и принципы выпавшего мне обряда, но юной девушке о таком говорить непросто.

Я решила, что сделаю это на днях, когда мы вновь встретимся на крыше, чтобы погулять

и посмотреть на звезды. Может быть, даже завтра. Нет, завтра необходимо встретиться с Каи и навестить того бедного мужчину из моей охраны. Хорошо бы еще попросить жрицу осмотреть отца. Слишком часто в последнее время я стала жалеть, что не выбрала стезю врача.

Но завтра готовило мне свои сюрпризы.

Дорогие читатели! Прошу вас поддержать автора лайком и комментарием! Я очень стараюсь с выкладкой и одновременно пишу продолжение истории карешской царицы. Мне **ОЧЕНЬ** нужна ваша поддержка! Заранее спасибо, автор.

Глава 14. Паутина

В старый храм я послала служанку на рассвете. В эту ночь мне так и не удалось забыться сном, так что, как только бархатно-черное небо начало розоветь, я подняла «на уши» всех своих новых служанок.

Заспанные, немного растрепанные девушки были нагружены работой. Одна отправилась в храм, еще две — в мои старые покои, чтобы перенести все мое имущество в новые помещения. Вместе с ними пришлось потревожить и Уммат-абу, жизнь которого здорово осложнилась после моего переезда сюда. Если раньше он старательно исполнял свои обязанности один-два раза в неделю, то теперь вынужден был находиться при мне неотлучно, явно разместившись в одном из соседних помещений.

Оставшиеся две девицы занялись моим завтраком и туалетом. Как же они были медлительны и нерасторопны! Одна так сильно дергала волосы, пытаясь их расчесать, что через пять минут страданий я отобрала у нее гребень и отправила выносить ночной горшок. Всеблагая, как же Иба и Шанхаат вдвоем справлялись со всеми моими потребностями!

Слава богам я не совсем Юилиммин и расчесаться способна сама, но вот для того, чтобы уложить волосы в прическу — придется попробовать услуги второй девицы.

Надеюсь, что хоть завтрак на отцовской кухне будет более разнообразным!

Все мои мечты рухнули, когда появилась вторая служанка с подносом. Здесь меня встречала пустая каша и немного травяного отвара. Мои нервы вошли в резонанс с внутренним возмущением тела, и старая добрая Юилиммин-даша устроила разнос с боем посуды.

Девушки униженно пали на колени, моля о прощении, но ураган моих эмоций было не остановить. Видимо, не зря при старшей царевне удержались лишь две преданные и умелые в своем деле женщины.

Когда ко мне привели Каи, я уже немного успокоилась, приказала подыскать мне хоть одну более сообразительную служанку и почти привела себя в надлежащий вид.

Старая жрица коротко приветствовала меня и, злобно зыркнув на притихшую прислугу, подошла как можно ближе ко мне. Уловив суть намека, я прогнала всех девиц, для пущей остротки пригрозив, что прикажу выпороть любую, кто приблизится ближе, чем на три шага к занавеске, служившей дверью.

Теперь, если говорить достаточно тихо, можно не опасаться быть подслушанными.

— Зачем тебе понадобилась старая жрица в столь ранний час? — уже без особых церемоний поинтересовалась Каи.

На самом деле, по своему статусу в культе Иинат она стояла гораздо выше меня, к тому же теперь являлась моей духовной матерью, так что вообще не обязана была даже склонять головы. Но мудрая женщина предпочитала не показывать этого на людях.

— Я ни за что не позвала бы тебя без дела, мудрая. Мне кажется, что я знаю, кто пытался убить меня, но хочу получить доказательства того, что я права. Вчера отец дозволил нам поговорить с тем беднягой, что стоял у покоев. Мне и тебе.

Старуха молча кивала в такт моим словам, слегка пожевывая своими сухими губами.

— А еще я заметила, что владыка нездоров. Его мучают резкие головные боли, глаза желтоватые и с кровью. Ты знаешь, что с ним? Может быть, его тоже отравили?

— Ох, девочка моя, болезнь нашего владыки называется старость. Не для всех Всеблагая

предопределила долгий век. Но я обещаю тебе, что поговорю с его лекарем. Быть может, твои глаза уже видят больше моих.

Я жестом указала старой женщине на стульчик, и она, словно бы сложившись, села.

— Скажи мне, царевна, кого же ты подозреваешь в преступлении. Может быть, наши догадки совпадут, — снова заговорила она.

— Всегда нужно искать того, кому выгодно, — выдала я классическую фразу всех детективных сыщиков. Жаль, Каи не сможет оценить всю прелесть этого.

— А кому выгодно, чтобы все планы нашего владыки относительно меня не сбылись? Кому моя жизнь не дорога, а лишь мешает? — я решила показать старой жрице, на основе чего построены мои заключения.

— Если старшая и любимая дочь уйдет в нижний мир, владыка наверняка вспомнит о своем младшем сыне! А кто желает этого больше своей жизни, как не его мать?

Каи слушала мой тихий монолог внимательно, не перебивая, лишь одобрительное покачивание ее головы подтверждало то, что наши мысли совпадают.

— Но Нинмах-аша ни за что не стала бы делать это своими руками. Думаю, она и пыталась избавиться от меня, подослав своего мерзкого лекаря. Если бы не защита Всеблагой, я бы погибла. И только ее милость и твое искусство удержали меня в этом мире.

— Мои мысли идут рядом с твоими, царевна. Милость Иинат горит в тебе, а она говорит твоими устами. Но в этот раз царице помогал кто-то другой и мог это сделать и не по своей воле, — тихо подтвердила мои догадки жрица.

— Да, мудрая. Моего ума хватило не принимать подарков от Нинмах-аши. Ни Иба, ни даже Шанхаат никогда не использовали бы их. Значит, ядовитое масло ко мне принес кто-то другой. А я совершенно не интересовалась хозяйством! — мне стало ужасно стыдно за свое разгильдяйство. Ведь получается, я своим легкомыслием обрекла своих близких на гибель. А ведь знала же, что у царевны есть враги!

Видя мое смятение, старая женщина опустила свою сухую прохладную руку мне на глаза.

— Не вини себя, дитя! Даже мудрые и богатые годами могут ошибаться! — прошептала она.

Богатые годами! Да у меня этих лет в три раза больше, чем все тут думают! Я считала себя достаточно умной и мудрой женщиной, но допускаю ошибки, словно малолетняя девочка. Хотя, возможно, оправданием этому служит мое юное тело. Как ни крутись, а у молодежи голова лишь любовью забита!

Любовь! От этого на душе стало еще поганей. Угораздило же меня сначала спровоцировать молодого самирита на предложение, пререкаться с ним и кокетничать, а под конец еще и влюбиться! Образ Асмарраха теперь частенько посещал меня по ночам. То гордый и смущающий, то тот, спящий со счастливой улыбкой на губах. Я одновременно боялась и тянулась к нему — любимому герою Юлечкиных девичьих грез и крупнейшему завоевателю своего времени.

Этот мужчина не побоится ни развязать войну, ни выкрасть желанную ему женщину. Оставалось лишь угадать, какой способ он выберет. Ни один из них меня не устраивал, и с этим тоже нужно что-то делать.

Одна рука старухи все еще лежала на глазах, а вторая легко массировала мне шею, нажимая на какие-то точки, от чего по телу пробегала теплая волна.

— Спасибо, Каи, но я должна уметь признавать свои ошибки, чтобы не допускать их

больше, — прошептала я.

— Ты становишься мудрой, царица, это пойдет тебе лишь на пользу. Но не стоит медлить, нам надо поговорить с тем бедным мальчиком. Вставай, я отведу тебя туда.

Наказав нерадивым служанкам разобрать и привести в порядок свои вещи, а так же сложить в одно место все кувшины и прочие запасы с моей бывшей кухни, мы удалились. Внимательно осмотреть весь хозяйственный скраб предполагалось немного позже, когда пойдем, что искать.

До помещения, в котором держали больных, что служат во дворце, пришлось идти пешком.

Укрывшись с головой легким льняным покрывалом, я благодарил Богиню за то, что мы отправились туда рано утром. Этот месяц не зря называли Сухим ветром. Даже здесь, окруженные стенами и садами, люди не были избавлены от настойчивого воздушного потока, приносившего жару и пыль со стороны степей.

Больные ютились в большом, но одноэтажном, построенном из сырого необожженного кирпича домике, покрытом соломенной толстой крышей. Такое сооружение давало тень, но не было столь же прохладным, как каменные хоромы дворца.

Нас встретил крепкий, средних лет, мужчина, низко поклонившийся скорее Каи, чем мне. Хотя, быть может, и не разглядел в закутанной, словно мумия женщине, старшую царицу.

Покончив с церемонией приветствия, местный лекарь или смотритель что-то прошептал на ухо жрице, от чего ты изменилась в лице и, подхватив меня за руку, быстро поспешила за мужчиной.

В нос ударил неприятный запах невымытых тел и какой-то гнили. Аромат курительниц, что были призваны отгонять насекомых и маскировать неприятные запахи, явно не справлялся со своей задачей.

В помещении было темно, но хоть немного прохладнее, чем снаружи. Чистый воздух из внешних комнат почти не достигал сюда.

Больных было мало, всего трое. Наш молодой человек, весь бледный, бессильно лежал на кровати. Ему явно нездоровилось. Остальные двое, казалось, спали.

— К тебе пришли жрицы Иинат, они спрашивают, что с тобой случилось?

Молодой человек сверкнул глазами, и, преодолевая слабость, попробовал поклониться, но не смог. Каи в один момент оказалась рядом с ним и схватила его руку.

Когда она оглянулась на меня, я поняла, что дело плохо.

— Я... — просипел молодой воин.

— Молчи и кивай! — сухо велела ему жрица. — В тот вечер кто-нибудь приносил в покои царицы какие-то вещи и подарки, кроме посыльных владыки?

Последовал слабый, но отчетливый кивок, и старуха продолжала.

— Эти люди были из тех, что живут во дворце?

Снова кивок. Юношу вдруг скрутило и он начал задыхаться, но старуха продолжала.

— Это были люди царицы?

Слабое отрицание. Воин ненадолго потерял сознание, но старуха звонким шлепком привела его в чувства.

— Есть у вас семена нартыша? — бросилась я к мужчине, приведшему нас. У меня были основания подозревать, что у больного начались перебои в работе сердца. Он был

смертельно бледен, слабо дышал и постоянно пытался сглотнуть, словно прогоняя неприятный привкус.

Симптомы были мне знакомы, в раннем детстве моя подружка, не слушая отговорок, наелась дикого миндаля. Маленькая Юленька отчетливо помнила, как побледнела Ольгина кожа, и она начала задыхаться, жалуясь на неприятный металлический привкус во рту. Но в том мире была скорая помощь и взрослые, которые могли помочь.

Сейчас же мужчина только покачал головой.

— Эту траву, сиятельная госпожа, — ответил он тихо, — используют только кочевники из северных степей. У нас она не растет.

Я была в отчаянии. Ну почему же я не додумалась тогда попросить у Асмарраха его чудодейственного средства!

Чудом выживший воин теперь умирал у нас на руках, и мы ничего не могли сделать. Каи пыталась задавать вопросы, но юношу сотрясали судороги. Он в последний раз открыл глаза и потерял сознание. Его дыхание стало совсем слабым.

Подойдя к умирающему, я склонилась и ощутила легкий запах горького миндаля. Цианид!

Я выпрямилась и решительно подошла к лекарю.

— Отвечай! Кто-нибудь навещал его сегодня утром? — в моем голосе звенел металл.

— Да, сиятельная, сегодня, как и всегда по утрам приходил их командир, благородный Демет. А больше никого не было, — низко поклонившись, заверил меня мужчина.

— А скажи-ка мне, Саурат, — добавила Каи, тяжело поднимаясь от ложа умирающего воина, — Не приносил ли он чего-нибудь с собой? Пива или еды?

Она обращалась к лекарю по имени, очевидно, хорошо зная его.

— Не знаю, мудрейшая Каи. Я только пропустил их. Тогда время давать настои еще не пришло, и я не стал мешать. Он же приходит каждое утро.

— Когда же ему стало плохо? — требовательно спросила я, вспоминая, что отравление развивается достаточно быстро.

— Да вот только послал мальчонку до старого храма, а уж вода не успела в котле остыть, как вы пришли. Удивился даже. Мудрейший Иссат-аба еще не пришел, а ведь до него гораздо ближе!

Каи скептически усмехнулась и внимательно смерила мужчину своим холодным и пронизательным взглядом.

— Великая Мать видит больше, чем дано людям! — заключила она и снова направилась к койке, где уже еле живой лежал наш свидетель.

Лежанка была совсем небольшой, рядом с ней даже некуда было положить вещи. Рядом на полу тоже ничего не было.

На соседнем лежаке зашевелился другой больной, и старая жрица тут же оказалась рядом, светя ему в глаза масляной лампой.

Худощавый мужчина лет тридцати немного отстранился от внезапно возникшей рядом жрицы и тяжело закашлялся.

— Скажи мне, сынок, ты видел, как утром сюда приходил Демет-ина? Он же и твой старший тоже? — голос старухи был тих и настойчив.

Несчастный больной, боязливо поискал глазами подмогу, но заметив, что Саурат никак не вмешивается, ответил.

— Да, госпожа, конечно видел. Демет-ина лучший командир и всегда заботится о

нас! — выдавил он.

— А давал ли он кому из вас что-нибудь?

— Нет, госпожа, только расспросил, как дела, да рассказал слухи! — но глаза худого воина немного забегали.

— Никогда не пытайся обмануть жриц Великой Матери, сынок, — слова, как ядовитые змеи, вытекли из уст старой женщины. Тон ее был мягок, но от этого сделалось лишь страшнее.

Воин отпрянул и вскинул руки, словно закрываясь. В глазах его металось беспокойство, но он молчал.

Каи обернулась и велела Саурату выйти. А потом сместилась так, чтобы больному мужчине была хорошо видна койка с все еще сотрясаемым последними конвульсиями телом товарища. Из худощавой груди снова вырвался сиплый кашель.

— Не губите, мудрые! — взмолился он. — Мы же только по чуть-чуть!

Старуха непонимающе поглядела на него.

— Ну это, у командира с собой было немного. Так сказать, здоровье поправить! — воин выглядел как нашкодивший школьник.

Видимо, во всех мирах и во все времена военные любят заложить за воротник. Хотя тут и выпить-то нечего — слабенькое вино и пиво.

Старуха только махнула рукой. Если пили все, то яд был не там.

— А потом что было? — продолжала она.

— А потом была каша, и почтенный Саурат принес обычные отвары. Ну. А потом я заснул, — закончил свой рассказ тощий воин.

Старая лекарка, словно мстя мужику за попытку соврать, тщательно осмотрела его. А потом, поднявшись, поманила меня за собой.

В полном молчании мы вышли под навес дома и нос к носу столкнулись с невысоким полненьким человеком, одетым в мятую, небрежно уложенную хламиду.

Каи почтительно склонила голову, я последовала ее примеру, пряча глаза.

— Уже поздно, почтенный Иссат, Великая Мать отпустила свое дитя, — голос старухи шелестел, словно ветер.

— Открыта ли тебе причина недуга, мудрая? — с интересом спросил старший военный лекарь.

— Ни мое, ни твое искусство не смогли бы спасти его, почтенный Иссат, — уклонилась от ответа жрица, метнув нехороший взгляд на стоявшего неподалеку Саурата. — Но склони над ним свою голову, и милость Иинат будет открыта тебе.

— Благодарю, мудрая, — снова поклонился полненький врач. — Могу ли я покинуть тебя?

— Наши заботы не любят ждать, — согласно кивнула головой жрица и неспешно двинулась прочь от лазарета, увлекая меня за собой.

Только когда мы достаточно удалились, Каи подала голос.

— Мальчика отравили, — бросила она, сворачивая в тень огромного кипариса, росшего у глухой стены большого дворца. Здесь лишних ушей быть не могло.

— Берегись, дитя мое, как можно скорее покинь это место.

Я хотела было ответить, но она жестом приказала мне молчать.

— Я знаю, что еще не время, но оставаться здесь опасно. Паук уже сплел паутину. Стоило нам только подумать о бедном страже, как его тут же убили, — старуха была явно

озадачена.

Вдруг меня осенила страшная догадка.

— Мудрая, я могу ошибаться, но о намерениях моих пойти сегодня сюда знало лишь два человека. Один из них владыка Маарш-а-Н'мах.

Жрица выжидающе глядела на меня.

— Вторым был Сельмиш-ина, он вошел тихо и мог услышать конец нашего с отцом разговора. Мне показалось, что он не одобряет идей моего родителя сделать меня своей наследницей.

— Ох, царевна, враги наши могучи... За Сельмишем почти все наши воины, что он скажет — то и сделают. Разве что владыка им указ. Если это был он, то мы не найдем человека, который посмеет сказать против хоть слово.

— Погоди, Каи, — перебила я нить рассуждений женщины, уж больно беспокоила меня другая мысль. — Скажи, знаешь ли ты, как этот полководец может быть связан с царицей?

Глаза старой женщины озорно блеснули.

— Дитя мое, во все времена мужчину и женщину связывает только одно, так уж решили Иинат и Аннан. И как бы это ни было спрятано, а суть одна.

Все сходилось! Желание Нинмах сделать наследником своего малолетнего сына, странная нелюбовь отца к этому малышу и вчерашний генерал — единственный свидетель моих намерений посетить больного.

Я сама никогда не видела маленького братца, но, возможно, у него были черты, которые вызывали у владыки подозрения. А может, он рассчитал, что в те дни не посещал жену. Как бы то ни было, а подробностей не узнать.

По всему выходило, что у Нинмах есть любовник. Он, разумеется, моложе отца, но очень могущественен. Генерал вполне подходил.

Роль же того, кто добывал яды, отводилась мной старикашке Айш-Ибету, что чуть не угробил царевну какой-то отравой. Я была уверена, что он может спокойно говорить и с купцами, и со жрецами. Добыть все необходимое для него не составит труда.

— Послушай, мудрая, — озвучила я свои подозрения. — Личный лекарь царицы тебе знаком?

Морщинистое лицо женщины скривилось, как будто я заставила ее откусить зеленый лимон.

— Этот старик очень непрост, — ответила она. — Я думаю, что он связан с одним из культов, что восхваляют тварей с той стороны! Почтенная Нинмах привезла его с собой, когда стала женой владыки. С тех пор он живет при ней, все такой же странный и молчаливый. Поговаривают, что знающий, но в храмы Всеблагой и Аннана не ходит.

Пазл стремительно собирался кусок к куску, но доказательств у нас по-прежнему не было. Обвинять же владычицу голословно не посмеет никто!

— Думаю, — сказала я, когда шок осознания страшной картины чуть отступил, — яд был в утреннем отваре, и добавил его туда Саурат. Но он вряд ли добровольно признается в этом.

— Все может быть и так, девочка моя, — согласилась старая жрица. — Только, думаю, он не знал, что делает. Саурат нерадив в учении, но не подл. Скорее всего, его обманули.

Мы шли по тенистой стороне дворца, спасая меня от палящего солнца, и молчали, понимая, что бессильны. Мне оставалось лишь быть осторожной и ждать, пока паук по неосторожности обнаружит себя.

Провоцировать его было опасно. Противник с легкостью шел на убийство, понимая, что в случае провала потеряет жизнь.

Мне оставалось еще одно нелегкое дело — разговор с Энмером.

В последнее время видеть юношу было для меня невыносимой мукой. Разговаривать с ним, глядеть в глаза, и понимать, что я не смогу теперь ответить на его чувства. Если раньше я надеялась, что со временем привыкну и из дружбы зародится чувство, то теперь осознала — это невозможно.

Начитанный, умный и немного смешной, он нравился мне как человек, но совершенно не волновал как мужчина. Я никогда не стану для него любящей женой, но, возможно, в этом мире от меня этого никто и не ждет.

В моем глупом сердце прочно поселился наглый самирит, и изгнать его оттуда никак не получалось. Из-за этого при каждой встрече с Энмером я чувствовала себя грязной предательницей, женщиной не достойной того внимания, которым меня окружал хоннитский царевич.

Но кроме любви у меня был и долг, и этот долг я собиралась выполнить.

Наконец в один из душных вечеров я решилась

Мы снова сидели на крыше, как тогда, когда увидели злосчастный караван, доставивший мне столько волнений.

Энмер развлекал меня рассказами о природе хоннитских земель и весенних красотах. Ветер, яростно дувший сегодня весь день, практически стих и теперь лишь ласково играл в каштановых кудрях моего нареченного.

«Ничего, — думала я, глядя на тонкие, острые черты его лица, — время все исправит». Нужно было только решиться и заговорить.

— Простишь ли ты меня, Энмер-ани, что перебиваю тебя? — аккуратно спросила я, когда царевич замолчал.

— Конечно, прекрасная, наверное, я уже утомил тебя своими речами! — отозвался он и улыбнулся.

— Совсем нет! Твои рассказы очень поучительны и интересны, — поспешила заверить я его. — Но мое дело не может больше ждать.

Царевич немного удивленно посмотрел на меня.

— Прежде, чем я стану твоей женой, — глядя в пол начала я. — Мне предстоит стать одной из посвященных Аннана. Стать в какой-то мере мужчиной. Иначе, никто не признает моего права на власть.

— Конечно, я об этом знаю, прекрасная, — он ласково приобнял меня за плечи. В последнее время молодой человек начал немного смелее проявлять свои чувства.

— Но я не вижу в этом ничего плохого! — заверил меня он.

Я нашла в себе силы поднять взгляд. Царевич был со мной искренним, ничего в его лице не выдавало иных чувств.

— Тогда скоро я и ты должны будем отправиться в тайный храм, где я пройду основной ритуал. Я бы хотела, чтобы ты был рядом со мной, подобно Аннани для Иинат!

Царевича скорее порадовали мои откровения и нисколько не смутили.

— Я согласился связать с тобой свою жизнь, совсем не зная тебя, — произнес он. — И еще ни разу не пожалел об этом. Никакие тайные обряды не способны это изменить!

Я закрыла глаза и быстро заговорила, боясь, что потеряю настрой.

— До храма нас поведут с завязанными глазами, так как никто не должен знать, где он. Ты должен доверять жрецам и выполнять все, что они скажут. Запомнить все ответы и сказать их вовремя. Ты должен будешь верить в то, что мне никто не причинит вреда и не попытается ничего менять. Что бы тебе ни приказали — ты должен сделать, обещаю мне! — сердце бешено стучало в груди, грозясь выпрыгнуть. Щеки залила краска.

Юноша наклонился ко мне, и его дыхание зашевелило мои волосы.

— Я сделаю все, что мне скажут, и нигде не отступлю, клянусь своей жизнью! — горячо прошептал он мне на ухо. — Я буду рядом.

Я поверила ему и прижалась к его груди, чтобы хоть как то наградить юношу за согласие. Он был теплым, немного жестким и приятно пах чем-то цитрусовым.

Надеюсь, решимость Энмера не покинет его, когда настанет время. Конечно, я могла выбрать для ритуала абсолютно любого мужчину, но это казалось мне еще более страшным.

Наверное, пол часа мы сидели прижавшись друг к другу, не решаясь отдалиться. Юноша немного рассеяно, но ласково гладил меня по волосам. «Совсем как отец!» — подумалось мне. Я же просто прижималась к нему, пытаюсь успокоиться. Но это не слишком хорошо получалось. Ровный и легкий стук сердца Энмера напоминал об ударах в другой груди — более мощных и частых. Асмаррах... Я снова почувствовала себя подлой.

Глава 15. Делать и ждать

Карешские горы. Асмаррах.

Теперь оставалось только ждать. Все гонцы разосланы, все решения приняты. В душе же бушевала буря, усмирить которую было сложно.

Владыка Кареша, как мог, пытался задобрить оскорбленного самирского наследника, прислав миленькую, но еще слишком юную царевну. Девушка сидела в возке, подрагивая длинными черными ресницами, и удивленно смотрела на мир, которого раньше никогда не видела. А вокруг простирали свои отроги высокие горы.

«Подарок» владыки нагнал посольский караван почти у Врат, и отсылать его обратно было поздно. Планам Асмарраха малявка сильно мешала, пришлось отправлять ее в Асар, сопроводив указаниями сперва доставить девушку к великой Нарамман. Уж бабушка разберется, как поступить с неудачным подарком.

Ей он уже отписал сразу, после нападения на царевну. Вот только теперь была необходимость дополнить рассказ, а ответ на свое первое послание он получит почти через месяц, и это в том случае, если старая женщина ответит сразу.

Совет, конечно, ему был нужен, но своя голова имелась. Шпионы будут держать его в курсе всего, что происходит в карешском дворце, а он будет ждать. Он должен быть рядом, чтобы не опоздать, чтобы не упустить свою судьбу.

В том, что белокурая жрица предназначена ему богами, он уже не сомневался. Всемогущий владыка Эну, хозяин небес, подтвердил это, позволив спасти этот нежный цветок из холодного сумрака нижнего мира.

В ту ночь он видел в ее глазах тот огонь, с которым желанная женщина должна смотреть на своего мужчину. И пусть это были наваждения, вызванные ядом — он добьется, чтобы она снова смотрела на него так! Никто не может идти против воли богов: ни могучий владыка, ни посвященная жрица.

Сейчас, сидя в одной из небольших пещерок в скале, из которой открывался отличный вид на всю долину Иреша, он думал о ней. Вспоминал, как призывно и соблазнительно двигалось ее тело в вихре танца, как испугался, поняв, что у жрицы закрыты глаза, и как сломя голову бросился к ней, когда ее ножки легко запрыгнули на каменный бортик моста.

Это точно было проведение. Нарочно повторить свой кульбит Асмаррах бы не смог. Руки поймали легкое тело почти у самой воды, и он чудом сам не упал.

Он много думал и о том, кто отравил ее. Этот человек был сведущ в ядах, вхож к царевне и незаметен для окружающих. Именно по его воле по дворцу поползли эти отвратительные слухи. Совсем не долго, мужчина даже подумал, что их видели с царевной в саду. Но нет. Хвала Отцу, нет, хотя еще бы немного, и они попались.

В то утро он пришел в себя от боли. В поясницу впивался острый сучок. Прекрасная жрица сладко спала у него на груди, обняв одной рукой. Дыхание было медленным, но вполне различимым.

Как же хорошо ему было в те недолгие мгновения, когда они были вдвоем и он мог ласкать пальцами шелк ее золотистых волос, неярко светящихся в слабом свете наступающего дня. Очень хотелось поцеловать ее нежные губы, слегка приоткрывшиеся во сне, но вдали послышались крики и неясный шум. Настала пора уходить.

Аккуратно уложив голову девушки на землю, он поспешил скрыться в кустах, и вовремя.

К купальням направлялось несколько весьма встревоженных солдат. Пришлось затаиться и ждать.

Разбудить девушку стражам не удалось, хотя они очень пытались, и у Асмарраха замерло сердце. Он понял, что его ночные опасения были не напрасны. Яд еще действовал.

Уже вернувшись в горы он начал корить себя за то, что не оставил свой мешочек с нартышом царевне, за то, что побоялся тогда выдать свое присутствие. Перед тем, как покинуть Ассубу, Асмаррах снова прикидывал возможность передать семена дежурившей у постели царевны старой карге, но так и не решился. Слишком уж зловеще выглядело описание сиделки: чужеземка, колдунья, одним взглядом проклинает людей, даром, что жрица Иинат. Тогда царевич решил не рисковать, но теперь...

Время тянулось, он ждал.

Старый лис Маарш-а-Н'мах снова отказал ему, не удосужившись даже объяснить причину. Об этом он узнал от его сиятельной супруги, которая, как показалось Асмарраhu, как раз была очень не против того, чтобы он получил в жены старшую царевну. Оказывается, Юилиммин-даши была обещана этому сопляку Энмеру! Ему и раньше приходила в голову такая мысль, но царевич отметал ее, не видя в том смысла. Что бы дал владыке этот союз?

Но все оказалось хитрее. Словно бы случайно, царица обмолвилась, что ее супруг так и не выбрал себе преемника. В случайности Асмаррах не верил, а вот тревоги царицы понимал. Говорили, что у владыки есть совсем еще маленький сынишка. Уж не выжил ли из ума старый Маарш-а-Н'мах, готовый заменить родную кровь на мужа дочери, пусть и самой любимой? Это как же надо быть к ней привязанным, чтобы идти на такое!

Молодому мужчине все это казалось диким и нелепым, а потом поползли слухи. Даже добрая новость о том, что царевна пришла в себя, не смогла охладить его гнева, когда ему донесли, что Карешский правитель решил поскорее отправить царевну в Хоннит, чтобы укрыть ее от отравителей!

Решив, во что бы это ни стало, помешать Энмеру заключить союз с белокурой жрицей, Асмаррах отступил и затаился в горах. Основную часть своих людей он сразу же отослал домой, оставив при себе только десяток самых преданных своих солдат. С ними он в узком ущелье разделается почти с любым отрядом. Оставалось только ждать, время от времени получая донесения из Ассубы и ожидая ответ из дома.

А над пожелтевшими просторами Иреша собиралась гроза. Тяжелые свинцовые тучи сползали с гор, распространяя вокруг себя промозглый вязкий сумрак. В пещере сразу стало холодно и сыро. Пришлось развести костер, который хоть и выдавал их местоположение, но согревал и давал ребятам, ушедшим на разведку к Воротам, хоть небольшой ориентир.

Асмаррах тоже перебрался от входа к костру. Если непогода разбушевалась всерьез, то завтра из пещеры невозможно будет спуститься. Но вестей он ждал сегодня.

Дрожащее пламя костра храбро сражалось с подступающим туманом, но серая пелена перед входом все сгущалась. Надо будет завесить вход, когда вернутся разведчики, так будет безопасней и теплее. А горячий воздух сможет выходить через ветвистую щель под самым потолком.

Время медленно тянулось, и наследник Самаира задремал, завернувшись в шерстяной плащ.

Перед ним открывался темный коридор, по которому к нему навстречу из темноты шла она, единственная и желанная. А может быть и сама Иинат, так как волосы девушки были не золотыми, а черными как смоль. Тонкие белые одежды почти исчезали под тяжелыми

украшениями.

Осторожно, как будто ничего не видя вокруг, девушка шла к нему. Асмаррах присмотрелся. У нее были прозрачные зеленовато-голубые глаза, такие же, как небо в весенней степи и как тот камень, который он взял из ее волос в ту, первую ночь. Значит, это все же Юилиммин, на сердце стало радостно.

Внезапно со всех сторон от хрупкой фигурки протянулись руки, тысяча белых рук. Они хватали царевну за ноги и за платье, будто бы хотели разорвать на части. Он попытался броситься вперед, но не смог. Тело словно застряло в жидкой каше темноты. Он попытался позвать ее, но и голоса не было. Был только смех, немного надменный женский смех, звучащий повсюду.

Асмаррах снова посмотрел на девушку в белом. Та, совершенно не пугаясь хватающих ее рук, медленно сняла с шеи длинное ожерелье из голубых и золотых бусин и протянула его вперед. Руки подхватили подношение и исчезли, как будто их и не было. Царевич выдохнул.

С паутиной, опутавшей ее стройный стан, девушка тоже справилась, отдав узорчатый плетеный пояс. Ее фигура становилась все ближе, все отчетливей. Асмаррах протянул вперед руки, и на этот раз они его послушались. Он наконец-то увидел их, но обрадоваться не успел. С кончиков его собственных пальцев стали падать огненные капли, сперва по одной, а потом превратились в ревущий поток, устремившийся навстречу прекрасной жрице. Она встрепенулась и отчетливо произнесла его имя: «Асмаррах-ани! Асмаррах-ани!»

Царевич вздрогнул и открыл глаза. За плечо его сильно тряс Мархаш.

— Асмаррах-ани, вставай! Ребята вернулись с новостями!

В пещере было немного дымно, но тепло. Вход, завешенный одеялом, создавал уют. Мокрые насквозь разведчики сушились у огня, попивая горячий отвар. Царевич поднялся, расправил плечи и подсел к ним, приветствуя.

В его маленьком отряде церемоний не разводили, но субординацию уважали. Ребята уже почти пять лет сражались бок о бок и уже не раз вытаскивали друг друга из беды.

— Тревожные новости, командир! — начал невысокий, но жилистый узкоглазый Асан. Он был родом из северных степей, и в разведке ему не было равных.

— Старый конюх, что следит за дворцовыми лошадьми, говорит, что тот воин, из тех, что ты выгацил в ту ночь, умер. И что перед этим к нему приходили две жрицы Иинат. Одну из них он признал — та самая бабка, что лечит царевну. Вторую не разглядел, но она явно моложе. Старик думает, уж не они ли его убили?

— Это вряд ли, — царевич принял посудину с горячим отваром из рук Мархаша. — Жрицы Великой Матери не станут вредить одной из своих. Скорее всего, они хотели помочь.

— Ну, трактуй, как знаешь, — кивнул степняк, — А еще нам на встречу, когда мы только выходили, попался карешский посыльный и он о-очень спешил. А один мой знакомый рассказал, что тем утром из ворот гонцов выехало трое. Один, значит, к перевалу, второй — сразу свернул на дорогу, что ведет к горам, а третий отправился в степь.

— Интересно, — царевич грел руки и смотрел в огонь. — Надо полагать, что старая ящерица пытается выяснить, куда же я подевался.

Разведчик неопределенно пожал плечами.

— Гонец вас не видел?

— Обижает, — рассмеялись степняк и его товарищ, коренастый и крепкий весельчак, который в любом месте сойдет за своего.

— Давай, Гаруул, твоя очередь! — ткнул его под ребра Асан и придвинулся поближе к

ОГНЮ.

— А у меня вести тоже весьма интересные, — отхлебывая отвар из щербатой посуды, начал воин. — Твоя красotka в малом дворце, ну та, скромненькая с сережками из раковин, рассказала, что к ее госпоже ночью кто-то приходил, и это был мужчина. Она не осмелилась даже одним глазком подсмотреть — слышала только голоса.

Гаруул сделал паузу, чтобы снова отпить, а Асмаррах еле сдерживался, чтобы не зашвырнуть в рассказчика своей чашей.

— Так вот, говорили они о том, что царевна и этот юный хоннит вот-вот должны отправиться куда-то в горы, чтобы совершить какой-то обряд. Какой именно, девчонка не поняла, а когда они поедут — мужчина не сказал. Одно точно, скоро. Так вот, потом этот мужик к царице приставал, судя по звукам. Даже, может, чего у них там и было. А потом она его вроде как попросила, мол, реши дорогой и эту проблему. Короче, утешал я девочку долго, и в итоге она согласилась, еще немного поработать на нас. Только вот беда, командир, ты ей понравился больше, и оплату она хочет от тебя.

Ребята заржали, разрядив обстановку. Асмаррах тоже от души повеселился и пообещал дать разведчику пару уроков.

— Еще что-нибудь есть? — спросил он, когда смех затих.

— Немного. Одна новых служанок царевны подтвердила, что та куда-то собралась, так как велела сложить в сундуки некоторые украшения и одежды. А еще они вдвоем со старухой перебирали почти полдня вещи из старых покоев. Всех выгнали и делали все сами. Айшаат говорит, что старая жрица чуть ли не каждый день приходит, учит царевну какому-то танцу. И они подолгу говорят, но услышать их никак нельзя, так как старуха так злобно смотрит, что все ее боятся.

— Раз царевна едет в горы — нужно следовать за ней! — решил Асмаррах, обдумав все услышанное. В то, что у прекрасной Нинмах может быть любовник он вполне верил. Царица осознавала свою красоту и умело ей пользовалась, чтобы быть недотрогой. К тому же эта женщина показалась ему достаточно умной. Только вот ее просьба о решении проблемы настораживала. Обычно подобное ничем хорошим не заканчивалось — это он знал по себе, с детства глядя, как решает проблемы его бабка. Значит, царевну нельзя упускать из виду, но как спрятаться на открытых равнинах ирешской долины, он не понимал.

Решение подсказал Маршах, самый близкий человек из всего отряда. Царевич бы мог назвать его другом, но социальный статус и воспитание не позволяли Асмарраhu заводить друзей. «Если ты осторожен — боги с тобой!» — всегда наставляла его мудрая Нарамман, ожидавшая от внука не меньших свершений, чем от сына.

— К горам ведет только три дороги: одна на перевал, вторая к черному хребту на шахты и третья в предгорья Иират, что почитается здесь как обитель Богини. На шахтах царевне точно нечего делать, там горы глухие, опасные. А вот другие две вполне годятся.

Маршах пятерней пригладил свою темную гриву курчавых волос и продолжил.

— Я вот, что думаю, Асмаррах-ани, разделяться, оно, конечно, плохо, но я бы оставил у перевала троих ребят. А сам бы спустился вниз и ждал у дороги на Иират. Там места дикие, и чем нас больше, тем лучше.

В прошлый свой приезд Асмаррах разослал свою верную десятку на разведку дорог и гор. Он привык знать все возможные пути и лазейки на территории врага. И вот теперь такая предусмотрительность приносила плоды.

— А кто из вас бывал в той стороне? — внимательно осматривая свое миленькое

войско, спросил он.

— Я, — проронил вечно казавшийся мрачным Кайлас, выходец из Кайнака, земель матери царевича. По возрасту он был самым старшим в отряде, ему уже перевалило за тридцать зим. В шпионы он не годился, зато был отличным следопытом и мог задушить горного кота голыми руками.

— И я, — отозвался тоненький, словно девушка, Маартас. Этот мог пролезть куда угодно, отлично метал нож и стрелял из лука.

— Мы видели там в горах людей, но жилья не нашли. Дорога поднимается до третьего уступа и теряется. Горы там дикие, спрятать можно кого угодно, — пояснил старший из пары.

— Если бы я решал, то направился бы туда, — заключил он.

Асмаррах кивнул, принимая его слова.

— Хорошо, да будет так! — заключил он. — Завтра, если дожди не размоют склон, выдвигаемся. На месте уже решим, кто останется у Врат.

Карешское царство, Ассуба. Юлимин-даша.

Ветер пригнал дождь со стороны гор. Первый дождь за почти месяц. Мощные потоки воды обрушились на пересохшую долину внезапно и за считанные минуты превратили все дорожки в ревущие потоки. Пересохшая земля не была способна сразу впитать столько воды.

Я как раз находилась в новом храме, завершая вечернюю молитву. Здесь было еще одно место, где я чувствовала себя в безопасности. Сопровождавшие меня воины сюда не допускались. С оружием им можно было ожидать меня лишь во внешнем помещении храма. В святилище всех желающих допускали только в определенные часы, а во внутренних помещениях могли находиться только жрицы.

Ливень застал меня и одну из старших на крыше, где мы обсуждали грядущий праздник урожая. Женщина сразу исчезла в темном проеме лестницы, а я осталась, подставляя свое лицо теплым струям дождя. Гроза была еще далеко.

Крупные капли больно шлепали по лицу и плечам, но уходить не хотелось. Этот ливень словно смывал с меня какую-то невидимую корку, которой за последнее время начала покрываться моя душа и очистил ее. Сердце ликовало, надеясь, что эти воды наполнят уже изрядно обмелевшие колодцы и, может, поможет спасти урожай.

Я открыла глаза. Сквозь темную пелену дождя не было видно гор, но в душе что-то шевельнулось, когда мой взгляд обратился в сторону перевала. За шумом капель послышалось, что кто-то зовет меня, зовет изо всех сил, но не может дозваться. Я протянула руки, и вдруг тонкая блестящая полоса молнии взрезала пелену дождя. Мой крик потонул в громовом раскате. Гроза подошла совсем близко.

Сбежав по ступенькам вниз, я долго переводила дух. Сердце бешено стучало, перед глазами стояли отблески разряда. В яркой вспышке мне на секунду привиделся до боли знакомый образ. Самирский царевич протягивал ко мне руки, а с них капала кровь. Да, я была уверена, что кровь.

Немного успокоившись, я спустилась в центральный зал святилища и упала на колени перед фигурой Иинат, слабо белеющей в темноте зала.

— О Великая Мать, открой мне, что значит это видение? — прошептала я, вглядываясь в образ.

Тишина зала качнулась, и Богиня словно бы улыбнулась мне.

«У всего две стороны. Выбирать тебе!» — прошелестела в ответ тишина. Или ответ прозвучал в моей голове? Или...

Это были слова гимна, посвященного Иинат. Входящие в зал жрицы пели его, медленно раскачиваясь из стороны в сторону в неверных отблесках огня. Чуть позднее до меня дошел и сладковатый запах курений.

«До чего ты дошла, госпожа археолог. Практикуешь полное погружение в эпоху!» — ехидно подметило мое материалистически настроенное я. — «Заткнись уже!» — рявкнула я ему в ответ. Не хватало только раздвоения личности ко всем моим прочим проблемам.

Дождь шел всю ночь, и мне пришлось заночевать в храме. Я распорядилась накормить свой конвой и выдать им немного материи, чтобы было чем укрыться. Теперь я знала, что моя охрана очень даже умеет говорить, так как когда я вошла к ним, они чего-то обсуждали и смеялись. Показалось даже, что меня.

Охранников было четверо. Все они поднялись, увидев меня, и их лица снова окаменели.

— Дождь не позволит нам сегодня покинуть храм, — начала я. — Я распорядилась, и сейчас вам принесут похлебки и несколько одеял. Вам что-нибудь еще нужно?

Воины молчали, изображая из себя каменных истуканов.

— Хорошо, — заключила я. — Если вам нельзя говорить со мной, то скажите об этом девушкам, что принесут ужин.

Я развернулась и удалилась прочь, так и не найдя подхода к этим вооруженным болванам. За спиной они зубоскалить могут, а ответить — нет! Ну ничего, что-нибудь придумаю. Нам же вместе придется карабкаться в горы. Может быть, хоть там я пойму, что эти ребята думают обо мне.

Вся следующая неделя прошла в сборах. В дополнение к моим личным телохранителям владыка выделил еще два десятка воинов из своей личной гвардии. К ним прилагалось еще человек семь различной прислуги. Энмер-ани вместе с охраной собирался отправиться верхом, а вот мне предстояло трястись в маленькой деревянной повозке, закрытой сверху и с боков тростниковыми циновками и тканью. От дождя она бы не спасла, а вот от солнца — в самый раз.

После той бурной грозы дождей не было, и земля снова стремительно превращалась в камень. Правда, видимо, в горах осадки были, и Иреш заметно прибавил в глубину, что позволяло поливать поля.

Но все-таки урожай пострадал. Что-то сгорело в засуху, что-то полегло под ливневым дождем. Крестьяне, приходившие к владыке, постоянно сетовали на потери. Пока я не отправилась в горы, отец счел полезным мое присутствие на ежедневных собраниях. Я привыкала к окружению, вникала в проблемы страны и была на виду. Сначала просители все время косились в мою сторону, а потом привыкли. Я понимала, что любое чудо быстро приедается, если тебе нечего есть.

Отец теперь вел активную переписку с Хоннитом, надеясь, что у них можно будет закупить зерно. Проблемы с Самирским царством отошли на второй план.

Энмер тоже принимал активное участие, стараясь, чтобы отец и брат вошли в наше положение. Теперь мы проводили за государственными делами почти по полдня, и я еще раз смогла убедиться в остром уме своего суженного. Днем он выезжал вместе с владыкой за город и осматривал систему подачи воды на поля, а после обеда мы сидели с ним в одном из внутренних садиков, вычерчивая на сырой глине схемы изменений и делая подсчеты.

До сбора урожая оставался примерно месяц, и его остатки следовало сбечь любой ценой.

Только один раз владыка не разрешил мне принимать участие во встрече гостей, но велел следовать всему, что скажет Уммат-аба. От своих служанок я узнала, что в Ассубу приехали кочевники из-за холмов на северо-востоке. Именно сегодня их ждали во дворце. Мой постоянный придворный-распорядитель, или ответственный за мою безопасность, Уммат-аба привел меня в маленькую комнатку с узеньким окном-щелью. Заглянув в эту прорезь, я обнаружила, что нахожусь почти над одной из боковых дверей, через которые в зал обычно входили придворные.

Лидер кочевников не стоял, а сидел почти на самом краю лестницы на вышитой высокой подушечке, подвернув под себя ноги, как это принято у многих народов юга. Рядом с ним стояли еще четверо — коренастые низенькие люди в одеждах из кожи и шкур. Все они носили широкие штаны, украшенные цветными лоскутами, и войлочные головные уборы, защищавшие их от жары и холода.

Посол говорил на своем языке, который немного напомнил мне абу. Его речь была длинна и эмоциональна. Нартан, допущенный на совет из-за своего знания языка, быстро и тихо переводил речь кочевника владыке. Ни одной женщины сегодня в зале не было.

— Кочевники считают своих женщин чем-то вроде скота. А любую приглянувшуюся им — крадут, — тихим шепотом пояснил мне Уммат-аба. — Ведут дела только с мужчинами.

Другого я от них и не ожидала. Почти все кочевые племена великой степи не слишком-то почитали женщин. В Абустане их права стали уважать всего за двести лет до моего рождения. Это теперь им разрешали голосовать и учиться и уже почти не выдавали замуж поговору.

Я прислушалась. Пожалуй, сходство с современным абу было немного большим, чем мне показалось на первый взгляд. Постепенно до меня начал доходить общий смысл речи. Кочевники хотели, чтобы Кареш обеспечил их зерном на зиму. Вернее, не хотели — они пришли требовать. Травы в этом году мало, степь здорово погорела, и их людям, на лето уходившим на север, нечем теперь было кормить лошадей.

Как я поняла, к нам пожаловали те, кто ехал на разведку, прежде чем основное стойбище двинется в путь. Все племя придет в степь через два-три месяца с наступлением холодов.

А вот платить народ Шааху-Мере не умел и не любил, полагая, что все, что ты можешь отнять — принадлежит тебе. Тем не менее, карешских владык немного уважали, так как побаивались. Я вспомнила, что старший брат Юи, Тишрин-ани, в последние годы вместо отца ездил «договариваться» с кочевниками о возмещении ущерба, причиненного жителям Кареша, а заодно и обеспечивал безопасность проходящим с юга купцам. Теперь владыке придется возложить эту обязанность на полководцев, скорее всего на Сельмиша-ину. И в свете последних событий я не видела в этом ничего хорошего.

Мое внимание снова привлекли переговоры. Отец довольно жестко попытался дать понять, что не намерен прощать набегов. Но если кочевники будут вести себя смирно или вообще уйдут от холмов на восток, то после первого посева Кареш попробует помочь им зерном и другими припасами.

Но послу явно было незнакомы слова «неурожай» и «не трогать». Он вскочил со своей подушки и теперь размахивал руками, явно угрожая владыке. Но тот оставался безучастным к визгам посла.

Стража сделала шаг вперед и блеснула клинками. Силу кочевники понимали. Широкие бронзовые ножи среди них очень ценились, а основное вооружение состояло из луков и арканов. В сражениях эти люди предпочитали брать числом, почитая победу превыше жизни.

Разбушевавшийся переговорщик притих и перешел на заискивающий тон. Теперь он не требовал, а кланчил, напоминая дворовую шавку, готовую кататься в пыли за кусок колбасы.

Я понимала, что это уже ничего не решит. И если мы не выставим силы на границе со степью, кочевники нахлынут на нас волной.

Сразу после полнолуния мы двинулись в путь. Там, где спешащий верховой проезжал за сутки, наш караван будет ползти почти четверо. Но опоздать к сроку было нельзя, а откладывать дальше — опасно. Каждый лишний день, проведенный во дворце, мог стоить жизни.

Моя повозка медленно тряслась по дороге, доставляя мне огромные неудобства. Будь я в своем собственном теле, поскакала бы верхом, но бледная кожа Юи совершенно не терпела солнца. Даже чтобы отойти по нужде мне требовалась служанка, закрывающая меня от палящих лучей и любопытных глаз.

Служанки тряслись в соседней повозке. К себе я никого не допустила, предпочитая страдать в одиночестве, чем слушать пустую болтовню. Правда, иногда компанию мне составлял Энмер, пускавший свою лошадь рядом с повозкой, и тогда у нас получалось немного пообщаться.

К концу первого дня мне начало казаться, что стореть — гораздо меньшее зло, чем постоянная тряска в этом тесном гробу.

Дорога шла вдоль изгибов Иреша, и для ночной стоянки мои сопровождающие отыскивали кучку старых, кряжистых деревьев, что росли на низком берегу реки. Весело запылал костер, загомонили намолчавшиеся за день люди.

Я выбралась из своей повозки и тут же оценила гостеприимство местных комаров. В городе кровососов почти не было, а тут воздух буквально звенел от тысяч маленьких крыл. Хотя оказалось, что мужчины почти не обращают на насекомых внимания. Возможно, их толстокожие тела были не по зубам ирешским комарихам, а вот тонкие покровы царевны вызвали бурный ажиотаж. Мне пришлось завернуться в три покрывала, чтобы создать действенный барьер. На открытые части лица и рук я рискнула намазать пахшее горькой полынью масло, которое протянула мне служанка. Сама она уже явно воспользовалась средством, причем в изрядном количестве.

Да, за эти дни моего увлекательного путешествия я измучаю себя настолько, что никогда больше не захочу никаких поездок. До этого я планировала совершить свое паломничество с наступлением холодного эттена — сезона дождей, когда смогу не скрываться от солнца, как обезумевший вампир, но ситуация в стране и во дворце вынуждали меня поспешить с обрядом и замужеством.

Я присела у огня на заботливо подставленный служанкой стульчик. Недалеко, у соседнего костра, где готовили пищу, что-то весело обсуждали свободные от дежурства воины. Там же, где сидела я, — царила гробовая тишина. За моей спиной безмолвными статуями возвышалась личная охрана. Энмера не было видно. Наверное, отправился в разведку или лег спать. С новыми служанками говорить не хотелось.

Я с трудом дождалась вечерней похлебки. Днем наш отряд привала не делал, и мне

служанки принесли только суховатую лепешку с пресным сыром и воды. Не удивительно, что к вечеру я была готова съесть все, что угодно, даже не поморщившись.

Каша была горячей и вкусной, как любая походная еда. Пока я, обжигаясь, пыталась побыстрее насытить свой недовольно урчащий желудок, появился Энмер.

Царевич присел на корточки рядом со мной и улыбнулся. От него пахло тиной и речной водой.

— Я принес тебе подарок, чтобы хоть немного порадовать тебя, прекрасная! — с этими словами он протянул мне крупную речную кувшинку.

Я нашла в себе силы улыбнуться и протянула руку, перехватывая холодный стебелек.

— Спасибо, Энмер-ани, ты действительно порадовал меня. Жаль только, что к утру она завянет.

— А вот и нет, я подумал и об этом! — с этими словами он извлек откуда-то из-за спины узкую глиняную чашку. — Сейчас я наполню ее, и цветок доживет до утра. Это водяная набута, та, что приносит счастье, неужели ты не узнала?

Действительно, при взгляде сверху кувшинка напоминала «розетку удачи», которыми во дворце украшали все, начиная от посуды до одежды и половиков.

Остаток вечера мы провели вместе, обсуждая особенности речных течений, смену времен года и прочие темы, что помогают отвлечься от насущных проблем. От этого на душе стало немного спокойнее, и я даже смогла уснуть в некоем подобии палатки, что натянули для меня мои сопровождающие.

До подножия гор наш караван шел неделю. Времени на подготовку к ритуалу и очищению оставалось очень мало.

Поддержи автора лайком и комментарием! Не забудь, каждый лайк делает жизнь радостней!

Глава 16. Взяв чужое, будешь ли счастлив?

Подъем в горы предстоял не из легких. И хотя за предыдущие дни я немного пообвыкла и приспособилась к жизни в «походных» условиях, но былой радости и комфорта от путешествий не ощущала. Для царевны каждый день существования за пределами цивилизации был сравним с подвигом.

При приближении к горам погода стала более переменчивой и капризной. Небольшие дожди накрапывали почти каждый день, внезапно начинаясь и столь же неожиданно заканчиваясь. Небо вдруг внезапно затягивала серая туча, которая уже через пару часов исчезала неизвестно куда.

Растительность стала зеленой и буйной. Между серых растрескавшихся камней пробивались клоки травы, колючие жестколистные кусты, кривоватые небольшие деревца. А у самого подножья мы почти целый день провели в тенистой роще. Здесь, под деревьями, росла свежая, не выжженная солнцем трава, и животным было необходимо дать отдых.

Я очень удивилась тому, что тут совсем не живут люди. Оказалось, что это уже священные места и обывателям сюда вход заказан. Разумеется, границы никто не охранял, но молва — лучший сторож. Поговаривали, что забредший в эти места с умыслом пропадал бесследно или ночные духи обращали его в камень. Так или иначе, но последнее становище встретилось нам почти день назад. Это были карешские пастухи, на лето угонявшие стада на горные пастбища. Сейчас они возвращались домой, чтобы успеть на праздник урожая.

Дорога, ведущая в гору, была, по сути, широкой тропой, по которой едва могли подниматься наши повозки. Большую часть лошадей пришлось оставить внизу под охраной четверых солдат.

Теперь все мужчины, не исключая царевича Энмера, шли пешком, ведя в поводу лошадей, тянущих повозки. Как же мне хотелось выбраться из этого трясущегося гроба! Я чувствовала каждый ухаб, каждый камень, а когда колесо проваливалось в неглубокую вымоину — казалось, что все сейчас перевернется. Хорошей была лишь погода: не такая жаркая как на равнине, но почти всегда солнечная.

Выйдя почти на рассвете, к сумеркам так и не добрались до первого отрога, где была широкая площадка, на которой планировалось разместить основной лагерь. Судя по приметам, заученным в старом храме, мы одолели чуть больше половины пути, но двигаться дальше стало невозможно. Солнце, полыхнув прощальным отсветом на крутых склонах гор, скрылось за хребтом, и все вокруг погрузилось в серый сумрак. Свет факелов совсем не помогал, скорее даже мешал, превращая любую расщелину в бездонную пропасть. В эту ночь почти никто не спал, и как только рассвело, отряд тронулся в путь.

Пологой площадки мы достигли почти в полдень. Солнце сегодня пряталось за серой дымкой, и я смогла наконец выбраться из осточертевшей повозки.

Дальше отряд снова должен был разделиться. Тропа, взбиравшаяся на следующий гребень, каменистой змейкой петляла между огромных замшелых валунов, окружавших плато.

— Дальше можно пройти только пешком, — пояснила я, когда мы сидели у чахлого костерка и завтракали. Ну, или ужинали, так как вечерней трапезы не было. — А от следующего места нам придется идти уже одним. Этот путь должны пройти только я и царевич Энмер-ани.

Я посмотрела на старшего из моих охранников, мужчина слегка кивнул, принимая мое решение.

— Вы будете ждать нас там, у первых ворот. Просто ждать и не пытаться идти за нами. Жрецы не будут слушать ваших объяснений. Надеюсь, за два дня мы дойдем, — вздохнула я. — За это время мне нужно подготовиться. Тебе тоже.

Я посмотрела на царевича. За эти дни он сильно загорел и сделался каким-то жилистым. Щеки немного впали. Сейчас он был больше похож на какого-нибудь пастуха, чем на мужчину из королевского рода.

— Я буду с тобой и сделаю все, что нужно. Я готов! — заверил меня Энмер.

— Тогда запоминай, — я понизила голос, и юноша склонился ко мне. — Наверху нам нужно будет оповестить жрецов святилища о том, что мы прибыли. Там должен быть колокол или еще что-то. После этого разговаривать больше нельзя, по крайней мере, мне. К храму ведут тайные тропы, я укажу, по какой тебе нужно идти. Найдешь небольшую площадку со знаком Серебрянорогого и жди на ней, пока за тобой не придут. Говорить со жрецами первому нельзя. Отвечать, если они о чем-то спросят, нужно правдиво. Следуй всем указаниям в точности, и тогда все будет хорошо. Я же отправлюсь своим путем.

Следующие дни прошли как в тумане, а подъем до первых ворот скрытого храма превратился для меня в настоящее испытание, и мы едва успели к назначенному сроку. Узкий серп стареющей луны был уже едва различим.

На площадку, где предстояло расстаться, мы пришли ранним утром. Здесь всюду царил туман, из которого страшными великанами выступали темные глыбы замшелых валунов. На краю обрывистого уступа росла старая, скрученная горными ветрами, полужасохшая сосна. На ее одном из нижних ее скрюченных суков висел большой бронзовый лист, у замшелого ствола нашлась и палка.

За последние две ночи я почти не спала. Даже сквозь толстую войлочную подстилку чувствовался ледяной холод камней, а ночные горы пугали своими звуками. Но сейчас отдохнуть можно было лишь пару часов, так как путь был еще не закончен. После удара в гонг мы должны будем разойтись.

Даже мои охранники чувствовали здесь себя неуютно. Как я поняла, прошлой ночью они слышали рык горного льва совсем рядом с лагерем. Отпускать царевну одну в неизвестность воинам совсем не хотелось.

— Всеблагая и Серебрянорогий защитят меня, а вы взывайте к ним и ждите, — попыталась обнадежить их я, совсем не уверенная в собственных словах. Если на тропе мне встретится крупная кошка, то никакие молитвы не спасут.

Закинув за плечи увесистый мешок с ритуальными нарядами, я показала бледному, явно взволнованному Энмеру начало его тропы. Потом досчитала до десяти, чтобы унять дрожь в коленях, и ударила по медному листу. Раз и еще два раза. Гулкий протяжный звон разнесся в прохладном воздухе. Спустя минуту я услышала ответный сигнал и встала на свою тропу.

Огромные валуны быстро скрыли от меня площадку и корявую сосну. Едва заметная тропка сперва круто ушла вверх, а потом, вильнув, устремилась вниз в открывшуюся долину. Куда ушел царевич, я не видела.

Теперь меня окружали лишь камни, поросшие колючим кустарником, и кривые, почти прижимавшиеся к скале сосны. По правую руку тянулась обрывистая пропасть, а внизу на дне долины зеленело море деревьев.

Свой знак я обнаружила, когда тропа почти спустилась в долину. На высоком, отполированном ветрами каменном столбе был выбит лук Аннана, а рядом с камнем уже стояли две жрицы, одетые в серые длинные балахоны. Они молча приблизились и накинули мне на голову покрывало из плотной темной шерсти, совершенно непрозрачное, заметно приглушавшее звук.

Моей руки коснулась теплая слегка шершавая ладонь, и я послушно последовала в неизвестность.

Склоны горы Иират. Асмаррах.

Хоннитский царевич вынырнул из-за поворота внезапно. Если бы не звуки гонга, прозвучавшие немногим ранее, они бы пропустили все. Следовать за отрядом царевны, оставаясь при этом незамеченными, было сложно. Последние два дня прошли в постоянном напряжении. Этим утром все надеялись хоть немного отдохнуть, затаившись чуть ниже того места, где заканчивалась тропа. Хорошо, что Кайлас отыскал едва заметную тропку, уходившую немного вправо и вбок. Спустившись по ней совсем немного, они нашли небольшую группу валунов, образующих неглубокий закуток. Здесь можно было хотя бы сесть и прикрыть глаза, не боясь сорваться в ущелье. Горечь от нартыша уже комом стояла в горле, несколько часов отдыха были необходимы.

Звон металла прорезал воздух спустя всего три часа. Маршах растолкал Асмарраха и Кайласа. Нужно было немедленно подниматься вверх, чтобы понять, куда направится отряд, но не успели шпионы сделать и сорока шагов, как на них буквально вылетел хоннитский мальчишка. Что самое удивительное, он был совершенно один и без оружия.

При виде трех незнакомых мужчин его глаза удивленно расширились. Сейчас в Асмаррахе и его спутниках никто бы не признал славных воинов Самира. Более всего они смахивали на лихих людей из горных племен, периодически устраивавших набеги на караваны.

Мальчишка немного притормозил, поскользнувшись, а потом со всех ног припустил по тропе, даже не попробовав повернуть назад или позвать на помощь спутников, что расположились всего парой сотен метров выше.

Асмаррах и Кайлас молча рванули за ним, а Маршах продолжил подниматься, чтобы выяснить, как обстоят дела в лагере. Еще совсем недавно, в предрассветных сумерках, они явно видели, как люди из сопровождения царевны начинали обустроить стоянку, явно намереваясь сделать долгий привал.

Хоннитский юнец бежал как молодой олень, за которым гонится свора волков, едва не срываясь вниз на опасных поворотах. Более грузный Кайлас немного приотстал, а Асмаррах медленно сокращал дистанцию. Наконец, он схватил убежавшего царевича за край плаща, и они вместе покатались под откос. От падения в пропасть их спасло корявое бревно, бывшее когда-то сосной и еще упрямо цеплявшееся за скалы побелевшими скрюченными пальцами высохших корней.

Самирит в одно мгновение оказался сверху и прижал побледневшего хоннита к земле. Юноша застонал, из рассеченного виска потекла кровь.

— Куда ты так спешил, и где царевна? — злобно зашипел Асмаррах, локтем слегка сдавив шею юноши. — Где она, отвечай!

Хоннит отрицательно покачал головой, но не проронил ни слова. В его глазах горели упорство и решимость.

— Отвечай, или я придушу тебя прямо здесь! — наследник Самира явно не шутил, но юноша только упрямо мотал головой.

— Ну хорошо, не хочешь по-хорошему, могу и по-плохому. Посмотрим, насколько ты смелый!

Асмаррах тяжело поднялся и поставил пленника на ноги. Правый бок сильно саднило, возможно, при падении он повредил ребра. Но упрямство хоннитского сопляка сейчас бесило сильнее. Царевич ощутил, как гнев закипает в жилах, заглушая боль. В другом месте и в другое время он сдержал бы себя и поступил мудро, но сейчас мальчишку хотелось просто придушить или сбросить с обрыва. Наделать глупостей помешал Кайлас, наконец-то догнавший их.

— Пстой, командир, не спеши! — крикнул охотник, скользя вниз по осыпи. — Не спеши... Нужно дождаться вестей от Маршаха, да и я, кажется, понял, куда так спешил этот юноша.

Асмаррах удивленно повернул голову, время шло, и злость утихала.

— Ты правильно сказал, убить я его всегда успею. Так куда, по-твоему, так торопится этот...

Правильных слов молодой мужчина не находил, всех известных оскорблений ему сейчас оказалось недостаточно.

— Думаю, ответ ждет нас внизу. Возможно, он тоже должен участвовать в тех испытаниях, что предназначены твоей царевне.

— А ты прав, Кайлас, это почти все объясняет. И гонг, и ответный звон. Там внизу должно быть и сокрыт храм!

Асмаррах снова посмотрел на бледное лицо беглеца. Юноша был здорово напуган.

— Благодарю этого воина, он спас твою никчемную жизнь! Можешь ничего не говорить, скоро я и так все выясню. Уж не знаю, чем думает старик Маарш-а-Н'мах, отдавая свою дочь такому сопляку, как ты, но поверь, я не намерен сидеть сложа руки и смотреть на это. Я займу твое место и сейчас и потом!

Глаза молодого мужчины гневно сверкнули, и он отшвырнул пленника прямо в объятия своего хмурого напарника.

— Подержите его немного, Кайлас, пока я спущусь и разведу, что там и как. И спасибо, что остановил меня. Я твой должник.

Асмаррах начал тяжело подниматься вверх по осыпи, выбираясь на тропу.

— Не говори с теми, кто встретит тебя, и сделай все так, как они велют! — донесся ему в спину жалкий крик хоннитского мальчишки.

— Уж поверь, мальчик, я справлюсь лучше тебя! — зло бросил он в ответ и заспешил вниз по тропе.

Тайный храм Двоих. Юолимпин

В храме царит полумрак. Жрицы, встречавшие меня, молча указывают мне на одну из комнат, ничем с виду не отличающуюся от остальных, открывавшихся по обе стороны коридора. Там уже ждут другие служительницы, которые разоблачают меня и совершают ритуальный обряд омовения. С этого начинаются все ритуалы.

Облачение. Наверное, никогда на мне не было столько украшений, как сегодня. Лазуритовый убор и тяжелый парик водружены на голову, плечи почти полностью закрыл плотный воротник из золотых и лазуритовых бусин. На этот наряд отец, наверняка, потратил

огромные средства.

Меня, сейчас живое воплощение Иинат, вводят в полутемный просторный зал, где в дрожащем отблеске факельного огня и сладком дыму курительниц богине предстоит выполнить свой долг.

Грянули бубны и барабаны, глухим звоном рявкнули бубенцы в руках других танцовщиц, облаченных в прозрачные белые одежды. Девушки плотным кругом обступают меня. С языка словно сами собой срываются слова:

На главе моей — небесный венец,
На челе моем — жизни печать,
Я иду туда, где всему конец,
Я иду туда, чтобы жизнь начать!

Я пою заученные слова, и ноги сами начинают танец. И танец это только мой, царевна не знает его движений. Долгими вечерами Каи по памяти учила меня этому сакральному обряду.

Девушки с бубнами и тамбуринами словно бы с неохотой расступаются передо мной. Прочь, прочь, Богиня идет!

Ожерелье мое охранит от беды,
На руках моих — правда земного суда.
Небо, плачь обо мне, не жалея воды,
Кто вступил сюда — не уйдет никогда!

Длинный темный коридор открывается в скальной стене, словно по волшебству. Призрачные руки протягивают мне чашу с приторно сладким напитком. Послушно делаю большой глоток. А за спиной жрицы в белых одеждах все молят меня вернуться и не вступать на выбранный путь. Но поздно, Богиня вступает на путь мертвых.

Золотые запястья светом полны,
Груды сеткой прикрыты «Приди ко мне!»*
Но не смей, заклинаю светом Луны,
Прикасаюсь к ним, думать не смей обо мне.

Мои ноги несут меня по темному пути. А вокруг волнуется, неохотно расступаясь, тьма. Где-то впереди мне слышится мелодия флейты, и я спешу на зов. Где-то там, вдали, меня ждет счастье, и мое тело предчувствует это.

Бедра мои желаньем полны,
Но не смей повязки из злата снимать.
На границе света и власти тьмы
Ты сумей меня ото сна удержать.

Руки, призрачные руки тянутся ко мне со всех сторон, подобно голодным жителям иссушенной засухой Карешской земли, и я снимаю с себя богатое ожерелье из лазурных

бусин и протягиваю его в темноту. «Берите, но пропустите меня вперед!» Взамен ожерелья мне протягивают еще одну чашу с питьем. Оно обжигает, как настой из перца, и сразу безумно хочется пить. Но я продолжаю идти вперед.

Темный туннель делает плавный поворот, и дорога начинает идти под гору. Внезапно из темноты возникает тонкая нить паутины и задевает мое лицо, но я не сбавляю шаг. Паутины становится все больше, и я начинаю танцевать. Взмахи бусинных нитей на поясе и острые края амулетов юбки режут нити легко и просто. Но на моем пути вырастает невидимый страж и с волшебным «оружием» приходится расстаться. «Пропусти меня! Решение мое крепко!» — произносят губы, и темный страж исчезает, оставив в моих руках напиток горький, как страх.

А туннель спускается все ниже и ниже. Холодный воздух струится по ногам, заставляя их двигаться, а вокруг появляются тени. Мужские тела льнут ко мне, хватают за руки, за плечи, но я пытаюсь вырваться. Ажурная сетка из мелких бусин, прикрывающая мои груди, рвется, но вместе с ней исчезают и похотливые руки. «Пропустите меня, я не сверну с пути!» На прощание мне остается чаша простой воды. Я жадно пью, утоляя мучительную жажду.

С каждым поворотом мне приходится расставаться с охранными амулетами. Снимаю тяжелые запястья, чтобы избавиться от навязчивых голосов. Липкие руки людской зависти стягивают с моих рук браслеты правды. От выпитых зелий начинает кружиться голова.

Внезапно коридор сужается. Теперь его можно преодолеть, лишь опустившись на колени. Острые камни в кровь режут нежную кожу, но, стиснув зубы, я ползу. «Пропустите меня!» — вырывается из моей груди отчаянный крик, и невидимые руки стаскивают с головы парик и венец.

Нагая и босая, я продолжаю свой путь во тьме.

Внезапно острое лезвие клинка легко касается моего горла. Замираю; сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. «Готова ли ты заплатить последнюю цену? — спрашивает бесплотный шепот. — Готова ли ты отдать свою жизнь за свою цель?»

Перед глазами колышется непроглядная тьма. Ни одного звука, только словно шелест невидимых крыльев за спиной и голос, бесплотный голос.

«Готова ли ты?» — звучит в моей голове.

— Да, я готова, и я не отступлю! Возьми мою жизнь, но дай желанное!

Собственный крик оглушает. Холодное острие пропадает, и я чувствую, как на пол с легким печальным звоном падает моя последняя защита — лента жизни. Теперь остается только умереть!

Солоноватый напиток касается моих губ, он пахнет словно кровь, но пьянит как крепкое вино. Сознание начинает меркнуть. Еще слышны голоса, поющие поминальную песнь по мне, но сопротивляться охватившему все тело оцепенению — нет сил.

Я существую где-то на границе яви и сна, не покинув этот мир и не имея больше сил присутствовать в нем. Мою спину холодит каменная плита, воздух пахнет сыростью и факельным дымом. Время тянется как кисель.

— Открой глаза, жена моя! Нет сил больше томиться одному! Вернись ко мне!

Знакомый голос произносит ритуальные слова. Сейчас они кажутся мне путеводной нитью. Мужской голос, голос из моих снов, зовет меня, называет любимой, клянется, что будет рядом. И я верю, но не могу пошевелить даже пальцем. Я пытаюсь очнуться, но не могу.

Моих губ касаются его горячие губы, я чувствую их страсть и нежность. Знакомый

терпко-пряный аромат приятно щекочет ноздри, пробуждая воспоминания о залитой солнцем бескрайней травянистой равнине, где каждую весну расцветают тюльпаны. Как же будет хорошо, если он отвезет меня туда!

Мое тело чувствует горячие прикосновения его рук, обжигающие поцелуи его губ и слезы. Да, я чувствую, как слезы текут по его щекам! И еще я слышу слова, но разобрать их слишком трудно. Любимый клянется, что-то обещает, но я не в силах ответить ему.

Но почему ОН здесь? Разве он мог очутиться здесь? Разве не уехал, обиженный людской молвой? И если здесь он, то где же тот, с кем она обязана связать свою жизнь? Но разве в сердце я не мечтала, чтобы это был именно он?

Горячие руки ласкают мое неподвижное тело, словно пытаюсь вдохнуть в него жизнь. Где-то в глубине своей души я протягиваю навстречу руки и зову, но ни звука не слетает с холодных губ.

«Согрей меня, вдохни в меня жизнь! — беззвучно молю я, цепляясь за каждое ощущение своего тела. — Спаси меня! Спаси!» Но сознание угасает, погружая меня в бесконечную пустоту

Тайный храм Двоих. Асмаррах.

Гнев все еще бурлил в нем, когда Асмаррах достиг камня, под которым стояли двое жрецов, но любопытство пересилило, и он позволил закрыть себе глаза.

Все наставления были до смешного банальны. Посвященная Аннану не может быть девицей! Казалось бы, чего проще? Уж по этой части молодой мужчина был вполне опытен, не в пример тому хлипкому юнцу, которого прочили царевне в мужья. По крайней мере, все девицы, которых он одаривал лаской, выглядели крайне довольными и не отказывались от добавки.

Но на этот раз все было не так. В тот момент, когда лысый дородный жрец ввел его в зал и снял с глаз повязку, Асмаррах всем телом ощутил страх. Неконтролируемый, темный, разлитый в воздухе страх.

Это чувство, разумеется, было ему знакомо, но в таком чистом виде он испытывал его очень давно, в раннем детстве, когда старшие братья, якобы в шутку, столкнули его в холодные воды реки. Плавать пятилетний Асмар не умел, а потому сперва очень испугался. Однако жажда жизни, всегда ярко пылавшая в сердце царевича, пересилила страх, и он сумел выбраться. В тот момент он решил, что никогда больше не позволить себе бояться.

Здесь же страх был не его. Он шел извне. От центра пещеры, где в неровном свете факелов девушки-плакальщицы совершали погребальный обряд по телу, что лежало на высоком плоском каменном алтаре. Асмаррах хотел было подойти ближе, но жрец мягко придержал его, показывая, что еще не время. И только тут мужчина осознал, КТО там лежит!

На сердце стало тревожно. Скорее всего, это просто обряд, но а если? Его драгоценную жрицу, ту, что принесет в его землю радость Великой Матери, уже пытались отравить. Что если полоумные жрецы подкуплены врагами из дворца? А если этот обряд больше, чем ритуал, и не всякое тело выдержит его?

Царевич яростно остановил бег панических мыслей в своей голове. И глубоко вдохнул, чтобы успокоится и собраться.

Конечно, во всем виноваты курения, которые пропитывали каждый глоток воздуха в этой пещере. Их сладковатый аромат, скорее всего, и порождает чувство всеобъемлющего страха. Теперь ситуация была знакомой, а потому — больше не вызывала беспокойства.

Однажды его отряд уже пытались одурманить жрецы Кесхала, одного из свирепых божеств Асурей, когда самирийцы захватили их город и земли. Тогда многие бойцы видели странные тени и слышали манящие голоса. Слава Владыке Эну**, этот дым был опасен, только если вдыхать его слишком долго, и большинство воинов пришло в себя после боя. Темным богам досталось всего несколько душ.

Жрец, стоявший возле него, был спокоен, значит, опасности не было.

Плакальщицы, между тем, завершили свой скорбный ритуал и длинной вереницей покидали зал, унося с собой факелы. Теперь алтарь освещало только слабое красное свечение жаровен-курительниц.

Жрец подтолкнул мужчину вперед. Теперь пришла его очередь выполнять ту часть ритуала, для которой он был избран.

Двадцать пять шагов — Асмаррах считал — отделяло его от плоского камня с распростертым на нем неподвижным телом. Двадцать пять! И с каждым шагом страх все крепче сжимал горло. Ритуальные фразы прозвучали глухо, утонув в бархатной тьме.

Она, это была действительно она! Златокудрая маленькая жрица неподвижно лежала на холодном камне совершенно нагая, ее широко открытые глаза отрешенно смотрели в пустоту. Да, она была красива, совершенна, божественна! Еле освещенное красными углями тело, казалось, светилось в темноте. В любое другое время он почувствовал бы жгучее желание от такого зрелища. В мечтах он не раз представлял себе ее без одежд, сладко стонущей от его ласк. Представлял, как будет наслаждаться ее гибким телом, вдыхать сладкий аромат кожи, целовать. Да что там, еще несколько часов назад Асмаррах и поверить не мог, что его участие в ритуале обещает быть таким приятным — исполнить роль Аннана для своей возлюбленной Иинат! Тогда он благодарил Эну, что заменил собой этого... мальчишку.

Но сейчас молодой мужчина чувствовал страх, сковывавший все тело, словно он не был воином, испытавшим ярость битв, словно это не он безжалостно разил врагов. Женское тело на холодном камне было мертвым! Он опоздал и она умерла? Он заменил собой другого, и богиня, разгневавшись, убила ее?

Нет! Исполнить роль Аннана имел право любой мужчина, любой жрец из храма мог бы заменить его! Но тогда почему девушка так холодна, почему не дышит?

Асмаррах обхватил руками ледяные плечи и поднес губы к ее лицу, пытаясь уловить движение воздуха. Жрица еще дышала, но медленно и неглубоко. Он припал к ее груди, сердце едва билось, тихо, словно бы неохотно. Вот еще удар, и царица заснет мертвым сном.

Его собственное сердце, наоборот, стучало за двоих. Даже в самом тяжелом бою он не боялся потерять собственную жизнь, как сейчас боялся потерять ее. Девушку, укравшую его чувства в один миг. Да что там, похитившую его душу и разум. Никогда еще молодой царевич не испытывал такого страха. Никогда ни одна женщина не была ему дороже собственной жизни. Асмаррах был уверен, что любовь — это всего лишь временная страсть. Обычно он добивался взаимности и довольно быстро остывал. Но вот теперь он целовал ее бледную холодную кожу, губы, а из глаз катились слезы.

Он не помнил, когда в последний раз плакал, разве что наевшись жгучего лука. А теперь душа разрывалась от невыносимой боли. Он желал только одного — чтобы девушка открыла глаза, сказала хоть слово, да что там, пусть она ударит, закричит, прогонит его, но придет в себя. Но богиня ушла в нижние земли, и вернуть ее можно было лишь одним способом.

В первый раз мужчина не хотел этого, в первый раз за всю свою «веселую» жизнь он не хотел женщину. Вернее нет, хотел, желал, мечтал, но не так и не здесь!

Нет, она должна столь же страстно желать его. Танцевать под лаской его рук, жаром его губ. Он мечтал заглянуть в ее глаза в миг единения и увидеть в них счастье. И после уже не захочется прикасаться к другим женщинам, зачем, если обладаешь таким сокровищем, мечтать о грудке камней?

Как же трудно заставить себя. Даже зная, что если не сможет он, то это сделают другие. Он не может этого допустить!

«Асмаррах! — словно шелест ветра звучит его имя. — Вдохни в меня жизнь!» — слова слетают с ее холодных уст еле слышным шепотом. Прозрачные глаза наполнены темнотой и пусты. Губы уже снова безжизненны. Неужели она узнала его? Или это Иинат?

Он не должен позволить ей умереть, он должен помочь Богине возродиться и он сделает это.

Примечания:

*Груды сеткой прикрыты «Приди ко мне!» — название ритуального украшения.

**Слава Владыке Эну — *Небесный Отец, верховное божество самирского пантеона.*

Дорогие читатели! У меня сегодня День рождения! Буду рада лайкам особенно сильно!

Глава 17. Из двух зол выбирать не стоит

Гора Иират. Асмаррах

Асмаррах покинул храм в смятенном состоянии духа. Все произошедшее в святилище нелегким грузом лежало на душе. Что он теперь должен сделать? Убить хоннитского щенка? Отдать ему ту, что дороже жизни? А что скажет она сама? Вспомнит ли, кто был с ней в эту ночь?

Ответ на последний вопрос, скорее всего, был отрицательным. Одурманенная ядовитыми воскурениями девушка была почти без сознания. Но вот хоннитский мальчишка все понял и может рассказать. Но осмелится ли? Чтобы признаться девушке в подобном — нужно относиться к ней как к вещи. На это юнец вряд ли способен. А вот если он не знал, на что шел, и поведает, как злобный самирский царевич занял его место? Тогда царевна возненавидит обоих, но лично его — проклянет или выцарапает глаза или... Фантазия дарила множество вариантов, кроме того, где белокурая жрица тает от счастья в его объятьях.

Необходимо срочно найти ребят и убедиться, что с пленником все в порядке. А потом по-мужски объяснить мальчишке, что нужно держать язык за зубами, если вообще хочешь их иметь. Только как быть с ранами? Ничего, можно что-нибудь придумать. Главное, сгоряча не прибить конкурента. Этого ему точно не простят.

Ласковые лучи солнца уже расцветили горизонт, наполнив горы золотистым светом. Остывший за ночь воздух охлаждал кожу, и это очень отрезвляло. Из темного святилища он ушел почти час назад, когда холодная кожа девушки начала потихоньку теплеть, а дыхание стало более явным. Дольше оставаться было нельзя, иначе...

Асмаррахе казалось, что страх, испытанный в святилище, пустил в его теле корни. Только теперь он боялся ее ненависти. Скажи ему кто об этом раньше — рассмеялся бы в лицо. В его мире все решалось силой или богатством. Эта женщина должна быть с ним, иначе теперь и быть не может. Но принуждать ее царевич не хотел, милость Богов так не купишь.

Сейчас он бы с радостью забыл вчерашнюю ночь, но бледное безжизненное лицо не исчезало. После всего, что произошло, он сейчас чувствовал себя грязным, запятнанным. Никакие «прелести» войны и дворцовые «хитрости» не вызывали таких чувств. Даже когда пришлось участвовать в суде против братьев, которые бездумно решили, что владыка слишком задержался на троне. А потом «помогать» им с честью сойти в нижние земли вместе со всеми близкими. Все это не тронуло царевича — родных он не слишком-то любил, разве что бабушку.

А тут эта маленькая жрица стала для него всем, заставляя забыть благоразумие и совершать глупости, каких он не творил даже будучи шестнадцатилетним юнцом! Сейчас же ему было двадцать три, и Асмаррах полагал себя серьезным мужчиной, не раз командовавшим отрядами и выигрывавшим битвы. Иным способом добиться уважения отца было невозможно. Теперь владыка сына ценил, солдаты — любили, придворные — боялись. И вот он, всегда просто забиравший желаемое, старается подобно змее извернуться, чтобы выглядеть хорошо в глазах девушки!

Парни дожидались его на их старой стоянке. Мальчишка, связанный и с кляпом во рту, был тут же. Подумать только, они сидят прямо под лагерем с десятком солдат, а их никто не

заметил!

Мархаш хотел было расспросить командира о том, что с ним было, и где тот пропадавал всю ночь, но Асмаррах, заговорил первым:

— Мне нужно поговорить с пленным с глазу на глаз. От этого зависит, как мы будем действовать дальше.

Воины кивнули и отошли на тропу.

Самирский царевич присел рядом со связанным юношей.

— Если выну тряпку, орать будешь?

Тот отрицательно замотал головой.

— У меня к тебе серьезный разговор. От этого зависит и твоя, и моя судьба. Скажи, ты знал, что тебе предстояло выполнить в храме, когда шел туда?

Юноша опять замотал головой и просипел:

— Пить!

Асмаррах огляделся вокруг, подцепил полупустой бурдюк, открыл и приложил его к губам пленника. Тот глотал воду жадно.

«Надо будет поговорить с парнями и об этом», — подумал командир, глядя на тощего царевича.

— Нет, — выдохнул юноша, утолив жажду, — я не знаю, что там должно было происходить. Юилиммин-даша просто просила, чтобы я сделал все, что меня попросят, и не расспрашивал жрецов. Надеюсь, что ты поступил так.

— Уж поверь! — молодой воин сплюнул на землю и еще больше помрачнел.

— Слушай, — продолжил он после некоторой паузы, — если ты поклянешься сейчас, что никогда не обмолвишься о том, что я «заменял» тебя в храме — я отпущу тебя. Но если ты нарушишь слово — найду и заставлю горько пожалеть об этом. Поверь, я это умею!

Он снова замолчал и пристально посмотрел в глаза пленнику.

— Если же ты не хочешь сохранить все в тайне, то мне придется убить тебя прямо здесь и сбросить в пропасть. Мне все равно, что из этого ты выберешь.

Юноша сглотнул, взвешивая варианты.

— Я согласен молчать. Но если Юилиммин-даши спросит меня об этом, что ей отвечать?

Асмаррах снова сплюнул. Этот мальчишка бесил его. Бесил, называя ее по имени, бесил своей наивностью и тем, как легко согласился молчать. Но надо держать себя в руках. С тех пор, как он побывал в логове Кесхала, воинственный бог иногда туманил сознание, превращая гнев в бесконтрольное неистовство.

— Поверь, она не спросит. Разве что об этом, — он указал на запекшуюся у виска кровь. — Но ты уж придумай что-нибудь. Очень спешил и упал, например.

— Но что же там было? Если все же спросит? — этот юнец явно не понимал, что буквально ходит по краю.

— Может, я все же сброшу тебя с обрыва и избавлю от ненужного любопытства? — сарказм так и сочился из уст молодого воина. — Говорю тебе, не спросит. Это же тайный обряд! Да поразит меня Эну, если я не прав! Ты мне должен быть благодарен, что не был там.

— А если все же спросит, то скажи, что жрецы опоили, и ей все привиделось, — мрачно заключил он, помолчав еще немного.

Асмаррах даже боялся подумать о том, что скажет он, если спросят его. Мужчина

поднялся, сходил за товарищами, а потом развязал веревки и протянул хоннитскому царевичу узкие полоски ткани, которой воины обматывали руки, чтобы побережь суставы.

— На вот, воспользуйся, пока следы от веревок не пройдут. И помни, я слежу за тобой, если слово нарушишь — умирать будешь о-о-очень долго, чтобы до конца осознать, как был не прав.

Юноша кивнул, кое-как замотал запястья негнущимися пальцами и тихо побрел по тропе наверх.

— Все, нам нужно уходить отсюда! — коротко скомандовал царевич, когда тощая фигура хоннита скрылась за поворотом.

— Ты хоть потом намекни, что там было то? — тихо бросил ему Мархаш, когда они спустились почти наполовину.

— Не уверен, Боги не любят, когда непосвященные узнают их тайны, — отозвался царевич. — Я бы и сам предпочел забыть о том, что там было. Важнее понять, для чего все это было. А для этого нам нужно поговорить со жрецами Аннана, и желательно это сделать как можно быстрее.

Воины тенью следовали за Кайласом, выбиравшим наилучший путь отступления.

— Нам надо узнать, нет ли вестей из дома, и не потерять жрицу, — добавил все еще мрачный Асмаррах, немного погодя. — Кайлас, ты сможешь быстро вывести вниз прямо к нашим?

Охотник кивнул. К сумеркам они спустились вниз и воссоединились с остальными.

Гора Иират. Юолимпин.

Из мрачных объятий тайного святилища я выбралась через сутки после обряда, если верить тонкому серпику нарастающей луны. «Воскресшую» славили, и мне полагалось пройти еще несколько обрядов, чтобы дальше уже самостоятельно завершить весь путь посвящения Аннани. Жрецы — на этот раз со мной говорили уже мужчины — объяснили, какие храмы и в какие дни я должна посетить, учили правильным фразам, а моя голова все кружилась. Пробуждение было тяжелым, голова гудела, словно с жутчайшего похмелья. «Главное, со всеми этими ритуалами не стать законченной наркоманкой!» — думалось мне. То, чем меня опоили в пещере, могло быть маковым молочком или какой-то смесью других галлюциногенов. На уме постоянно вертелось про грибы. В любом случае, нужно постараться не употреблять жидкостей, предлагаемых в храмах. Ведь если бы я не пила, а больше проливала, то могла бы оставаться почти в сознании. «А ты точно хотела бы этого?» — ехидно поинтересовался внутренний циник. Пожалуй, нет. Ведь в холодном мраке пещеры со мной был не Энмер-ани, а тот, кого я в последнее время все чаще видела во снах. Хотя, я была не уверена, что это не иллюзия, навеянная галлюциногенными травами.

На поляну, где меня ожидали служанки и охрана, я выбралась только к вечеру, так как видеть людей мне совершенно не хотелось. Выбралась и упала в заботливые руки свиты, которая тут же развила бурную деятельность. Среди всех этих лиц меня интересовал только Энмер, бледный, встревоженный и немного смущенный. «Значит, привиделось, хорошо, если я там в бреду не наболтала лишнего!» — озабоченно подумала я, подмечая, как царевич стыдливо прячет глаза.

Спустившись в долину, наш маленький отряд должен был пополнить запасы продовольствия, истощившиеся за дни, проведенные в горах. Было решено дойти до ближайшего поселения на берегу Иреша. И отослать весточку в Ассубу — сообщить владыке,

что все идет как задумано.

Погода за последнюю неделю немного поменялась и погода. Днем над травянистой равниной все еще светило жаркое солнце, но к вечеру все чаще принимался дуть порывистый ветер, быстро унося тепло. А в ночном небе падали звезды, подтверждая название месяца — Небесная жатва. Совсем скоро начнется и земная.

Мой путь лежал теперь к Воротам Рассвета и Заката, тем самым, которые я видела лишь разрушенными. Там находился один из самых больших храмов Аннана, пользовавшегося большим почитанием в хоннитских землях. А далее нам предстояло двигаться на север вдоль горной гряды, по очереди посещая все алтари, чтобы до конца этого года объехать всю карешскую долину, как бы принимая ее под свою руку. Так поступали все наследники и получившие власть правители.

Дорога была все так же утомительна и неспешна, но я начала привыкать к здешней походной жизни. К тому же ранним утром, когда наш обоз начинал движение, теперь было немного прохладнее, и я решалась выбираться из своего «гроба на колесиках», чтобы проехать часть пути верхом. Такой способ передвижения не был быстрее, так как Энмер просто сажал меня боком на свою лошадь, а сам вел ее под уздцы, но гораздо приятнее.

Воины моего отряда теперь вели себя более дружелюбно, достаточно было показать украшавший тыльную сторону запястья знак Небесного охотника. Женщиной я от этого быть не переставала, но становилась допущенной, признанной мужским божеством, а потому номинально равной мужчине.

Свежие шрамы знака адски болели, но эта боль жестко удерживала меня от того, чтобы опустить руки. А ведь хотелось, очень хотелось забросить все и вернуться в Ассубу под отцовское крыло, снова гулять с Энмером по крышам дворца и танцевать в храме Всеблагой. Но в столице меня ждали и враги, к которым у меня не было шансов подобраться. Здесь моей жизни почти ничего не угрожало. Все воины были надежны и преданны владыке, шпион мог притаиться лишь среди прислуги. Пришлось просить старшего над десятком Асмата-ина приглядывать за ними, не позволяя покидать лагерь без сопровождения.

Ворот мы достигли, когда лунный серп раздобрел более чем наполовину. У подножия гор, раскинувшись по обе стороны от широкой дороги, лежало небольшое поселение, образовавшееся здесь за время строительства и теперь ставшее центром торговли и обмена. Низенькие, но сложенные из камня квадратные домики, словно ласточкины гнезда, лепились один к другому, облегчая труд строителей, которым приходилось возводить на одну стену меньше. Низкие каменные ограды отделяли один такой квартал от другого и от торговой площади, на которой, несмотря на поздний час, все еще было довольнолюдно.

Наш отряд остановился за городской чертой на каменистом берегу Иреша, который спускался с перевала бурным пенным глубоким потоком. Деревьев здесь почти не было — все были вырублены во время строительства на хозяйственные нужды. «Надо велеть засадить берега, это укрепит их, и поможет реке оставаться полноводной в жаркий сезон», — подумала я, осматривая окрестности.

Завтра мне предстояло посетить храм между Врат и подтвердить там свой статус. Все это немного беспокоило и мешало заснуть, а потому, даже когда совсем стемнело, я все еще стояла на каменистом берегу, глядя на бегущий вниз речной поток.

— Тебе не холодно, Юилиммин-даши? — спросил Энмер, появляясь за моей спиной. В реве реки расслышать шум шагов было невозможно.

Я оглянулась. Юноша держал в руках мой шерстяной плащ. В последнее время он стал

грустным и очень заботливым. После обряда царевич почти не прикасался ко мне, разве только подсаживая или снимая с коня, прекратились и его неловкие попытки приобнять, взять за руку. Неужели он теперь стыдится того, что было в храме?

Мне же наоборот, хотелось, чтобы рядом был кто-нибудь сильный, любящий, способный поддержать, если закончатся силы. И я решилась на разговор, ведь не позднее чем через два месяца мне предстояло назвать этого молодого человека своим мужем, и любая недосказанность могла только помешать.

— Энмер-ани, скажи, что заботит тебя? — я повернулась к нему и потянулась за плащом, нарочно коснувшись его руки. Юноша вздрогнул, словно его ударило током.

— Почему ты теперь сторонись меня? Я больше не нравлюсь тебе?

Впалые щеки царевича залила краска, совсем как у девушки.

— Нет, прекрасная, я не отстраняюсь, — попытался неловко соврать он, отпуская плащ, чтобы убрать руку. — Просто...

Юноша замялся, не находя нужных слов. А потом все же решился и поднял на меня большие темные глаза, обрамленные густыми ресницами. В них плескалось тревога и еще что-то, показавшееся мне стыдом.

— Мне трудно об этом говорить, но, боюсь, я прогневил Богов, — прошептал он.

— Но чем? — я подалась вперед и поймала своего нареченного за руки. Он снова дернулся, но позволил удержать себя.

— То, что было тогда, — воля Богов. Они не могут гневаться! Обряд завершен, я получила знак благословения, и теперь все будет хорошо. Остались лишь формальности, ну, почти... — я старалась быть как можно более убедительной.

— Я не могу рассказать тебе, чем навлек на себя проклятие, прекрасная, но поверь, я жалею теперь, что не выбрал смерть.

Мои глаза расширились от изумления. Столь удивительных откровений я не ожидала. Ритуал совершенно не угрожал жизни того, кто исполнял волю Аннана.

— Кто и когда угрожал тебе, Энмер-ани? Прошу тебя, не скрывай от меня ничего, иначе Боги не благословят наш союз! — решила слегка надавить я, но царевич от таких слов только помрачнел и как-то съежился.

— Простишь ли ты меня, если я ненадолго вернусь на родину? — неожиданно спросил он. — Мне нужен совет, который сможет дать только мужчина из моего рода. Но поверь, я не собираюсь сбежать! Просто мне нужно время, чтобы во всем разобраться.

Я молчала. Энмер все дни был единственной моей отдушиной в этом паломничестве. Моим единственным собеседником и другом. А вот теперь он покидает меня. Бежит, гонимый неизвестной причиной.

А что, если он не справился, ну там, в храме... Не смог... с мужчинами такое бывает. А теперь не может простить себе подобный промах? Тогда понятно, почему ему стыдно, это все объясняет!

Мои щеки от таких мыслей залились румянцем, но любопытство взяло верх.

— Энмер-ани, скажи мне, нравлюсь ли я тебе? Может быть, я слишком смущаю тебя? — я старалась говорить как можно более нежно.

Юноша снова покраснел. Я сжала его горячие, слегка влажные руки.

— Ты смущаешь взор любого мужчины своей красотой, Юилиммин-даши, — пробормотал царевич.

— Я спрашивала лишь о тебе, Энмер-ани! — продолжала настаивать я, еще больше

вгоняя юношу в краску. — Быть может, ты стесняешься меня, так как...

Я не договорила, понимая, что тема крайне опасная. Но, кто знает, может, царевичу я нравлюсь только как собеседник, а в этом плане у него другие интересы. На востоке, например, это вполне практиковалось.

Чтобы проверить правильность своего предположения я в один шаг оказалась рядом с юношей и прижалась к нему. Как же я была неправа! Царевич оказался мужчиной вполне традиционных наклонностей, который от подобной близости красивой девушки легко заводился. Мне даже стало неловко от подобных ощущений, но Энмер-ани не отстранился. Наоборот, он обхватил меня своими длинными руками и прижал к себе, зарываясь лицом в мои волосы.

— Как ты могла подумать, что я не желаю тебя, прекрасная! Как ты могла! — горячо шептали его губы. — Если бы я только был в силах, если бы я только мог изменить прошлое!

Его ладони заскользили по моей спине, спускаясь ниже.

— Но сейчас я не достоин быть рядом с тобой, прекрасная. Не достоин любить тебя, не смогу назвать женой, если не исправлю своих ошибок! — шептал Энмер, а я слушала, как бешено колотится его сердце. О каких ошибках он говорит?!

— Но я стану достойным, обещаю! Я буду рядом с тобой, но я должен все исправить!

Царевич поднял голову от моего плеча и немного отстранился, чтобы получить возможность посмотреть на меня. Его глаза пылали, сейчас в них плясало почти такое же адское пламя, как во взгляде самирского наглеца, когда он распускал руки в ночном саду. От подобных параллелей мое сердце пропустило пару ударов.

— Прощу тебя, не спрашивай меня о том, что гнетет меня. Я не найду ответа сейчас. Но я докажу, что достоин быть рядом!

Сейчас юный царевич был даже почти красив для меня как мужчина. Его решимость наполняла его мужеством, а объятия были жаркими. Быть может, я смогу искренне полюбить этого мужчину, если избавлюсь от глупых мыслей о другом!

Даже в этот момент мне мешали воспоминания о человеке, который обнимал и целовал меня в темноте храма. Воспоминания, которые вполне могли быть просто плодом моего воображения! Но одна мысль о том, что такое могло случиться, повергала в шок. Самирский воин смущал и пугал меня, но вместе с тем привлекал, как горящая свеча глупого мотылька. От таких мыслей стало совсем не по себе, и я мягко высвободилась из все еще обнимавших меня рук.

— Хорошо, я отпускаю тебя, царевич Энмер! Ты волен покинуть Кареш и вернуться домой на столько, сколько тебе нужно. И я не стану спрашивать тебя о причинах твоих поступков до того, как нам настанет время приносить брачные обеты. Но обещай, что в этот день я узнаю все!

— Обещаю! Клянусь, я сам расскажу обо всем, как только это станет возможно! — юноша не пытался больше приблизиться ко мне. Но настроен он был очень решительно.

— Я отправлю с тобой десяток воинов, не спорь! — пресекла я все его возможные возражения. — В горах не очень спокойно, тебе ли не знать? И отпишу о нашем решении владыке. Он вышлет мне еще людей в сопровождение.

Царевич кивнул, соглашаясь, а я подняла упавший плащ и накинула на плечи. Теперь, когда сердце перестало так бешено стучать, стало холодно.

— Проводи меня, поговори со мной! — попросила я, чувствуя, что если он сейчас уйдет, то какая-то невидимая струна может оборваться.

Юноша кивнул, и мы пошли к шатрам, но разговор не клеился. Каждому из нас было о чем подумать.

На следующий день мы посетили Врата и их храм. Величие этого сооружения поражало! Пологий подъем до белоснежных стел у восточного входа был сложен из огромных каменных глыб. В мое время от него не осталось и следа, а сейчас эта инженерная конструкция поражала своей массивностью и размерами. На ее возведение ушло более десятка лет, услужливо напомнила мне память. Но теперь торговые пути проходили именно через Кареш, неся с собой богатство и процветание.

Сейчас хвалебные тексты на безукоризненной белизне стен легко читались с обеих сторон, и я чуть было не забыла, зачем пришла сюда! В глубине прохода, там, где в мое время валялись каменные глыбы, возвышался храм, похожий на застывшую каменную черепаху. А на западной стороне были видны хоннитские стелы, выполненные из серого гранита.

Ипроведя необходимые ритуалы, нам предстояло расстаться, и Энмер был немного обеспокоен, так как забирал с собой часть охраны.

— Я уже послала гонца в Ассубу. Не пройдет и недели, как владыка вышлет дополнительный отряд, — попыталась успокоить его я.

— Не задерживайтесь здесь слишком долго. В открытые врата проходят не только друзья! — обронил царевич, обнимая меня на прощание. После нашего разговора к нему вернулась часть прежней уверенности, и он старался не избегать меня.

— Я буду ждать твоего возвращения, Энмер-ани, да благословит тебя Серебрянорогий!

После его отъезда в лагере осталась ничем не заполненная пустота. Чтобы не чувствовать себя одинокой, я решила как можно скорее продолжить свой путь, и наш маленький отряд двинулся вниз по реке, чтобы найти удобное место для переправы. Мостов через быстропенный Иреш здесь не было. Бурный в начале года от талых горных вод, он более чем в два раза терял в своем объеме к концу эммиша — жаркого сухого сезона. Только сейчас через реку можно было переправиться, но сделать это следовало не у самых гор, где скорость потока была огромной, а немного ниже.

Дорог в этой местности не водилось. Травянистая равнина позволяла одиноким путникам перемещаться и так, а караваны реку не пересекали. Но наши телеги затрудняли бы переправу. На мое предложение оставить транспорт в городке, а с ним двух из трех сопровождавших меня служанок, особой поддержки сначала не встретили. Пришлось в качестве аргумента использовать то, что двигаться нужно достаточно быстро, чтобы в назначенный срок соединиться с подкреплением, которое будет ожидать нас у дороги на рудники. Мое паломничество предписывало посетить еще два алтаря, и наш путь лежал теперь почти строго на север, вдоль горного хребта.

С собой мы взяли четырех лошадей: для меня, служанки и тяжелой поклажи. С их помощью Асма-ина планировал не только ускорить наш путь, но и переправить нас через реку. Оставленные в придорожном городке повозки вместе с девушками должны были вернуться в Ассубу ближайшим караваном.

Так налегке наш изрядно поредевший отряд продолжал свой путь. Дневная жара в предгорьях была не столь изматывающей, позволяя ехать утром и вечером, пережидая самые знойные часы в тени какой-нибудь скалы. Первый алтарь был уже позади, по моим подсчетам оставалось три-четыре дня и мы окажемся совсем рядом с рудничной дорогой,

как я называла ее про себя.

Они напали в предрассветных сумерках, когда в еле светлеющем небе только начинали гаснуть звезды.

Меня разбудил какой-то шум, а окончательно заставил проснуться раздавшийся в утренней тишине сдавленный вскрик. Я подскочила на своем походном ложе как ужаленная. За светлым пологом моего шатра шла какая-то возня. На душе похолодело. Оружия у меня нет, да и что я своими ручонками смогла бы сделать, даже если бы имела кинжал? Защекотать врагов до смерти?

Возня не утихала, стало ясно, что там не на жизнь, а на смерть сражается кто-то из моей охраны. Прятаться мне было некуда, бежать тоже!

Служанка, мирно спавшая в моих ногах, тоже вскочила. В темноте шатра разглядеть выражение ее лица я не смогла, но почувствовала, что девушка в не меньшей панике, чем я.

Внезапно единственная спасительная мысль осенила меня. Надо разбудить всех, если еще не поздно, поставить на уши весь лагерь, тогда, может быть, нам удастся незамеченными ускользнуть.

— Кричи! Кричи изо всех сил! — рявкнула я на испуганную девушку и «включила сирену». Жаль, голосок у царевны был слабоват и высок. Ну, ничего, в два горла нас будет слышнее.

Эффект не заставил себя ждать, и лагерь взорвался криками и лязгом оружия. Видимо, нападавшие, не слишком удачно сняв часового, все еще надеялись на то, что останутся незамеченными. Почему не подняли тревогу часовые — оставалось загадкой.

Осторожно, стараясь не производить лишнего шума, кроме тех воплей, что издавала служанка, я приподняла край шатра. В предрассветных сумерках по поляне носились люди, сейчас больше напоминавшие духов нижнего мира. Почти все они сражались, но различить, кто свой кто чужой, мне не удалось.

За соседней стеной шатра болезненно вскрикнули, и полог откинулся, заставив притихшую было служанку испустить новый крик.

— Госпожа! — раздался тихий знакомый голос. — Госпожа, это я. Аснат!

Я вскочила и бросилась к темной фигуре у входа.

— Аснат-ина, что произошло? — испуганно прошептала я. — На нас напали?

Теперь я различала грубые черты его вечно спокойного лица, когда-то показавшиеся мне высеченными из скалы. Мужчина и сейчас был внешне спокоен, только на щеку ему стекала темная струйка, а из плеча торчала глубоко вонзившаяся стрела с темным оперением. Луки в Кареше вообще не использовали, предпочитая копья и дротики.

— Госпожа, вам необходимо немедленно бежать в горы и затаиться! — прохрипел воин, осматривая мое облачение. — Времени нет! Следуйте за мной!

Он почти до боли сжал мою руку и дернул, увлекая вдоль края шатра туда, где до кромки кустов, окружавших стоянку, было ближе всего. Я поморщилась, но удержалась от вскрика — мелкие камешки болезненно впивались в голые ступни.

До спасительных кустов мы почти добежали, когда на нас вылетели двое чужаков. Аснат выпустил мою руку и молча заслонил спиной, продолжая наше отступление в сторону зарослей. Нападавшие же времени терять не стали, насели на него сразу вдвоем. Начальник охраны коротко рыкнул и принял бой. Даже безоружный, он мог противостоять незнакомцам, но скоро в его руке засверкал один из вражеских клинков, и атаки стала еще

яростнее.

Я, забыв о страхе, смотрела на сражение. По всей поляне кипел бой, в предрассветных сумерках все было серым, и оценить число нападавших было невозможно. Мужчины дрались отчаянно, звенело оружие, раздавались вскрики раненых, но до победы одной из сторон было явно далеко.

Внезапно грубая мужская ладонь крепко зажала мой рот, и мир рухнул во тьму. Видимо, от неожиданного нападения не выдержали нервы, и сознание покинуло меня. Очнулась я довольно быстро, так как перед глазами у меня все еще виднелась наша поляна и дерущиеся на ней люди. Похититель же, перекинув меня через широкое плечо, словно мешок, быстро убегал в горы.

Я заорала изо всех сил, выжимая из легких весь запас воздуха. Эффект моего крика о помощи был плачевным. Темная фигура Асмата обернулась, привлеченная воплем, и страж тут же пропустил удар от одного из своих противников. Громадное тело рухнуло, исторгнув из моей груди новый вскрик, а двое нападавших довольно резво бросились за нами. Я удивленно вскрикнула.

Мой похититель оглянулся, привлеченный моим «ахом» и припустил вдвое быстрее, отчего-то не обрадовавшись перспективе встречи с теми двумя. Может, у них спор, кто быстрее меня похитит? Мое безвыходное положение пробудило дремавший глубоко внутри сарказм.

— Не хочешь делиться добычей с другими? — язвительно спросила я, когда мой пленитель переводил дух за одним из высоких валунов.

— Заткнись, сиятельная, и не мешай! — грубо буркнул он в ответ и снова рванул с места, довольно сильно сжав мои ноги.

— Нелегкое дело царских дочерей похищать? — не унималась я, смекнув, что нужна грубияну живой. В противном случае он давно бы перерезал мне горло.

— А как ты думаешь? — съязвил похититель и, словно в отместку, легонько шлепнул меня по попе.

От таких вольностей я только больше рассердилась и снова глянула вниз, на стремительно светлеющий склон. Там среди камней мелькали темные фигурки тех двоих. Измотанные боем, они карабкались по склону немного медленнее нас, а несший меня явно стремился затеряться среди камней.

— Эй, вы! Чего вы там копаетесь! — крикнула я, выдавая наше местоположение преследователям чисто из вредности. О последствиях я даже не подумала. Все происходящее казалось мне странным сном.

Двое темненьких вскинулись на крик и припустили за нами, а мой похититель грязно выругался, обзвав меня как-то особо неприлично, и заспешил наверх.

— У тебя не голова, а пустой горшок, царевна! — пояснил он свои выражения немного позже, когда мы одолели пару сыпучих склонов. — Думаешь, они оставят тебя в живых?

— Думаю, что твои планы меня тоже вряд ли обрадуют! — прокомментировала я свой поступок. — А так, хоть перебьете друг друга, самирские псы!

Я с отвращением выплюнула последнюю фразу. Теперь, когда уже достаточно рассвело, я отлично разглядела вязь на ножнах его клинка, болтавшегося на поясе. Да и темные штаны я видела только у их делегации да у кочевников. К тому же и пахло от него знакомой горькой терпкостью, почти как от Асмарраха.

— До чего же ты болтливая! — прошипел сквозь зубы похититель. — Но мне велено

быть с тобой почтительным. А то б я быстренько заткнул тебе рот.

Он одним движением поставил меня перед собой. Мужчина, тащивший меня на своем плече, был не слишком высок, но очень широк в плечах. Его темные глаза горели явным недовольством, а густая короткая борода не могла скрыть недоброй усмешки.

— Будь так добра, царевна, постой почтительно в сторонке и, желательно, тихо, пока я буду объяснять тем нехорошим людям, что им здесь не рады! — язвительно прошипел он мне, снимая с другого плеча короткий лук и колчан со стрелами.

Я огляделась. Мы остановились на крохотном уступе, под прикрытием огромного валуна. Внизу под нами простирались открытые каменистые осыпи, по которым так ловко взобрался мой похититель. Сейчас у самого края нижней из них копошилась парочка в темном.

— Идите сюда, крошки мои! — недобро ухмыляясь, процедил пленитель, до самого уха натягивая тетиву. Тетива тренькнула, и один из преследователей рухнул, а второй бодро прыгнул под прикрытия кустов.

— Не знаю, что тебе от меня нужно, но я первый похитил девушку и делиться с тобой не собираюсь! — весело крикнул выжившему лучник. Снизу донеслись грязные ругательства, но потом темненький взял себя в руки и заговорил иначе.

— Эй, воин, чей ты будешь? — крикнул он, не высовывая из кустов и кончика носа. — Я заплачу тебе, только верни нам царевну живой!

Я удивилась, а мой бородатый похититель обернулся ко мне.

— Это из твоей охраны? — коротко осведомился он.

— Сомневаюсь, — отрезала я, вспоминая, как эти двое напали на Асмата.

— А где гарантии, что ты меня не обманешь? — снова обратился мой похититель к преследователю, а я решила, что это наилучший момент покинуть их обоих.

Над нашей площадкой было несколько скальных уступов, если взберусь по ним — получу преимущество, так как меня никому из них не будет видно. Я сделала первый шаг к скале, но похититель заметил мой маневр и схватил за руку.

— Что ты творишь! — тихо возмутился он, но я вместо ответа вонзила в его конечность зубы и изо всех сил ударила хилым кулачком в причинное место. Мужчина взвыл и разжал руку. В ту же секунду я рванула прочь, быстро карабкаясь вверх по скале. Оборачиваться и выяснять, что с моим обидчиком, я не собиралась. Главное удрать, а думать буду потом!

Склон уходил вверх и немного вправо, закрывая меня от глаз преследователя снизу. Я решила добежать до огромных каменных стен и двигаться вдоль них, надеясь обойти погоню, и спускаться вниз. Может быть, моим солдатам удалось отбить нападение?

Почти пятнадцать минут меня не покидала уверенность в успехе. Достигнув отвесной стены, я осторожно поставила ногу на узкий каменный карниз, намереваясь перебраться по нему на другой край, туда, где был виден вполне приемлемый спуск. Идти скользкому камню было страшно, и я медлила, прикидывая другие варианты. Но тут меня снова догнали. В отчаянии прикусив губу, я быстро шагнула вперед, цепляясь пальцами за трещиноватую стену. Уж лучше разобьюсь, чем позволю снова схватить себя!

Глава 18. Слова на ветру

Снизу по осыпи ко мне шустро поднимались двое. Один из них — мой похититель, а второй... Я закрыла глаза и застонала от боли. Эту фигуру я узнала бы где угодно — наглый самирский наследник собственной персоной! Так вот кто напал на мой лагерь и убивал мою охрану! Так вот что задумал этот обидчивый гордец, столь быстро сбежавший из столицы!

Перед глазами все плыло, ноги дрожали. Я, боясь пошевелиться, прижалась спиной к стене над карнизом. Моя простенькая серая ночная туника развевалась на утреннем ветру, хлопая подолом и выдавая местоположение. Мужчины пробирались внизу между валунов и, видимо, пока не заметили меня. В отчаянии я сделала еще один крохотный шаг по карнизу, надеясь скрыться, но едва не упала. Камень предательски выкрошился, лишая меня опоры.

— Да найдем мы ее, командир, куда она отсюда денется? — донесся до моего слуха низкий хриловатый голос бородатого похитителя. — Кусается эта твоя царевна, как су... собака, да и такие места знает, что девкам не положено! Больно приложила.

Самирский наследник явно не оценил по достоинству моей характеристики и отвесил бородатому тумака.

— Я тебе сейчас еще добавлю по тем местам! Просил же обращаться с ней почтительно! — рявкнул он. — А ты как ее называть удумал?

— Да я это, — начал было оправдываться подчиненный, но тут заметил меня.

— Эй, командир, смотри-ка, куда твоя драгоценная забралась! Того и гляди разобьется!

Я глянула на мужчин вниз через плечо, они торопливо преодолевали последние метры до моего «убежища». Если я не продвинусь дальше — просто схватят и вытащат. Сглотнув ком в горле, я осторожно ощупала площадку слева от себя и отодвинулась от края еще на шаг. Лучше упаду в пропасть, но живой не дамся!

— Эй, красавица, слезай оттуда, сорвешься! — раздался справа от меня спокойный голос самирского царевича.

Я оглянулась через правое плечо. Он стоял на самом краю узкой полочки и протягивал мне руку. Мое сердце застучало в ушах, но я нашла в себе силы и посмотрела в его бесстыжие глаза — они смеялись.

— И как только у тебя хватает наглости предлагать мне свою помощь! — сквозь сжатые зубы процедила я и для верности сдвинулась еще немного влево, чтобы с площадки было невозможно зацепить даже край моей юбки.

— Я понимаю, ты напугана, но поверь, я не причиню тебе вреда! — мужчина попытался было продвинуться ко мне, но при его мощном торсе это было почти не возможно. Я возликовала: «Видит око, да зуб неймет!»

— Скажи, ты именно это говорил моей охране, когда твои люди вырезали их? Или ты извинялся? — внутри меня кипела злость вместе с обидой. И этому человеку я верила, Да что там, я влюбилась в такого мерзавца! Теперь он казался мне отвратительней дохлой жабы, если не смотреть на него, конечно.

— Глупая женщина! — в голосе царевича послышалась бессильная злость. — Мы не нападали, мы помогали вам отбиться!

Конечно, теперь он будет пудрить мне мозги, выставя себя белым и пушистым, как тогда в саду... Тогда в саду...

Я едва не сорвалась с карниза, в последний момент вцепившись похолодевшими

пальцами в каменную твердь стены.

— Тогда в саду, тогда я доверилась тебе, поверила... — слезы навернулись на глаза. — Скажи, только правду, ты и тогда обманул меня? Не травил сам, но сговорился с Нинмах... Зачем? Чтобы напугать отца?

Царевич справа как-то странно хмыкнул, и я снова скосила глаза в его сторону. Его лицо было мертвенно серым, а глаза закрыты. Напряжение выдавали только пальцы, вцепившиеся в край стены.

— Я клянусь именем Небесного владыки Эну, своей жизнью и жизнью родных, что не причинял тебе вреда ни сейчас, ни тогда! — поразительно спокойным голосом произнес он. — Сегодня утром мы пришли вам на помощь, как только услышали крики.

— Много ли стоит твоя клятва? Кто услышит то, что ты скажешь тут мне? Если не хотел причинять вреда, то как же ты объяснишь свое пребывание в этих отдаленных местах? — в моем голосе звучала горькая усмешка. — Только не говори, что проходил мимо!

— Юилиммин...

Меня словно ударило током, за все время нашего бурного общения царевич ни разу не называл меня по имени.

— Твое имя означает небесный колокольчик, ведь так? — как-то слишком спокойно спросил он. Его тихий, но глубокий голос успокаивал и внушал доверие. Но только не в этот раз!

— Не пытайся увильнуть от ответа, наследник Самира! Отвечай, что ты делал в этих горах?

— Не стану лгать, я оказался здесь не случайно. Я следил за тобой, — его голос снова был удивительно спокойным, что совсем не вязалось с привычным образом нагловатого и гордого царевича, каким он держал себя в посольстве.

Я снова оглянулась через плечо. Этот гад решил заговаривать мне зубы, а сам продвинулся по карнизу уже почти на два шага! Ну, наглец!

— Не пытайся долезть до меня! Я лучше спрыгну, чем позволю себя схватить! — пригрозила я, делая еще один крошечный шаг влево, подальше от «спасателя».

— Хорошо, хорошо, только успокойся, — мягко произнес мужчина, но назад не отступил. — Только обещай, что не спрыгнешь, когда я все расскажу.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, гад подковерный! — выругалась я. Да, бранный лексикон у царевен так себе.

Царевич снова хмыкнул, мне показалось, что он смеется, и я снова глянула в его сторону. Ох, зря! Он смотрел на меня таким восхищенным взглядом, что в животе сладко заныло. И ведь ни капли раскаяния в глазах!

Я аккуратно оцупала выступ слева и отползла подальше.

— Я задала вопрос! Или у тебя нет чести, чтобы на него ответить?

— Ну почему же, прекраснейшая! — теперь голос Асмарраха вновь излучал ту легкую насмешку, с какой он провоцировал меня в саду. — Я скажу тебе, зачем я был здесь!

— Я вся внимание! — нам уже приходилось кричать, чтобы слышать друг друга, утренний ветер усилился и уносил слова.

— Хорошо! Я следил за тобой, моя драгоценная, потому, что не могу допустить, чтобы ты досталась кому-то еще! Я даже подумывал тебя выкрасть, но эти типы меня опередили!

Слов не осталось, приличных. Я открыла рот и попыталась воспроизвести все многочисленные матерные выражения, которые бы точно описали весь мой восторг от

услышанного. Что-то получилось... Мужчина на карнизе странно булькнул и затих.

Но теперь из-за легкого изгиба стены мне его было не видно. Пришлось спросить:

— Эй, ты там жив?

Бульканье повторилось. Я шагнула на полшага вправо и осторожно выглянула — прижавшийся к стене мужчина еле-еле сдерживался от того, чтобы не рассмеяться, что привело бы к неминуемому падению.

— Прекраснейшая, — выдавил он, слегка успокоившись, — я полагал, что весьма искусен в бранных выражениях, но твои знания удивляют. Вас этому обучают в храме Великой матери или это влияние посвящения Серебрянорогому?

Бешенство снова охватило меня. Откуда, откуда он знает про обряд? Или тогда в ночи он мне не привиделся?

— Не ругай богов — дольше проживешь! — бросила я наглецу в ответ, отступая. — Я не собираюсь ничего объяснять! Я хочу услышать объяснения от тебя!

— Хорошо, — ответили с другой стороны стены, — только напомни, о чем ты еще хочешь меня спросить?

— Значит, ты собирался сам выкрасть меня, но тебе помешали?

— Верно! — легко согласился царевич. — Не знаю как, но я хотел получить шанс еще раз поговорить с тобой. Я хочу понять, почему он, а не я?

— Начнем с того, что Энмер-ани не похищал меня! — крикнула я.

— Хорошо, но и я ведь не похитил. А теперь вообще пытаюсь тебя спасти!

— Почему я должна в это верить? Скажи, как давно вы следите за нами и сколько вас?

— Следим давно, а вот численность своих воинов позволь сохранить в тайне.

Голос за стеной был серьезен и спокоен.

— Тебе ведь не понравится, если я украду тебя силой? — спросил он как-то по-детски, как ребенок аккуратно выясняющий, что ему грозит за съеденную конфетку.

— Знаешь, мне казалось, что взрослые люди должны знать ответ на этот вопрос! Но с какой стати великого полководца-завоевателя беспокоит мнение молоденькой девушки? Разве воины не берут все, что хотят? — разум совершенно не успевал уследить за тем, что болтал мой язык.

— Верно, — тихо откликнулись с той стороны. — Раньше меня это никогда не беспокоило. Наверное, ты заколдовала меня или попросила об этом свою Богиню. Я не могу причинить тебе боль. Я постоянно думаю о тебе, понимаешь? Я ни о ком и никогда столько не думал! Ты заставляешь меня делать глупости.

Жилистая рука зашарила по изгибу, и через миг он выглянул сам. Какие силы удерживали его на карнизе узком даже для такой хрупкой девушки, как я?! Хотя он, в отличие от некоторых, продвигался лицом к стене.

Его лицо оказалось совсем рядом с моим. Оно снова не было надменным и гордым. На меня смотрел потерявшийся в своих чувствах молодой мужчина.

— Говорят, что такое происходит из-за любви, — проронила я и отвернулась. — Но я не могу снова поверить тебе! Я уже много раз прокляла себя за то, что дозволила себе даже подумать о таком, как ты!

— Так ты думала обо мне? — в голосе царевича послышались мурлыкающие нотки. — Ты думала обо мне как о мужчине?

Румянец вспыхнул на моих замерзших щеках, пришлось отвернуться, чтобы больше не смотреть ему в лицо.

— НЕТ, как о женщине! Ну как я еще могла о тебе думать? — меня снова понесло. Хотелось высказать этому человеку все, все, что наболело, а то, видишь ли, думал он обо мне, страдалец хренов!

— Я поверила тебе тогда! Тогда ты не играл со мной! Не пытался соблазнить! Мне казалось, что ты был честен! — кричала я изо всех сил в синее небо над долиной, в эти горы, этому ветру. Мне хотелось, чтобы все узнали про мою боль.

— Я даже в глубине души надеялась, что отец согласится на твою кандидатуру! А все потому, что с врагами я не справлюсь, не умею воевать! Не хочу! Не хочу! — слезы градом текли по моим щекам, ноги снова дрожали.

— Хотел он украсть меня! Развязать войну с Карешем ты хотел! Для тебя же не впервой вторгаться на чужие земли? Вся ваша любовь кончается там, где начинается выгода для государства! — я сделала еще пару крохотных шажков влево, подальше от мерзкого наследника. Надо успокоиться, а то, и правда, улечу вниз. Но ноги все больше тряслись.

— Думаешь, что я смогу поверить тебе? Как? Да и зачем? Разве ты не добился уже своего? Думаешь, я ничего не помню? — я решила пойти ва-банк и без стеснений выложить этому мужчине все свои предположения. Пусть он сочтет меня нескромной, невоспитанной, да кем угодно — плевать!

— Я помню твой запах. Я думала, что это снова сон, потому что в этом сне ты был нежным и плакал. Но теперь я понимаю, что ты и впрямь мог быть там, просто, чтобы получить то, что мужчинам обычно и надо! А все остальное — игра одурманенного воображения... — я уже не кричала, просто роняла слова. Перед глазами голубело небо, так захотелось раскинуть белые крылья и полететь! Полететь и никогда больше не видеть рядом с собой этой похотливой рожи, и даже не думать, что его пальцы касались меня... Ветер трепал мои юбки, взошедшее над горным отрогом солнце пригревало заледеневшие ноги. Хорошо! Сейчас я досчитаю до трех, и все закончится.

Но упасть мне не дали! Чьи-то сильные руки ухватили меня за левое плечо и резко выдернули с узкого уступа.

— Поймал! — громко сообщил низкий мужской голос над ухом. Я задергалась, пытаюсь вырваться из железных объятий. Врешь, я просто так не дамся!

— Командир, вылезай скорее, а то твоя ненаглядная и Кайласа покусает! — раздался совсем рядом знакомый баритон моего похитителя.

— Заткни пасть, Гаруул! — рявкнул с обрыва Асмаррах. — Мне и без твоих подколок достаточно плохо!

— Мы взяли пленного из нападавших, но он не слишком-то разговорчив. Ты поговоришь с ним сам? — пробасил названный Кайласом и охнул, когда моя пятка угодила-таки по сакральному мужскому месту. Охнул, но рук не разжал. Просто теперь держал меня на расстоянии вытянутой руки.

— Хорошо! — царевич ухватился за протянутую руку коренастого Гаруула и вытянул себя с узкого карниза. — Но это все потом.

Вся его грудь была исцарапана о камни, к которым он был вынужден плотно прижиматься. Шевелюра, заплетенная в многочисленные косички, торчала в разные стороны. Я бы рассмеялась, если бы не была зла и смущена одновременно. Получается, что эти двое слышали мои последние откровения? Нет, почему я не прыгнула раньше! Я даже перестала вырываться, ошарашенная такими выводами.

— А что в лагере? Есть выжившие? — спросил царевич отдышавшись.

— Да вроде должны быть, я сам видел, как один удрал на лошади. Думаю, что он приведет сюда подмогу, а значит, нам пора убираться подальше отсюда, — пояснил Кайлас.

— А Асмаг-ина, такой большой, со шрамами на руках, он жив? — похолодев от услышанного, спросила я.

— Не знаю, я пошел за вами, когда увидел, что Гаруул вас нашел, — пояснил державший меня великан.

— Погоди, Кайлас, нужно отвести девушку к нам, там и поговорим.

Асмаррах почти вплотную подошел ко мне и спросил:

— Можно, я понесу тебя, моя жрица?

Зря, зря он это сделал. От накотившей на меня ярости я попыталась лягнуть и его в причинное место, но мужчина легко увернулся.

— Ууу, злая она у тебя! — тихо констатировал тот, кого называли Гаруулом. Но царевич не отреагировал на его шутку.

— Кайлас, давай, дальше я сам, — тихо произнес он и обхватил меня, прижимая к груди.

Я пыталась визжать, колотить его плечи кулаками, но мужчина крепко держал меня, пытаясь успокоить.

— Все хорошо, мой цветочек, все позади. Я не трону тебя. Я никому не позволю тронуть тебя! — его тихий голос звучал ровно и уверенно. Отчего-то его словам хотелось верить. Злость отступила. Тепло, исходившее от его тела, успокаивало. Только теперь я осознала, как сильно замерзла.

— Да ты совсем ооченела! Сейчас я отнесу тебя в тепло, — продолжал говорить он, аккуратно поднимая притихшую меня на руки. — А потом мы найдем твоего Асмата. Уверен, что он достойный воин, это же ты о том, что защищал тебя утром?

Я тихо кивнула. От мужчины сильно пахло костром, терпкими пряностями, потом и, почему-то, солнечным светом. Откуда я знаю, как пахнет солнечный свет? Ответа не было, но он пах. Очевидно, мои нервы были настолько измотаны, что я заснула у своего врага на руках. И мне снились цветущие золотым и розовым цветом изумрудные холмы, голубое небо и кто-то бесконечно любимый рядом.

Это было удивительно, потому, что я боялась этого мужчину, боялась верить ему. Он со странной легкостью изменялся, становясь то яростным, то проявляя ребячество, то задавал с серьезным видом наивные вопросы, то успокаивал, словно профессиональный психолог. Раньше я никогда не встречала никого, кто бы хоть немного был похож на него. Не внешне, конечно. Внешне самирский царевич еще при первой нашей встрече напомнил мне Марата, только более мощного и взрослого, но тут, наверное, дело в бороде.

Пещера, в которую меня принесли, показалась мне странно знакомой. Где-то я уже видела этот слегка закопченный у входа потолок, эти змеящиеся трещины с небольшими бурями наростами. Но воспоминание не приходило, затаившись на пороге сознания.

Разумеется, я была здесь не одна, у костра, отделяя меня от спасительного выхода, сидело шесть мужчин, из которых я знала двоих.

— Кажется, наша гостья пришла в себя, — промурлыкал над моей головой довольный голос Асмарраха. — Красавица, хочешь чего-нибудь съесть или горячего отвара?

Он спрашивал меня так буднично, словно я по-соседски заглянула к нему на чашечку чая. Моя голова покоилась у него на коленях. Так вот почему мне было так удобно! Осознав все, я насупилась, сползла с «мягкой подушки» и накрылась с головой куском ткани,

служившей одеялом.

— Не нужно сердиться. Давай поговорим спокойно, — продолжал увещевать меня царевич. — Скажи, жрица, учили ли тебя исцелять раны?

Я повернулась и взгляделась в его лицо. Он не шутил.

— Мы нашли того воина, он и еще несколько моих ребят ранены. Нам бы совсем не помешала помощь целителя, иначе двое из них не доживут до рассвета.

— Покажи мне их раны, может быть, в моих силах будет им хоть чем-то помочь, — я начала подниматься, но предательские ноги плохо слушались. Пришлось воспользоваться помощью вражеской руки. Надеюсь, что моих знаний о первой помощи хоть на что-нибудь хватит.

Двое тяжело раненных лежали на полу, а один сидел у стены, баюкая рассеченную руку. Мой старший телохранитель был очень бледен, на его смуглом лице выступали бисеринки пота, заметные даже в полутьме пещеры. Я присела рядом.

— Ну вот, я же тебе говорил, что мы спасли маленькую жрицу, а ты не верил! — подал голос царевич, опускаясь с другой стороны.

— Госпожа! — прохрипел раненый и попытался встать, но Асмаррах не позволил ему, придерживав за плечо.

— Лежи тихо, никуда твоя госпожа не исчезнет, — успокоил воина царевич.

— Асмаг-ина, я побуду с тобой, попробую помочь, — подтвердила я слова нашего «гостеприимного» хозяина.

— Госпожа, я надеюсь, что владыка прислал солдат, и они скоро будут здесь, — горячо зашептал мне раненый, когда я наклонилась, чтобы осмотреть его тело, прикрытое какими-то тряпками. — Я видел, кто на нас напал! Я узнал этого человека!

Асмаг недоверчиво посмотрел на самирского царевича.

— Не будете ли вы столь любезны, дать нам поговорить наедине? — попросила я, поднимая голову.

— А что мне будет, если я буду любезен? — съязвил в ответ Асмаррах.

Я резко выпрямилась и почти упала, от головокружения, но снова ощутила, как сильные руки поймали меня.

— Почему ты все еще злишься на меня? Зачем отталкиваешь того, кто всем сердцем желает помочь? — зашептали мне на ухо.

— Если ты действительно хочешь помочь, то вынеси его на солнце, и прокипяти в котле побольше чистых тряпок — раны нужно промыть и перевязать!

Ошеломленный таким напором царевич, молча кивнул и удалился к костру. Мне послышалось, как он сетует своим людям на то, что я прошу практически невозможного.

— Если вы не сожгли наш лагерь, то там я легко отыщу все, что нужно! — крикнула я вдогонку недовольному моими просьбами и вновь склонилась над Асмагом.

— Так вот, госпожа, — снова хрипло зашептал мой телохранитель, — хоть эти люди и были одеты как горцы, но я узнал одного. Он служит под началом у Шалимана, того, что обучает молодых ребят военному делу.

Мужчина тяжело дышал, каждое слово давалось ему с трудом. Словно боясь не успеть, он облизал сухие губы и продолжил.

— Так вот, этот солдат много должен племяннику самого Сельмиша, почти уже ему как раб. Он отчаянный и согласится на любое дело, лишь бы простили долг! — Асмаг замолчал и закрыл глаза.

— Потерпи немного, Асмаг-ина, я принесу тебе воды, — я дотронулась до широкого смуглого лба своего телохранителя — он горел.

С трудом поднявшись на ноги сама, я поковыляла к костру, где сидело большинство воинов Асмарраха и он сам.

— Мне нужна холодная вода, напоить раненых, — объяснила я. — Их нужно перенести вниз, если от наших вещей хоть что-то уцелело, то я найду, чем их перевязать.

Тот, кого называли Кайласом, молча протянул мне кожаный бурдюк, где плескалось почти два литра воды.

— Мы не можем спуститься в ваш лагерь все, — ответил царевич, поднимаясь. — Там может быть все еще опасно, а мой отряд, как видишь, не столь уж велик.

Воины закивали головами, соглашаясь с лидером.

— Хорошо, — настаивала я, — тогда сходите туда и принесите из моего шатра мои вещи. Они там в таком большом тюке.

— Вот женщина! Всегда о вещах думает! — возмутился язвительный Гаруул, но резво умолк под моим тяжелым взглядом.

— Для тех, у кого маловато ума я готова пояснить, — прорычала я, — в том тюке находится очень много тех самых чистых тряпок, что не смог отыскать сиятельный царевич! Если мы перевяжем раненых как следует, то у них будет шанс дотянуть до помощи настоящего лекаря!

Я развернулась и удалилась к больным. На полпути меня нагнал царевич.

— О каком лекаре ты говоришь, царевна? Вокруг только дикие горы на три дня пути!

Я наклонилась над огромным телом Асмата, приподняла его голову и начала медленно поить.

— Я не должна бы тебе это говорить, но здесь, совсем недалеко, должен быть один из храмов Серебрянорогого. Хочется надеяться, что там есть хоть один знающий. Я не хочу потерять последнего из верных мне людей!

— Хорошо, моя жрица, я сделаю все, что ты скажешь. Объясни Кайласу, как найти этот храм и он приведет к нам лекаря. И я сейчас пошлю людей вниз. Они принесут все, что ты попросишь, только помощи и моим людям. Сайнур еще слишком молод, чтобы уходить в нижний мир.

Я посмотрела на второго лежачего. Он тоже был плох и бредил.

— Пусть их осторожно вынесут на свет. Там я смогу осмотреть раны, да и лежать на сыром холодном полу — здоровья не принесет. Нарвите травы, сделайте хоть что-нибудь, чтобы они могли быть в нормальных условиях!

— Жрица, — протянул от стены легкораненый воин, — ты только скажи, я тоже буду помогать. Только спаси моего брата, знающая!

— Если бы знающая! — пробурчала я, пытаюсь напоить второго тяжелораненого. — Всех моих знаний хватит, чтобы лишь слегка ослабить их лихорадку. Надеюсь, что при храме есть лучший лекарь, если вы не распугаете там всех!

День клонился к закату, когда моими стараниями раны были очищены, больные перевязаны и напоены отваром, подобным тому, что давала мне старая Каи. Благодаря тесному в последнее время общению с лекаркой я запомнила свойства нескольких самых распространенных трав и сейчас попыталась воспроизвести противовоспалительный настой по ее рецепту. О жаропонижающем я знала с самого детства, вычитав рецепт в

увлекательных книжках про индейцев. Как же хорошо, что увлекаюсь археологией, я живо интересовалась и другими науками, особенно медициной и биологией. Глубокими познаниями не блистала, но оказать первую помощь и отличить березу от сосны была вполне способна, так что и заросли ивняка нашла довольно легко.

Отвар ивовой коры, как положено, страшно горчил, но я и сама с радостью выпила почти полкружки, надеясь, что он хоть немного уймет боль в перетруженных мышцах. Остывшим отваром промыла некоторые из ран и снова наложила импровизированные бинты. Нарядов было не жаль, сейчас для царевны Юи в моей душе не осталось места. Хотелось лишь одного — спасти этих людей.

Усилия не пропали даром — мучившая раненых лихорадка немного отступила.

Только после заката я осознала, что сама сегодня совсем ничего не съела, только пила. От голода бурчал живот, и немного подташнивало, но просить у самирийцев еду не хотелось.

Асмаррах еще утром ушел в нижний лагерь и пропал. Да и мало ли у него дел, например, допросить пленного. Его тоже не было. Раньше этот человек лежал связанным в одном из дальних углов пещеры, но я даже не хотела смотреть на него. Теперь же там было пусто.

Без сил я привалилась к каменной стене у входа в пещеру и погрузилась в забытие.

— Госпожа, тебе надо поесть! — разбудил меня чей-то голос. Открыв глаза, я обнаружила, что рядом со мной, с деревянной страшенькой миской в здоровой руке, сидит легкораненый самирит.

— Вот, конечно, не совсем то, чем кормят во дворцах, но другого нет, — смущенно произнес он, протягивая мне плоску и осколок обточенной кости, слегка напоминавший ложку.

— Спасибо, — поблагодарила я, принимаясь за еду. — Я уже почти привыкла. Как рука, сильно болит?

— Терпимо, — хмыкнул воин. — Вот только будет ли нормально работать, когда заживет. У одного моего знакомого так и висит плетью.

— Если не будет воспаления, то постепенно все наладится, — обнадежила его я. Такие раны обычно зашивают, но я этого никогда не делала, поэтому, как могла, постаралась стянуть края скобами из серебряных браслетов. Это мне тоже не давало покоя. Но лучше так, чем ничего.

— Тебе ведь тоже плохо, госпожа, может быть, приляжешь на мою лежанку, а я покараулю брата и твоего воина, — предложил мой больной. — Да, меня зовут Наиль.

Я нашла в себе силы кивнуть и даже улыбнуться. Вся моя злость сосредоточилась в основном на их командире, ну, и еще на хохмаче Гарууле, который исчез за компанию с Асмаррахом. Остальные же были ни в чем не виноваты.

Глава 19. Как мне дальше жить?

К полудню третьего дня моего пребывания в самиритском лагере вернулся великан Кайлас и притащил на своем хребте маленького сухонького старикашку. Оказавшись на земле, знающий с недовольным видом окинул площадку перед пещерой презрительным взглядом и засеменял к навесу, под которым лежали раненые.

Я очень старалась, и мои молитвы были услышаны — никто не умер, хотя Асмаг по-прежнему был очень плох. Да я и сама наверняка выглядела — краше в гроб кладут. Нечесаная, толком не мывшаяся все эти дни, все в том же драном ночном платье, но сейчас на это было наплевать. Если выберусь — все наладится, а сейчас не перед кем красоваться!

Вернувшегося почти через сутки Асмарраха я не могла видеть. Очень уж неприятно было осознавать, что этот человек следил за мной, был рядом тогда и даже собирался украсть. Мое спасение грехи не искупало.

Сейчас царевич был заботливым, все время возникал у меня за спиной и старался помочь. Когда же я прогнала его, просто сел у входа и начал разглядывать меня, словно энтомолог редкую животину. Это бесило, но исправить ситуацию было невозможно.

Мои мысли вернулись к знающему, который уже несколько мгновений стоял рядом со мной, тоже внимательно изучая. Я протянула ему свою правую руку со знаком Небесного охотника.

— Вот как, значит, слухи не врут, — проскрипел старикан. — Мы примем тебя, посвященная. Но прежде тебе стоит немного отдохнуть. А теперь покажи, чем ты лечила больных.

Лекарь оказался вполне искусным и даже захватил с собой несколько мазей и целебных настоев. Он даже умел шить раны, чем меня немало удивил. Я полагала, что это начали делать гораздо позднее. Руку Наиля зашили прогретым в кипятке конским волосом. Двух лошадей нападавшие убили, на третьей сбежал кто-то из моего отряда. Четвертую Асмаррарх и Гаруул выловили недалеко от стоянки, и теперь она паслась рядом с пещерой.

Пролетел еще один день, и царевич безапелляционно заявил, что завтра на рассвете отряду нужно уходить.

— Кайлас и Асан вчера видели на равнине дым. Завтра эти люди уже будут здесь, а уверенности в том, что они не желают нам мучительной смерти, никакой.

— Надо уходить, — подтвердил слова командира могучий Маршах, который во время отлучек царевича всегда оставался за старшего.

— И уходить лучше через верх, — мрачно добавил Кайлас. — Так труднее, но не попадем в засаду.

— А как вы предлагаете нести раненых? — не удержалась я, влезая в их разговор. — Сайнур только вчера встал, а у Асмата-ина еще жар.

— Как-нибудь справимся, — улыбнулся мне царевич. Как же я ненавижу все эти его улыбки, всю эту заботливость!

— Вы можете укрыться в храме Аннана. Любой воин, не совершивший преступного, будет принят там, — прокряхтел старикашка. — А заодно и меня домой вернете!

Воины рассмеялись и начали обсуждать, на ком лекарю будет удобнее ехать. Только я совершенно не представляла, как мы будем взбираться по отвесным кручам с тяжелораненым Асмагом.

Уже в ночи, когда я привычно дежурила у ложа своего телохранителя, отсыпаясь днем в тени пещеры, ко мне подошел Асмаррах и тихо присел на корточки.

— Красавица, почему ты все время избегаешь меня? — вот так прямо спросил он самым нормальным человеческим тоном и глядя мне в глаза.

— Причины тебе прекрасно известны, уважаемый командир, — съязвила я и поднялась. Если я буду разговаривать с этим типом здесь, то непременно повышу голос и разбужу больных.

— Если ты до сих пор не можешь ничего понять, то я объясню, только давай отойдем немного подальше, — бросила я ему, отправляясь по знакомой тропке к ближайшему ручейку. Царевич последовал за мной. Только сейчас я заметила, что он сжимает в руках какой-то сверток.

— Что это у тебя? — поинтересовалась я, когда мы немного отошли.

— Интересно? — весело спросил меня он, зная, что его веселость меня однозначно бесит.

— Совершенно нет! — соврала я и принялась умываться ледяной водой, чтобы хоть немного успокоиться. Каждый раз, когда я чувствовала этот знакомый терпко-пряный запах, меня бросало в краску. Хорошо, что хоть ночью этого не видно!

— Я спрятал часть из твоих вещей, чтобы ты их не порвала на тряпки, — тихо пояснил царевич, встав за моей спиной. — Тебе нужно переодеться перед завтрашним походом.

— Намекаешь, что я грязна и оборвана, как нищенка?

— Вовсе нет, прекрасная! Для меня ты хороша любая, — его голос стал немного более тягучим и глубоким. Наверное, вспоминал, гад, как лапал меня за всякое! Я от злости выпрямилась.

— Просто эта одежда удобнее для перехода и защитит твою кожу от солнца.

Его руки легли мне на плечи, и он аккуратно развернул меня лицом к себе. В темноте я могла видеть только очертания его фигуры на фоне неба, но была уверена, что мужчина ласково улыбается. Он всегда так улыбался, когда думал, что я его не вижу.

— С чего вдруг столько заботы? — резко бросила я, но вырваться не пыталась, понимая, что избавиться от самирского царевича можно, только если вывести его из себя. Тогда он, боясь навредить мне сгоряча, отступал.

— Юилиммин, — снова произнес он мое имя. — И правда, звучит как колокольчик. Ну почему же ты такая упрямая, красавица? Ты обещала мне объяснить. Я жду.

Вокруг нас простиралась ночная тишина, нарушаемая лишь мерным звоном цикад. Сегодня, чтобы не привлекать внимания возможного противника, не стали разводить даже костра, а ущербная луна еще не выползла достаточно высоко, чтобы хоть что-нибудь осветить.

— Как же ты не понимаешь, глупый царевич, — начала я, передразнивая его манеру упрекать меня. — Все мои беды исключительно от того, что ты вмешиваешься в мою жизнь! Я обещана другому, как же ты не поймешь!

— Но ты же не любишь его, скажи, или я не прав? — чуть тряхнув меня за плечи осведомился мой несчастный воздыхатель. Было понятно, что это его сильно тревожит.

— Я не хочу тебе врать, я не люблю его, — грустно констатировала я, понимая, что не смогу его обмануть. Это надо было делать тогда, при второй встрече, но я была одурманена и не смогла бы ничего объяснить.

Мужчина облегченно вздохнул.

— Только дело совсем не в том, кого люблю я, Асмаррах-ани, — вздохнула я. — Я наследница Кареша, и этим все сказано. И у меня есть долг перед своей землей.

Царевич, мне показалось, разучился дышать. Обычно его ничем не проймешь, а сейчас словно окаменел.

— Ты наследница? — выдавил он спустя почти минуту.

— Ах да, — горько усмехнулась я, — кажется, я только что разболтала врагу стратегическую тайну!

Я закрыла руками лицо, не зная, что говорить дальше.

— Какой я болван! — очень самокритично заметил наследник самирского престола. — Это же все объясняет!

Он отпустил было мои плечи, но потом вдруг сгреб в охапку и прижал к себе. Его дыхание было частым, а сердце бешено колотилось. Я уткнулась в его грудь, все еще продолжая закрывать лицо руками.

— Ты не просто болван, ты самонадеянный и слабый разумом! — более близкого значения слову «идиот» я подобрать не смогла.

— А я малолетняя дура, которая позволила дать волю своим чувствам! — мрачно заключила я, сгорая от стыда.

— Каким чувствам? — удивился царевич, пытаясь заглянуть мне в лицо

— Никаким! — отрезала я. — Никаким, потому, что мне не положено их иметь!

— Глупая моя царевна! — рассмеялся отчего-то Асмаррах, снова прижимая меня к себе. — Я все понял, теперь я все сделаю правильно, мой цветочек.

— Сам ты глупый, — буркнула я, — и не называй меня всякими глупостями! Что ты можешь сделать? Как ты мне поможешь? Разве что исчезнешь в туман!

— Почему в туман? — снова не понял он.

— Так говорят у нас в храме, — соврала я. — Если ты проводишь меня до рудников, где меня уже должны ждать солдаты отца, то сделаешь первую правильную вещь. Если после этого ты вернешься к себе и не будешь больше приезжать, то это будет вторая и последняя правильная вещь, из тех, что ты можешь сделать для меня.

Мужчина смотрел на меня в упор. Выбравшаяся над хребтом ущербная луна заливала его лицо холодным серебряным светом. Я против воли залюбовалась, а он быстро наклонился и поцеловал, ласково придерживая мою голову руками. Сладкая волна накрыла меня с головой. Проклятое молодое тело не желало слушаться голоса разума. Ему хотелось, чтобы этот поцелуй никогда не кончался.

Словно услышав это желание, Асмаррах не спешил отрывать жарких губ от моих. Его рука скользнула вниз, поглаживая спину и спускаясь все ниже.

— Если ты сейчас скажешь хоть слово — я не сдержусь! А потому лучше молчи! — шепнул он мне на ухо и начал целовать и его. Я ошеломленно молчала. Ни в прошлой и уж тем более ни в этой моей жизни мне ни разу не было так хорошо. Я сама не заметила, как начала отвечать, лаская его спину.

— Нет, хватит! — царевич внезапно отстранился. — Я не смогу дальше сдерживать себя.

Он тяжело дышал, глядя на меня своими пылающими глазами.

— Я должен тебе сказать, там в храме, с тобой был я! Я... я не пустил этого сопляка, но не знал на что иду! Я так испугался, когда подумал, что опоздал и жрецы убили тебя. И да, ты стала мне женой в ту ночь. Ты можешь так не считать, но для мня это именно так!

Я ошарашено смотрела на него, не в силах отвести взгляда. Что же мне теперь, бедной, делать? Как же мне смотреть в лицо Энмеру и отцу? Я не должна была знать этих подробностей. Да, я думала об этом, но не знала точно.

— Что ты наделал! — я закрыла глаза. — Что ты наделал, глупый мужчина! Как мне теперь с этим жить? Как мне теперь жить без тебя? Как я смогу исполнить свой долг и быть с другим? Зачем, зачем ты поцеловал меня сейчас? Зачем ты появился в моей жизни? Зачем ты вообще появился в ней? Я бы смогла, смогла, смогла...

Слезы ручьями катились по щекам, а этот влюбленный идиот ласково собирал их с моего лица горячими губами.

— Все будет хорошо, цветочек, я никому не отдам тебя! — тихо шептал он, но я все равно плакала. — Твой отец не должен неволить тебя. У него вроде бы есть маленький сын...

Тут меня прорвало, и я выложила ему все свои подозрения относительно брата, мачехи, разных армейских чинов и вконец обнаглевших кочевников.

Он слушал не перебивая, только ласково гладил по волосам и иногда целовал, когда я начинала слишком нервничать. Менее возбужденной я от этого не становилась, но немного отвлекалась.

— Я и не знал, что тебя окружают такие опасности, — помолчав немного, прокомментировал он, когда я закончила. — Может быть, я увезу тебя к себе, туда, где твоей жизни никто не посмеет угрожать? Мы поедem в Самир, и я сделаю тебя счастливейшей из женщин.

Мы сидели в траве на берегу все того же ручья.

— Не выйдет. Я не могу предать отца, я не могу бросить Кареш! Мы должны найти в себе силы и отказаться друг от друга!

— Как я могу отказаться от той, что украла мое сердце? — мурлыкнул царевич, зарываясь в мои волосы. А мне снова стало стыдно, что я вся грязная и немытая позволяю себя обнимать.

— Я ничего у тебя не крада! — заявила я, пытаюсь аккуратно освободиться от его объятий. — Пусти, мне нужно привести себя в порядок. Оставь меня!

Но наглец не уходил и рук не отпускал.

— Я помогу тебе, что ты хотела?

— Я хочу помыться. Ты что, будешь помогать? — возмутилась я и попыталась подняться, но вместо этого снова оказалась у него на коленях и мы опять целовались.

Моя старая туника легонько треснула под его пальцами, аккуратно соскользнула с плеч и исчезла во влажной траве. Его губы прикоснулись к моей груди, а руки скользнули вниз по спине. От наслаждения мое тело выгнулось, и я застонала.

— Я сам тебя помою и одену, но не сейчас, — прошептал этот мерзавец, спускаясь все ниже и лаская там, где незамужних девушек трогать совсем не положено. Сильные руки были сейчас такими нежными и властными, что было невозможно противиться их желаниям.

Я и не сопротивлялась, сдаваясь на милость победителю и растворяясь в любимом. Плевать, что будет завтра, это будет не сейчас. Сейчас есть только я и он.

— И я не забыл, что ты будешь просить у меня прощения за свои слова о том, что я не умею обращаться с женщинами. Можешь начинать! — промурлыкал он, когда мы лежали, обнявшись, и не могли отдышаться, глядя на звездное небо.

— Я тебя ненавижу, Асмаррах Самарский! — выдохнула я, чувствуя себя бесконечно счастливой.

— Правда? — хмыкнул он. — Значит, я был недостаточно убедителен! Придется начать все сначала.

И я снова утонула в его объятиях.

Переход до храма был тяжелым как физически, так и морально. Асмаррах выглядел как кот, обожравшийся сливок, а мне было безумно стыдно. Помрачение рассудка, что толкнуло меня вчера в объятия самирского царевича, все никак не проходило, но показывать свои чувства перед всеми? А этот соблазнитель юных дев даже и не скрывал вчерашней удачи, хоть и не говорил об этом вслух. Теперь я постоянно чувствовала на себе его заинтересованный взгляд, а во время привалов он оказывался рядом со мной, участливо предлагая меня понести.

Может, раньше я на это бы и согласилась, но не теперь. Ноги болели, так как тонкие подошвы сандалий почти не защищали их от острых мелких камней и жестких стеблей колючего кустарника, который рос здесь повсеместно, но я упрямо шла сама.

— Командир, наверное, ей больше понравилось, когда я нес ее на плече! — хохотнул Гаруул, глядя на очередной тур уговоров, и тут же получил сандалией в лоб. Такой меткости я от себя не ожидала. Глаза коренастого бородача округлились от неожиданности, теперь он удивленно смотрел на меня. Солдаты, а с ними и Асмаррах заржали, как стадо коней. Я закрыла лицо руками. Боги, что я творю!

— А ты меткая, царевна! — услышала я совсем рядом с собой баритон Гаруула. — Держи. Но если что, то мне совсем не сложно тебя понести. Ты такая легонькая — как пушинка.

Он всунул мне в руку обувь и отступил. Тут бы самое время и согласиться, но моя самодостаточная и независимая половина уже закусил удила.

Закончилось все ожидаемо плачевно. На одном из спусков, показавшимся мне поначалу легким, подошва отчего-то заскользила и я, кувырнувшись через голову, покатила вниз по каменистому склону. Быть бы мне на дне пропасти, если бы не жесткая петля аркана, остановившая стремительное падение.

— Я у тебя в долгу, Асан! — крикнул Асмаррах, быстро спускаясь по склону.

— Осторожнее, командир! Там с краю все осыпается!

Мужчина тем временем подобрался ко мне почти вплотную. Я лежала на спине, боясь пошевелиться, стянутые арканом руки онемели, спину жгло.

— Цветочек, ты там жива? — тихо окликнул меня мой спаситель.

На глаза навернулись слезы, но я нашла в себе силы кивнуть.

— Попробуй перекатиться на живот, спина-то вся изранена, — предложил он мне.

Из последних сил сдерживаясь, чтобы не заплакать, я попробовала перекатиться. Несколько камней выскользнули из-под меня и шумно осыпались вниз. Я зажмурилась, приготовившись к падению. «Спокойно, Юля! Да, больно, да, страшно, но ты же не кисейная барышня? Нужно выполнять все просьбы спасателей!» На какое-то мгновение мне показалось, что я снова вернулась в свое прежнее тело. Боль перестала казаться такой уж невыносимой, нащупав руками грубую веревку аркана, я схватилась за нее, перевернулась и встала на колени. «Молодец! — похвалила я саму себя — Теперь аккуратно ползи наверх».

Прошло еще несколько секунд, и усилия принесли плоды. Крепкие руки подхватили

меня, вытянули и поставили на трясущиеся ноги. Я стояла зажмурившись, боялась открыть глаза, опасаясь, что действительно окажусь в своем времени. Исчезнет этот мир, исчезнет любимый. Я понимала, что прожить с ним всю жизнь долго и счастливо нам здесь не дадут. Но просто знать, что он рядом — уже легче. Вчера я была готова на любые безумства, только бы вместе, сегодня я снова осознала всю несбыточность наших планов, но лишь бы была надежда.

Знакомый аромат его тела окутал меня, и я решилась открыть глаза. Вот он, бесстрашный и отчаянный, когда речь идет о битвах, и сильно взволнованный сейчас. Стоит и смотрит на меня, словно видит впервые. Я сглотнула слезы и кривенько улыбнулась.

— Только не трогай спину. Мне кажется, что там все очень плохо, — удалось выдавить мне, прежде, чем рухнуть в его объятия. Боль нахлынула нестерпимо. Все же Юи была гораздо нежнее, чем Юля.

Теперь Асмаррах меня нес сам. На спине, посадив в широкую петлю из плаща. Все раны жутко саднили и болели, но я пыталась не думать об этом, прижимаясь щекой к любимому. Мне хотелось ласкать его, гладить и обнимать, наслаждаясь теми минутами, что отпущены только нам двоим. А потому я украдкой, одним пальчиком, проводила по его груди или тихонько целовала спину, убедившись, что никто не видит.

Вися на обрыве, я осознала, что еще ни разу в жизни никого так не любила. Это было глупо, по-детски, но я теперь и была этим самым ребенком. Той самой Джульеттой, что не могла ни дня прожить без Ромео. Меньше всего мне сейчас хотелось быть серьезной, дальновидной, думающей о государственных делах.

Поначалу царевич довольно стойко переносил эти маленькие приставания. Он молчал, только мышцы на его груди каменели от моих прикосновений. А потом не выдержал и, слегка приотстав от отряда, тихо прошипел:

— Красавица, неужели ты думаешь, что я сделан из камня?

— Это тебе моя месть за нескромные взгляды и довольный вид! — издевательски заметила я и ласково потерлась щекой о его спину. Царевич хмыкнул и легонько тряхнул меня.

— Эй, полегче! — пришла моя очередь возмущаться. — У меня все болит! А это меня хоть немного отвлекает.

— Ты просто не можешь себе представить, что я с тобой сделаю, когда представится удобный момент! — недвусмысленно пообещал мне мой носильщик.

— Ничего! Я раненая и больная! — ехидно подначила его я. — Со мной нужно обращаться бережно.

— Поверь, я буду очень бережен, но ты пожалеешь, что спровоцировала меня сейчас! — пригрозил он.

— Хорошо, если тебе совсем не нравится, то я не буду! — покорно согласилась я и затихла.

Асмаррах вдруг замедлил свой ход, и я испугалась, что перегнула палку.

— Я не сказал, что мне не нравится, — вдруг самым обычным голосом сказал он. В его тоне не было прежней игривости.

— Просто я схожу с ума, когда ты так делаешь. Я ни о чем не могу думать, только о том, чтобы остаться с тобой наедине. Знаешь, ты вчера не только украла мое сердце, но и похитила душу. Со мной такого никогда еще не было, поверь, у меня было много женщин!

Я почувствовала, как в его душе поднимается буря, а в моей зарождается ревность. Мы

стояли на склоне, а отряд продолжал свой спуск.

— Да, я всегда любил женщин. Вы красивые, радуете глаз, но всему есть свое время! А с тобой я теряю разум, не хочу отпускать, слышишь?

— Слышу... Я сейчас рядом, с тобой. Я тоже никогда ничего подобного ни к кому не испытывала, — это было все, чем я могла ему сейчас помочь.

Асмаррах рассмеялся и аккуратно опустил меня на землю. Я удивилась, но вылезла из лямки. Теперь он смотрел на меня и смеялся.

— Конечно, мой цветочек, — сказал он, заключая мое лицо в свои ладони, — потому, что я был первым. И последним, запомни это!

Его лицо снова стало серьезным и даже немного пугающим.

— Я не позволю ни одному мужчине прикоснуться к тебе, моя жрица! Ты или моя или ничья! Рядом с тобой я готов свернуть горы! Мне нужна только ты! Ни одна женщина никогда не говорила со мной так, как ты, но я позволяю это. Мне плевать и на то, что мои воины смеются надо мной. Плевать! Если ты рядом.

Его глаза снова горели тем самым пламенем, что так пугало меня. Все это было слишком фанатично... хотя откуда мне знать, как любят на самом деле. За все свои прошлые тридцать с хвостом я так и не испытала ничего подобного, а уж царевна тем более.

Положив ладони на его тяжело вздымавшуюся грудь, я поднялась на носочки и поцеловала в губы. Получилось неловко, но как смогла.

— Наверное, это любовь, Асмаррах Самирский. Недаром же говорят, что это болезнь. Болезнь опасная, от нее даже умирают.

На сердце снова стало грустно. Вот сейчас мы стоим на горном склоне, забыв о товарищах, не думая ни о чем, кроме сжигающих нас чувств, но оно придет, то время, когда мы снова окажемся далеко друг от друга.

— Знаешь, я в детстве слышала легенду о влюбленных, что предпочли умереть, но не быть друг без друга. Их семьи были против их брака. Никогда не думала, что со мной будет так же.

— Нет, цветочек, у нас все будет хорошо. Я обещаю! — фанатичный блеск в глазах исчез так же легко, как и появился. Теперь передо мной снова был тот самый самоуверенный наглец. — Залезай обратно! Мы сильно задержались, а это чревато новой порцией шуточек. Мои ребята уж больно любят пикантные моменты.

Мы уже нагнали отряд и снова шагали вместе со всеми. Шалить мне расхотелось, и я просто мешком висела в лямке. Меня мучила теперь совсем другой не менее глупый вопрос:

— Асмаррах, — тихо позвала царевича я. — Почему ты почти никогда не зовешь меня по имени? Оно тебе не нравится?

Мой носильщик странно хмыкнул, но ответил:

— Нравится, но я хочу называть тебя им только когда буду совсем рядом. Совсем близко. Моя мать говорила мне, что иначе духи другого мира украдут самого дорогого тебе человека.

Он говорил с полной серьезностью. Похоже, мой будущий великий завоеватель был страшно суеверен.

— А ничего, что я тебя зову по имени? — удивилась я.

— Ничего, это не истинное имя. Оно для всех. Когда я получу власть, у меня будет еще одно. У нас это нормально.

Он помолчал еще немного, осторожно перелезая через каменный завал.

— Я скажу тебе свое имя, царевна, как только ты при всех назовешь меня своим мужем и поклянешься в этом перед богами, обещаю!

Я закрыла глаза. Если бы только мой отец принял такой выбор!

К маленькому затерянному в горах храму Серебрянорогого наш отряд добрался только на следующий день. Ночевка в горах была тревожной. Разбить полноценный лагерь мы не могли.

Кайлас отыскал небольшой ручеек с ледяной чистой водой, здесь и устроили привал.

Знающий снова промыл водой мои ссадины на спине.

— Твои раны хорошо заживают. Думаю, что шрамов не останется, — сказал он.

Но сейчас меня слишком волновало другое. Красота, что так важна была для Юи, не заботила сейчас. Гораздо важнее было то, как нам поступить в дальнейшем. На тот момент моего «я» больше не существовало, были только мы, но для всех ли?

В храме раненым отвели отдельное помещение. Несколько жрецов теперь заботились о них, и я почувствовала себя лишней.

В голове теперь вертелась одна мысль: «Как мне сообщить отцу, что я уже выбрала себе мужа?» Вряд ли он согласится. Его выбор основывался на благе для государства, и имел гарантии. Мой же — только надежда на то, что Асмарраха я хоть сколько-то дорога. Хотя все его слова просто «кричали» об этом.

Вознеся положенные подношения Аннани, я сидела у алтаря, думая о грядущем и о том, что мои поступки неразумны и не взвешены. О том, что в столице у меня есть враги, которые и подослали отряд, напавший на наш лагерь. Можно, конечно, отсидеться здесь, но время явно играло против нас.

— Мне кажется, что для такой молоденькой и прекрасной девушки ты слишком много думаешь? — раздался сзади меня знакомый голос. Асмаррах незаметно подошел и опустил мне на плечи свои большие и сильные руки. Я вздрогнула.

— Не больше, чем нужно. Если не сделаешь сама, то кто сделает?

— Например, я. Тебе не кажется, что следует предоставить решение мужчинам? — по его тону сложно было понять, насколько он серьезен. В голосе слышалась легкая игривость, но не более.

— Если бы это было возможно, я бы и не думала. Но решение необходимо принять быстро. Отряд, посланный владыкой, уже должен ожидать меня на рудничной дороге. Значит, нужно поспешить туда, чтобы предотвратить непоправимое. Как ты помнишь, кто-то из моих телохранителей спасся и должен доложить о нападении во дворец. Если я в ближайшее время не вернусь в Ассубу, то могут поползти слухи о моей смерти или пленении. Этого нельзя допустить.

— Все будет хорошо! — Асмаррах присел рядом и аккуратно обнял меня за плечи. — Завтра мы поедем туда и вместе вернемся в Ассубу.

Я повернулась к нему.

— Мне кажется, что тебе опасно сопровождать меня...

— Почему же? Твой отец должен быть благодарен мне за твое спасение.

— Можешь считать меня глупой, но мне кажется, что спасение можно «вернуть» под разными углами. Все зависит от того, кто первый это сделает. Я не знаю, кто из моего отряда спасся. Да и вообще, из моего ли?

Я пересказала ему все то, о чем поведал мой начальник телохранителей. Мужчина

задумался.

— В твоих словах есть доля истины, моя жрица. Но против любой клеветы будем мы с тобой. Наше слово весит больше, и оно правдиво.

— Нас двоих для этого будет недостаточно. А вот слова Асмата-ины очень бы помогли, но он слишком слаб и еще не способен передвигаться.

— Все будет хорошо, мой цветочек! Ты вернешься домой и все расскажешь владыке, а я приведу помощь, чтобы у Кареша более не возникало проблем с кочевниками. Я готов ради тебя на все, любимая!

Он в первый раз назвал меня любимой, в первый раз заговорил о своих чувствах не как о колдовстве, и от этого стало очень тепло. Я прижалась щекой к его плечу.

— Я много думал о нас, цветочек. Думал о том, что мне страшно выпустить тебя из объятий даже на миг, — Асмаррах снова смотрел на меня своим «пламенным» взглядом. — Прощу тебя, принеси обет на алтаре Серебрянорогого, чьей посвященной ты являешься, в том, что признаешь меня своим мужем. А я поклянусь, что выбрал себе жену и не возьму себе другой!

— Асмаррах, — я даже нашла в себе силы улыбнуться. — Ты же отлично знаешь, что мужчинам не возбраняется иметь больше одной жены, а уж наложниц никто не считает. Зачем ты обманываешь меня и себя?

— Я не возьму другой жены, кроме тебя, моя жрица, да отсохнет у меня и больше не встанет! Мне нет нужды в чужом мнении, одна ты владеешь моими мыслями и сердцем!

— И у тебя нет других женщин? — чувствуя себя как змея подколотая, спросила я. Царевич склонил голову и зарылся в мои волосы.

— Есть, — я почувствовала, что эти слова дались ему с трудом. — У меня есть несколько наложниц, но это не должно волновать тебя, моя жизнь. Я более не прикоснусь ни к одной из них, обещаю.

Эти слова было так же тяжело принять, как и произнести.

— Скажи мне, — не чувствуя своих ног и рук от волнения, продолжала я, — дети у тебя тоже есть?

Для этого времени такое было вполне нормально, но мне все равно было тяжело смириться с подобным.

— Не думай об этом! — горячо зашептал мне на ухо любимый. — Я надеюсь, что ты подаришь мне сына и дочку... и еще много детей. Все остальное значения не имеет!

Значит, есть... И, вероятнее всего, не один. Что ж, или ты смиришься или не стоило начинать. В этой эпохе контрацептивов нет. Почти нет.

Осознание всего произошедшего красной нитью засело в голове. Если в том, что при обряде жрецы позаботились о моей безопасности, я почти не сомневалась, то все дальнейшие события могли привести к беременности. Мне стало страшно.

— Я боюсь, — только и смогла выдавить из себя я.

— Чего? — удивление мужчины было искренним.

— Я могла вчера... Ну, ты понимаешь... — краска смущения залила мое лицо. От смущения я не находила себе места. Вчера мы любили друг друга не один раз, ни о чем не думая.

Но Асмаррах только поцеловал меня так долго, нежно и так ласково, что все тревоги вмиг улетучились.

— Это лишь подтвердит то, что ты моя жена и боги благословили нас! Ты не сможешь

сделать меня более счастливым. Это станет решением всех проблем. Наш сын.

Любимый был искренним, он и правда верил, что общий ребенок только улучшит ситуацию. А вот что скажет мой отец? Скорее всего, не обрадуется. Думать о том, как решают такие ситуации в эти времена, совсем не хотелось.

— И сегодня я не отпущу тебя! — он смотрел на меня как-то наигранно строго. — Одна красавица слишком долго дразнила меня сегодня, чтобы уйти безнаказанной!

— А не много ли один наглый царевич хочет? — выдохнула я, в перерыве между поцелуями.

— Нет! Я хочу тебя в жены всю, без остатка и сегодня! Иначе, я просто не отпущу тебя, так как украл! — его шаловливые руки уже ласкали мою грудь.

— Асмаррах! Ты даже не дал мне подумать! — прошептала я, пытаюсь освободиться, но это только раззадорило любимого.

— Женщине вредно думать! — он начал целовать мое ушко, и я почти не могла сопротивляться.

— Полагаешь?

— Уверен! Или ты хочешь, чтобы я перестал? — негодяй был слишком ласков и убедителен.

— Я принесу обет, любимый! Принесу на всех алтарях всех богов!

— Тогда жди здесь, — выдохнул он, с неохотой отрываясь от моих губ. — Я позову жрецов и свидетелей. Пусть Серебрянорогий снова соединит нас! В эту ночь я не отпущу тебя ни на миг...

Асмаррах исчез, а меня вновь начали терзать тревоги. Все было неправильно! Как я посмотрю в лицо отцу? Что я скажу Энмеру? Да он меня и слушать не будет! Захотелось сбежать, сбежать как можно дальше ото всех проблем, назад, в свое время, где мне не нужно спрашивать ни у кого разрешения на то, чтобы быть рядом с любимым мужчиной! «Всеблагая Мать! Помоги мне! Открой свою волю!» — беззвучно взмолилась я, даже не надеясь, что буду услышана.

Пребывая в одиночестве, я еще могла думать конструктивно. Как только Асмаррах прикасался ко мне — я не искала ничего, кроме любви и ласки. Хотелось закрыть глаза и не думать ни о чем. Уровень гормонов в крови зашкаливал.

Я так и не успела найти в себе достаточно сил, чтобы сбежать. Очень скоро вернулся любимый и привел с собой почти всех жрецов и воинов отряда.

Сама церемония принесения брачных обетов проста: двое произносят клятвы и смешивают кровь, которая затем попадает на раскаленные угли жаровни. Асмаррах так нежно смотрел на меня, что все те крохи сомнений, что нашептывала логика, просто испарились. Я тонула в этих глазах, а его голос был хуже наркотика: одурманивал и внушал веру.

Серебряный кинжал рассек его ладонь, а затем и мою, принеся не боль, а эйфорию. Сильные пальцы сплелись с моими, а его губы уже обещали неземное наслаждение. Я даже не заметила, как мы остались одни.

— Ну что, красавица, пришло время расплачиваться за свои поступки, — промурлыкал мой супруг, раздевая меня уже не только взглядом. — Сегодня здесь только мы и Небесный бык, что благословил нас! Я распашу твоё поле и засею его столько раз, сколько смогу. А ты будешь просить меня об этом!

Глава 20. Сколько веревочка ни вейся...

На целых две ночи мы забыли о существовании остального мира, пока он не напомнил о себе нам. Разведчики нашего отряда принесли весть о том, что карешский отряд в двадцать человек расположился всего в дне пути на север, как раз там, где рудничная дорога вплотную подходила к горам. Мне нужно было дать им знать о том, что я жива, и поспешить на встречу, но из моих телохранителей в живых остался только Асмаг-ина, который шел на поправку, однако передвигаться не мог. Везти его на лошади тоже было рискованно, так как начавшие заживать раны могли открыться. Идти на встречу в сопровождении бойцов Асмарраха — неразумно. Воинам следовало как можно скорее покинуть территорию Кареша, чтобы их не сочли виновными. О том, что будем говорить, мы заранее условились с Асмагом, и в нашем рассказе не было места самирским шпионам. Про то, что среди напавших был человек из дворца, я решила рассказать лично отцу, когда окрепший телохранитель вернется в столицу и сможет это подтвердить.

Решение проблемы о встрече с прибывшим подкреплением предложил старший жрец храма, где мы нашли временное пристанище. Если царица не может выехать навстречу отряду, то они могут забрать ее из святилища. Один из служителей сможет привести воинов сюда. Это казалось разумным.

Оставалось самое сложное — разлука с любимым. Разве смогу я теперь заснуть без его объятий? Разве смогу жить без половинки своего сердца?

Раньше все это казалось бредом, придуманным слишком романтичными людьми, но теперь я осознала, что больше не смогу жить прежней жизнью. Мне трудно было не смотреть на него, не прикасаться к нему, отпустить любимого хоть на час. Моя влюбленность принимала форму тяжелой болезни с осложнениями. Волна гормонов мешала логично думать, а мысль о расставании вызывала панику. Девичье тело не желало слушать доводы разума, пришлось быть очень настойчивой.

У Асмарраха процесс влюбленности перешел в хроническую стадию. Он лучше владел собой, если, конечно, мы не были одни. Любимый хоть и с явным нежеланием, но согласился с моими доводами, что их пребывание на территории Кареша должно быть скрыто. Враги не упустили бы шанса «повесить всех собак» на наследника Самира. Это могло только ухудшить отношение владыки к нему, и поставить крест на официальном признании нашего брака.

Будет гораздо лучше, если он появится в Ассубе немного позже и приведет с собой хоть сотню воинов, чтобы, как и обещал, помочь с кочевниками. Возможно, тогда отец увидит в Асмаррахе ту выгоду и поддержку, которой так желал для своей любимой дочери. Проблем со своим родителем царевич не видел. Для Асармериба было достаточно уже того, что его сын достиг своей цели. Править он намеревался еще долго, и «отпустить» наследника в Кареш, скорее всего согласится. Удивительно, но честолюбивый и гордый Асмаррах не видел никакого принижения своего достоинства в том, что официальной наследницей буду я.

— Если это и есть та цена, которую я должен заплатить за то, чтобы обладать тобой, то я сделаю это без сомнения. Цветочек, разве я не получу взамен лучшую из женщин? Разве она настолько глупа, чтобы не слушать мужа, если он дает верные советы? Да и защитить тебя я смогу.

Ууу, негодяй, разве можно не слушать того, кто шепчет тебе такое на ушко?! Да я со всем соглашусь, если он еще и поцелует его! Может быть, женщины действительно предназначены для семейного счастья?

— Как я смогу прожить так долго одна, без тебя? Мне страшно возвращаться в Ассубу, мне страшно от того, что я знаю, кто враг, но ничем не могу себя защитить. Я много думала о том, что ты рассказал мне. Ну, о том подслушанном служанкой разговоре. Нападение на мой отряд может и быть тем «решением проблемы». А когда я вернусь невредимой, они могут попробовать другой способ, но тебя не будет рядом.

Я прижалась к его груди, ища защиты и успокоения.

— Ничего не бойся, любимая! — Асмаррах зарылся лицом в мои волосы и обнял. — Я не допущу, чтобы ты осталась без защиты. Следом за тобой в Ассубу поедет Гаруул. Он уже почти свой во дворце. Найми его к себе в охрану, думаю, в этом отец тебе не откажет.

— Гаруул? — перед глазами всплыло бородатое лицо моего «похитителя». Этот остряк ни разу не упустил возможности отпустить сальную шуточку про наш роман.

— Да ни за что! — отрезала я. С чего это мне доверять свою жизнь этому хохмачу?

Асмаррах рассмеялся, обнимая меня еще сильнее.

— Глупая царевна, не смотри ты, что у него язык без костей! Когда надо, Гаруул умеет и помолчать, а воин из него отличный. Выглядит он почти как карешец и легко сходится с людьми. Он будет твоими глазами и руками. И щитом, если понадобится.

— Пусти, ты меня сломаешь! — запротестовала я, пытаюсь выбраться из объятий. — Пусть он хоть какой, но я против!

Асмаррах хватку ослабил, но до конца не отпустил. Развернул меня лицом к себе и поцеловал.

— Доверься мне, — прошептал он, отрываясь. — Он будет лучшим защитником. А про шуточки я ему объясню — будет молчать.

— Ага, — промурлыкала я, — будет молчать и громко думать!

Самирские воины покинули храм рано утром, когда я еще спала. Так было лучше, проще смириться с разлукой. Еще вчера один из младших жрецов ушел на поиски встречающего меня отряда, и сегодня они должны были появиться здесь.

Я навестила Асмата, чтобы еще раз обсудить нашу стратегию. За эти дни мой последний телохранитель стал смотреть на меня совсем по-другому. Если раньше все мои охранники просто исполняли свой долг, то теперь во мне видели личность.

— Не волнуйтесь, прекрасная госпожа, я хорошо знаю всех воинов дворца. Для многих из них мое слово много значит. Если я в ком усомнюсь — его к вам близко не подпустят!

Я кивнула. Сторонников у меня немного, но без их помощи моя жизнь закончится быстро и трагично.

— Как только позволят раны, возвращайся во дворец. Твоя помощь будет вознаграждена, — я поднялась, собираясь уходить.

— Мне не нужна награда, царевна! — голос телохранителя был тверд. — Я готов служить вам и владыке. Я обязан вам жизнью и отдам ее за вас.

От этих слов стало радостно на душе. Неужели я обрела еще одного верного человека?

— Благослови тебя Всеблагая, Асмаг-ина! Я встречу отряд, и приведу их командира сюда. Надеюсь, им не приказано доставить меня в Ассубу силой.

— Не бойтесь, царевна, я не оставлю вас и не предаю!

Я в последний раз оглянулась на воина, лежавшего на низком ложе. Он, приподнявшись на руке, провожал меня долгим взглядом. А с улицы уже раздавались людские голоса и фыркание лошадей.

Во дворе храма спешили воины в кожаных доспехах и тяжелых плащах с медными нашивками. Жрецы приветствовали их, подавая бурдюки с водой и пресные лепешки.

Я немного помедлила, перед тем как выйти из прохладной темноты храма, но потом решительно зашагала вперед. Теплый воздух ударил в лицо пыльной волной. Сердце встревожено заколотилось. Отчего-то совершенно не хотелось говорить с этими людьми, не хотелось к ним идти. Стены маленького храма еще хранили воспоминания о кратковременном счастье, а за его стенами была лишь неопределенность.

Золотистые лучи утреннего, еще не жаркого солнца, приятно пробежали по коже. Я несколько раз глубоко выдохнула, собираясь духом.

— Приветствую вас! — мой голос прозвучал тихо и, казалось, утонул в шуме двора.

Но гомон мгновенно стих, все прибывшие солдаты теперь смотрели на меня. Разумеется, они знали, как выглядит старшая царевна, ее внешность была слишком необычна для этих мест, но сейчас к ним шла совсем другая девушка. Не изнеженно-элегантная, облаченная в тонкие одежды красавица, как во дворце, а вполне земная, обычная. Сейчас мои светлые волосы были подняты наверх и обмотаны тканью, из-под которой выбивалось лишь несколько непослушных прядок. Косметики на лице не было, и светлые глаза почти терялись в окружении бесцветных ресниц. От дорогих одежд остались только тонкая белая туника и длинная темная юбка, задрапированные светло-серым не вышитым покрывалом. Наверное, в таком виде красивой меня мог счесть только влюбленный Асмаррах.

От группы прибывших отделился высокий загорелый мужчина лет тридцати, видимо, командир. Его лицо показалось мне смутно знакомым, скорее всего, я часто видела его во дворце. Широкие скулы, почти до половины заросшие бородой, темные карие глаза под густыми дугами бровей, вьющиеся волосы, собранные на широком лбу кожаным шнурком, бычья шея. Его доспех почти ничем не отличался от остальных, только по краю плаща шла темно-синяя кайма дорогой ткани и край туники украшали разноцветные кисти.

Приблизившись ко мне на три шага, мужчина опустил на правое колено. Прочие воины, как по команде, склонили головы.

— Сиятельная царевна, я рад видеть вас в добром здоровье! — низкий голос воина разнесся по двору. — Владыка повелел сопроводить вас во дворец, как можно скорее. Он был обеспокоен тем, что благородный Энмер-ани покинул вас.

— Хорошо, — обреченно согласилась я, — но прежде мне нужно поговорить с тобой, командир. Это не займет много времени, но и отлагательств не терпит.

Я старалась вести себя как можно более непринужденно и царственно. На самом деле, любой из этих мужчин был способен справиться со мной и силком увезти в Ассубу, но позволять им подобное я была не намерена. Приказав жестом воину следовать за собой, я скрылась в прохладном сумраке храма. Командир поднялся, отцепил от пояса короткий клинок, и последовал за мной.

Длинный узкий серый коридор привел нас к комнатке, где лечили больных. В помещении было прохладно и сумрачно, так как сейчас она освещалась только светом, проникавшим из внутреннего дворика. Асмаат, услышав нас, приподнялся на своем низком плетеном ложе.

— Мальхат, ты ли это, брат мой? — удивленно спросил мой телохранитель, как только

наши фигуры появилась в дверном проеме.

— Аснат-ина! Храни тебя Аннан и Всеблагая, ты жив! — пробасил пришедший со мной мужчина и кинулся к больному, забыв о моем присутствии. Они обнялись и только потом вспомнили обо мне. Осознав свою оплошность, командир прибывшего отряда смутился, быстро поднялся и застыл в той самой позе каменного истукана, в которой стражи стоят в дворцовом карауле.

Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. За последнее время я отвыкла от церемоний и жила как самая обычная счастливая девушка. Сердце снова защемило от осознания разлуки с любимым, но для печали не было времени.

— Оставим все лишнее. Аснат-ина, помогите мне рассказать уважаемому Мальхату-ина о том, что случилось с нашим отрядом, — попросила я, отходя к оконному проему, чтобы лучше видеть мужчин. — Нам же будет интересно узнать, что об этом известно в Ассубе и откуда.

Аснат кивнул и тяжело откинулся на ложе.

— Я рад, что именно ты привел отряд, брат, — начал он. — Другому я бы сейчас не доверился. Все мои люди погибли и виноваты в этом свои же! Среди нападавших я узнал некоторых.

Я смотрела на мужчин. Конечно, вот почему Мальхат показался мне таким знакомым. Они с Асхатом родственники! Только на лице моего телохранителя было гораздо меньше растительности, хотя мужчины здесь никогда не брились.

— Сейчас я еще слаб и не смогу ехать с вами, но благодаря заботам моей госпожи, — он посмотрел на меня, — я все еще жив. Если милость Рогатого не оставит меня, то не позднее чем через месяц я вернусь.

Мальхат поднялся от ложа, повернулся ко мне и склонил голову в поклоне.

— Не стоит отвлекаться, — попросила я его. — Расскажи мне о том, что происходит в Ассубе.

Оказалось, что почти четыре дня назад в столицу прискакал полуживой воин из моей охраны. Мужчина был ранен, но в руке крепко сжимал обрывок самирийского боевого пояса. Слов было не нужно, хотя сам воин не смог в утренней темноте опознать нападавших.

Мне это показалось очень странным. Никто из отряда Асмарраха не носил самирских доспехов. У них были клинки с чеканкой, у некоторых — колчаны с символикой, но не более. Но оружия никто не терял, и об утрате пояса тоже не говорили. Вероятнее всего, напавшие хотели выдать себя за самиритов, чтобы начать конфликт, и, кажется, это им это почти удалось.

Аснат, вероятно, думал так же. Он слушал родственника, закрыв глаза, две глубокие морщины прорезали широкий лоб. Когда тот дошел до самирской роли в нападении на нас, даже застонал, словно от боли.

— Нет, Мальхат, на нас напали свои же, поверь! — мой телохранитель открыл глаза. — Я сам видел. Одежды на них были как у горцев, знаешь, короткие такие из кожаных полос и плащи. Думаю, им все равно было кого подставлять.

Дорогу до Ассубы я помнила плохо. Повозок у отряда не нашлось, и мне пришлось ехать верхом, вернее, боком. Ни седла, ни стремян у местных лошадей не было. Воины держались по-индейски, только ногами. О таком способе передвижения царевны и речи быть не могло. А потому мы медленно тащились по грунтовой пыльной дороге. Командир Мальхат —

пешком, ведя коня, остальные верхом, окружив нас с боков.

На равнине, несмотря на самый конец эмиша, солнце было обжигающим. Мне пришлось снова с головой замотаться в покрывало, а на плечи накинуть тяжеленный воинский плащ, сшитый из двух слоев жестких шкур: воловьей и козьей, мехом внутрь. Возможно, эта одежда прилично защищала от стрел и камней, но ее аромат был способен привлечь сотню голодных вурдалаков и совершенно не радовал мой царский носик. Но я терпела. В последнее время все, что мне оставалось, — это терпеть: тяготы поездки, походную кухню, отсутствие возможности помыться и разлуку.

Сейчас я с большим теплом вспоминала все те удобства, что окружали меня в начале путешествия. Мои служанки, «гробик на колесах», все это было теперь бесконечно далеко. Я старалась не позволять себе думать о судьбе той бедной девушки, что была со мной в шатре в то роковое утро. Самирийцы не нашли ее тела, возможно, ее захватили в плен и продали в рабство. А может, отвели подальше и убили.

Захваченный воинами Асмарраха пленник тоже не прояснил ситуации. Говорить он отказался, притворяясь горцем, и о его дальнейшей судьбе мне даже не хотелось думать. С врагами самирский царевич не церемонился.

Через две ночи, проведенные в кошмарных условиях, вдоль дороги начали появляться пастбища, поля, люди и их жалкие хижины, слепленные из глины, соломы и навоза. Небольшие притоки Иреша позволяли возделывать поля, и сейчас на них шла активная уборка урожая. Завидев нашу процессию, жители бросали свои дела и приветственно махали руками. Некоторые подбегали, чтобы расспросить воинов, но те отвечали резко и лишь о том, что войны сейчас нет.

Последнюю ночевку перед возвращением в столицу я хотела провести под крышей. Мне нужно было отмыть с себя пыль, сделавшую мою бледную кожу грязно-серой, привести в порядок одежду и волосы. Входить в большой дворец оборванкой неприлично и опасно. Наследная царица себе такого позволять не должна. Поэтому я долго расспрашивала Мальхата и его солдат по поводу храмов или святилищ, расположенных по пути, и настояла на остановке в самом большом из них, посвященном Иинат.

Великую Мать чтили по всей нашей долине. Она пробуждала посева, помогала во врачевании и при родах, повелевала бесчисленными мелкими духами — Ка, что являют людям ее гнев и чудеса. Община храма, состоящая в основном из женщин, помогала жителям мелких поселений, могла содержать при себе небольшой отряд воинов, охранявших порядок, имела право вершить суд, если преступление было не слишком значительным.

Мужчины к служению Иинат были склонны реже, но все же встречались. Чаще всего они становились музыкантами, жрецами низкого уровня посвящения, лекарями, так как высшее служение было доступно лишь женщинам.

Часто встречались и двойные алтари, особенно на окраинах обжитых земель. Здесь Аннан был более значим, так как был божеством воинов, хотя некоторые из них частенько поминали всуе и Эрнааля — владыку гибели, огня и хаотического разрушения. Именно с ним связывали землетрясения, обвалы и пожары.

Обычные карешцы предпочитали не произносить вслух имен тех, кто властвует по ту сторону. Только побывавшие в опасных сражениях солдаты, не раз бывавшие одной ногой в нижнем мире, возносили мольбы и жертвы Эрнаалу и его темной супруге Тиссерит — матери болезней и проклятий.

Мало кто знал об этом, но почти в каждом большом храме Иинат был алтарь для

божеств нижнего мира. Безжалостная Тиссерит нашла и присвоила себе осколок души Всеблагой и должна была почитаться как ее ипостась. Но именно она, по преданиям, и учила людей бороться с насылаемыми ей же хворьями, так как этого требовала частица сущности Иинат. Эрнаалю же можно было задобрить жертвами и красотой. Вспоминая о тех временах, которые провел в чертогах Великой Матери, он смягчался и укрощал свой нрав.

Возвращаясь домой, я отчетливо чувствовала, как нарастает гнев этих богов, уже готовый выплеснуться на Кареш, подобно огненному дождю. После отъезда Асмарраха меня почти каждую ночь мучили кошмары, в которых под ногами горела земля, отовсюду слышались предсмертные стоны людей, хруст ломаемых костей, а каменные стены дворца трескались, обрушаясь на мою голову. А надо всем этим ужасом парил мужчина, с пальцев которого дождем сыпались огненные капли, пожирающие все вокруг. Разглядеть его никак не получалось, свет, отраженный доспехами, слепил глаза. В такие моменты моя душа могла только плакать. Я же билась в липкой паутине, неспособная позвать на помощь. Это была вторая причина, по которой наш отряд вечером третьего дня прибыл в храм Всеблагой.

Жрицы маленького святилища нашему прибытию обрадовались. Наверное, и сюда доходили слухи о том, что царевна — любимица Иинат. Устроив мой отряд на площади перед храмом и снабдив солдат всем необходимым, служительницы увели меня во внутренние помещения. Здесь я, наконец, смогла отдохнуть и заняться собой, избавленная от мужских глаз. За последние два дня я старалась даже не отходить по нужде, так как в чистом поле найти укрытие было сложно. Умываться приходилось символически, обтирая лицо и руки влажной тряпицей, так как воду берегли.

Восхищенные моей бледной кожей и медовым цветом волос, жрицы помогли мне отмыться и привести в порядок насквозь пропыленные одежды. Здесь тоже знали про отвар мыльного корня, но мне все же удалось их отблагодарить, рассказав об укрепляющих отварах, рецепты которых я узнала от Каи.

Повезло и с тем, что старшая жрица была хорошо знакома с моей наставницей и согласилась отослать ей весточку тем же вечером. Необходимо было срочно предупредить сорадницу о скором возвращении и попросить служительниц старого храма встретить нас завтра вечером у западных ворот. Царевна должна была появиться перед владыкой во всем блеске, к пущей зависти врагов и завистников. Я нацарапала послание тайным письмом на куске козьей шкуры, используя в качестве чернил охру и уголь, смешанные с воском. Такой способ пересылки сообщений часто использовали знающие, чтобы защитить послание от любопытных глаз. Кому в голову придет искать слова в свертках и тканях?

Теперь оставалось самое страшное — принести жертвы иным богам. Старшая жрица нахмурилась, выслушивая мою просьбу.

— Ты думаешь, что будет война? — прищамкивая беззубыми челюстями спросила она. — Этот год и так тяжок для жителей. Урожай получился плохой и мы уже не раз посылали к владыке с просьбами помочь, но, если верить тебе, везде плохо.

Мы сидели в маленькой келье за главным алтарем, так как я не хотела, чтобы мой рассказ стал достоянием чужих ушей.

— Но сны твои плохие. Видимо, Серебрянорогий предупреждает об опасности. Знать бы только, как ее избежать! — пожилая жрица задумчиво крутила золотые браслеты на полноватых руках.

— Я сделаю все, что в моих силах, мудрая, — заверила ее я, — но мне нужна будет помощь из всех святилищ и храмов. Народ в горестях своих полагается на правителей и

Богов. Поддержите меня и помогите предотвратить войну. Из-за холмов нам грозят кочевники, так пошлите своих воинов на помощь.

Моя собеседница явно колебалась.

— Владыка никакого приказа не рассылал и помощи не просил, — посетовала она.

— Владыка велик, но он человек. Разве не может храм оказать ему помощь, уж правитель сумеет ей распорядиться! Да и предупредить владыку жрецы обязаны! — я старалась говорить как можно убедительнее, понимая, что не позднее чем через сутки мне предстоит упрашивать отца принять военную помощь от Самира. О том, почему я жду ее именно оттуда, объяснить было намного сложнее. Но я обещала Асмарраху, что расскажу владыке о наших клятвах на алтаре Серебрянорогого.

— Мудрая, но если помощь владыке может и подождать, то жертвы принести нужно сегодня. Может быть, всего, что привиделось мне, еще удастся избежать.

Здесь жрица согласилась, и мы пошли готовить обряд.

На рассвете отряд покинул гостеприимную обитель. Храм предоставил в мое распоряжение небольшую крытую повозку, в которую воины впрягли коня. Чистая, благоухающая ароматными маслами и даже покрашенная я теперь была избавлена от необходимости вдыхать незабываемый аромат военного плаща, и это радовало. Даже ужасная тряска не могла испортить мое настроение. Ночь, проведенная у алтаря, обещала благополучный исход. Боги приняли жертвы, хоть смысл видения мне был не до конца ясен.

Солнце уже скрывалось за гребнем далеких гор, когда мы въехали в западные ворота Ассубы, миновав пологий каменный мост через Иреш. Процессия жриц из старого храма встречала нас. Как ни старались сопровождающие меня воины, но им не удалось изменить распланированный мной маршрут. Мы посетили еще один храм, где девушки привели меня в порядок, облачив в подобающие одежды и украшения. Вместо тряской повозки я теперь восседала в паланкине. Жрицы умыли и воинов, чтобы те не портили впечатления.

Каи позаботилась и о том, чтобы известить владыку о моем прибытии. Это было сделано через Уммат-абу. Теперь мне оставалось только объясниться с родителем, но я планировала отложить эту муку до утра. После бессонной ночи очень хотелось спать. Всеблагая, как я мечтала тогда о своем мягком ложе!

Большой дворец напоминал растревоженный муравейник. Уже у самых ворот моих сопровождающих сменил другой десяток воинов, позволив лишь Мальхату следовать рядом со мной.

Отец встретил меня сам, у подножия главной лестницы, чего обычно не делал никогда. Он был сильно взволнован и почти не скрывал этого. Церемоний не было или их отложили на завтра. Мой паланкин мягко опустился у первой ступени и Уммат-аба церемонно помог мне выбраться, перечисляя все имена и титулы, которых отчего-то стало гораздо больше. В том числе я была поименована дочерью небес, хранительницей мудрости и наследницей Кареша. Видимо, отец решил более не скрывать этого.

Владыка не позволил себе обнять меня, но по его лицу было хорошо заметно, как ему этого хочется. Я низко поклонилась, выражая глубочайшее почтение. Смотреть в глаза родителю было стыдно. Я отвергла его выбор и, возможно, предала его. Совесть буквально грызла меня, и заглушить ее было нечем. Все мои любовные похождения остались в прошлом и казались теперь сном. В действительности же были лишь политические выгоды и заговоры.

Если понравилось — поставьте лайк, пожалуйста. Это поддерживает автора и придает хорошее настроение!

Глава 21. Время пожинать плоды

Для стороннего наблюдателя Ассуба с радостью встречала вернувшуюся из поездки царевну. Всюду шли последние приготовления к любимому народом празднику урожая. Возвращались с гор тучные стада, собиралось зерно и овощи. А столы ломились от дичи, так как мигрирующие на юго-восток птицы отдыхали после утомительного перелета в тихих камышовых заводях Иреша.

Для меня же эти дни стали адом. На пирах и советах отец всем представлял меня как свою наследницу, но за увеселениями следовали советы, на которых моя роль была — скромно сидеть подле владыки. Поговорить с отцом наедине и открыть ему мою маленькую тайну оказалось совсем не просто.

Осложнял дело и тот факт, что опередив мое триумфальное возвращение всего на несколько часов, во дворец прибыл посланник. И вести он принес неутешительные. Между Хоннитом и Самиром, по ту сторону врат, произошло военное столкновение, в котором не последнее участие принимал мой нареченный, скорее всего, восплаивший желанием лично отомстить Асмаррахе за свое унижение. Ничем другим объяснить его агрессивное поведение я не могла.

Добавляло масла в огонь и то, что отец верил: за нападением на меня в горах стоят самирийцы, а царевич Энмер поймал шайку и праведно мстит. Переубедить его было выше моих сил, так как владыка был искренне убежден в том, что его возлюбленная дочь ничего не смыслит в военном деле.

Мои заверения в том, что на нас напали заговорщики из Ассубы, он всерьез не принимал. Один раз ситуация стала крайне опасной. Отец призвал Сельмиша и прямо спросил, не пропал ли кто из его подчиненных за последнюю луну. Воевода не смутился и бодро доложил, что трое воинов, конечно, скончались от болезни, но их семьям оказана помощь. Владыка остался доволен тем, что потери незначительны, военачальника отпустил, а вот я удостоилась легкого попрека в горячности от родителя и ледяного, насмешливого взгляда удаляющегося Сельмиша, который не сулил зарвавшейся царевне ничего хорошего.

Оставалось только ждать возвращения Асмата. Возможно, ему удастся переубедить владыку. Но пока отец был столь враждебно настроен против Самирского царства, что известие о том, что я стала женой их наследника, породила бы настоящую бурю. Может, непокорных дочерей здесь и не убивают, но экспериментировать мне расхотелось.

Вести из Хоннита меж тем были неутешительны. Прощать соседям нападение на своего наследника владетельный Асармериб был не намерен и немедленно приступил к полномасштабным карательным действиям. Еще через три дня Хоннит запросил у Кареша военной помощи. Огорченный такими вестями, отец начал собирать войска.

Кареш — маленькое государство, и его регулярная армия невелика. В Ассубе и пригородах с населением примерно в семь-десять тысяч жителей военному искусству было обучено не более двух тысяч. Еще примерно тысяча охраняла границы. Остальных, в случае угрозы предоставляли храмы и богатые землевладельцы. Можно было набрать и крестьян, но в неурожайный год это могло вызвать недовольство среди народа. Есть нечего, а тут и единственного кормильца на погибель отбирают.

Близость праздника усугубляла положение, поэтому владыка, забрав с собой полторы тысячи воинов и все два десятка боевых колесниц, спешно отбыл на границу с Хоннитом. На

Сельмиша была возложена задача охранять восточные границы и, собрав дополнительные войска после праздника, выдвинуться в степь, упреждая нападения кочевых племен.

Меня же, как наследницу, должен был опекать благороднейший и мудрейший Шамунт, наставляя перед советами и помогая решать проблемы. Уммат-аба тоже был привлечен к этим хлопотам.

В качестве личной охраны я попросила оставить мне десяток Мальхата, но воин оказался командиром сотни и должен был отбыть с отцом. Главой моих телохранителей был назначен Таммуз, худощавый пожилой воин, даже на своих подчиненных смотревший с толикой неприязни. Можно было и не думать о том, чтобы склонить такого на свою сторону.

Помимо дворцовых обязанностей, у меня были и жреческие. Несмотря на помощь служительниц обоих храмов, работа находилась и для меня. Но от такой загруженности была и польза. Кошмары, мучавшие меня по пути в Ассубу, отступили. Теперь я крепко засыпала, лишь коснувшись постели.

Заваленная обязанностями, я совершенно забыла о том, что во дворце должен был объявиться Гаруул. Самириец нашел меня сам, внезапно появившись на моем пути, словно черт из табакерки. Этот хитрец действительно умел находить подход к людям. Сложно передать мое удивление, ведь за него пришел просить сам начальник моей охраны.

Условие о том, что в его отсутствие я хочу лично решать, кто подходит для моей охраны, родитель принял. Повеление о том подтвердил, дабы Таммуз и не смел своевольничать. И вот теперь, стоя передо мной, командир телохранителей с фирменным недовольным видом всюю расписывал мне достоинства новобранца, а тот с самым смиренным видом изучал собственные ноги в видавших виды разношенных сандалиях. Своего удивления я не показала, но велела новичку посетить сегодня же новый храм Иинат. Только там мы могли спокойно поговорить без свидетелей.

Закончив с повседневными обязанностями, я немедленно поспешила туда и сама. Предстояло много дел. До праздника оставалось меньше недели, а роль царевны-жрицы в нем была значительна. Уже много поколений владыка не совмещал в одном лице роли верховного жреца и правителя. Жрицами Великой Матери становились их жены и дочери. На этот раз мне приходилось исполнять все, так как отец отсутствовал, а помощи от его царственной супруги нечего было и ожидать. Храм Нинмах посещала редко, по необходимости. Поговаривали даже, что царица больше чтит своих богов, тех, кому поклонялись ее предки.

Гаруул явился в храм, когда полуденное солнце уже начало клониться к закату. Младшие жрицы отвели гостя в одну из боковых комнаток с глухими стенами и позвали меня.

— Быть царевной тебе больше подходит! — приветствовал меня самирский шпион. Возможно, это был комплемент, но я была не расположена ни шутить, ни отвечать на подобную лесть.

— Гаруул, я не ошибаюсь? — строго спросила я, и мужчина расплылся в ехидной улыбке.

— У тебя хорошая память, сиятельная. Ну, не будем тратить время, — вдруг посерьезнел он. — Вести у меня не слишком хорошие.

— Стой! — остановила я его. — Скажи сперва, он жив?

Произносить имя самирского наследника вслух я не решалась даже в храме.

— Ну, когда я видел его в последний раз у Врат, то был вполне бодрый. Но я тут уже

дней шесть. Если ты хочешь узнать про то, тоскует ли он и все такое, тоже ничем не помогу. Командир умеет быть скрытным, когда хочет. Скажу одно, здорово ты ему в сердце запала. Меня силком выгнал.

Говорливый бородач замолчал, начав копаться в своем матерчатом поясе. Через несколько секунд он протянул мне на ладони маленький продолговатый предмет, покрытый резьбой. Я удивленно посмотрела на него.

— Это просил передать тебе. Одна из его личных печатей. По ней он всегда узнает твои послания, и самирские воины тебя не тронут.

Я взяла печать и аккуратно подвесила ее рядом со своей на тонкий кожаный шнурок браслета.

— Давай теперь свои новости, Гаруул.

Бородач немного помялся, собираясь с мыслями.

— Я тут пока в доверие своему новому командиру втирался, много во дворце бывал. И в том, где женщины живут, тоже.

— В малом, — машинально поправила я.

— Так вот, есть там одна девочка, что у царицы прислуживает. Так она мне рассказала, что эта Нинмах-аша снова принимала у себя того мужчину.

Гаруул замолчал и внимательно посмотрел на меня, словно силясь понять, знаю ли я предыдущую историю. Но я знала. Асмаррах не скрывал от меня ничего, особенно если оно касалось меня.

— Так вот. Она была очень недовольна тем, что ты прибыла в Ассубу живая и невредимая. Ругалась очень. Но тот, который к ней ходит, убедил ее еще немного подождать и предоставить все ему. Надо, мол, дожидаться вестей с запада и уж тогда действовать. Если его план сработает, то все мечты сиятельной Нинмах тотчас исполнятся. Думается мне, царевна, опасность тебе угрожает. Особенно, как придет какая-то весть от владыки.

Мой новый телохранитель почесал курчавый затылок, ожидая моей реакции.

— Послушай, Гаруул, — вздохнув начала я. — Твои вести не единственные. Владыка настроен в отношении Самира очень враждебно. Асмаррахе нельзя возвращаться сюда. Его мгновенно схватят и убьют. Меня даже слушать не будут. А любовник Нинмах-аши, скорее всего, начальник тысяч Сельмиш-ина. Сейчас он должен заниматься организацией обороны от кочевников. Я попробую передать отцу весть о том, что во дворце готовится заговор. Попробую донести до него то, что конфликт с Самиром ошибка, выгодная заговорщикам. Пусть он мне не поверит, но только бы вернулся. Ты же сказал, что тот мужчина ждет вестей с запада, а не от царя. Быть может, и отцу угрожает опасность!

— Может ты и права, сиятельная, — согласился со мной шпион. — Вот только кто отвезет весть? Я-то нужнее здесь. Командир мне голову оторвет — случись с тобой что. А без нее я кому нужен?

Я усмехнулась, понимая, что любимый обещал оторвать своему разведчику совсем не голову, но тот тактично заменил эту часть тела.

— Ты это, царевна, распорядись, чтобы я всегда дежурил у тебя в покоях. Днем буду отсыпаться, а ночами сторожить. При свете тебя и другие остолопы охранят.

— Спасибо, Гаруул. Я все устрою. Про ночные дежурства Таммузу сам скажи. Я подтверждаю.

К отцу я направила гонца из старого храма. Долго подбирала слова, советуясь с Каи. Ей

я рассказала все, совсем все. И про любовь к Асмарраку и про заговор во дворце. Рассказала даже про Гаруула. Мне нужен был совет и поддержка, а человека ближе, чем эта суровая старуха, рядом не было.

Жрица долго молчала, пожевывая своими сухими губами, смотрела на угли жаровни и думала.

— Да, заварила ты кашу, девочка моя, — вздохнула она. В этих словах я не услышала ожидаемых упреков, только сочувствие.

— Ну, ничего, милая, не расстраивайся. Молодость и дана нам на то, чтобы чувствовать, а не думать...

Каи усадила меня рядом, и ее сухие легкие руки обняли меня за плечи.

— Помнишь же, — продолжала она, — я говорила, что обещала твоей матери приглядывать за тобой?

Я кивнула. Еще Иба упоминала, что старая жрица хорошо знала Тулиммин-ашу.

— Так вот, девочка, я служила твоей матери еще тогда, когда она была юной Арратской царевной. Посмотри мне в глаза, когда-то они тоже были цвета весенней воды, — женщина подняла на меня колючий взгляд своих бесцветных очей. Только сейчас я поняла, что они бледно-голубые, даже светлей, чем у меня. Но этого никто не замечал!

— Так вот, моя милая, твой отец тоже совершенно не нравился Арратскому правителю, но твою мать это не остановило. Поняв, что не может больше жить без любимого, она сбежала из дома, взяв с собой только меня. Так что ты истинная дочь своей матери! — старая жрица криво усмехнулась. Я впервые увидела ее смех.

— Потом, конечно, твой отец все уладил, послал богатые дары Алтиннаху Арратскому, твоему деду. Тот даже прислал свои заверения в том, что зла на Маарш-а-Н'маха не держит, но только тогда, когда родился твой брат. Хотя, как видишь, визитами Аррат нас не балует.

Жрица печально вздохнула и затеребила металлическую лошадку на шее.

— Как же давно это было, девочка моя! — вздохнула она. — Как бы я хотела хоть в конце своих дней вернуться домой! Снова увидеть зеленые леса, широкие реки, но это очень далеко...

Она снова замолчала, мне на мгновение показалось, что морщинистое лицо разгладилось, и рядом со мной сидела уже не старуха, а зрелая женщина с суровыми, но красивыми чертами. Теперь уже я обняла ее.

— Прости меня, знающая, я повела себя недостойно и теперь пришла за помощью. Но если ты мне не поможешь — меня ждет гибель. Меня отправят в Нижний мир раньше, чем вернется отец!

Слезы тихонько сползли из глаз. Как бы я ни отучала себя не реветь, но тело частенько теперь брало верх.

— Ну что ты, милая, ты очень изменилась в последнее время. Раньше я думала, что весь ум Боги отдали Тишрину, а тебе оставили лишь красивое тело, — жрица смотрела на меня ласково. — А теперь вижу, что ты раскрылась, как цветок, и обрела мудрость, и я рада этому.

Единственным, что я собиралась скрывать от всех, было то, что я совсем не Юилиммин. В это было слишком сложно поверить. Даже теперь, познав многие тайны жрецов, я ни разу не слышала о возможности подобного.

А жрица меж тем продолжала.

— Послать гонца к владыке не сложно. Это мы сейчас сделаем, — она взяла из горшочка комок влажной глины и быстрыми движениями вылепила табличку. — Вот, пиши.

Думаю, что и про свой союз с царевичем скажи. Владыка, конечно, не молод, но от таких новостей не помрет. Вспомнит свою женушку, побушует и простит вас. И про заговор пиши, но только без имен. Проси его срочно приехать, так как доверить свою тайну можешь только ему и мне. Надеюсь, он не опоздает.

Я медленно наносила на мягкую глину узор, подбирая слова, в конце мы обе приложили к ней печати и поместили глину поближе к огню.

— Я буду приходить к тебе каждый день, моя девочка. Надеюсь, этот твой самирит сможет не заснуть на посту ночью. Ты ему доверяешь?

— Асмаррах ему доверяет, а значит, и я!

— Хорошо, до праздника тебе ничего не грозит, я думаю. Нинмах-аша — женщина властная, но не глупая. Она не посмеет в столь трудное время мутить народ. Сама-то она тебя не заменит! — жрица усмехнулась.

Хоннит. Царевич Энмер. Несколькими неделями ранее.

Вот уже неделя, как младший царевич Энмер со своим отрядом в сотню бойцов караулил выход из врат с хоннитской стороны. Он так и не отпустил в Кареш тех воинов, которых дала ему в сопровождения царевна, так как опасался, что те расскажут о его планах своей госпоже. Юилиммин не поймет причин, подвигнувших обычно миролюбивого юношу на воинственные действия. Она никогда не должна об этом узнать!

Энмер остро чувствовал теперь необходимость отомстить обидчику. Эта мысль раскаленным углем жгла его, лишая сна и покоя. Там, в горах, ему нечего было противопоставить этому агрессивному мужику, но теперь у него была возможность. Возможность, о которой он давно мечтал. Возможность доказать себе и миру, что он не менее велик, чем брат и отец!

Мечь сладка, но ее ожидание утомительно. Если бы оно продлилось хоть на день дольше, царевич наверняка бы вернулся обратно в Хонт ко двору. Но именно сегодня его разведчики заметили небольшую группу самирских солдат, продвигавшихся к ущелью Врат с хоннитской стороны.

Обычно Самир высылал небольшие отряды для сопровождения караванов, и хонниты спокойно их пропускали. Но на этот раз купцов не было видно, и царевич решил, что воины идут на помощь своему предводителю, Асмарраxu. Это следовало прояснить.

Энмер вскочил на коня, приказал командирам окружить отряд и сам поспешил следом. Самирийцы, завидя вооруженных людей, собрались в плотный строй, оцетинившийся копьями.

— Эй! Кто у вас старший? — закричал хоннитский сотенный, подъезжая ближе. — С вами желает говорить сам младший сын Кумиш-Шебеша благородный Энмер!

Строй самирских воинов раскрылся, пропуская вперед коренастого бородатого мужчину в украшенном бронзовыми пластинами кожаном доспехе.

— Я сотник Ташмет! Я готов говорить! — выкрикнул он.

— Следуй за мной, оружие оставь мне, — потребовал хоннитский воин.

— Прости меня, воин, но я буду говорить только с благородным Энмером, а не подчиняться приказам того, чьего имени даже не знаю! — самирит не сдвинулся с места, а копейщики приготовились в любой момент прикрыть командира щитами.

Хоннитский военачальник скривился, но атаковать чужеземный отряд не стал, только послал одного из подчиненных поторопить царевича.

— Хорошо, наглец. Молись своим богам, чтобы благородный Энмер оставил тебе жизнь, самирийский пес!

Ташмет сделал вид, что не заметил оскорбления, он даже не шевельнулся.

Юный царевич на встречу не слишком спешил. Старший брат постоянно наставлял его в том, что будущий правитель не должен опрометью бросаться на любой зов, дабы не потерять уважение. А подъехав, еще минут пять делал вид, что изучает противника. На самом же деле он думал, как начать разговор. Наконец юноша решился.

— Отвечай мне, чужеземец, почему ты привел вооруженный отряд на наши земли? — спросил он. Голос не получился слишком суровым, как обычно говорил брат, но, все же, солиднее обычного.

— Я сотник Ташмет и служу повелителю Самира мудрейшему Асармерибу, да будет Небесный Отец к нему благосклонен! — громко произнес коренастый чужеземец.

— Позволь мне узнать, храбрый Ташмет, что самирский отряд ищет на хоннитской земле? С какой целью послал тебя ваш повелитель? — язвительно спросил царевич.

— Что ж, я отвечу, сиятельный царевич, мы следуем по торговому пути в сторону Кареша. Любой человек может здесь пройти, если не замышляет недоброе.

Самирский сотник держался с достоинством.

— А откуда мне знать, Ташмет, что вы ничего не замышляете? — снова задал вопрос Энмер.

— Я прошу тебя поверить моему слову, сиятельный царевич, — спокойно ответил Ташмет.

— А я думаю, сотник, что намерения ваши отнюдь не мирные, хотя охотно верю тому, что вы не планируете воевать на нашей земле. Но знай, я не позволю тебе пройти через Врата! — конь под царевичем беспокоило переминался, улавливая волнение хозяина.

— Это отчего же, господин? У нас есть приказ и мы выполним его, но если ты того желаешь, то я могу еще раз тебе поклясться, что мы никого не тронем на вашей территории.

— Я не позволю тебе пройти к Вратам! — еще раз сказал царевич. — Я приказываю тебе возвращаться в Самир, воин!

Мужчина ухмыльнулся, а в строю его воинов послышались смешки.

— И что же ты сделаешь нам, господин? — уточнил Ташмет.

— У меня здесь полная сотня воинов, а вас не больше пятидесяти. В последний раз предлагаю вам повернуть домой или погоню назад силой!

— Ребята, — довольно громко обратился к своим подчиненным Ташмет. — Юный царевич полагает, что у него хватит силенок прогнать нас!

Воины развеселились, но оружия не опустили. Сотник вновь повернулся к высокородному собеседнику.

— Благородный Энмер, твой юный возраст извиняет тебя. Ты пытаешься выглядеть грозным, но мои полсотни вполне стоят целой хоннитской, — произнес он. — Если желаешь, то мы отправим гонца в Хонт и попросим права на проход у владыки Кумиш-Шебеша. Уверен, он пропустит нас.

Энмера просто взбесило отношение к нему как к ребенку, а предложение направить гонца к отцу лишило его обычной рассудительности. Он развернул коня и подъехал к своему сотнику.

— Анут, покажите этим ничтожествам, чего стоят хоннитские воины! А этого наглеца привести ко мне! Я заставлю его ответить за свои слова! — Энмер ударил пятками бока коня

и умчался прочь, предоставляя действовать своим воинам. Лезть в битву он не хотел, зная, что не слишком хорош в бою.

Бой получился не очень коротким и отнюдь не столь победоносным, как ожидал царевич. Самирийцы, оцетинившись копьями из-за щитов, не давали на себя напасть. Они медленно и неостановимо продвигались к горам, не неся потерь. А вот в сотне царевича прибавилось раненых. Энмер был в ярости! Ранее не свойственный молодому человеку гнев, пожирал изнутри. Любитель мудрости и красивых слов, царевич и сам замечал, какие перемены совершила с ним ущемленная гордость. Страх потерять то светлое будущее, что в один миг посулили Боги и владыка Кареша, терзал его израненную душу ежечасно. Страх и обида взрастили в нем своего монстра. Наверное, нежная Юилиммин не узнала бы в нем прежнего тихого и задумчивого юношу, что часами мог развлекать ее рассказами о звездах и дальних краях. Не узнала бы и не узнает! Нужно только покончить со вконец зарвавшимся самирийским наглецом! Растоптать, заставить на себе почувствовать, каково это — быть слабее!

От ворот врага оттереть удалось, но проклятые самириты жались к горам и, оказавшись у ближайших каменных отрогов, мгновенно сменили тактику боя. Передние ряды все еще прикрывались копьями, а задние нырнули за скалы. Теперь в хоннитов полетели стрелы, и им пришлось отступить.

— Ничего, — пытался оправдать свою неудачу сотник Анут, — мы запрем их в этом ущелье и они сдохнут там от голода.

Энмер хмыкнул. Он был очень зол от собственного бессилия, но пытался не показывать вида.

— Ты уверен в этом? Смотри, под покровом ночи они проберутся через твоих часовых и вырежут нас во сне! Мне кажется, проще самим войти в ущелье Врат и запереть их. Тогда этим наглецам ничего другого не останется, кроме как повернуть назад. Но и этого мы им не позволим!

— Вы думаете, что царевич Асмаррах все еще в Кареше? — уточнил Анут.

— Уверен! — отрезал Энмер. — Он не проходил здесь. А этот отряд — его подкрепление. Уверен, если он в ближайшие дни не дожидается их за Вратами, то отправится сюда сам. Здесь мы его и достанем!

— Через хребет напрямую самирский отряд не пойдет. Там горцы и обрывы, — произнес Анут. — Но заходить в ущелье и нам опасно. Там так узко, что мы потеряем численное преимущество. Если царевич Асмаррах хоть в половину так хорош, как о нем говорят, то ему и десятка воинов хватит, чтобы вырезать нас всех.

Энмер, кипя от ярости, топнул ногой.

— Асмаррах, Асмаррах! — бросил он зло. — Как же он искусен в бою! Все враги трепещут от его имени! Как же он меня достал! Что же я, мальчишка, смогу сделать ему? Только вот если я ничего не смогу, он отберет у меня все! Все, слышишь? Но я не позволю!

Сотник изумленно слушал юного царевича. Он выполнял его приказы лишь потому, что Мандару-Кумиш лично приказал ему во всем помогать своему младшему брату. Анут до последнего даже не подозревал, с кем им предстоит иметь дело. Узнав, что противником будет не кто иной, а неистовый Асмаррах, он решил, во что бы это ни стало удержать юного господина от необдуманных шагов. Самирский наследник славился своими смелыми и порой даже безумными решениями, но пока из всех битв выходил живым и с победой. А за плечами, несмотря на юные года, было три крупных кампании — Асармериб постоянно с

кем-нибудь воевал. Одно то, что юный Энмер успел нажать себе столь могучего врага, не вселяло в сотника оптимизма.

— Мой господин! — осторожно начал Анут, пока раскричавшийся царевич пытался взять себя в руки. — Почему этот самириец отберет у вас все? Это очень опасно — связываться с такими как он.

— Не знаю, поймешь ли ты, — тихо отозвался Энмер. Его щеки еще пылали, но истеричных нот в голосе уже не было. — Этот человек унижил меня. Он хочет отобрать мою женщину, я в этом уверен! Слышал ли ты про Золотой Цветок из Ассубы?

Анут кивнул. Про красавицу он много раз слышал, ведь раньше она была обещана старшему из братьев.

— Владыка Кареша хочет отдать ее мне, но этот наглый самирит вознамерился помешать этому. Если он приведет на карешские земли войско, то моя будущая жена будет в опасности! Именно потому я хочу остановить наглеца здесь, где нет обходного пути. Я обязан защитить свои земли!

Сотник понимающе качал головой. Царевич был юн и неопытен, но он был в своем праве.

— Я помогу вам, господин! Обходной путь в Самир есть, но он занимает долгие месяцы. Мы остановим самирийцев здесь и не допустим нападения на Кареш!

Читатель, поддержи автора лайком и комментарием! Твое внимание очень важно!

Глава 22. Так разгорается пламя

Врата рассвета и заката. Асмаррах. Через два дня после возвращения Юилиммин в Ассубу

Отослав Гаруула в Ассубу, маленький отряд Асмарраха вступил в ущелье Врат. Принеся скромные дары Аннану и попросив его заступничества в пути, самирийские воины двинулись вперед. День клонился к закату, но царевич рассчитывал заночевать на хоннитской стороне. Воины были измотаны сильно затянувшейся вылазкой, хотя и позволили себе отдохнуть на карешской стороне Врат.

— Ничего, вот соединимся с отрядом — отпущу вас всех по домам! — пообещал Асмаррах, заметив, как тоскуют по радостям мирной жизни его боевые товарищи.

— Я вернусь только с тобой, командир, — отозвался Маршах. — Мы ведь поклялись, что останемся вместе до конца.

Асмаррах усмехнулся.

— Неужели вам так хочется воевать в степях с кочевниками? Или хотите погулять на празднике у карешского владыки? Клянусь, напою на радостях весь народ, до последнего осла!

— Почему нет? Думаешь присвоить все подвиги себе? Может быть, я мечтаю привезти домой юную степнячку? — ответил вопросом на вопрос его десятник. Воины хохотнули, услышав о любовных мечтах Маршаха.

— А ты не боишься, что твоя Гула выгонит тебя за такое из дома? — давясь от смеха, спросил Маартас. — То ли дело я — свободен как ветер!

О ревности и тяжелой руке любимой и единственной жены Маршаха знали не только в отряде. Пять лет назад он привез из южных земель совсем юную девушку, но характер супруги был настолько горяч, что воину порой приходилось неделями ночевать в казарме, вымаливая прощение.

— Может быть, в Кареше меня ждет моя красавица, — продолжал мечтать худенький, словно подросток, Маартас. — Только характер у нее должен быть мягкий, я же мирный!

Воины снова заржали, смех отражался от отвесных стен ущелья. Безобидность молодого воина была обманчива. Любой из их десятки в бою стоил троих.

Настроение было отличным, трудный поход близился к концу, и никто в тот миг даже не думал о засаде. Оттого внезапное нападение хоннитов не встретило достойного сопротивления. Ускользнуть успели только Маартас и Асан, воспользовавшись секундной неразберихой. Остальных же, не без крови, прижали к отвесной стене и окружили.

— А ты говорил, Анут, что самирский наследник отважен, как тигр, и умен, как орел, а тут, смотри, попался! — Энмер презрительно смотрел на сгрудившихся под скалой самирийцев. Их было всего восемь. Двое явно раненых. Его главный враг не прятался за спины своих воинов, а стоял в первом ряду бок о бок с высоким широкоплечим молодцом и угрюмым длинноволосым мужиком, которые были ему хорошо знакомы. По-юношески нежное лицо молодого хоннита на мгновение исказила злобная гримаса, которую он поспешил укрыть за надменной улыбкой.

— Пока не связал, не хвастай! — злобно бросил в ответ Асмаррах. — Чего ты добиваешься, царевич?

Энмер сжал узкие костлявые кулаки, зажмурился и мысленно представил себе, что

спускается в вечерний сад. Самирит бесил его каждым словом, каждым жестом, каждой своей чертой, но он не собирался этого показывать перед своими людьми.

— Думаю, ты знаешь, что нанес мне оскорбление? Или ты забыл? — процедил юноша сквозь зубы. — Или думал, что твой поступок останется безнаказанным?

Асмаррах нехорошо улыбнулся и поудобнее перехватил клинок.

— Боюсь огорчить тебя, юноша, но скрутить нас не так уж просто. Мы дорого продадим свою свободу! Ты готов на это? — улыбка стала совсем кривой, а взгляд запылал огнем.

Рядом с худосочным Энмером возникла фигура посолиднее. Воин, облаченный совсем не в новые, но выдавшие битву доспехи, ужом выскользнул из строя и сделал шаг вперед.

— Мы не станем тратить на вас свои жизни! — произнес он, давая противнику оценить себя. Это был Анут — командир сотни.

— Времени у нас много. Через пару дней вы упадете от усталости и жажды. Помощи ждать не стоит, мы об этом позаботились!

Асмаррах помрачнел. Вражеский сотник был прав. Зажатые под отвесной стеной ущелья, они были бессильны. Оставалось надеяться на скрывшихся товарищей, но много ли двое навоюют?

— Хорошо, Энмер-ани, ты победил на этот раз! — громко произнес он. — Я готов сдаться, если ты отпустишь моих людей.

Как любила приговаривать несравненная Нарамман: «Хочешь получить желаемую цену — начинай торг с большего!» — и ее внук явно собирался прислушаться к мудрым советам.

Тонкие черты лица хоннитского царевича исказила нехорошая, словно бы чужеродная улыбка. Он, словно марионетка, вскинул голову к небесам и захохотал. Смех дробящимися осколками эха прокатился по ущелью.

— Не держи меня за скорбного умом, самирит! Я не оставлю врагов за своей спиной, и уж тем более не позволю вернуться за подмогой.

Асмаррах бессильно сплюнул и снизил ставки.

— Хорошо, но у меня двое раненых. Их нельзя связать — они умрут, и их кровь ляжет на тебя. Твоя нареченная не простит тебе такой жестокости.

Хоннитский царевич в ответ напрягся и нехорошо прищурился, сделавшись вдруг похожим на степную крысу, которую со всех сторон обложили собаки.

— Откуда тебе знать об этом, пес?! Ты совсем не знаешь ее! — его голос дрожал от плохо скрываемой злобы, но был тихим. — Впрочем, я все равно не собирался посвящать царевну в наши дела. Это останется между нами.

— Чего же ты от меня хочешь, Энмер-ани? — как-то обреченно вдруг спросил Асмаррах. — Что сделает тебя довольным? Зачем я тебе? Ты понимаешь, к чему все это приведет?

Но Энмер, казалось, ничего не слышал и о последствиях не думал. Он уже видел своего соперника поверженным и униженным. Представлял себе, как будет бить наглеца по лицу, а тот, умытаясь в крови, будет ползать у его ног. В груди сладко ныло лишь от одного представления о мести. Нет, он не будет думать о том, что последует за этим. Пришло его время быть сильным, а думать он устал!

Всю свою жизнь он только и слышал о том, что надо думать о поступках, взвешивать решения, просчитывать все наперед. Нет, он отомстит и сможет назвать себя мужчиной! Но так некстати вспомнился брат. Выслушав его историю, он выделил отряд, буркнув что-то о том, что не ему решать много ли стоит шкура быка. И вот только сейчас юный царевич

понял смысл этих слов — самиритский наглец спас его тогда на охоте. Отнимать его жизнь Энмер был не вправе.

— Мне не нужна твоя смерть, Асмаррах, ни твоя, ни твоих людей. Но я не пушу самирийцев в Кареш, я не допущу этого! Не позволю захватить и диктовать свою волю! Мы обещали защищать Врата и сделаем это! — голос юноши взлетел над ущельем. Сейчас эти слова вдохновляли хоннитов, выставляя самирских воинов захватчиками. Да, теперь все увидят, что ты плохой, а я хороший!

Асмаррах снова сплюнул. Мальчишка был сейчас весьма убедителен, а, значит, не столь уж бесполезен. В другой ситуации самирит, быть может, и отступил бы, но цена была слишком высока. Его помощи ждала любимая. Он собирался не захватывать Кареш, а спасти ее.

— Думаю, сиятельный Маарш-а-Н'мах поможет мне решить, чем вы должны заплатить за свои деяния! — заключил Энмер. — Возможно, вы вернетесь домой, дав богатый выкуп, или сгниете в яме. Об этом я подумаю позже. А сейчас сложите оружие и позвольте связать себя. Твои раненные могут укрыться в храме Аннана, но в Хоннит они не попадут!

Асмаррах переглянулся со своими бойцами и, получив бессловесное одобрение, бросил клинок к ногам копейщиков.

— Мы твои пленники, царевич, — спокойно сказал он. — Сегодня никто из нас не окажет сопротивления. А раненные поклянутся Серебрянорогому, что не нападут на вас и ничего против вас не умышлят.

— Мне не нужны ваши клятвы, самирит, я хочу лишь одного — вышвырнуть вас со своей земли!

Хоннитские воины связали их крепко и вывели из ущелья. В лагере пленники позволили усадить себя у каменной стены, совсем не сопротивляясь. Им нужно было время, чтобы осмотреться и придумать план побега. Так или иначе, а по другую сторону гор им оказаться удалось.

В распоряжении младшего царевича, видимо, была полная сотня воинов, и стояли они тут уже давно. Пленников сторожили бдительно. Четверо воинов стояли по периметру, возможно, кто-то был и на скале.

— Что думаете? — тихо спросил у своих товарищей Асмаррах, стараясь, чтобы охрана не заметила даже движения губ.

— Нужно ждать, сегодня ночью с нас не спустят глаз, — так же тихо отозвался Кайлас.

— Кто бы подумал, что этот юнец такой мстительный! — сплюнул Маршах.

Остальные молчали. Добавить было нечего.

— Надеюсь, нам удастся выбраться. Но если бы я мог изменить прошлое, я бы поступил почти так же, — угрюмо заключил царевич.

На этот раз промолчали все.

Через несколько часов, когда совсем стемнело, царевич Энмер навестил пленников собственной персоной и принес еду.

— Я бы хотел поговорить с тобой, царевич Асмаррах, — произнес он, наблюдая, как воины осторожно приближаются к пленным.

— Я бы рад, — весело отозвался предводитель самиритов, — но, как видишь, немного связан. А тут окружение не располагает, гнуса многовато.

Он выразительно посмотрел на свои стянутые ремнями ноги, а потом на царевича.

Намек про гнус тот явно не понял, забавно.

Энмер усмехнулся и приказал двум воинам развязать веревки. Асмаррах с трудом поднялся на затекшие конечности и тоже скривился в ухмылке. Ну что ж, призрачные шансы на спасение появились. Посмотрим, о чем он хочет говорить.

— Благодарю, — произнес самирит, с интересом глядя на хоннитского царевича. — Ты хочешь разговаривать здесь?

Энмер привел его в большой походный шатер. Царевичей неотлучно сопровождали четверо крепких воинов, они безмолвно встали за спиной у пленника, готовые пресечь любую попытку побега.

— Ты голоден? — спросил самирита Энмер, опускаясь в легкое плетеное кресло у уставленного едой небольшого столика. Асмаррах остался стоять, хотя второе кресло стояло тут же.

— Благодарю, — тихо ответил пленник. — Но со связанными за спиной руками это неудобно, а обещать, что не сбегу, не буду.

— Видимо, ты сыт своей гордостью, — хмыкнул Энмер и принялся за еду. — Тогда стой и слушай. Я решил, что завтра же вас отправят в Хонт. Там у тебя будет достаточно времени, чтобы подумать, стоило ли оскорблять меня. Имел ли ты право занимать мое место? Хватит ли у тебя сил помешать мне тогда?

Теперь юноша уже не так старательно сдерживал свои эмоции. Его лицо побледнело, а на щеках запылал румянец. Он поднялся из кресла и шагнул к своему врагу. Мужчины были почти одного роста, но в ширине плеч хоннит значительно уступал.

— Я никогда не прощу тебя за то, что ты занял мое место в тот день! — с тихой ненавистью прошептал он почти в лицо самириту. Асмаррах криво усмехнулся. Как же ему хотелось рассказать этому мальчишке, что он уже проиграл. Проиграл все, кроме своей жизни. Но он сдержался, понимая, что противник молод и вспыльчив. Выведенный из себя, он может совершить непоправимое. Значит, нужно выбрать иную тактику, ту, что приведет к свободе.

— Я поступил необдуманно, пойдя на поводу у чувств, — смиренно произнес он. — Но я не знал, что связывает тебя и жрицу.

— Врешь! Ты все знал! — холодно бросил Энмер. — Не отрицай, ты все еще надеешься получить Юилиммин-даши. Не знаю, зачем тебе это, но я не позволю!

Асмаррах горько усмехнулся и посмотрел прямо в глаза своему сопернику.

— Вот здесь ты прав, Энмер-ани, — спокойно сказал наследник Самира. — Эта женщина слишком хороша для тебя. Ее получит достойный. Но как же мы будем драться?

Хоннитский царевич взорвался.

— Она не приз! Не вещь! Или для такого, как ты, нет разницы? Вы, самирийцы, привыкли получать все, что пожелаете? Я положу этому конец! Вы покорите Кареш, только если падет Хоннит!

Асмаррах почувствовал, что тоже начинает терять хладнокровие. Этот щенок бил по больному. Юилиммин тоже поначалу сочла его таким, и вспоминать об этом было горько. В ушах зазвучали ее надрывные слова: «Хотел он украсть меня! Развязать войну с Карешем ты хотел! Для тебя же не впервой вторгаться на чужие земли? Вся ваша любовь кончается там, где начинается выгода для государства!» Но она стала второй женщиной, изменившей его жизнь.

Первой была мудрейшая Нарамман, что воспитала в нем качества, присущие

властителю. «Превосходство у того, кто сильнее! — любила повторять царственная бабушка — Сильный всегда получает то, что хочет, удел слабого — умолять!» Теперь он сомневался в этой истине. Выбирает не тот, кто сильнее, по крайней мере, в любви. Но девушка сама выбрала его, он не принуждал. Только уговаривал...

Асмаррах мечтательно улыбнулся любимому образу.

— Может быть, тогда сам спросишь у нее о том, с кем она хочет связать свою жизнь?

Она же не вещь и не рабыня, а вы решили все за нее! — тихо отозвался он на обвинения.

— Это решать не тебе! — отрезал Энмер. — Но я теперь знаю, чего хочу...

Он нервно вышагивал перед пленником, словно раздраженный лев.

— Ты прямо сейчас напишешь в Ассубу. Напишешь, что больше не претендуешь на руку царевны и никогда более не приедешь в Кареш. И поклянешься в этом!

— Не буду я ничего писать! — фыркнул Асмаррах. — У меня руки связаны так туго, что я уже не чувствую пальцев.

— Думаешь, развяжу тебя? — Энмер с презрением посмотрел на соперника.

— Не смею и надеяться на такую милость! — самирит нахально улыбался. — Думаю, ты не достаточно глуп для этого. Понимаешь, что всей твоей охраны не хватит!

— На что это ты намекаешь? — мужчины с ненавистью смотрели друг на друга.

— На суд богов! — процедил сквозь зубы Асмаррах. — Я растопчу тебя и любого из тех, кого ты выставишь! Ты слаб, мальчик. Ты уже проиграл. Помни об этом, когда настанет час!

Примерно минуту царевичи сверлили друг друга взглядом, от которого скисло бы любое молоко.

— Ты прав! — улыбнулся Энмер. — Я не настолько глуп!

Он сорвал с пояса пленника подвеску с печатью и улыбнулся.

— Тебе не нужно ничего писать. Я заменю тебя, царевич! Уж поверь, наглец, я справлюсь лучше тебя! — бросил он Асмарраха и велел отвести пленника к остальным.

Воины привели назад царевича и, крепко связав ему ноги ремнями, сильно толкнули в спину. Верный Мархаш и жилистый Тургут своими телами смягчили падение командира.

— Ты цел? — тихо спросил десятник. — Чего он хотел?

Асмаррах сел и зло сплюнул.

— Поверь, щенок не так прост, как казалось! Нам надо бежать отсюда как можно скорей! — тихо зашипел он. — А еще он отобрал мою печать. Собирается писать царевне письмо от моего имени. Он хочет обмануть ее! За такое и выдернуть руки мало!

— Действительно плохие новости. Но у нас еще хуже! — зашептал Мархаш. — Стерегут нас на совесть.

Мужчина кивнул в сторону неподвижно лежавшего у стены Кайласа.

— Попытался распутать руки, — пояснил десятник, — Заметили и избили ногами. Едва остался жив.

Асмаррах помрачнел еще сильнее.

Мы сбежим, — пообещал он своим бойцам. — Еще не знаю как, но выберемся. Иначе нас посадят под замок в Хонте. А тогда, сами понимаете, не попируешь.

Они сидели у стены почти неподвижно, казалось, что спали. Темнота окружала хоннитский лагерь, отгоняемая только светом костров. Неровные черные тени плясали на камнях, жестких листьях кустарников и земле. Охрана сменялась каждые два часа. Часовые лениво оглядывали спящих пленников, садились к огню и кипятили очередную порцию

воды, тихо переговариваясь, и изредка поглядывали на связанных.

Где-то в середине второй стражи Асмаррах почувствовал, что его, сидящего с краю рядом с Кайласом, кто-то толкает в бок. Он с трудом повернул затекшую шею и аккуратно скосил глаза влево. В низеньких кустах кто-то был. Царевич не видел, кто, но различал слабый отблеск белков глаз. Решив, что терять ему нечего, мужчина немного развернулся в сторону куста. Теперь в густой колеблющейся тени он ясно увидел знакомое лицо — Маартас улыбнулся и подмигнул.

За следующий час пленники аккуратно сместились поближе к кустам и маленький воин, воспользовавшись моментом, когда охранники колдовали над кипятком, заваривая травы, шмыгнул за спины связанным товарищам.

— Слушайте меня, — тихо зашептал он. — Мы с Асаном нашли в горах довольно большой самирский отряд. Его привел большой Ташмет, ну, тот, что служит у самой Нарамман.

Асмаррах почувствовал, как маленький разведчик перерезал ремни у него на руках.

— У нас есть план. Скоро должна смениться ваша охрана, и мы хотим занять их место. Будьте готовы бежать, как только трижды крикнет сова. А пока лежите тихо и разминайте ноги. Бежать нужно туда, откуда я пришел. За камень и сразу наверх к большим валунам, они заметны в темноте.

— Маартас, у тебя нож есть? — еле слышно шепнул царевич.

— Только черный осколок, — отозвался тот, — он лучше режет ремни. Я вам его оставлю.

Время шло. Стража прихлебывала кипяток, не замечая ничего. Сипло и протяжно на горном склоне закричала птица. Царевич напрягся, разгоняя кровь в затекших ногах и руках, и почувствовал, как окаменели мышцы Кайласа. Охотник был здорово избит, из губы сочилась кровь, но глаза под темными патлами горели огнем.

— Мы им отомстим, но потом, — одними губами приказал Асмаррах. Еще несколько минут назад он сам был готов перерезать горло спящим хоннитам, но благоразумие взяло верх.

— Я не всем, — так же тихо ответил Кайлас, — я только вон тому.

Асмаррах отрицательно покачал головой. Ночная птица вскрикнула второй раз совсем рядом, где-то за скалой.

Маартас за их спинами зашептал:

— Третий будет на скале. Это означает, что лучники на месте.

Дальше все произошло очень быстро. Четверо сменщиков, подсвечивая себе дорогу факелами, уже поднимались к костру. В тот же момент, почти над головой, на скале громко вскрикнула сова и что-то зашуршало. Стражники на мгновение оглянулись. Глухо хлопнула тетива, и двое хоннитов бесшумно рухнули со стрелами в горле. Оставшиеся, не успев вскрикнуть, согнулись и были аккуратно подхвачены подоспевшей сменой. Стражники уложили тела и, как ни в чем не бывало, принялись вешать на треногу котел.

— Бегите! — шепнул Маартас, помогая товарищам подняться. — Они нас догонят.

Бывших пленников не пришлось уговаривать. Они по очереди доползали до кустов и исчезали в ночи. На их место переложили тела бывших стражников. Нужно было, чтобы исчезновение самирских воинов открылось как можно позже. Стражники постепенно сменились на бездыханные тела, поддерживаемые древками копий. Через час живых вокруг костра уже не было.

Посланный бабушкой отряд отсиживался в горах, ожидая царевича. Хоннитская сотня блокировала обе стороны входа в ущелье и тот распадок, по которому Ташмет увел в горы своих ребят. Несмотря на это, послать гонца в Асмар им удалось почти сразу, оставалось одно — дожидаться наследника.

Уже не раз хонниты пытались выкурить их с высоты, но каждый раз отступали, как только в воздухе начинали свистеть камни, но время играло против самирийских солдат. Воды было мало, а вот еды не было совсем. Молодые воины уже начали роптать. К счастью, царевич все же появился, но связанный.

Операция по освобождению наследника прошла успешно. Все ее участники успели подняться достаточно высоко, прежде чем в хоннитском лагере поднялась тревога. Асмаррах не отказал себе в удовольствии понаблюдать за паникой, лежа на большом плоском камне. Ночной воздух доносил до него крики, беспорядочно метались огни.

— Хотел бы я посмотреть на лицо хоннитского щенка! — мечтательно сказал он, обращаясь к лежавшим рядом с ним Маршаху и Кайласу. Остальные укрылись немного выше.

— По мне, глаза бы его не видели! — фыркнул охотник, один его глаз заплыл и почти не открывался.

Немного позже, когда они добрались до небольшой ложбинки, заваленной огромными замшелыми валунами, они встретились с остальным отрядом. Сотник Ташмет приветствовал всех, а царевичу протянул довольно большую табличку. Послание было от Нарамман. Бабушка настоятельно советовала появиться во дворце, а, как известно, мудрейшая ничего не делала зря.

Развести костер беглецы не могли, и чтение пришлось отложить до утра.

— Я рад снова видеть тебя, царевич, — начал Ташмет, после того, как пленники напились. — Нам нужно как можно скорее уходить в Самир. Хонниты словно с цепи сорвались, пытались и нас взять в плен.

Асмаррах сидел задумавшись, казалось, даже не слушая. Но сотнику ответил.

— Понимаю, уходить нужно, но хоннитский щенок отобрал мою печать! Я должен получить ее назад! — он обхватил голову руками и стиснул виски.

— Это плохо, но не страшно, — попытался успокоить молодого полководца сотник. — Это ли не повод поспешить домой?

— Ты прав, это повод поспешить! Если я не успею, то с одним дорогим для меня человеком случится беда...

Ташмет удивленно смотрел на царевича.

— Мы не можем сейчас напасть на них, мои люди уже четыре дня не ели. Мы потеряем многих.

Асмаррах разжал руки, поднял голову и посмотрел сотнику прямо в глаза.

— Хорошо, Ташмет, тогда не будем откладывать возвращение в Асар. Когда ты предполагаешь выступить? — тон его был спокойным, как будто не он только что переживал о потере печати.

— Как можно скорее, с рассветом хонниты могут добраться сюда. Мы давно уже нашли обход. В темноте будем двигаться медленно, но лучше так.

Ночной переход был сложным, но солдаты упорно шли вперед. После разговора с сотником Асмаррах был мрачен и молчалив. До самого утра он не произнес ни слова, и никто из его десятки не рискнул с ним заговорить.

Когда небо над головами начало сереть, самирский отряд, перевалив через горный хребет, спустился в распадок. Здесь мужчины остановились, переводя дух.

— Я хочу двигаться у подножия гор как можно дальше, до самой степи. Это далеко, но позволит скрыться от лишних глаз, — поделился своими планами Ташмет.

— Нет, — отрезал царевич, — нам нужно попасть домой как можно быстрее. Это не обсуждается. Двинемся вдоль тракта, но будем идти по ночам. Главное, добраться до реки. Надеюсь, у местного населения нам удастся найти еду.

Сотник пожал плечами и кивнул, соглашаясь. Путь рискованный, но почти вдвое короче.

— Но сегодня придется идти, сколько сможем. Надеюсь, что в долине нам удастся найти местечко, где можно укрыться.

Асмаррах кивнул, поднимаясь и давая понять, что готов продолжить путь. Воины начали подниматься, опираясь на древки копий. И вскоре отряд скрылся в утреннем тумане.

Спасибо читателям за лайки и комментарии! Это очень поддерживает автора.

Глава 23. Пожар

Самирское царство, Асар.

Асармериб пребывал в ярости. Он расхаживал по своим покоям, словно пойманный лев, и ругался. Ругался долго и самозабвенно. Иногда, понимая, что повторяется, он останавливался, простирая руки в небо и взывал к мудрости могучего Эну. Ни мать, к словам которой повелитель имел обыкновение прислушиваться, ни советники не могли усмирить его гнев. Наследный царевич Асмаррах мрачно стоял у подножия трона, прислонившись спиной к одной из резных колонн, и молчал. Рядом с ним в изящном золоченом кресле, прямая как стрела, восседала мудрейшая Нарамман, почтенная родительница владыки. Ее лицо выражало скуку, и она легонько постукивала изящными пальчиками по резному подлокотнику.

— Как ты мог такое позволить! — восклицал владыка. — Почему не послал весть сразу, как тебе отказали?! Этот ничтожный Маарш-а-Н'мах слишком много себе позволяет! Да покарает его Небесный Отец!

Правитель дошагал до стены и резко развернулся. Его полноватое лицо было красным, а грудь, облаченная в дорогую вышитую тунику, сильно вздымалась. Возраст неумолимо давал о себе знать. Вот если бы его сыновья не были столь беспечны! Даже Асмаррах — надежда и опора в военных кампаниях — не может получить то, что хочет! Как он мог? Как он мог?! Но сын молчал, а мать откровенно скучала, выжидая. Асармериб отлично понимал, что отвечать они начнут только тогда, когда царственный гнев немного уляжется. Но это не помогало успокоиться, а лишь раздражало.

Асармериб для порядка еще немного побушевал, а потом опустил в свое тяжелое золоченое кресло, закрыл глаза и произнес:

— Все, я спокоен.

Только тогда седая, но все еще восхитительно изящная женщина поднялась и легким шагом подошла к нему.

— Повелитель, твой сын, конечно, молод и горяч, но он вернулся с победой, — голос Нарамман был тих, словно шелест сухой листвы. Когда она выбирала такой тон, это могло означать только одно — мать все уже решила. Асармериб слыл жестким правителем, не церемонившимся со своими врагами и не слишком разборчивым в средствах для достижения своих целей, но эта женщина была гораздо страшней. Ее решения «досадных проблем» порой ужасали своей жестокостью даже его. Но при этом мать всегда избегала, по ее выражению, «ненужных жертв» и была милостива к тем, кто этого заслуживал.

— Несмотря на отказ владыки Кареша, он добился своего. Разве ты не рад? — Нарамман ласково улыбнулась и грациозно плеснула руками, так, чтобы многочисленные браслеты и амулеты легонько зазвенели, словно подтверждая правоту ее слов.

Асармериб вяло кивнул и взглянул на отнюдь сияющего от счастья наследника. Радости в его виде не было, но и страха тоже. Боги дали царю много детей, но этот из всех был самым толковым. В детстве мальчишка из кожи вон лез, чтобы доказать свою полезность, а теперь вот отрастил клыки и уже не боится. Настоящий тигр, любимчик матери, а это о многом говорило.

— Старый Маарш никогда не изменит своего решения! — фыркнул владыка Самира. — Костями ляжет, а своего не упустит. Они там все такие! Я его не первый год знаю.

Асмаррах поднял голову и заговорил. В его тоне было гораздо больше ослиного упрямства, чем сыновней покорности:

— Я отправлюсь в Кареш, отец! Я должен помочь им и тем самым заслужить уважение владыки! — он шагнул вперед и обратился уже к бабушке. — Не ты ли, мудрейшая из женщин, учила меня, что не все проблемы решаются силой? Мой союз с Карешем принесет нам богатые плоды, только если я приму их условия. Поступить иначе — потерять расположение царевны, она не смирится. А потому отпусти меня и позволь взять с собой мой отряд!

Нарамман сухо хихикнула, подплывая поближе к внуку.

— Мой милый, — проворковала она. — Я имела в виду нечто иное, но и такая трактовка мне нравится. Обязательно познакомь меня с твоей прекрасной избранницей! Я вижу, что она совсем не глупа, к тому же посвященная, я права?

Женщина снова повернулась к царственному сыну, явно не рассчитывая получить от внука ответ.

— Меня больше беспокоит эта безобразная выходка хоннитского змееныша, повелитель! — продолжила она. — Это неслыханная дерзость, ты не думаешь? Такое поведение прощать нельзя! А еще он присвоил себе печать твоего возлюбленного сына и держал его в плену. Будь моя воля, я бы не оставила подобное поведение безнаказанным, но решать тебе, мой мудрый сын!

Владыка Асармериб сжал свои мощные руки и нахмурился. Мать снова знала больше, чем доносили ему; наверное, придется с этим смириться. А дерзость хоннитам и правда нельзя прощать.

— Это так, Асмаррах? — сурово спросил он у сына.

— Да отец, но позволь мне самому с этим разобраться. Поверь, я и не собирался оставаться в стороне. Я растопчу этого мальчишку и верну печать, только дай мне мой отряд!

Повелитель Самира усмехнулся.

— Мне кажется, что хонниты слишком много себе позволяют, придется преподать им урок. Они нанесли оскорбление тебе, а, значит, и мне. За поведение своего недоноска Кумиш-Шебеш должен дорого заплатить! Ты же, сын, станешь моей карающей дланью. Пройдешь по хоннитской земле и сожжешь ее! Откроешь ворота юга для Самирского царства, и лишь я буду решать, кто пройдет через них. Только в этом случае я дозволю тебе находиться в Кареше, пока не закончится мое время! Поклянись, и я отдам под твое начало две тысячи! Подари мне путь к Вратам, докажи, что я в тебе не ошибся! Это будет и твое наказание за своеволие, и доказательство, что ты мужчина и достойный наследник.

Наследник, не шевельнувшийся на всем протяжении отцовской речи, опустил перед ним на колени и согнул спину.

— Я подчиняюсь твоему решению, великий Асармериб! Я принесу тебе желаемое. Хонниты склонятся перед тобой и будут молить о милости! Я заберу их южные земли, клянусь Кесхалом! Поспешите же дать мне войско, молю тебя! Только против Кареша мой меч не поднимется, не проси! — несмотря на униженную позу, голос Асмарраха остался тверд и силен, как лезвие клинка.

Правитель великих земель нахмурился. Уж очень легко сын согласился со всеми условиями. Такое покорство было не в его духе. Асармериб перевел взгляд на свою мать. Нет, он не ошибся! Сиятельная Нарамман тоже была обеспокоена. Что ж, тем интереснее

будет за этим наблюдать, ведь не секрет, что Кареш вмешается в конфликт, как только хонниты об этом попросят. И как же ты будешь выкручиваться, упрямец?

— Ты ставишь мне условия, сын?! — грозно спросил он и сделал паузу, способную посеять панику в любой душе.

Но отпрыск не только не отступил, даже голову поднял и смотрел теперь на отца своим обжигающим взглядом! Глубоко в душе Асармериб улыбнулся этому, но виду не показал.

— Что ж, я готов их принять. Ты не мальчик, за слова в ответе. Не позднее чем через три дня у тебя будет две тысячи пеших копейщиков, лучники, и довольно колесниц, чтобы обратить хоннитов в бегство. Впрочем, решай сам, какое войско пойдет за тобой. А теперь встань! Твоя бабушка, как я вижу, хочет нашептать тебе напутственных наставлений.

Асмаррах легко поднялся. Выражение его лица смягчилось, но особой радости пока не выражало.

— Благословение Эну на твоем челе, отец! Ты добр и справедлив! — поблагодарил он и замер, ожидая разрешения уйти. Асармериб устало пошевелил пальцами правой руки, выказывая согласие, и слегка качнул головой.

— Не забудь навестить свою бедную бабушку вечером, мой мальчик! — напомнила вслед удаляющемуся внуку Нарамман. — Я хочу поподробнее узнать о твоей любимой жене.

Царевич обернулся, кивнул и скрылся в темноте коридора.

— Наш мальчик серьезно влюблен, владыка, — констатировала женщина, когда шаги молодого мужчины затихли. — А от этого счастья не бывает, поверь мне. Одно хорошо, чувства со временем сгорают. И чем они сильнее они, тем быстрее. Ты принял мудрое решение, поставив условия. Любовь размягчает, а война делает твердым. Мальчик получит хороший урок.

— Тебе виднее, несравненная, — устало отозвался Асармериб. Сегодняшний гнев унес много сил, и сейчас повелитель самого крупного и могучего государства больше был склонен думать о жареной утке, чем о любовных терзаниях своего отпрыска.

— В таком случае, ты не будешь возражать, если я дам ему пару советов? — это в ее устах могло значить вообще что угодно, но перечить матери было опасно.

Блистательная Нарамман поклонилась своему царственному отпрыску и, шелестя одеждами, удалилась, оставив после себя ароматный шлейф запаха.

Чувство приближающейся беды обжигало Асмарраха изнутри, и отделаться от него не получалось. Отобранная печать никак не выходила из головы. Вернее не она, а намерение Энмера написать для любимой письмо от его имени! Мелкий хоннит придумал воистину достойную месть! Достойную своей гнусности! Что он напишет? Что будет, если она поверит? Да ясно уже, что будет! Ну почему он согласился тогда увести отряд?!

В глубине души царевич понимал, что ночное нападение на лагерь, в котором находится сотня солдат, опасное дело. Воины Ташмета и так спасли их, приказывать сотнику он не имел права, а просить не посмел. Но мысль о том, что он ничего не сделал, мучила его.

От всех этих чувств, наверное, впервые в жизни не хотелось видеть почтенную Нарамман. Но он слишком хорошо знал ее характер. Если не хочешь обрести в ее лице опаснейшего врага, стоит исполнять все «маленькие прихоти» этой женщины. Асмаррах вздохнул. Хотелось надеяться, что бабушка примет его выбор и поддержит.

Покои Нарамман были столь же ослепительны, как и она сама. Тонкие резные деревянные колонны из целых стволов поддерживали крышу. По стенам, расписанным

яркими красками, летели удивительные птицы, цвели цветы, звери словно шли на поклон и припадали к ногам царицы. В небольшом садике росли редкие растения, которые Асармериб приобретал для своей матери со всех концов ойкумены. Между дорожками в изящных клетках пели птицы.

Бабушка ждала его на крытой веранде, заросшей виноградом. Спелые грозди свисали прямо над столиком, уставленным серебряными блюдами с закусками и кувшинами с напитками. Все было очень дорогим, но не вычурным.

Завидев приближающегося внука, старая женщина улыбнулась. Рядом с ней на низеньких плетеных скамеечках примостились две девушки: черноокая Аьетимм, карешская царица с тысячей серебряных колечек на сотне тонких косичек, и вторая, черноволосая красавица лет восемнадцати, одетая в расшитые блестящими бляшками зеленые одежды.

— Ну, девочки, — обратилась к ним Нарамман, — сыграйте нам что-нибудь. Думаю, это будет не лишним.

Девушка в зеленом грациозно поднялась и поплыла к богато украшенной арфе, стоявшей за креслом хозяйки. Аьетимм достала из складок своих белых одежд тростниковую флейту. Струны дрогнули, и тихая нежная мелодия наполнила веранду.

Асмаррах миновал здоровенных темнокожих охранников на входе в бабушкины покои, ими старая Нарамман особенно гордилась, и, легко взбежав по тридцати белым мраморным ступеням, вошел в покои. Две симпатичные служанки, звеня браслетами, поклонились и проводили туда, где ожидала любящая родственница.

Бабушка, казалось, снова скучала, но царевич знал, что это не так. Нарамман всегда просчитывала все наперед, всегда думала о последствиях и о том впечатлении, которое производит. Сейчас она предпочитала казаться несколько беспомощной и, что удивительно, убеленной сединами. Это должно было подчеркнуть мудрость, хотя обычно женщина предпочитала скрывать волосы под покрывалом. Значит, слишком простым разговор не будет.

Почтительно склонившись, молодой мужчина произнес:

— Как же я рад видеть тебя в добром здравии, блистательная! Надеюсь, ничего не омрачало твоих дней?

Бабушка с видимым усилием поднялась и раскинула худые изящные руки, украшенные многочисленными золотыми браслетами. Внук в два шага преодолел расстояние, разделявшее их, и позволил заключить себя в ароматные объятия.

— Ах, возлюбленное мое чадо! — промурлыкала она. — Разумеется, я каждый день волновалась о тебе. Наконец ты здесь, но сердце мое неспокойно. Разве трудно прислать весточку хоть раз в две луны?

Она положила свои сухонькие ладони на могучие плечи внука и усадила его рядом с собой, на одну из тех скамеечек, что раньше занимали девушки.

— Успокой меня, Асмар, развеяй печали. Расскажи мне о той, что украла твое сердце. Позволь разделить твою радость.

Царевич бросил быстрый взгляд на девушек за ее спиной и вопросительно посмотрел на бабушку. Та удивленно моргнула и расплылась в нежнейшей улыбке.

— А я уж подумала, что ты других красавиц уж и не замечаешь! — проворковала она.

— Помнишь ли Руммину? — Нарамман поманила к себе черноволосую девушку в зеленом. Струны арфы тренькнули и замолкли. Красавица, не смея поднять на царевича томных глаз, приблизилась и почтительно склонилась.

— Совсем уж забыл ты дорогу в ее покои, — укорила внука женщина. — А ведь она тоскует по тебе. Достойный муж не должен забывать ни о женах, ни о наложницах!

Асмаррах посмотрел на девушку. Да, она была бесспорно хороша! Раньше ночи с ней доставляли ему немало удовольствия. Эту наложницу подарила ему два года назад сама Нарамман. Властная бабушка любила покровительствовать хорошеньким девочкам, устраивая их судьбу. От ее «подарков» никто не смел отказаться.

Да, Руммина была все так же прекрасна. Тонкий стан и тяжелые бедра так и манили приласкать, а пышные груди призывно вздымались, обещая неземное наслаждение. Сочные вишневые губы были удивительно мягки и сладки. Ими девушка не раз доставляла царевичу удовольствие, уж в любви она была искусна.

Асмаррах закрыл глаза. Все это было, но далеко в прошлом. Теперь от прежних утех остались только воспоминания. О том, чтобы провести следующую ночь с Румминой, думать не хотелось.

— Блистательная, пусть все твои девушки оставят нас! — тихо произнес наследник. — Иначе я ничего тебе не расскажу.

Бабушка ахнула, всплеснула руками и закусилась своей все еще пухлую губку. Она изо всех сил давала внуку понять, что огорчена. Но тот был мрачен и непреклонен. В таком случае отступала даже Нарамман, тактически, конечно.

Когда красавицы скрылись во внутренних помещениях, сухонькая женщина сцепила изящные руки под подбородком, поглядела на внука и протянула:

— Ну хоть обещай мне, что навестишь ее сегодня! Неужели тебе больше не нравится моя девочка? — глаза женщины наполнились фальшивыми слезами.

Она прекрасно знала, что внук не выносит этого.

— Возможно... — неизвестно к чему бросил царевич. — Нарамман, я нашел ту, которая избрана для меня Богами. Сейчас меня волнует только ее судьба. Именно это не дает мне спать и словно сжигает изнутри!

Молодой мужчина смотрел на свою старшую родственницу горящим взглядом.

— Я принес обет Серебрянорогому, я обещал, что не возьму другой жены! — он замолк и опустил голову, словно стыдясь минутного порыва чувств. — Она лучшая из женщин, почти столь же умная как ты, Нарамман. Я видел, как в нее воплощалась сама Иинат! Она избранная!

— Чувства туманят твой разум, мой мальчик! — тихо произнесла собеседница, погладив внука по гриве черных как смоль волос. — Такое бывает в юные годы. Здесь важно не потерять разум. Да и видел ли твои клятвы могучий Эну? Но я вижу, что тебя тревожит не только это? Поверь, мне ты можешь сказать обо всем!

Это тоже было правдой. Бабушка никогда не выдавала его тайн, по крайней мере, пока. Она не раз говорила своему любимцу, что даже у самых сильных духом людей должен быть кто-то, с кем можно откровенно поговорить.

— Я не знаю, как тебе объяснить, мудрейшая. Но этот хоннитский царевич, тот, что украл мою печать... Он хочет написать от моего имени в Ассубу. Написать о том, что я отказываюсь от своих намерений взять царевну в жены! А если она поверит? В третий раз уже точно не простит.

Бабушка внимательно, но непонимающе смотрела на внука. Пришлось рассказать ей все. Ну, почти...

— Если эта красавица хоть вполовину так хороша, как ты говоришь, то обладание ей

принесет тебе почет. Для правителя его женщина значит не меньше, чем хороший военачальник. К тому же жрица Великой Матери и посвященная Аннана. Но вот любит ли она тебя или ищет выгоды? Женщины далеко не всегда так безобидны, какими хотят казаться.

— Я уверен, моя госпожа, что чувства ее искренни. Но ей страшно идти против воли владыки.

— А вот твой «подарочек» говорит, что Юилиммин-даша взбалмошна, себялюбива и хрупка телом, — намекнула пожилая красотка на Аьетимм, присланную ей не так давно. — И что разум ее покидал из-за гибели брата. Хорошо ли ты знаешь свою избранницу? Хватит ли у нее здоровья, чтобы рожать тебе наследников?

Асмаррах только покачал головой.

— Не хочу об этом думать, Нарамман! Сколько бы нам ни подарили боги счастья — я все приму. Уверен, она сможет родить мне сына. Только бы не разочаровалась во мне, получив ложное послание! С вами всегда так сложно...

Пожилая женщина усмехнулась. У нее было еще несколько новостей для любимого внука.

— Тебе, наверное, любопытно будет тогда узнать, что царственная Нинмах писала мне о своей старшей дочери.

Асмаррах вопросительно расширил свои темные глаза.

— Если ты все еще о Юилиммин, то она не ее дочь, — уточнил он, поспешно.

— Я знаю, знаю, — бабушка сердито свела брови. — Если тебе интересно, я продолжу, если же нет...

Она выдержала паузу, чтобы внук успел как следует пожалеть о том, что перебил ее. А потом продолжила:

— Так вот, она совсем не возражала, чтобы ты взял себе в супруги старшую царевну и увез ее сюда. Прислала мне подарок и просила помочь в этом. А все потому, что ее супруг слишком привязан к своей белокурой дочери. Слишком, понимаешь? — Нарамман с намеком посмотрела на Асмарраха. Он мгновенно вспыхнул.

— Это не так! Эта женщина просто хочет власти. Я слушал ее речи! Поверь, она совсем не стесняется в средствах, стараясь достичь своей цели. У нее своя игра.

— Ну, поступай как знаешь! Но поверь старой женщине, твоя красавица не такая, какой ты ее видишь сейчас. Женщины очень меняются, как только обретают власть, уж я-то знаю! — бабушка крайне редко вспоминала о своем возрасте. Это настораживало.

Кареш, Ассуба. Юилиммин. То же время.

Праздник урожая не принес мне радости. С самого восхода я участвовала в обрядах и жертвоприношениях, танцевала, улыбалась. Только один раз меня заменила Нинтах. Старшая жрица взяла на себя символическую роль владыки и, закутанная во множество ритуальных покрывал, с накладной бородой и в парике, простояла целый день на возвышении, рядом с Нинмах. Для меня же находиться рядом с мачехой теперь было невыносимым.

Вечером, когда опьяневший от пива народ начал танцевать на улицах, во дворце состоялся пир.

Вот здесь компании царицы мне избежать не удалось. Нинмах-аша заняла место рядом со мной. Ее стройная, благоухающая ароматами фигура, украшенная золотом и

драгоценными камнями, теперь вызывала у меня отвращение.

— Ты устало выглядишь, возлюбленная дочь наша! — проворковала красавица, слегка наклоняясь ко мне.

— У меня сегодня было много хлопот, сиятельная Нинмах-аша, — вежливо отозвалась я.

— Разумный правитель умело доверяет часть своих забот другим. Так всегда говорит наш владыка, — снова промурлыкала она.

— Владыка могуч и дальновиден! — машинально отозвалась я, ища предлог, чтобы закончить этот разговор.

— Я все это говорю потому, милая, — не унималась мачеха, — что иногда я могу помочь тебе советом. Я многому научилась у владыки. К тому же теперь, когда Шахриру далеко, мне некому дарить свою материнскую любовь!

От таких предложений я чуть не поперхнулась вином. Воистину, наглость — второе счастье! Нужно было срочно найти повод для отказа. Мысли понеслись галопом.

— Благодарю, сиятельная! — начала я. — Владыка назначил в помощь мне благородного Шамунт-абу и я не знаю, как он к этому отнесется. Но я обязательно с ним поговорю!

Я улыбнулась самой из фальшивых своих улыбок.

— Поговори, но хорошим советом не пренебрегай! — наставительно заметила царица. — И загляни как-нибудь ко мне, кто же меня теперь, одинокую, утешит?

— Как только будет время, сиятельная! — заверила мачеху я, надеясь, что времени у меня не будет.

— Заходи, расскажешь нам о своих делах. Нам же с девочками было бы интересно! — царица отчего-то хихикнула. «Девочками» она, очевидно, называла Оймин, Мейрит и Иллит — младших жен Маарш-а-Н'мах-Ишана. Из них я иногда видела лишь Оймин, мать Тейен и Ануриммин. И если по озорным сестричкам я немного скучала, то с этими женщинами мне нечего было делить.

Я снова слащаво улыбнулась.

— Мои дела — тайны храма, сиятельная. Их непосвященным знать не положено. А вот Тейен и Ануриммин самое время обучаться божественному служению. Лучшей долей для них будет милость Великой Матери!

— Подождем возвращения владыки с этим, — отмахнулась от моего предложения царица. — Девочки еще слишком молоды.

Она наконец-то замолчала и принялась за еду. Я облегченно вздохнула. Как же хотелось покинуть пир, отправиться к себе и заснуть, но это было невозможно.

Внезапно какой-то шум отвлек всех от музыки и веселья. В залу буквально влетел облаченный в боевые доспехи Сельмиш-ина, а с ним десяток вооруженных солдат. Пирующие сановники недоуменно воззрились на них, а Нинмах поднялась со своего ложа. Я последовала ее примеру.

— Владычица! — выдохнул военачальник, — Во дворец следуют степные кочевники! Их вождь Сайгур требует встречи с владыкой Маарш-а-Н'махом! С ним почти две сотни воинов.

Царица на мгновение опешила, но тот час же взяла себя в руки.

— Что ты намерен делать, Сельмиш-ина? — протянула она. — Разве это не твоя забота, оградить нас от этих степных псов?

Военный замаялся. Его замешательство прервал седовласый Шамунт.

— Я думаю, что мы, ближайшие советники, должны выйти к ним и выслушать. Сиятельные же владычицы будут безопасно укрыты здесь. Надеюсь, ты способен обеспечить нам должную охрану, даже если степняков так много? — вельможа поднялся, подошел к Сельмишу и ожидающе глянул на других сановников.

— Ну? — не слишком учтиво поторопил он остальных.

— Я обеспечу сопровождение. Мы остановим их у дворцовых ворот! — командир отдал несколько приказов сопровождавшим его воинам. Несколько солдат мгновенно исчезли в дверном проеме.

Сановники с явным страхом выбирались из-за стола. Никто из них не горел желанием встречаться с нагрянувшими так внезапно кочевниками.

Я тоже поднялась.

— А могу ли я узнать, уважаемый Сельмиш-ина, почему такой большой отряд появился в Ассубе так внезапно? — мой вопрос прозвучал громко и резко. — Как они миновали пограничные отряды?

Главнокомандующий карешским войском удивленно повернул голову и посмотрел на меня так, словно это заговорило мое кресло. Я ждала, а он сверлил меня презрительным взглядом.

— Я жду ответа! Думаю, что ответ на этот вопрос интересен всем.

Теперь на Сельмиша смотрели и сановники.

— Сейчас нет времени объяснять, сиятельная царица, — медленно произнес он. — Отряд Сайгура пока настроен мирно, но настроение у степняков переменчивее ветра. Нам нужно поспешить! А вы оставайтесь и ни о чем не беспокойтесь.

Шамунт-аба посмотрел на меня и что-то шепнул стоявшему рядом Уммату. Тот согласно кивнул и направился ко мне.

Я все еще сверлила взглядом могучую фигуру Сельмиша, но тот уже что-то тихо говорил стоящему рядом воину.

— Могу ли я проводить вас в покои или вы предпочтете остаться здесь? — самым спокойным тоном сообщил мне мой извечный сопровождающий. Я хотела было сказать ему что-нибудь резкое, но заметила, что он мне подмигнул, воспользовавшись тем, что сидевшая рядом Нинмах-аша неотрывно смотрела на толпу у входа. Это было неожиданно.

— Я бы предпочла побыть у себя, — путь был неблизкий и я успею выведать у вельможи, что он задумал.

Дождавшись, когда советники отца и воины уйдут, я решительно направилась прочь. Уммат-аба последовал за мной. Дорогу до своих покоев я знала великолепно, но идти туда не собиралась. Сделав пару поворотов, я остановилась.

— Мне показалось, или ты хотел мне что-то сказать, почтенный Уммат?

Сановник склонил голову и заговорил:

— Госпожа, благородный Шамунт просил предать вам, что он и сам хотел узнать ответ на ваш вопрос, и время этому придет. Сейчас же, если пожелаете, я могу проводить вас в такое место, откуда вы сможете увидеть все, что будет происходить у ворот. Хотя слышно оттуда будет немного.

Я согласно кивнула, понимая, что альтернативы у меня нет. Мое появление перед кочевниками повлечет одни неприятности.

Пока мы поднимались по узкой темной лестнице на крышу, делегация советников уже

чинно выстроилась на нижней ступени лестницы, окруженная двумя рядами стражи, державшими факелы и копья.

Толпа кочевников уже ввалилась в ворота, назвать это отрядом никак не получалось. Впереди этой толпы ехали трое, облаченные в меховые плащи и шапки, наполовину скрывавшие лица. На поясе одного из них висел бронзовый клинок в богатых ножнах, а на груди — массивное золотое ожерелье.

— Вон тот, в середине, сам Сайгур, — подтвердил мои догадки Уммат-аба. — Один из сильнейших вождей степи. Вот уже десять лет он водит свое племя по степи, и никто не смог отнять у него власть. Но до этого ни разу не приезжал в Ассубу сам.

— И так не вовремя! — с досадой откликнулась я. — Нужно послать гонца к владыке. Думаю, Сельмиш-ина не слишком хорошо справляется с защитой Кареша.

— Мне же видится, — снова заговорил мой спутник, — что виной всему праздник. Возможно, многие воины были отпущены домой.

Я мысленно выругалась. Это недопустимо! Кочевники каждый год устраивают налеты, грабя мирное население. Теперь же, узнав, что владыки в столице нет, они станут еще бесцеремоннее!

Внизу меж тем шли переговоры, но до нас доносились только визгливые фразы одного из степняков, вероятно, того, что приезжал с посольством в прошлый раз. Кони под седоками храпели и били копытами. Темнота скрывала задние ряды пришлецов. Но мне почудилось, что оттуда отделилось несколько фигур и скрылось в темноте. Это настораживало.

— Уммат-аба, может, мне показалось, но несколько кочевников только что покинули переговоры. Мне это не нравится! — поделилась я своими соображениями. Мой сопровождающий, близоруко сощурившись, взгляделся в темноту.

— Я боюсь, как бы они чего не учинили... Нужно приставить к ним сопровождение! Но как это сделать? — продолжила я свои мысли вслух.

Пожилой царедворец потеревил заплетенные концы седой бороды.

— Твои слова верные, царевна. Нужно донести их до славного Сельмиша.

— Этот петух даже слушать меня не станет! — фыркнула я. — Я могу послать туда только свой десяток, но их сил не хватит.

— Позволь, сиятельная, мне об этом позаботиться. Сельмиш-ина упрям, но нас послушает, — успокоил меня вельможа. — Проводить тебя в твои покои?

— Лучше поскорей сделай все, что можешь, мудрый Уммат. Сейчас наша беда стоит у наших ворот, и нужно позаботиться о безопасности. Поспеш! Я останусь здесь. Если сможешь прислать ко мне Гаруула, то буду благодарна. Он защитит меня от любой беды.

Седобородый советник скрылся, спускаясь по лестнице. Мне сразу стало как-то неуютно. Чтобы отвлечься, я вернулась к своему наблюдательному пункту. У подножия лестницы все еще шли переговоры. Их градус повышался. Все чаще до меня долетали фразы на повышенных тонах. Охрана дворца, сверкая в свете факелов доспехами, уже на два шага выдвинулась, тесня так и не спешившихся кочевников. Их глава Сайгур почти все время молчал, позволяя говорить за себя тому, кто был справа от него, лишь изредка что-то тихо произнося. На его широком лице, полускрытые мехом шапки, злобно поблескивали узкие глаза. Ну, по крайней мере, мне так показалось.

Прошло не менее получаса. Переговоры явно подходили к концу. За это время я еще как минимум дважды замечала, как от отряда степняков отделялись всадники и исчезали вдаль.

За моей спиной под чьими-то шагами зашуршали камни. Я обернулась.

— Это я, царица, испугалась? — ухмыльнулся в бороду Гаруул.

— Нет, я знала, что это ты.

Мой телохранитель довольно осклабился.

— Так я и не таился, — он подошел к парапету и глянул вниз. — А... Вот они какие, здорово похожи на тех, что кочуют в наших степях.

Мы стояли в темноте и смотрели, как отряд кочевников, закончив переговоры, развернул коней и исчез в ночи. На душе скребли кошки. Да что там кошки — леопарды!

— Теперь направимся в покои? — тихо спросил Гаруул, отходя от края, когда последние факелоносцы скрылись во дворце. Ночь безраздельно окутала нас.

— Нет, я останусь здесь. Мне все равно не уснуть, плохие предчувствия, — отозвалась я, всматриваясь в темную даль, где скрылся отряд кочевников. — Я чувствую, что что-то случится.

— Да, такой внезапный визит и так некстати. На праздниках многие позволили себе лишнего. Плох тот, в ком говорит пиво, — мужчина снова встал рядом со мной.

Время летело незаметно. Тревога в душе уже начала утихать, когда на восточной стороне города появилось зарево. Сначала еле заметное, но быстро набравшее силу.

— Гляди! — крикнула я, привлекая внимание моего стража, — Гляди! Что там?

Гаруул встревожено вгляделся.

— Пожар! — крикнул он. — Окраина города горит!

— Надо бежать! Надо поднять тревогу! — я дернула воина за руку. — Нужно не дать пожару разгореться! Быстрее!

Я неслась по темным коридорам и лестницам дворца, стремясь как можно скорее найти хоть кого-то из стражи. Гаруул тяжело топал за мной. Когда мы выбежали в одну из просторных галерей, он наконец-то догнал меня.

— Я знаю, где мы найдем стражу! — крикнул он. — Но тебе лучше отправиться к себе. Не собираешься же ты лично тушить пожар?!

— Собираюсь, но не тушить, а оказывать помощь пострадавшим! Мне нужно попасть на кухни или где там еще собираются слуги. Нужно послать гонцов в храмы. Нужно оповестить весь город!

Мы влетели в скупо освещенное помещение, где находилось более полусотни солдат. Некоторые из них протирали свои доспехи, другие смеялись или ели.

— На востоке города пожар! — крикнула я с порога, пыталась держаться с достоинством. — Нужно немедленно организовать тушение! Где ваш командир или благородный Сельмиш-ина?

Стражники изумленно воззрились на меня, но не прервали своих занятий. Из ступора их вывел могучий рык Гаруула:

— Это как вы ведете себя, когда с вами говорит наследная царица Кареша?! Любое ее желание — приказ для вас, псы шелудивые! Или пиво думать мешает?!

В один миг воины побросали свои дела и вытянулись. В одном углу явно обозначились недовольные нашим вторжением. Но Гаруул продолжал грозно глядеть на них из под густых бровей, выжидая. Солдаты с недоверием поглядывали на него, пока откуда-то из задних рядов донесся шепоток: «Это личный охранитель царицы, я точно знаю».

Гаруул сощурил глаза.

— Раз такой знающий, — начал он, — быстро приведи сюда Сельмиша-ину. Бегом!

Остальные — слушайте царевну Юилиммин-дашу!

За такое вмешательство я была чрезвычайно благодарна самирскому хохмачу. Без него меня бы и слушать не стали, подхватили бы под белые ручки и доставили бы до покоев. Теперь у меня был шанс.

— Приведите сюда всех советников моего отца, которых сможете отыскать! — громко и как можно более уверенно повелела я. — Пошлите срочно гонцов в старый храм Иинат к жрице Каи и в новый к жрице Нинтах. Пусть сообщат о пожаре. Нам нужна будет помощь всех знающих...

Я прервалась, набирая в легкие новую порцию воздуха и обвела взглядом притихшие ряды солдат. Как же было страшно, что мои слова впустую утонули в море этих загорелых лиц, и сейчас меня окатит волной надменного смеха и презрения. Но они слушали! Они ждали, и я ринулась в бой.

Спасибо всем, кто меня читает и поддерживает! Не забывайте, ваши лайки — награда автору.

Глава 24. По делам нашим и слава

Почти целый час мы организовывали тушение пожара. Карту пришлось рисовать прямо на полу осколком горшка. Потом долго убеждать людей, что лучше разметать часть домов, разделив сплошную застройку бедных кварталов полосой голой земли с подветренной стороны, чем потерять в огне почти половину города, как бывало раньше. За первые сорок минут я почти охрипла, но зато во мне снова ожил лидер. А ведь раньше, там, в другой жизни, мне частенько приходилось «строить» и местное начальство и «братков». Вот и сейчас я ловила взгляды собеседников и держала их, не позволяя вывернуться и улизнуть. Мало-помалу советники, а вслед за ними и командиры десятков прогибались, понимая, что на споры сейчас времени нет.

Составив план по тушению, или, вернее, по предотвращению распространения пожара, я начала озвучивать свои соображения о спасении населения. И снова столкнулась с непониманием. Многие советники всерьез полагали, что жители сами справятся с напастью, но я была неумолима. Никогда еще царедворцы не видели старшую царевну в такой ярости. Даже Сельмиш-ина не осмелился возражать, немного скривившись, он сдержанно кивнул и отдал приказ выступать всем отрядам, кроме дворцовой сотни. Но и тут я влезла со своими указаниями. Покой всех обитателей большого дворца вполне сможет защитить полусотня Демета. Всех женщин нужно перевести сюда. Даже в случае внезапного нападения стены помогут воинам отразить атаку. Конные кочевники были хорошими воинами лишь в степи.

На восточные окраины города, где пылал пожар, Уммат-аба поехать мне не позволил, и я нашла себе занятие в новом храме, который был ближайшим от места возгорания. Гаруул и Таммуз увели почти всю храмовую стражу бороться с огнем, и теперь жрицы готовились к приему пострадавших.

Воинов немного смущало, что на востоке, в бедных кварталах, где дома сделаны из соломы и глины, очень мало колодцев. Пришлось объяснить, что земля не самое плохое средство для тушения, хорошо помогает и отделение горящих построек от остальных. Конечно, придется снести соседние здания, но это поможет остановить огонь.

Всех погорельцев необходимо было посылать в старый храм, а раненых — в новый. Там жрецы и жрицы помогали им, чем могли.

Буквально через час после того, как солдаты и челядь дворца отправились тушить пожар, к нам стали прибывать первые пострадавшие. Люди были в ужасе. Многие утверждали, что налетевшие в ночной темноте кочевники не только поджигали дома, но и грабили, угаскивая в полон молодых девиц и детей. Я велела одной из младших жриц опрашивать каждую семью и записывать, кого похитили нападавшие. Завтра же нужно будет собрать совет и обсудить возможность освобождения этих людей. Уверенности в победе не было, но под лежащий камень вода не течет.

Всю ночь, до самых серых предрассветных сумерек, город боролся с огнем. Когда раненные и обожженные люди почти перестали поступать, я попросила Каи проводить меня к восточным окраинам города. Старая жрица внимательно посмотрела на меня и, заметив упрямство в моих глазах, согласилась. Несмотря на то, что мы работали всю ночь, знающая выглядела удивительно бодрой.

— Ох, царевна, только нам лучше на осликах туда ехать. Далеко, да и устала я! — в ее глазах читалась забота и тревога. Я согласно кивнула. Несмотря на весь адреналин,

усталость начинала брать свое. Играть в героя становилось все труднее.

Ослы — создания крайне неторопливые и упрямые, так что до первых сгоревших строений мы добрались минут через сорок, а то и через час. Утренняя прохлада здесь совершенно не ощущалась. Сухой раскаленный воздух одеялом висел над долиной. От дыма и гари слезились глаза, пришлось заматывать нос покрывалом.

От нескольких кварталов города не осталось и следа. Лишь кое-где из черной прогорелой земли, словно воздетые в молитве руки, торчали почерневшие скрюченные стволы деревьев. Границу пожара отмечала красноватая полоса грубо взрезанной земли, ограниченная валами из того, что раньше было стенами домов. Значит, послушали меня. Значит, смогли-таки и волов запрячь и распахать.

Солдаты, устало растаскивавшие последние очаги огня, вяло перебрасывались грубыми шуточками или просто глухо ругались, прикоснувшись к раскаленным камням. Все они были чумазы, потные и усталые.

Заслышав стук копыт, некоторые из мужчин поднимали головы, и, заметив мою белокурую шевелюру — начинали улыбаться, одобрительно похлопывая по бокам в знак одобрения. У многих солдат на восточных окраинах города жили родители и близкие.

— Ты делаешь успехи, моя девочка, — тихо шепнула мне Каи. — Эти люди запомнят, как сегодня ты позаботилась о них. А это многого стоит. Кто бы знал, что ты, царевна, такая мудрая станешь? Может и правду говорят, что в тебе живет две души?

— Это все твоя заслуга, — смутилась я. — Ты многому меня научила, мудрая. Научила видеть людей, знать, кому можно доверить свою жизнь...

Закончить фразу мне не удалось. От едкого запаха дыма меня вдруг замутило, да так, что бросило в пот. Старая жрица, заметив мою бледность, подхватила меня за локоть.

— Ох, девочка моя! Негоже тебе здесь ходить. Нужно на свежий воздух тебе.

— Все хорошо, Каи, — выдавила из себя я, стараясь дышать размеренно и неглубоко. — Нужно найти Сельмиша-ину. И Гаруула тоже. Нужно немедленно действовать дальше. Такого степнякам прощать нельзя!

Я сама не заметила, что последнюю фразу произнесла громко, во весь голос. Картина разрушенного города вызывала два чувства: боль и гнев. Как оказалось, не только у меня. Со стороны разбирающих завалы воинов послышались одобрительные возгласы. Солдаты явно поддерживали идею о том, что нельзя оставлять подобное без отмщения.

Нужно не забыть выдать им вина или пива из дворцовых запасов.

— Воины! Где я могу найти вашего командира? Десятника или сотника, не важно, — спросила я.

Один из полуголых молоденьких воинов махнул куда-то на юго-восток.

— В последний раз мы видели нашего сотника там, госпожа. Но вы туда не ходите — дышать тяжело и грязь повсюду. Мы приведем его сюда, подождите только, — заверил он меня.

Я кивнула. Даже здесь дышать было нечем. В горле ужасно першило, тошнота снова вернулась. Накидка уже была обернута вокруг лица в два слоя, но даже это не спасало.

— Может быть, нам лучше вернуться? — тихо спросила Каи. — Уж больно ты бледная. Не мутит утром?

Я отрицательно мотнула головой. В последнее время мое физическое состояние заметно улучшилось. Вероятно, сказалось путешествие. Сегодня ночью я пробежала столько, сколько не бегала ни разу в жизни, прежде чем запыхалась.

— Все в порядке. Просто от дыма нехорошо. Или усталость — пройдет, — говорить приходилось короткими фразами, иначе рвотные позывы становились сильнее.

Старуха как-то загадочно хмыкнула и взяла с меня слово, что после того, как эта кутерьма завершится, я навещу ее. Я с радостью согласилась. Мне нравились аскетичность старого храма и то спокойствие, что неизменно присутствовало в его стенах.

Через несколько минут в сопровождении юного воина пришел его сотник, мужчина средних лет с седеющей, но все еще черной окладистой бородой. Кожаный нагрудник был наспех зашнурован, а из-под него торчала мятая, мокрая и вся перепачканная пеплом туника. Нацепил для приличия ради царевны? Наверное, и я ради столь же пустого геройства решила открыть лицо. Зря...

Тошнотворный запах гари ударил в нос с удвоенной силой. Меня замутило так, что сохранять приветливую улыбку стало невыносимо сложно. Хорошо, что в обморок не упала.

Воин низко склонился.

— Не ожидал увидеть вас здесь, царевна! Что я могу сделать для сиятельной?

— Как только потушите все, ступайте во дворец. Я позабочусь, чтобы воинов осмотрели и накормили. Много ли погибших, командир? — как мне казалось, бодро начала я.

— Да пошлет вам долгие дни Всеблагая, царевна! Ваша доброта не имеет границ. Не разве место для прекраснейшей среди такой разрухи? Зачем лани утруждать себя тем, что выполняет вол?

— Командир! Я знаю свое место! — окоротила я его. — Я приказываю, чтобы все солдаты были осмотрены и накормлены. Вы защищаете Ассубу и весь Карещ, и скоро я снова потребую от вас исполнить свой долг! Многих ночью похитили. Неужели мы простим это степным псам?!

От праведного гнева на неуместные поучения я забыла и про тошноту, и про слабость. Я должна показать себя сильной! Я докажу, что достойна роли, уготованной мне владыкой!

Солдаты же снова забросили дела, прислушиваясь к разговору. Вокруг нас их становилось все больше и больше.

— Могучий Сельмиш-ина ничего такого не говорил, — начал было возражать сотник.

— А с каких это пор Сельмиш повелевает здесь всем? С каких пор? — я почувствовала, что закипаю. — Я наследница карешских земель и, пока нет владыки, буду управлять так, как учил меня он. И я не позволю мешать! Сельмиш-ина — военачальник, но последнее слово не за ним.

Я выдохнула. Адреналин все еще заставлял кровь стучать в висках, но пальцы уже начинали предательски холодеть. И все же эффект был — сотник больше не пытался перечить.

— Надеюсь, мой приказ ясен, командир, и вы исполните его. Попрошу передать его всем, кто тушил пожар! — добавила я и развернула ослика.

Была пора возвращаться во дворец. Нужно отдать распоряжения и там.

Весь следующий день, совсем позабыв про сон, я провела в хлопотах. Советники, а более всех смотритель за доходом, были очень недовольны свалившимися на Ассубу тратами. Сельмиш-ина, поведший часть солдат по следам поджигателей, все не возвращался. Это начинало беспокоить. Но Демет-ина, командовавший теперь остатками войска, заверил, что пока рано о чем-либо переживать. Случись чего, генерал пришлет гонца.

О ночных событиях праздника урожая владыке отписал Шамунт-аба. Он не только

показал мне сырые таблички, но и потребовал, чтобы я приложила к ним печать. Возражений у меня не было. Не возмись старый вельможа за это сам — пришлось бы заставить.

Через день, когда оставшиеся солдаты и местные жители уже были направлены на расчистку завалов и возведение новых домов, у восточных ворот появился отряд Сельмиша. Полководец проследовал во дворец и потребовал немедленно созвать большой совет. Отказывать в этом было бы глупо.

В огромном зале собрались все. Пустовал только трон владыки. Нинмах-аша восседала справа от него на своем плетеном стульчике. Я примостилась на ступеньку ниже.

Сельмиш-ина, в блестящих доспехах, словно никуда из дворца не уезжал, стоял у подножия лестницы и рассказывал, как они почти нагнали отряд Сайгура в холмах. Но кочевники явно заманивали карещцев в ловушку, и полководец благоразумно решил повернуть домой. Мало того, выяснилось, что отряды степняков за последний месяц не раз видели в холмах на нашей стороне, но никаких действий не предпринималось. Даже владыку в известность не поставили! Теперь же военачальник требовал немедленно бросить на защиту восточной границы все силы.

Советники заволновались. По залу пронесся шепоток.

— Кочевников много. Нам нужен на защиту каждый воин! — повысил голос Сельмиш-ина, чтобы завладеть вниманием вельмож. — Они, к сожалению, больше не смогут участвовать в восстановлении города, как того хочет наша сиятельная царица.

Я поднялась со своей скамеечки и глубоко вдохнула, собираясь духом. Здесь главное не сорваться. Пока не вернется отец нужно быть жесткой, но знать меру.

— Хорошо, командир, я найду силы для восстановления города среди его жителей. Но в таком случае на войска ложится задача вернуть всех пленных, что были похищены той ночью. Списки храм предоставит.

Сельмиш удивленно воззрился на меня, словно видел впервые.

— О каких пленных говорит сиятельная царица? — изумленно спросил он.

— А о тех людях, что были похищены во время налета. Только это может хоть немного искупить вашу вину! Я до сих пор жду ответа — почему степняки беспрепятственно въехали в город? И почему на обратном пути их никто не сопровождал? — я повысила голос.

— Думаю, прекраснейшая царица плохо понимает в делах ведения войны и обороны, — ухмыльнулся полководец. — Надеюсь, владыка по достоинству оценит мои старания.

От подобной наглости я слегка опешила, но быстро взяла себя в руки.

— Да, уважаемый Сельмиш, владыка по достоинству оценит твои «успехи». Немедленно велю ему отписать. Может, я плохо понимаю в ведении войны, но все еще отличаю ослиный помет от лепешки! Надеюсь, что благородные советники поддерживают меня в моем любопытстве.

Я поймала на себе гневный взгляд царицы. Женщина уже не могла скрывать своей ярости. Ее маленькие кулачки были крепко сжаты.

«Сейчас меня разорвут на части!» — подумала я и приготовилась дорого продать свою жизнь.

— Сиятельная царица еще очень молода, но уже очень многое сделала для Ассубы! — проплыл над толпой сильный голос Шамунта. — Владыка дальновиден и мудр. А его воля — закон! И тебе, достойный Сельмиш, придется прямо сейчас ответить на вопросы

Юилиммин-даши!

К голосу ближайшего отцовского советника присоединились еще несколько. Только казначей отчаянно возражал, указывая на то, что дай мне волю — разбазарю все имущество на бедняков.

— А кто, благородные мужи Кареша, растит для вас зерно? Кто пасет в горах скот? Кто рождает воинов? — мне казалось, что отцовские сильные руки нежно лежат на моих плечах, одобряя. — Разве не наша обязанность заботиться о них? Я не могу не помочь им, пострадавшим в праздничную ночь! Великая Мать не простит мне этого!

Сельмиш-ина слушал меня, криво усмехаясь. Было ясно, что сдаваться он не собирается, как и не собирается оправдываться передо мной.

— Сиятельная царица сделала многое, — сказал он. — Но многое предстоит сделать. К нам приходил сам Сайгур — один из сильнейших воинов степи. Все из вас его слышали! Нам нужно выиграть время, пока владыка не вернется. Нужно откупиться от него. За это время мы соберем войска с южных и западных земель! Для того, чтобы отогнать кочевников, нам нужно больше воинов.

— Солдатам нужно платить, Сельмиш-ина! — охнул смотрящий за доходами. — А у кочевников и взять нечего!

— Владыка оставил такое указание, благородный Мухра, — пояснил Шамунт-аба. — Еще утром гонцы отбыли с указом. Боюсь, могучий Сельмиш, тебе придется разбираться с воинами Сайгура имеющимися силами. Я поддерживаю требование царицы Юилиммин о том, чтобы пленники были возвращены. Надеюсь, остальные советники тоже.

Сановники одобрительно зашумели поддерживая. Между тем, в дальнем конце зала послышалась возня. От входа, с легкостью миновав охрану, шел широкоплечий мужчина. Я почувствовала прилив радости, узнав эту фигуру.

Асмаг-ина, лишь слегка прихрамывая, шел по центральному проходу. Солдаты почетного караула изумленно переглядывались. Лицо Сельмиша сделалось странным, вытянулось и побледнело. Я перевела взгляд на Нинмах. Женщина холодно смотрела на генерала. Так холодно, что от ее взгляда можно было превратиться в лед.

Бывший глава моего отряда подошел к лестнице и поравнялся с военачальником, смерил его нехорошим взглядом и застыл, ожидая.

Все это время я продолжала стоять и сейчас, не в силах сдержать радости, сделала несколько шагов вниз, приветствуя гостя.

— С возвращением! Я рада, что твои силы вернулись к тебе, — сказала я и обратилась к Шамунту. — Храбрый Асмаг-ина — еще один выживший после того страшного нападения. Я прошу, чтобы ему позволили находиться в числе моей охраны.

— Как пожелает сиятельная! — ответил за сановника главнокомандующий. — Я не вижу нужды в этом раненом воине. Возможно, он сможет хоть чему-нибудь научить вас.

Лицо Асмата, в отличие от моего, осталось непроницаемым. Он привык сохранять невозмутимый вид. Но мышцы воина напряглись, и он еле заметно перенес вес тела на другую ногу. Давным-давно, в детстве, я почти два года ходила на единоборства и понимала, что из такого положения гораздо удобнее нападать. Сельмиш тоже напрягся. Несмотря на то, что генерал был мужчиной крупным и мускулистым, он проигрывал Асмату по габаритам. Только незажившие раны телохранителя делали его менее смертоносным. Я вспомнила, как легко он сражался сразу с двумя нападавшими, пока одна дурочка его не отвлекла. От стыда запылали щеки. Возможно, его раны — моя вина.

Между тем Уммат-аба подошел к прибывшему воину и жестом указал ему следовать за собой. Телохранитель взглянул на меня и, получив ответный кивок, удалился с моим распорядителем.

— Думаю, на сегодня мы решили все вопросы, — произнес Шамунт-аба, оправив расшитые одежды. — Несравненная Нинмах-аша и сиятельная Юилиммин-даша, наверное, устали. Да и всем стоит отдохнуть... Всем, кроме храброго Сельмиша-ина, меня и еще нескольких советников, которым есть, что обсудить. Мы гораздо лучше сиятельной царевны разбираемся в стратегии и желаем выслушать о планах по защите Кареша от кочевых племен.

Сельмиш выглядел кисло, плечи опустились, и, казалось, даже его нагрудник уже так не блестел. Нинмах-аша, бледная и злая, словно гадюка, смерив всех присутствующих ледяным уничижающим взглядом, удалилась вместе со своей охраной. Защищать любовника при всех царица явно не собиралась.

Мне пришлось поступить так же. Уммат-аба, как ни странно, обнаружился в коридоре. Сохраняя полное молчание, мы дошли до покоев, где у входа, несмотря на дневное время, дежурил Гаруул.

— Асмаг-ина вернулся, — бросила я, проходя мимо. Самирский шпион довольно ухмыльнулся в черную бороду. Я же сделала вид, что эта фраза предназначалась моему спутнику, а потому продолжила:

— Уммат-аба, можно ли проводить его в мои покои? А еще пошли за жрицей Каи. Я хочу, чтобы она лично осмотрела его раны, — на самом деле, присутствие целительницы снимало целый ряд неудобных вопросов, позволяя поговорить с бывшим телохранителем приватно. В противном случае недоброжелатели нашли бы повод для грязных слухов, а в том, что они у меня были, сомневаться не приходилось.

Чтобы избежать лишних глаз, я позаботилась о том, чтобы гостей провели через внутренний дворик, а своих любопытных служанок отправила по делам. Гаруул присоединился к «военному совету» сразу, как сменился.

До самого вечера мы говорили, о том, что делать дальше. Обсуждали пожар, конфликт Самира с Хоннитом, отъезд владыки и то, что я не успела ему рассказать. Но больше всего беспокоило поведение карешского военачальника. Складывалось ощущение, что Сельмиш катался на восточные границы для отвода глаз. На самом же деле, в его планы совсем не входит погоня за кочевниками в бескрайних степях, и возвращать пленников он не собирается. А вот увести войска из столицы генерал готов хоть сейчас. Увести войска и оставить дворец без защиты... И хотя в своих подозрениях я была не одинока, нам было решительно нечего этому противопоставить. Оставалась надежда на то, что Шамунт-аба смог добиться от генерала большего, возможно, прижать его или заставить изменить планы. Завтра надо постараться выведать подробности их беседы.

Глава 25. Побег

Разошлись уже за полночь, и я мгновенно погрузилась в сон, больше похожий на обморок. Каи, отчего-то обеспокоенная моим самочувствием, осталась, расположившись рядом на переносном ложе. У входа снова встал на посту неутомимый Гаруул. Интересно, он когда-нибудь отдыхает?

Из сонного забытья я очнулась резко. Кто-то сильно тряс меня за плечи. Встревоженная Каи едва различимым пятном нависала над ложем. Лишь ее руки и лицо, обрамленное шапкой седых волос, едва белели во тьме.

— Что случилось? — встрепелась я, но пожилая жрица прикрыла мне рот ладонью и быстро утянула под ложе. Холодный пол обжег кожу, и сон моментально испарился.

— Тихо, кажется, там что-то происходит, — прошептала она, прикрывая наши головы полой своих одежд и кивая в сторону входной занавеси. — Я слышала странный шум.

Я замерла, стараясь унять сердцебиение. Из темноты, где цветастые полосы войлока и кожи прикрывали дверной проем, доносились приглушенные звуки и шорохи. Словно кто-то ворочался или возился, задевая телом о стену. В сознании всплыло страшное утро в горах, когда неизвестные напали на лагерь. Тогда из-за полога я слышала что-то подобное. Звуки борьбы! Я стиснула руку Каи, мы лежали затаив дыхание, а время медленно тянулось, словно остывший кисель. Только бешеный стук сердца отмерял его бег, а ледяные плиты пола отрезвляюще охладили, доказывая реальность происходящего. Возня за дверью усилилась и в ночной тишине казалась теперь оглушающей. Вдруг что-то тяжело рухнуло, раздался приглушенный вскрик, и покои окутала давящая тишина.

Буквально через несколько мгновений еле различимый в темноте силуэт показался в проеме. Вошедший осмотрелся и тихо скользнул к ложу, которое вечером поставили для Каи.

— Мудрая! — позвал он хриплым шепотом, нагнулся, сдергивая покрывала, и отпрянул. На фоне окна стала хорошо различима его коренастая фигура и ореол взлохмаченных волос.

Старая жрица тихо хмыкнула и медленно поднялась из укрытия. Я выбралась следом, отряхивая от пыли тунику, и стянула со своей постели одно из шерстяных покрывал, пытаюсь согреться. Мы узнали ночного гостя.

— И зачем тебе в такой час понадобилась моя помощь, Гаруул? Не мог подождать до рассвета? — с тихим раздражением произнесла знающая, набрасывая на растрепавшиеся волосы покрывало.

Воин обернулся на голос и метнулся к нам.

— На нас только что напали, прямо на посту! Мой напарник убит! — зашептал он. — Не знаю, сколько у нас времени, прежде чем придут другие. Вам нужно срочно бежать!

За дверью снова раздалось тихое шуршание, словно кто-то на ощупь пробирался по коридору, затем сдавленный крик и все стихло. Ждать мы не стали, бросившись к оконным проемам, чтобы вылезти в крохотный внутренний дворик. Гаруул, сжимавший в руке клинок, перемахнул невысокую стенку первым, и тотчас же был атакован. Прятавшийся там враг, увидел, что мы пытаемся сбежать, ринулся в атаку, но, получив тяжелой рукоятью в висок, обмяк и затих.

Мой телохранитель едва успел вытянуть нас наружу, как в покои ввалились новые «гости». Даже не пытаясь выяснить, кто к нам пожаловал, Гаруул протащил нас вдоль стены

и затолкал в одну из узких ниш. Обычно там стоял стражник, но сейчас почему-то было пусто. Не знаю, как мы уместились в этот закуток втроем. Меня вжало в ледяную стену, сердце вновь зашло в бешеном ритме, а к горлу начала подкатывать тошнота.

— Тихо, они должны подумать, что нам удалось сбежать, тогда будет шанс скрыться! — еле слышно прошептал наш спаситель.

Где-то рядом послышались шаги. Мы вжались еще глубже, и безлунная ночь спрятала нас в своей темноте.

— Где они? Ты их видел? — вполголоса спросил один из ночных визитеров.

— Ночные твари его раздери! — злобно выругался второй. — Он прикончил троих, сын шакала! Откуда только эта курица его достала? Говорил же, что если не уберем наемника первым — будут неприятности!

Видимо, под курицей ночные гости подразумевали меня. «Ну, держись! Узнаю, кто вы такие, умирать будете медленно!» Как же надоело все время находиться в роли жертвы! В груди клокотал гнев, тонкие пальцы сжались в кулаки. От необдуманных действий спас только тот факт, что меня плотно прижимали к стене.

— Уходим отсюда. Нужно попробовать перехватить их. Но что делать с убитыми?

— Оставь! Нужно найти девку, а потом уж остальное. Скорее всего, она попытается смыться в храм. Надо перехватить на выходе! Если доберется — почитай все пропало, со жрецами не договоришься и силой не возьмешь.

Говоривший был совсем рядом с нами. Мне показалось, что я слышу, как его ноздри раздраженно втягивают ночной воздух. Сердце пропустило пару ударов в ожидании худшего. Убийца помедлил несколько секунд, смачно сплюнул, и заспешил обратно к покоям. Шаги затихли. Еще несколько минут мы, боясь вздохнуть, таились в нише, а потом Гаруул решил выбраться. Меня отжало от стены, но вместо облегчения к горлу снова подступила тошнота. Ноги в мгновение стали ватными, колени задрожали. Рвотные позывы согнули тело пополам, а сердце оглушительно забухало в ушах. От падения меня удержали жилистые и крепкие руки Каи. Да что со мной сегодня такое?

— Тише, тише, девочка моя, — женщина прижимала меня к себе и успокаивающе гладила по спине. — Все пройдет, все будет хорошо...

— Что со мной? Я не понимаю... И не ела ведь ничего почти... — зашептала я, извиняясь.

— А вот это зря. Кушать надо, — мягко укорила меня Каи. — И давно тебя тошнит?

Ответить я не успела. Гаруул снова оказался рядом, закрыв собою весь проем.

— Нам надо бежать отсюда. Чего вы там медлите? Ждете еще гостей? — раздраженно поторопил он. Старая жрица сердито зыркнула на него и аккуратно вывела меня из закутка.

— Царевна ранена? Что-то случилось? — испугался мужчина.

Каи сдавленно хмыкнула.

— Не совсем, юноша, но ей нельзя волноваться и бегать по ночам. Сможешь понести?

Тон женщины был серьезен, а голова так кружилась, что я не стала возражать, спорить, отказываться. Сильные руки подняли меня словно пушинку. От наемника остро пахло влажной кожей, потом и дымом. Запах показался мне таким резким, что тошнота, было отступившая, снова накатила. Пришлось запрокинуть голову, чтобы не ощущать его. Со мной явно было что-то не так.

— Теперь веди нас, здесь оставаться опасно, — велела Каи. — На подходе к храму и у ворот нас могут ждать.

— Погодите, — выдавила я, сглатывая застрявший в горле ком, — я знаю, как можно незаметно покинуть территорию дворца, минуя все ворота. Но нам нужно выбраться в сад.

— Думаю, у меня есть идея, — прошептал мой охранник, ныряя в один из боковых коридоров. — Только для успеха нам необходима небольшая помощь...

Ловко петляя по темным проходам, мы спустились на этаж ниже и добрались до той части дворца, где размещались слуги и стражники, готовые откликнуться на любую прихоть владыки днем и ночью. Здесь острее ощущались запахи дыма, подгнившей соломы и еды. Воздух в узких проходах был неподвижен и несвеж, так как вместо оконных проемов здесь, из-за безопасности, были лишь узкие световые оконца под самым потолком. Гаруул аккуратно опустил меня на пол возле одной из каменных скамей, что встречались по всему дворцу. Рядом серой тенью возникла Каи и снова аккуратно придержала, помогая сесть.

— Я подумал, что нам пригодиться помощь Асмата-ина. Надеюсь, убийцы сюда не добрались. Многие понимают, что он опасный противник. Думаю, его возвращение вспугнуло заговорщиков, заставив их напасть раньше времени. Они поторопились, и это помогло нам спастись, — прошептал воин, исчезая за грубой занавеской из некрашенных шкур. Через пару минут две тени бесшумно выскользнули в узкий коридор.

Бывший начальник моих телохранителей, несмотря на поздний час, был облачен в легкий кожаный нагрудник, за плечами висел свернутый плащ и небольшая котомка. Казалось, он вовсе не ложился — ожидая недобрых вестей. Мужчина моментально опустился на колени рядом со мной. Его широкие плечи заслонили собой те жалкие крохи звездного света, что пробивались с улицы. Но мои глаза, уже привыкшие к темноте, ясно различали его суровые, словно выточенные из скалы, черты. Теперь их показное спокойствие не могло меня обмануть. Воин был в гневе.

— Я не пожалею своей жизни, царевна, — прошептал он тихо, — но я помогу вам добраться до владыки! И я стану той рукой, что покарает предавшего! Надеюсь, что среди стражи и сегодня найдутся те, кто верен своим клятвам и кого нельзя купить. Если же нет — я покажу им дорогу на ту сторону!

— Мы проверим посты на выходе для слуг, — торопливо пояснил Гаруул, перебивая. — Асмаг-ина хорошо знает, кому можно доверять, а кому нет. Как только появится возможность — мы выберемся. Здесь есть ворота, через которые во дворец доставляют все необходимое. Они почти всегда открыты, и, надеюсь, нас там не ждут.

Мы снова петляли по бесконечному каменному лабиринту. Я уже вполне могла идти сама, но для спокойствия все же держалась за руку старой лекарки. То ли от ощущения замкнутого пространства, то ли от общей нервозности обстановки, на меня несколько раз накатывали непонятные волны панического страха, заставлявшие крепче вцепляться в сухонькую жесткую ладонь старой жрицы. Тогда приходилось закрывать глаза и мысленно приказывать себе успокоиться. Тошнота теперь почти совсем отступила, напоминая о себе лишь в те моменты, когда неподвижный воздух коридора являл моему носу шлейф очередного мерзкого запаха.

Вскоре мужчины остановились. Из-за угла пробивался трепещущий свет факелов, мы добрались до ворот.

Асмаг-ина отошел немного назад, развернул плащ, выпрямился, разворачивая плечи и шумно, не таясь, затопал навстречу свету. Когда он завернул за угол, то у меня в груди все сжалось, ожидая свиста тетивы или звука извлекаемого из ножен меча, но все было не так. Я четко услышала, как мой бывший телохранитель приветствовал стоящих у входа, ему что-то

ответили, потом пламя факелов заметалось и погасло. В наступившей тьме кто-то грязно ругнулся, ойкнул и затих.

— Быстрее, я их вырубил, но это ненадолго! — раздался совсем рядом звучный шепот Асмата. — Жалко парнишек, не понимают, во что их втянули.

Бывший десятник моей охраны уже открывал тяжелую створку врат, впуская в помещение свежий ночной воздух. А дальше мы снова бежали, пользуясь любой возможностью укрыться в тени. Словно воры, скрываясь от патрулей, избегая любых встреч. Только оказавшись под сенью деревьев дворцового сада, мы смогли остановиться и перевести дух, а я рассказала о том самом железном дереве, по которому бесшабашный Асмаррах неоднократно проникал на территорию дворца.

— Выбираться надо немедленно, а вот куда потом? У храмов нас ждут, вместе не проскочим, — спросила старая жрица, тяжело облачиваясь на шершавый ствол шелковицы. Очевидно наш «спасительный забег» дался ей не слишком уж легко.

— В нижнем городе у меня есть приятель, — ответил ей Гаруул. — Я уже несколько дней назад купил у него пару лошадей, но не забирал их. Вам нужно только добраться до заводов, что близ ткацких мастерских, тех, где полощут шерсть. Там сейчас довольно мелко и можно перебраться на другой берег Иреша. Я буду с лошадьми на том берегу так быстро, как смогу, дождитесь меня. Оттуда уж поедем к Вратам, да сообщим владыке обо всем. Если же я до полудня не появлюсь и весточки не передам — то и не ждите.

Наемник тяжело вздохнул, помялся, словно собираясь что-то еще добавить, но сдержался. Мне показалось, что я услышала его мысли: «Только бы командир да хоннитский щенок друг друга там не поубивали!»

— Вы уж царевну берегите крепко, Всеблагая помоги! — произнесла вдруг старая жрица. — А я позабочусь о том, чтобы недоброжелатели наши уверены были, что Юилиммин-даша в храме укрыться удалось. Есть у меня задумка одна, как все устроить.

Я хотела было возразить, но перед нами стояла та неутомимая и грозная жрица из старого храма, которую уважали и боялись во всей Ассубе.

— Ничего со мной не случится! Не допустит такого Всеблагая! — добавила она, пресекая все попытки возразить. — Помнишь, дитя мое, что я тебе говорила о том, кого люди предпочитают не замечать? Я слишком стара, чтобы быть неосторожной и достаточно умна, чтобы не попасться. А теперь идем, пока я не решила, что в мои годы поздновато лазить по деревьям!

Воины ухмыльнулись, и наш отряд скрылся в сумраке парка. Уже через полчаса нас с Каи аккуратно за руки спустили по ту сторону высоченной дворцовой стены. Со стороны города она выглядела вполне неприступной. Как в одиночку на нее забирался Асмаррах, осталось для меня тайной.

Здесь мы разделились. Поплотнее запахнувшись в шерстяное покрывало, я вместе с Асмамом углубилась в лабиринт безлюдных улочек, пробираясь к ткацким кварталам. Вскоре каменные громады богатых домов, отгороженных от внешнего мира стенами лишь немногим ниже дворцовой, сменились тесно прижимающимися друг к другу глиняными невысокими постройками, редко превышавшими два этажа. Наверное, там, на плоских крышах, смотрят свои утренние сны простые горожане и даже представить себе не могут, что старшая дочь их правителя убегает в предрассветных сумерках от убийц. От таких мыслей я поежилась. Бывший начальник телохранителей крепко сжимал мою ладонь, а я послушно семенила за ним, так мы не должны были выделяться — обычная парочка,

спешащая по своим делам. Тепло, исходящее от его огромной ладони, сейчас было для меня якорем, той единственной причиной, что заставляла меня двигаться, не поддаваясь истерике, что словно всполошенная птица, билась в глубине души.

Светало, ветер с востока приносил вполне заметные нотки гари, но кроме этого ничего не напоминало об ужасном пожаре, уничтожившем почти четверть города. Под стенами домов, потягиваясь, просыпались тощие собаки, где-то во внутренних дворах жалобно мекали козы, ожидая утренней дойки, с тростниковых крыш лениво перекрикивались петухи. Тревога внутри отступала, и все больше начинало вериться в успех нашего побега.

В одном из, на первый взгляд, совершенно одинаковых кварталов, Асмаг-ина замедлил шаг.

— Подожди меня здесь, царевна, — тихо шепнул он, останавливаясь у низкого едва зеленого пыльного куста, который, видимо, играл роль забора. — Здесь живет моя тетка. Загляну к ней — добуду для тебя теплой одежды. Сейчас ночи уже холодные. Да и на завтрак нам что-нибудь выпрошу.

Я кивнула, соглашаясь. Мужчина быстро подошел к одной из хлипких плетеных дверей, легко распахнул ее и скрылся. Наверное, местные жители привыкли к подобным визитам, оповестить о своем приходе здесь можно было только голосом.

Я закрыла глаза и запрокинула голову к светлеющему небу, стараясь успокоить мысли. Понимание происходящего давило на меня, прижимало к земле чувством вины. Ведь то, что теперь, по слухам, происходило теперь у Врат Рассвета и Заката напрямую вытекало из моей глупости, своеволия, недальновидности! Упрекать себя за то, что предпочла самирского царевича хоннитскому я могла бы до бесконечности, но это ничего не изменит. Выбор сделан, обеты принесены, теперь осталось лишь стоять на своем и быть принятой, или... От тяжелых мыслей меня отвлек тихий шелест. Хлипкая дверь вновь распахнулась, и Асмаг жестом поманил меня.

Помещение внутри оказалось маленьким, не более шести шагов в глубину. Глиняный, утрамбованный ногами до каменного состояния пол, очаг, занимавший почти треть дальней стены, тростниковые матрасы на глиняных возвышениях вдоль стен и щели под крышей, дававшие скудный свет и заменявшие окна. В середине помещения возвышался плетеный из лозы большой стол, у которого крутилась стайка почти голых смуглых и чумазных детишек, возрастом от трех до семи лет.

У очага, улыбаясь мне, стояла темноволосая и смуглая сухощавая женщина средних лет, облаченная в длинную тунику из небеленой шерсти и полосатую черно-серую юбку, а у самой двери, рядом с Асмагом, переминался с ноги на ногу хозяин — мужчина с уже изрядно поседевшими волосами. Он доставал воину до плеча, но был крепок и жилист.

Я поклонилась, благодаря за прием. Не зная, как представил меня Асмаг, я старалась не выходить из роли простой спутницы и старательно смотрела в пол, лишь изредка поднимая глаза.

— Заходи, садись, давай, вот сюда! — женщина быстро метнулась ко мне и утянула к одному из хлипких стульев. — До чего ж худенькая! Ты, Асмаг, только о себе и думаешь! Разве ж можно так, не спросившись, сбегать? Не прогневаешь ли Всеблагую такими делами?

Мой бывший телохранитель в ответ лишь пробурчал, что свои дела он решит сам, но хозяйка дома не унималась.

— И далеко ль собрались? Раз уж надумали, то можно бы и как у людей все сделать! — сокрушалась женщина, всовывая мне в руки крынку с молоком. — Уж так ли над ней

измывались? Уж ты-то, чай, не простой солдат, поговорил бы, и все дела! По уму такое решать надо!

Асмаг снова буркнул что-то про «мужские дела» и про «сам разберусь», завершив свой монолог тем, что «обещали помочь, а не наставления делать». На этот раз его поддержал и второй мужчина. Его мягкий, но явно не терпящий возражений голос поставил точку в потоке причитаний хозяйки.

— Ниттал, коли тебя просят — делай, а не болтай! Не забывай, что Асмаг-ани всегда заботился о нас, как о родных. Пришло время и нам платить за добро.

Своему мужу женщина возражать не решилась. Быстро всунула мне в руку горячую лепешку с сыром и исчезла за потрепанной занавеской, где, вероятно, скрывалась еще одна комната.

Мужчины тоже сели за стол и принялись за еду. Чумазые ребяташки, ухватив по куску лепешки, притаились на лежаках, понимая, что у отца будут важные дела.

— Прямо до самых Врат едете, говоришь? Увидишь Мальхата, скажи, что у нас все хорошо. Мать извелась вся, но ты же ее знаешь, — тихо заговорил хозяин дома, усаживаясь за стол. — Еды мы вам немного дадим, не богаты, сам знаешь. Но зато у Камней живет мой старинный приятель, передай ему привет и вот это.

Мужчина резким движением оторвал от подола одежды одну из небольших кисточек, служивших традиционным украшением одежды, и хитрым узлом связал несколько концов.

— Старик вам обязательно поможет, чем сможет. Даст кров, накормит, может, и присоветует чего. В былые дни, еще при старом владыке, мы с ним словно братья были. Каждый из нас перед другим долг имеет, а уж пива выпито было... — хозяин от приятных воспоминаний закатил глаза и звучно хлопнул себя по бедрам.

— Да будут твои дни долгими, почтенный Стах, — вежливо поблагодарил его Асмаг, пряча кисточку в складках пояса. — Я принесу вам хорошие вести!

Хозяин хитро прищурился и, облокотившись на стол, прошелестел:

— Ты уж постарайся, а то в последнее время они все больше гнилые!

Из-за занавески выскользнула хозяйка с узелком тряпья в загорелых сухих руках и мужчины замолчали. В домишке на мгновение стало тихо, ребяташки, словно большеглазые мыши, затаились, видимо боясь гнева родителей, мужчины, не сговариваясь, занялись поглощением молока из кринки, я старательно жевала. Но не успела занавеска опуститься, как уважаемая Ниттал заполнила тишину своим деятельным энтузиазмом.

Спустя двадцать минут мы стали счастливыми обладателями двух «почти новых» накидок из грубой шерсти, полосатой юбки, полной близняшке той, что была на хозяйке, немного щербатого глиняного кувшина, мешочка с зерном, двух лепешек и, самое ценное, небольшого медного котла, в котором можно было кипятить воду. Весь этот скарб Асмаг завязал в узел на спине, попрощался с родичами и мы снова двинулись в путь.

Быстропенный Иреш под стенами Ассубы успевал растерять почти всю скорость своего потока и степенно катил свои воды по равнине, изрядно петляя и кое-где разделяясь на несколько рукавов. Его низкие берега так густо заросли тростником, что, казалось, и нет тех мест, где местные жители заготавливают его для лежанок, крыш и прочих надобностей. Повсюду высоченные, высохшие до золотистого цвета стебли стояли сплошной стеной, скрывая от взора водную гладь.

Асмаг уверенно шагал вперед, словно перед ним открывались невидимые знаки. Поравнявшись с тростниковой стеной, он шагнул вперед, втягивая и меня на едва заметную

тропинку. Теперь вокруг нас был настоящий лабиринт, чьи перешептывающиеся стены поглотили весь мир. Раскачиваясь на утреннем ветру, пустые стебли тихо шелестели, словно шепча таинственные наговоры, а, может, пытались околдовать нас. А над головой уже начинало наливать синевою небо.

Через некоторое время почва под ногами стала мягкой и начала пружинить, здесь уже чувствовалась близость реки. Тростник стал немного зеленее и выше, но это не сбilo моего спутника. Он, аккуратно раздвигая стебли, пробирался вперед.

— Мы уже почти на берегу, царевна! — вдруг шепнул он мне, оборачиваясь. — Но нужно быть аккуратнее, чтобы нас никто не увидел. Еще довольно рано, но лучше быть на стороже.

Я молча кивнула, полностью полагаясь на опыт своего спутника. Мы, стараясь не шуршать, продвинулись еще на сотню метров вперед и оказались почти на самом берегу. Теперь сквозь частокол стеблей была видна темно-серая водная гладь, и ярко ощущался запах свежей воды.

— Я пойду вперед и попробую перебраться. Оставайся здесь, я вернусь за тобой, — снова еле слышно шепнул Асмаг и обернулся, почувствовав, как мои пальцы впились ему в руку.

— Не оставляй меня здесь! — стараясь сдерживать истеричные нотки в голосе горячо зашептала я. — Я пойду с тобой, я не хочу оставаться здесь одна!

Нет, я не боялась, что меня найдут и убьют, не боялась оставаться одна и уж совсем не ждала предательства со стороны Асмата. Но вот остаться наедине с самой собой я не могла! Глупая влюбленная девчонка внутри меня смертельно боялась стоять один на один с той самой изрядно циничной и не питающей иллюзий мной, что попала когда-то в это юное тело. За эти месяцы я изменилась, вытравила из капризной и брезгливой Юилиммин ее извечный эгоизм и склонность к истерикам со скандалами, но и она поменяла меня. Я позволила чувствам встать над разумом, совсем забылась и вот теперь, когда надо было взглянуть реальности в лицо, постыдно пряталась от неизбежного разговора «по душам».

Наверное, я в тот момент выглядела трусливо и жалко, но воин, возвышавшийся надо мной почти на две головы, вдруг улыбнулся, и от этой улыбки стало почти так же тепло, как от солнца.

— Хорошо, царевна, — хмыкнул он, — Но давай понесу тебя на спине, чтобы не замочила ноги. Иреш не слишком теплый даже в середине эммиша.

Всеблагая была к нам милостива, и перебрались мы довольно быстро. Оказавшись на другом берегу, я, оглянувшись, увидела очищенную от тростниковых зарослей бухту и темнеющие за ней городские строения — несколько одноэтажных шалашей с полусгнившими крышами, хлипкие навесы и заборы из побелевших от воды жердей. А над зелено-желтым морем травы, ослепительно белевший в утренних лучах, плыл большой дворец Асубы. Все ночные ужасы отсюда казались бесконечно далекими и дикими, совершенно чуждыми этому миру. Казалось, еще мгновение и над водой поплывет протяжный гортанный напев рыбака, заспешат на берег женщины с ворохами стирки, и никому из простых людей не будет дела до глупой девчонки, что прячется в камышах. И все бы так, не будь эта дуручка наследницей владыки.

Вскоре на берегу объявился и Гаруул, ведя в поводу пару лошадей, и мы двинулись в путь.

Дорога до предгорий слилась в моей голове в сплошной поток. Дни сменялись ночами, и с каждым шагом в груди росло беспокойство. Я даже не запомнила, из чего оно родилось, но теперь каждый встречавшийся на нашем пути человек дополнял в него новую каплю. Еще тревожней стало, когда мы достигли тех самых Камней и поговорили со стариком, к которому нас направил Асхатов родич.

По его рассказам выходило, что гонцы от владыки должны были появиться во дворце не менее трех раз, но мне не об этом было неизвестно. Не сообщали советники или их просто не было. Тем не менее, мужчина видел и гонцов от Врат, и посыльных из столицы. По чьему приказу они скакали? Какие слова везли?

А меж тем на границе с Хоннитом разгоралась война. Оттого уже две недели не проходило тут ни одного торговца, а пастухи, гнавшие скот, говорили, что горные племена ушли на ту сторону за поживой.

От Камней до Врат мы спешили, как могли, но все равно опоздали. Шел уже четвертый или пятый день нашего бегства из дворца, и горная цепь серой неприступной стеной растянулась вдоль всего горизонта. К вечеру мы надеялись достигнуть моста, а потому решили выйти с рассветом. Шел уже третий час пути, когда на дороге показался верховой гонец. Наверное, он пронесся бы мимо, оставив после себя только клубы едкой красноватой пыли, не будь у нас лошадей. Одетый в легкий кожаный доспех и военный плащ воин сбавил темп и поднял руку, веля нам остановиться. Гаруул вопросительно взглянул на меня. Дождавшись одобрителного кивка, он передал поводья моей лошади Асхату и пошел навстречу посыльному.

Вестовой приосанился и, попытавшись напустить в голос как можно больше важности, произнес:

— Срочный посланник и голос владыки Кареша приказывает тебе, человек, отдать мне одну из своих кляч! Мою лошадь доставишь к Вратам и передашь командиру сотни Ранею. Ты все понял?

Коренастый Гаруул спрятал свою ехидную улыбку в кудрявой черной бороде, слишком медленно и картинно поклонился и, ловко схватив скакуна нахала под уздцы, громко произнес:

— Как тут не понять? Ясное дело, птица ты важная, спешишь очень, но так уж судьба сложилась, что свои вести ты сейчас расскажешь нам.

Молодой человек встрепнулся и попытался выхватить клинок, чтобы зарубить наглому мужика, но мой самиритский шпион и тут был быстрее. Лезвие меча поднырнуло под нижний край кожаного нагрудника, заставив посланца замереть.

— Ты не спеши, воин! — охладил его пыл Гаруул, не давая гонцу спешиться. — Поговори с моей госпожой, а там уж возмущайся.

Убедившись, что юнец не натворит глупостей, он убрал клинок, а я скинула с головы скрывавшую волосы накидку и достала одну из личных печатей. Асмаг подвел мою лошадь почти вплотную к посланцу.

Молодой воин, и без того после общения с Гаруулом смахивавший на всклокоченного воробья, округлил глаза. Не узнать старшую царевну Кареша было сложно. Словно не веря своим глазам, он вопросительно покосился на державшего его лошадь самирита, и тот,

усмехнувшись, утвердительно кивнул.

— Тебе следует пасть в ноги сиятельной царевне Юилиммин-даше и просить ее о милости, гонец! — разнесся над дорогой звучный голос Асмата. — Но госпожа склонна простить тебя, если ты не будешь медлить и расскажешь все сам. Кем и к кому был послан, какие вести несешь ты в Ассубу. Помни, от глаз царевны не укроется ложь, Всеблагая стоит за ее плечом.

Юноша все еще мялся и медлил, а потому Гаруул немного «помог» ему спешиться. Вышло не слишком грациозно.

— Если ты и впрямь был послан во дворец, то и ответ тебе пристало держать перед сиятельной царевной да благородным Шамунтом, что известен во всех землях! Разве не так тебе велено? — произнес самирит, и, немного тише, добавил. — Выбора у тебя нет, почтенный, у нас мало времени.

Гонец помедлил немного, еще раз взглянул в темные как ночь и очень убедительные глаза стоявшего рядом Гаруула и, внезапно рухнув в дорожную пыль у моих ног, заговорил.

От услышанного у меня закружилась голова. Если верить словам посланца, славный владыка Кареша, предводитель могучего войска, был сегодня ночью серьезно ранен и только Всеблагой ведомо, когда прервется нить его жизни. А потому велел он сообщить обо всем в Ассубе и призвать к Вратам все свое войско, чтобы отомстить вероломным самиритам, зло это содежавшим. Повелел так же, чтобы землю Кареша приняла от него старшая своей дочь, жрица Великой Матери. И правила над ней, и оставила потомкам. Союз же с Хоннитом просит ее заключить незамедлительно.

Был при гонце и приказ, написанный явно и, как оказалось, весточка, обозначенная тайно. Еще неделю назад я бы ни за что не догадалась, что это послание, но тот знак, что мы передали старику в Камнях, открыл мне глаза. Расшифровать всю эту вязь узелков на бахrome мы не могли, но предназначалась сия «записочка» Сельмишу. Пришлось Асхату провожать гонца до Камней, а мы, вдвоем на одной лошади, поспешили вперед. Мир рушился на глазах, мне было важно достигнуть Врат, пока в бездонную пропасть не скатился последний камень с того моста доверия, что вырос между мной и Асмаррахом. Неужели он мог поднять руку на моего отца?! Верить этому не хотелось, но в глубине души всплывала характеристика, данная великому завоевателю потомками: «Бесстрашный полководец, безжалостный к врагам, умелый политик, не брезговавший никакими средствами для достижения поставленных целей». «Ты попала совсем в другие времена, ждать от этих людей тех же понятий о добре и зле было бы ошибкой!» — ехидно добавил голос в глубине сознания. Влюбленная девочка внутри меня до крови закусил губу, закрыла глаза и зажала уши. Я не должна допускать сомнений, пока во всем не разберусь!

В лагерь у моста мы добрались затемно. Если бы не мой спутник, я, скорее всего, свалилась бы в канаву от усталости и нервного напряжения.

Гаруул, словно ураган, ворвался в ставку, без труда находя дорогу к главному шатру. Воины, пытавшиеся было остановить нас, были сметены с пути его могучим рыком, да и моя блондинистая шевелюра играла роль отличного пропуска.

— Дорогу, тупые бараны! — ревел мой телохранитель, — Дорогу старшей царевне Юилиммин-даше!

Из огромного царского шатра высыпали сотники и всякие вельможи. Они гомонили и толпились, явно не зная, как поступить. Неизвестно, долго бы мы через них пробирались,

но один из старших командиров, высокий, смуглый и абсолютно седой, громко и отрывисто крикнул, и мешавшая нам толпа расступилась.

Остановив коня, Гаруул тут же вылетел из седла и, подхватив мое изможденное тело, поставил на землю. Голова тут же закружилась, ноги задрожали, а к горлу подкатил горький ком. С огромным усилием я нашла в себе силы выпрямиться и заговорить.

— Печальную весть получила я, войны, от гонца, спешившего в Ассубу. Отца моего видеть желаю немедля и немедля же обо всем узнать!

Голос мой прозвучал, как мне показалось, беспомощно и жалко, но фигуры у шатра согнулись в низком поклоне. Тот самый военачальник, что приказал всем расступиться, опустился на колени. Ремишмат-ина, командир ближней полутысячи, наконец-то узнала я. За последние полгода я частенько видела его в покоях отца и на советах.

— Владыка наш, Великий, кому улыбается Всеблагая в Небесном чертоге, сошел в нижние земли, — тихо, но четко произнес он. «Маарш-а-Н'мах-Ишана ибуу суул н*гаартал иррат манил нариг хесаал кар», — повторило эхо в моей голове, заставив вздрогнуть, ибо до этого я всегда воспринимала звуки карешской речи, как родной язык. Сейчас же, как мне показалось, мое сознание на мгновение отделилось от тела и зависло немного в стороне. Я четко ощущала, что хрупкая фигурка юной царевны Юилиммин сейчас держится на ногах из последних сил, а в душе у нее полный хаос, отчаяние и смятение.

— Вероломный наследник Самирского царства заманил его отряд в одно из ущелий, но владыка бился как лев! Отважный царевич Энмер сражался с ним бок о бок и вынес из сражения. Коварный Асмаррах же, ранив владыку, скрылся! — голос военного звучал, словно небесный гром.

Осколки прошлого беззаботного мира в мгновение осыпались ледяными глыбами и теперь таяли прямо на глазах. Не было во всем происходящем ничего прочного и надежного, за что бы можно было зацепиться. Отца — опоры ее жизни — больше нет, любимый — убийца, придворные — желают ей смерти. И даже казавшийся таким нежным и мирным Энмер-ани научился убивать...

И в то же мгновение я четко осознала, что именно я завела эту хрупкую девочку в такое положение. Правда, не будь меня, она бы уже несколько месяцев назад была с почестями похоронена в «миленькой» усыпальнице позади нового храма, где находили покой многие ее родичи. А следом к несчастной царевне присоединились бы и все прочие несогласные со взглядами блистательной Нинмах.

Если я сейчас уйду, брошу эту девочку, то предам ее, вернее, предам СЕБЯ. Это моя жизнь, а следовательно, и моя битва. Если сейчас опустить руки, то проиграешь не только свою жизнь, но и жизни тех, кто встал за твоей спиной. Они умрут как Иба и Шанхаат, как те солдаты в карауле. Умрут зря!

Каи... Мое сердце снова забилося, теперь я ощущала каждый его удар. Асмат... Я словно бы спиной ощутила всю мощь, исходившую от его внушительной фигуры. Гаруул... Хитрый взгляд черных глаз блеснул, словно кинжал в ночи. Уммат-аба... Шамунт-аба... Они надежны, словно стены дома. Асмаррах... Как можно сомневаться в своем сердце?! Я доберусь до истины и тогда все решу. Решу сама!

— Благодарю всех за службу, да благословит вас Всеблагая Мать! — откликнулась я, снова сливаясь воедино. — Я должна разобраться во всем сама, а потому хочу видеть храброго Энмера-ани и всех тех, кто был с владыкой в последнем бою. Как наследница, я требую, чтобы положенные клятвы были принесены мне перед алтарем Аннана немедленно.

Как жрица Всеблагой я совершу все нужные ритуалы, чтобы владыка смог достойно сойти в Нижний мир. Но важнее всего — остановить конфликт здесь. Степные кочевники угрожают Ассубе. Уже сгорела большая часть города. Военачальник Сельмиш признан мной предателем, виновным в этом и покушавшимся на мою жизнь!

Тошнота накатила внезапно. В последние дни это стало почти нормой, но каждый раз заставляло меня врасплох. Упасть измученному телу не позволили Гаруул и непонятно откуда возникший, Мальхат. Они подхватили меня и практически отнесли в шатер. Остальное я видела словно во сне. Все командиры, многие из которых своими ушами слышали последнюю волю владыки, присягнули мне на верность без промедления. Неприятный осадок оставило лишь то, что в глазах некоторых читалось явное сомнение. Видимо, для них было бы надежней, находишься рядом со мной мой супруг, но в том-то и загвоздка — мой муж их вряд ли устроит. И ведь в открытую не скажешь.

Энмера-ани в лагере не было. Он, во главе хоннитской сотни, находился у другого края ущелья «отважно не допуская врагов». Пришлось послать гонца.

От слабости мутило и шатало, видимо, мое самочувствие отразилось-таки на лице, так как один из отцовских лекарей, тот, что был с ним в последние минуты, ринулся ко мне. Этот почтенный знающий явно не зря ел свой хлеб, заботясь о здоровье владыки. Он развил воистину кипучую деятельность вокруг моего почти бездыханного тела, и вскоре я почувствовала себя немного лучше.

— Не знаю, как вам и сказать об этом, сиятельная, хоть может вам о том и ведомо... — несмело произнес мудрый, заметив, что я пришла в себя. — В таком состоянии женщине не должна ни скакать, ни, тем более, быть на войне.

Я изумленно уставилась на седовласого лекаря, не в силах понять, о чем он. Знающий, казалось, услышал мои мысли.

— Сияющая, причина вашего плохого самочувствия проста — семя плодородное, что проросло в вашем чреве. Не ведаю я срока, но все признаки очень явны.

Беременна! Эта мысль яркой искрой вспыхнула в сознании. Та ночь на берегу горного ручья или последующая — не важно, но у меня под сердцем живет плод нашей любви. Асмаррах! Как же теперь поступить? Что же с нами будет? В груди болезненно сжималось от одной лишь мысли, что любимый повинен в смерти отца моего и владыки! Теперь я не имею право отступать, откладывая выяснение правды на потом, теперь у меня нет права прятать голову в песок!

За своими мыслями я совершенно не услышала дальнейших слов знающего и не успела пресечь радость старика, которая хлынула за пределы шатра, ибо и у стен есть уши. К моему ложу уже спешили царедворцы из свиты владыки. Каждый спешил восславить то, что дух и род карешских владык получили продолжение. Никого уже не интересовало ни мое мнение, ни реальное положение вещей.

От этой льстивой толпы дармоедов меня спасло лишь появление Гаруула и Асмата, которые живо оттеснили от ложа всех умиляющихся и бесцеремонно выставили вон.

— Мы хотели поговорить с тобой о том шнурке, но мне кажется, что нам и так есть, что обсуждать, сиятельная, — ворчливо произнес мой самирский телохранитель, наклоняясь над моим ложем так, чтобы его слова могла слышать только я. — Асмаат приведет своего брата и верных из его сотни. Отныне никто не должен посещать тебя без дозволения, сиятельная. Поверь, правитель должен быть недосягаем для всех, но и вместе со всеми. Вокруг тебя не все обрадуются, узнав, чье семя возшло, а нас слишком мало, чтобы защитить тебя. Ведь в

том послании было предостережение для адресата и просьба поторопиться. Даже здесь не все на твоей стороне, царевна.

Бородач хотел сказать что-то еще, но замялся, собираясь с мыслями. Я смотрела на его скуластое широкое лицо, которое совсем недавно ненавидела, считая этого человека врагом. И вот теперь он в который раз спасает мою жизнь. Почему? Неужели лишь из-за того, что я жена его командира?

Наверное, мой взгляд был слишком откровенным или открытым, я не знаю, но известный хохмач и балагур вдруг явственно покраснел от массивной шеи до кончика широкого любопытного носа. Он отвел взгляд и несколько секунд изучал земляной пол, теребя ремни своего пояса, чем очень напомнил мне двоечника-школьника, не понимающего как оправдаться перед суровой матерью. Я усмехнулась.

— Мне кажется или ты намеревался сказать что-то еще? — решила подтолкнуть его я.

Уже спавшая было краска, снова расцвела на лице мужчины, делая его похожим на румяного гнома.

— Ты, царевна, только того... не держи зла на меня за то, что сейчас спрошу, — начал он.

Я согласно кивнула и даже попыталась улыбнуться.

— Ты уж прости, я знаю, что у вас с Асмаррахом все, ну того... ведь и обеты принесли и все такое...

Неуместная смешинка выползла на мои губы. Этот человек, хохмач, любитель скабрзных шуточек и пошлых историй стеснялся!

— Но спросить я тебя хочу не об этом, ты не думай, — вдруг резко поспешил заверить меня самиритский шпион. — Я только хотел узнать, а с тем, ну с хоннитским царевичем у тебя было? Потому что это было бы как здорово, если бы у него был повод так думать.

Последнюю фразу Гаруул выпалил быстро и спешно отпрянул от ложа. И не зря! Наверное, обуявший меня гнев отразился в глазах. Я медленно поднялась, закрыла глаза и попыталась досчитать до десяти. Сердце бешено колотилось. Ты теперь владыка, а владыка не должен давать волю эмоциям, но и спускать вольности не должен!

— Я понимаю, что мыслями твоими движут лишь забота о моем благе и безопасности, — медленно начала я, стараясь четко выговаривать слова, — но более не смей и думать подобного! Воля Всеблагой соединила меня с моим супругом, и не будет никого другого в моей жизни! Я понимаю, что хитрость могла бы помочь нам, но Энмер-ани этим не обманешь. Я вообще хотела бы пресечь всякое обсуждение моего положения среди воинов и слуг. Это то, что ты можешь сделать!

Бородач кивнул, ему явно было неловко, и он почел бы за честь уйти, но отпускать его я не собиралась, к тому же в шатер вошли Асмаат и Мальхат.

Я села немного ровнее и жестом подозвала всех троих поближе. Разговор предстоял сложный.

— Я не хочу приказывать тем, кому обязана своей жизнью, а потому могу лишь просить вас быть и дальше на моей стороне и помочь разрешить все, что предстоит впереди. А если кто против, он может уйти, я не буду считать его врагом!

Я внимательно посмотрела на воинов, ни один мускул не дрогнул на их лицах. Все они были готовы защищать новую владычицу до конца, и от этого мне вдруг стало ужасно неудобно, снова поднялось извечное чувство вины, но давать этому чувству волю было нельзя. В памяти всплыл один из последних наших вечеров в храме Аннана и слова

Асмарраха, заставившие меня пересмотреть свои моральные ценности и на многое взглянуть в другом свете. В те дни в глубине души уже пробудилось чувство вины за опрометчивый выбор, шедший вразрез с планами моего владетельного отца, и я не знала, что с этим делать. «Предводитель не должен показывать перед народом свою слабость, нельзя перед людьми признавать своей вины и просить прощения за ошибки. Это покажет всем твою слабость и только. Сильный владыка непогрешим!» — произнес он твердо, словно ученик, повторяющий заученный урок, но за этим стоял и личный опыт. Недаром же этот человек войдет в историю как великий царь, ловкий дипломат и хороший администратор.

Вот и сейчас не время сомневаться и каяться.

— Пойдете ли вы со мной до конца, будете ли служить, как служили отцу? — голос был тверд и казался чужим от звучащих в нем нот стали.

Первым шагнул и приклонил колени у моих ног Асмат.

— Ты спасла мою жизнь, сиятельная. Она принадлежит тебе.

— Я пойду за тобой, владычица, ибо через тебя говорит Великая Мать. Так все говорят, и я видел это! — Мальхат-ина опустился на колени рядом со своим родичем. — Весь мой отряд пойдет за тобой, сиятельная!

Последним, немного помедлив, приклонил колени самовольный Гаруул.

— Ты жена моего господина, и это могло бы все объяснить, Но я увидел большее и пойду впереди тебя, чтобы закрыть от врага.

Неуместные слезы навернулись на глаза, и я поспешила закончить сей торжественный момент.

— Мне нужно выяснить, что случилось в том бою, где был смертельно ранен владыка. Сама же я поговорю об этом со знающим, что был при нем. Я не верю тому, что сказал гонец. Асмаррах-ина слишком хорош в бою, чтобы поступать подло, он не поднял бы руку на владыку. Он обещал принести в Кареш мир и не нарушил бы слова! — я перевела дух и опустилась на ложе. От всего пережитого слегка знобило.

— А еще нужно выяснить, послали ли к Энмеру-ани. Да и разобраться в том, как обстоят дела. Хотелось бы понимать, из-за чего возник весь этот конфликт. Иначе нам его не остановить, а в степи кочевники ждать не будут. В другой раз они сожгут и разграбят весь город, так как защищать его некому.

— Позволь мне поговорить с Ремишматом-ина, сиятельная. Он был очень предан владыке. Надеюсь, он примет нашу сторону. Здесь нас около полутысячи, которыми командует он. Еще столько же на западном конце Врат, сдерживают самирские войска, а остальные успели выдвинуться на Хонт. Ситуация очень серьезная, так как Асармериб возжелал завоевать хоннитские земли. Его армии повсюду, но у западного горла стоит войско Асмарраха-ина. С ним около тысячи, но нам удастся их сдерживать, так как вход в ущелье узок, — доложил Мальхат-ина.

— Хорошо, ступай.

Я подождала, пока широкая спина карешского сотника скроется в проеме, и, поманив к себе оставшихся, продолжила:

— Если войско Асмарраха расположилось перед западным входом во Врата, возможно ли связаться с ним, послать весть, что я здесь?

— Я бы попробовал, царевна, но шансов мало. Из этого каменного мешка, поверь, сложно выбраться. Даже если меня как посланника и выпустят, то назад ходу не будет. Так что позволь остаться здесь, так спокойней, — самирец был снова немного смущен и видом

своим напоминал напроказившего кота.

— Понимаю, — продолжила я, немного обдумав сказанное. — В таком случае попытаемся провести переговоры другим путем. Зная вас, за свою жизнь я не боюсь, но и сидеть без дела не буду. Я должна знать обо всех военных советах и присутствовать на них. Асмаг-ина, сможешь ли ты узнать о тех, кто был рядом с владыкой Маарш-а-Н'махом в последнем бою? Я же немедля отправлюсь в храм и распоряжусь об отправке тел погибших в Ассубу. Идем, Гаруул.

Глава 27. Белая птица — черная птица

Перед западным проходом Врат. Самирское войско. Асмаррах

Стояние на одном месте утомляло, но выбить войско хоннитов и их союзников из укрепленных проходов к Вратам было сложно. Скатив на главную дорогу несколько огромных валунов, они отсиживались там днем, словно скорпионы в норе. Ночью же выползали, доставляя немалое беспокойство и заставляя держать наготове усиленные более чем втрое патрули. Такая ситуация могла длиться очень долго, но время играло против Самира. Прокормить огромное, стоящее на одном месте войско сложно, но если противник обнаружит, что их численность уменьшилась, то наверняка попробует пойти на прорыв. Пришлось идти на хитрость. Асмаррах оставил при себе около трех сотен, но часть шатров сворачивать не велел, чтобы отвод людей не был слишком заметен. И солдат на помощь отрядам, сдерживающим прорывающегося с юга противника, отправлял потемну, небольшими группами.

Ситуация изменилась внезапно. Засевший в ущелье противник предпринял неожиданную масштабную вылазку. В предрассветных сумерках большой отряд хоннитов и карешцев попытался прорвать блокаду. Скорее всего, они рассчитывали напасть на самирский лагерь с двух сторон, незаметно заведя часть войск во фланг. Это был единственный шанс снять осаду и, надо сказать, у них почти получилось. Воспользовавшись одной из узких обрывистых горных троп, неприятель тайно перебросил в долину почти сотню воинов. Но успеху помешали разбойные шайки горцев, словно шакалы, нападавшие на небольшие отряды обеих сторон, воровавшие провиант и частенько наносившие значительный ущерб. Асмарраhu дикари уже изрядно надоели, и он назначил награду за их головы, что немного охладило пыл самых наглых, заставляя этих «гиен войны» держаться от самирского лагеря на почтительном расстоянии.

На этот раз горцы выследили и решили напасть с тыла на диверсионный хоннитский отряд. Лязг оружия в сером безмолвии утра переполошил всех, сорвав план внезапного окружения. Самирский отряд подоспел, когда проникшие в долину воины противника, оцетинившись копьями, сомкнув строй, отступали к Вратам. Темные одежды горцев, сшитые из козлиных шкур мехом наружу, размывали силуэты нападавших, делая их похожими на тени Нижнего мира. Словно стая голодных псов, они вдруг возникали из сумрака, пытались расколоть ряды хоннитов внезапными атаками: то закидывая градом камня из пращей, то пытаясь со всего маху врубиться в строй. В очередной раз потерпев неудачу, они откатывались, чтобы напасть вновь.

Командующий самирским дозорным десятком Мархаш, решил прежде добить дикарей, а потом, дождавшись подкрепления, разбираться с врагом. К тому моменту, как горные мародеры бросились наутек, пробравшийся в долину неприятель, сомкнув ряды, быстро отступал, прижимаясь спинами к скалам. Позади плотной стены щитов Мархаш явно различил тускло поблескивающий медью доспех младшего хоннитского царевича. Рядом мелькали и чешуйчатые кожаные нагрудники карешских воинов. Но подкрепление запаздывало, и самирскому командиру оставалось только бессильно наблюдать за отступлением. Будь у него хоть сотня, он мог попытаться пленить Энмера. Будь наготове основные силы — могли бы ударить в проход и перекрыть врагу путь к спасению. Но ничего этого не было. А из горла ущелья уже показался другой отряд.

Не встретив достойного сопротивления, хонниты ринулись в наступление. И быть беде, но Кайлас привел поднятую по тревоге сотню. Спасли положение луки, позволявшие держать врага на расстоянии.

Асмаррах был сильно раздосадован этой упущенной возможностью. И хоть внешне раздражения своего не показывал, но ночные посты усилил, наблюдение установил круглосуточное, а в горы послал десяток разведчиков, чтобы отыскиали проход, по которому пробрались хонниты. Вот уже два дня войска стояли, чего-то напряженно выжидая. Главнокомандующий расслабиться никому не позволял, самолично выезжая инспектировать посты в любое время дня и ночи. В то же время приказал привести к нему несколько окрестных земледельцев, с коими поговорил и отпустил восвояси, да еще и не с пустыми руками. В голове военачальника явно созрел какой-то план. Подумав немного, он отправил несколько десятков воинов вырубать плотные заросли кустарника, что разрослись у подножия скал. Как поговаривали в отряде, чтобы горцы не смогли незамеченными подобраться к лагерю. Но Асмаррах видел дальше.

И вот, наконец, время пришло. В одну из ночей, когда облака затянули небо и плотная пелена тумана нависла над долиной, скрыв в молочно-белом мареве позиции самирского войска, лагерь пришел в движение. Утром, когда небо разъяснилось, а слабый ночной ветер начал крепчать, меняя направление, все было уже готово. Огромный вал из сухих и только слегка привядших веток полукольцом окружил вход в ущелье. И как только дым от горевших рядом костров потянуло в горло ущелья, его подожгли. Плотные едкие клубы медленно втягивало в узкую щель, ослепляя засевшего там противника и делая его беззащитным. Самирские воины, дождавшись, когда искусственный пожар слегка утихнет, замотав лица мокрыми тряпками, двинулись на штурм. Теперь войти во Врата оказалось возможным.

Около сотни самирийцев, воспользовавшись показанной врагом тропой, пробрались в тыл и рассекли хоннитско-карешский отряд.

Восточный вход во Врата. Карешские войска. Юулиммин.

На вторые сутки моего пребывания у Врат от Энмера прибыл гонец. На словах воин передал всю ту сладковатую чушь, которую всегда сообщают, когда дела продвигаются не очень. К такой информации стоило относиться с долей скепсиса. А вот переданные таблички были интересней. В одной из них, обращенной к Ремишмату-ина, была просьба отправить как можно больше людей к западным вратам и увеличить подвоз продовольствия и дров. Энмер-ани намеревался силой продавить самирийцев, заставив их отступить из устья долины. А с той стороны, как сообщала разведка, как раз собираются отряды Мандару-Кумиша. Если план удастся, то эта часть самирских войск будет разбита, наследник Асмаррах пленен, а, следовательно, Асармериб будет вынужден начать переговоры, если не хочет потерять наследника.

Еще две таблички предназначались лично мне. Одна из них свежая, сухая и необожженная была написана Энмером, и читать ее оказалось трудно. Официальная, хвастливая, она совсем не вязалась с тем образом хоннитского царевича, который сложился у меня за все время общения. За чертами на едва просохшей глине виделся теперь совсем другой человек: обозленный и обиженный на весь мир, и он был недоволен моим приездом. В заботливых напоминаниях о моем здоровье чувствовался страх. Но боялись меня.

На «сладкое» прилагалось послание, перехваченное вместе с самирским посланником в Асубу. Энмер-ани небрежно отмечал, что ознакомился с ним и разрешает сделать это и

мне.

Написанная мелкими штрихами пластинка была замусолена, потерта, но было заметно, что создавали ее у костра. Мелкие травинки и частички пепла влипли в красноватую поверхность глины, делая ее немного рябой. Судя по личной печати, писал Асмаррах. Надо сказать, что при всей близости отношений мы были знакомы без году неделю. Только сейчас я осознала, что совершенно ничего не знаю о привычках любимого человека, о тех мелочах, что позволяют супругам действовать как единое целое, не проверяя ежеминутно друг друга на прочность.

Это послание тоже было официально сухим и жестким. В то, что это писал или диктовал Асмаррах, верилось с трудом, хоть внизу и была оттиснута одна из личных печатей.

«С тех пор, как я просил тебя, владыка Кареша, отдать мне Золотой цветок, солнце зашло много раз. Ты оскорбил меня отказом дважды. Теперь я пришел не просить. Владыка-отец даровал мне много воинов, и все земли, что я смогу взять, и богатство. Покоритесь моей воле, иначе я принесу на земли Кареша гибель и разрушение. Тебя убью, а дочерей сделаю своими рабами».

Все это могло быть правдой, если вся игра самирского наследника была хорошо продуманной ложью с самого начала. Могла... Как же тяжело даже на мгновение допустить, что эти сильные, нежные руки, горячие, требовательные губы — все это было расчетливой игрой. И эти подозрения вполне могли бы пустить корни в мозгу юной Юилиммин, не ведавшей иной любви и ласки, по-девичьи наивной и влюбленной. Но глубоко внутри я помнила о прошлом, фальшивых словах, обмане и расчете. За дни, прошедшие после нашего с Асмаррахом расставания, я тысячи раз анализировала каждый миг нашего скоротечного романа. Вспоминала то искреннее непонимание, которое вызывала у него моя гуманность, обычная для любого в моем времени и столь чуждая здесь. Нет, этот человек относился к царевне Юилиммин с любовью, смешанной с малопонятным мне восхищением. Иногда мне казалось, что он любит меня, как Пигмалион своей Галатеей, и действительно верит в то, что моими устами говорит Всеблагая. Такое нельзя подделать. Наверное, нельзя...

Я и не заметила, что уже полчаса сижу неподвижно, уставившись вперед невидящими глазами. Из транса меня вывел стук и звук бьющейся глины. Письмо, выскользнув из рук, упало на влажный земляной пол и расколосось. Эффект был таким, если бы я в отчаянии швырнула злосчастную табличку о камни. Несколько осколков ощутимо ударили по ногам, приводя в чувство. Мир вокруг словно бы на мгновение дрогнул и вновь обрел четкие очертания.

Быстрым взмахом руки я не позволила кинувшимся собирать осколки слугам сделать это. Непонятный гнев закипал в душе на фоне четко сложившейся картинки.

— Лжи самое место под ногами! — мой звонкий голос взмыл над глухим шумом перешептываний находившихся в шатре людей. — Кто дал тебе это письмо, посланец?

Я заметила, как на мгновение напряглись, закаменели мышцы на лице гонца, а на щеке из мельчайшего пореза уже набухла капелька крови. Незаметная для большинства, с моего места она словно сияла рубиновым светом. Мужчина, видя к себе пристальное внимание, опустился на колени и как можно смиреннее произнес:

— Все послания вручил мне писец сиятельного и могучего Энмера-ина, предводителя отважного войска хоннитов!

— Слышал ли ты сам слова царевича Энмера, и каковы они были? — я не собиралась так легко сдаваться. Мой бывший жених очень умен и, надо полагать, постарался не

допустить явных просчетов.

— Я уже сказал тебе все, сиятельная! Для тебя мне передали только таблички.

— Глина легко солжет! Посмотрим же, что скажет человек... — я закрыла глаза и медленно досчитала до десяти. Нужно успокоиться и делать то, что должно.

— Этого воина заключить под стражу и отправить вниз, в долину, — металл в собственном голосе казался чем-то чуждым, но давал опору. Эти люди будут слушать мои приказы, иначе я умру...

— К Энмеру-ина поедет другой. Я хочу, чтобы уважаемый Ремишмаг-ина и другие военачальники обсудили немедленно наш дальнейший план действий. Ждать некогда.

И это было правдой, уже к полудню ветер донес до лагеря запах дыма. С каждой секундой он становился все ярче, а вскоре со стороны западных ворот воздух начал терять прозрачность. Ветер нес мириады частичек пепла, оседавших серым снегом на всем, словно рядом снова горела Ассуба. А потом появился новый гонец, совсем еще мальчик, взлохмаченный и перепачканный. Он рухнул на колени сразу на пороге шатра и, обращаясь ко всем, произнес:

— Войска Самира прорвали нашу оборону и вошли в ущелье! Царевич Энмер захвачен в плен или убит! Мы вынуждены отступить. Не позднее заката враг будет здесь, мы их не удержим!

Последние слова потонули в гуле голосов. Карешские командиры, казалось, забыв обо мне, принялись что-то обсуждать. Но терпеть подобное я была не намерена.

— Обсуждать новость и планировать действия вы будете только при моем участии! — я поднялась со своего плетеного кресла, чтобы хоть немного стать более заметной. Владыка так делал всегда, когда хотел показать важность момента. Его могучая фигура возвышалась надо всем, напоминая о власти, уме и недюжинной мощи.

Гулкий удар металла о металл мгновенно прекратил перешептывания, и все присутствующие обратили свой взгляд к моей хрупкой фигурке. Это Гаруул плашмя ударил клинком о щит.

— Повторяю, все решения будут приниматься только в моем присутствии и с моего одобрения! — я, прищурившись, оглядела воинов и челядь. — Мой великий отец и ваш владыка даровал мне это право. Всеблагая и Аннан поддержали его выбор! Сейчас у нас есть два пути — сражаться здесь, погибнуть и погубить свою землю, которая уже стонет под копытами степняков! Они жгут наши дома, они хотят отобрать у нас те крохи урожая, что удалось вырастить. Если мы умрем здесь, то кто защитит наши земли? Но мы можем остановить противника другим способом! Великая Иинат подарила нам его! У нас есть язык, чтобы говорить и мы будем говорить о мире! В это сложно поверить, но мне известны причины ЭТОЙ войны. Я знаю их, а потому буду говорить за всех! Асмаррах-самирит — великий воин, у него есть ум и сердце. Все вы видели, как рассыпался в пыль тот кусок глины, где были начертаны ложные слова о нем? Лживые слова, которые, словно пауки, прячутся по темным углам и незаметно заползают вам в уши, порождая в вас ненависть. Слова, которые вам кто-то сказал, ничем не доказав их правды, именно они и породили этот конфликт. К моему сожалению, многие поверили им, и потому вы здесь, защищаете Кареш от мнимого врага. Потому вы не там, где реальный враг жжет наш город! Я видела это своими глазами!

— Но сиятельная Юилиммин-даша, разве не самириты напали на ваш караван? Разве не они пытались убить? — голос из толпы вклинился в мою речь, использовав небольшую

паузу.

— Нет! Самирское царство ДО этого конфликта не только не пыталось меня убить, но и спасло, тому есть свидетель! Отважный Асмаг-ина командовал моей охраной и может сказать. Он узнал того, кто напал, и это были не самирские воины! — теперь пришло время выкладывать все карты. Отступить некуда, оправдываться — недостойно правителя. И они не увидят слабости. Не узнают, как дрожат мои колени под слоями шерстяной ткани. Не поймут истинных метаний души — они до них еще не доросли. Сейчас век, когда правит сила, и она у меня есть. Машина пропаганды, столь искусно налаженная в мое время, завладевала сердцами.

— Мы встретим самирские войска у восточной арки! И я сама призову их к разговору. Конечно, нам придется кое-чем заплатить за то, что мы позволили лживым словам завладеть сердцем, но этой платой не будет ничья жизнь. Этой платой не будет и наша свобода! Готовы ли вы заплатить такую цену?!

Я говорила и говорила, а люди смотрели на меня изумленно. Смотрели и начинали верить. Возможно, белая хрупкая девушка, с горящими от возбуждения глазами, представлялась им сейчас самой Иинат, а, может, они верили в нечто иное, но цель была достигнута. Оставались лишь средства, и они тоже должны быть убедительны и остановить самирское войско до восточных Врат.

Западные Врата. Самирское войско. Асмаррах.

Дым разъедал глаза, проникал в грудь даже через мокрые повязки, но свое дело делал. Оборона была прорвана и враг, огрызаясь, отступал в глубь ущелья. Теперь главное, не давать им сомкнуть строй. В столь узком коридоре проще защищаться, чем нападать.

Асмаррах отер со лба пот и вскарабкался на камень повыше, чтобы оценить расстановку сил. Пара камней немедленно прилетела в щит. Карешские и хоннитские пращники не дремали.

До темной громады западных Врат оставалось совсем немного. Войско противника, потеряв одновременно своего командира и царственного предводителя Энмера, уже не могло действовать слаженно, хотя на правом фланге явно держали строй. Из-за этого приходилось притормаживать, чтобы не оставить их позади себя. Асмаррах послал прикрывавшего его Наиля с подкреплением и поручением брать, по возможности, солдат противника живыми. Отважным воинам нужно дать шанс. Кесхал таких любит.

А солнце уже садилось. Этот факт еще больше играл на руку самирским воинам, заставляя противника шуриться. Портал Врат уже почти нависал над головами, когда Асмаррах снова вскарабкался на валун у стены, глянул вперед и замер. Кайлас и Нанкин застыли рядом, закрывая военачальника от шальных камней. Самирские воины, словно воды реки, с шумом и лязгом катились мимо них, а царевич стоял, не в силах отвести взгляд от происходящего впереди.

Восточные Врата, сложенные из светлого камня словно горели в оранжево-алых лучах заходящего солнца. А над ними, на широкой балке ярко белело, рассыпая золотые искры какое-то пятнышко. Оно двигалось, давая понять, что это может быть только человек.

— Остановить продвижение! Там впереди нам явно подают знак. Возможно, хотят говорить, — бросил военачальник и телохранители, подняв щиты, начали выбивать сигнал. Ритмичный звон пронесся над ущельем, привлекая к себе внимание каждого, для кого служил сигналом. Три удара, пауза в шесть ударов сердца и снова три удара. Серая волна

самирских воинов дрогнула и остановилась, выставив перед собой обтянутые кожами щиты.

— Мне нужен конь и что-то более приличное, — бросил царевич своей охране, оглядев серый от пыли и порядком пострадавший в бою нагрудник. Медные пластины потускнели и сливались с кожаными, светлые штаны превратились в тряпье, а плащ он сбросил еще в горах, пробираясь в тыл врага.

— Они отходят к восточным Вратам, командир! Там их ждет подкрепление! Мы не выстоим, если они объединятся, — тихо бросил Кайлас, взбираясь на уступ рядом с Асмаррахом.

— Понимаю, — как-то рассеянно бросил тот, пристально вглядываясь в сверкающую точку на вершине Врат. — Я все понимаю. Но посмотри туда! Это ОНА, ибо я не знаю больше никого, кто может поступать так! Клянусь Кесхалом, своими поступками эта женщина способна завести в тупик мудрецов, но я ее понял!

— Думаю, ты прав, командир, это может быть маленькая жрица или сама Иинат, но она танцует, — согласился Кайлас. — Я тоже думаю, что это знак, и они хотят говорить. Но почему они не делают это как положено?

Глаза Асмарраха блеснули озорством, и он рассмеялся.

— Все очень просто, женщины не знают военных знаков и законов. А моя супруга слишком горда, чтобы о таком спрашивать! К тому же, этот сигнал для меня. Я был намерен совсем по-другому говорить с карешским лисом, но если там она — это меняет дело. Пошли гонцов к восточным Вратам. Человек десять, не меньше. Пойдешь с ними сам... Нет, я тоже буду в отряде, но тайно. Ты говори от моего имени. Узнай, что хотят. Я появлюсь, если будет надо.

— Как скажешь, — Кайлас тряхнул своей черной шевелюрой и спустился вниз. — Только я не большой мастер говорить. Для этого у нас есть Мархаш. Но спорить не буду — командир ты.

— И не спорь, ему я дело найду, — царевич слезать не спешил, не в силах отвести взгляда от восточных Врат.

— Ну, если уж я поеду старшим, то спускайся вниз и прикройся плащом, а то вся тайна станет явью, — скомандовал угрюмый охотник, снимая с плеч черную накидку и бросая ей в начальника.

Не прошло часа, как отряд самирских переговорщиков выехал к позициям противника. Карешцы стояли плотным строем, сомкнув щиты. Свежие силы, еще не побывавшие в сражении. Медные бляхи на доспехах отражали последние лучи заходящего солнца. А наверху, над их головами, танцевала жрица Иинат в белоснежных одеждах. Начищенные до блеска медные чешуи доспехов, прилаженные к платью, отражали свет, пуская во все стороны сотни солнечных зайчиков. Казалось, этот блеск удерживает подступающую все ближе тьму.

Асмаррах, да и прочие воины, застыли, не рискуя приближаться в арке ворот более чем на сто шагов. Они казались сгустком тьмы, облаченные в пропитанные грязью, кровью и пеплом черные кожаные плащи.

Кайлас поднял щит с большой медной бляхой и звонко ударил по нему, прося переговоров. Из-за спин карешцев донесся ответ. Теперь оставалось только ждать.

Внезапно танцующая белая фигурка замерла. Заметно было, что девушка всматривается в уже скрытое голубоватым сумраком дно ущелья. Она приблизилась к самому краю своей

импровизированной сцены. Сильный порывистый ветер трепал белоснежные одежды, словно пытаясь подхватить жрицу и унести, как сухой лист.

Асмаррах дернулся вперед в бессильной попытке не дать девушке упасть. Он успел сделать два шага и выбиться из строя, прежде чем осознал всю бесполезность и опасность своего порыва. Но там, наверху, это заметили. Юилиммин вскрикнула, словно раненная птица, и отшатнулась от края. В тот же миг живое море под ней пришло в движение, и выросшая прямо на глазах лестница из карешских солдат подхватила царевну, спуская ее вниз.

Легкая белая фигурка исчезла, все стихло, чтобы через несколько мгновений взволноваться снова. Строй расступился, пропуская вперед колесницу, на которой возвышался высокий смуглый воин в богатом доспехе. Возница остановил лошадей в паре метров от Кайласа.

— Эх, надо было брать коней, — досадливо сплюнул охотник, который, несмотря на свой недюжинный рост, теперь казался муравьишкой рядом с громадой колесницы.

— От чьего имени ты просил разговора, самирский посланник? — проревел воин с колесницы.

— Я пришел говорить от имени Асмарраха, наследника Самира и предводителя большого войска, числа которому не счесть! — прогудел в ответ Кайлас. Ветер, казалось, подхватил его слова и понес над головами.

— Чего же хочет от нас царевич Асмаррах? С чем пришел он в наши земли? — голос седовласого карешца был слегка насмешлив. Ответ здесь знали все, но традиции должны соблюдаться.

— Прежде чем ответить тебе, позволь узнать, кто привел сюда это войско?

— Изволь, посланец! Карешское войско подчиняется моим приказам! Ты можешь называть меня Ремишмат-ина, управляющий тысячей!

Кайлас почувствовал, как за спиной дернулся Асмаррах, и, придерживав слишком горячего командира, поспешил ответить:

— Ты большой человек, не спорю, но ты не правишь Карешем. Не ты приказал воинам прийти сюда. Мой командир пришел сюда говорить о мире с Маарш-а-Н'махом — Ишана, великим владыкой. Мы видели солдат, что охраняют его, и знаем, что он здесь!

Ремишмат, без того смуглокожий, стал еще темнее, он начал было поднимать тяжелый дротик, но, опомнившись, остановился.

— Тогда вы должны знать, что владыка сошел в Нижний мир! И разве не вы отправили его туда? — в голосе военачальника слышалась еле сдерживаемая злость.

Самирийцы отступили на шаг, подняв щиты. Лишь Кайлас и один из воинов сзади так и остались стоять.

— Никто из нас не встречался в бою с Маарш-а-Н'махом и не поднимал на него оружия! Мы захватили в плен царевича Энмера, но не стали бы сражаться с владыкой Кареша! Хоннит начал эту войну! Наш повелитель хочет говорить с Карешем о мире!

— А не слишком ли поздно вы взялись за такие разговоры? — взревел Ремишмат, чей гнев не только не остыл, а лишь распалился от слов посланца. — Вы сейчас зажаты среди скал, словно крысы в горшке! Нам ничего не стоит раздавить вас!

Кайлас неопределенно пожал плечами.

— Твоя правда, военачальник, наше положение сейчас плохое. Но мы не хотим драться. Самирские воины умеют забирать жизни, и твоя победа утонет в слезах ваших жен и

детей, — низкий голос охотника звучал гулко и успокаивающе.

— Мой царевич видел здесь на Вратах ту, которая смогла остановить нас, Золотой цветок Ассубы! Он будет говорить с ней, как с дочерью и наследницей владыки Кареша!

Ремишмат нехорошо осклабился с высоты колесницы. Под окрепшими порывами ветра его седые волосы шевелились, словно сухие травы степи.

— Хорошо, но как же он это хочет делать? Передо мной лишь ты, посланец, — медленно процедил он. — Может, лучше решим дело боем? Я гляжу, ты крепок.

Но не успел затихнуть последний отзвук его голоса, как его прервал другой.

— Не слишком ли быстра твоя колесница, военачальник?

Из рядов карешских воинов вышла тоненькая белая фигурка. На фоне вооруженных мужчин она казалась нереальной, словно спустившейся из Небесных чертогов. И даже тот факт, что справа маячила знакомая приземистая бородатая фигура Гаруула, не делал видение более реальным. Легкая, как птичье перышко, она словно плыла над землей, а нежное личико с огромными бездонными глазами цвета весенних вод пылало яростным румянцем.

— Разве не слышал ты, что наследник Самира желает говорить со мной? Разве ослаб твой слух? Или мое слово больше не указ? — гневный тонкий голосок звенел яростью.

— Прости, сиятельная, но разве здесь есть тот, о ком ты говоришь? Здесь лишь ничтожный посланец его! Разве можно его допускать до очей твоих? — Ремишмат говорил медленно, как будто разъясняя.

— Не твоя вина, что ты не увидел того, кто у тебя под носом, — в голосе царевны зазвучала насмешка. — Или я не права, Асмаррах Самирский?

Фигура, стоявшая позади Кайласа, развернулась и словно бы выросла. Наследник самирских земель расправил плечи, разогнулся, скинул капюшон и, лучезарно улыбаясь, шагнул вперед.

— Ты права, сиятельная. Но не сердись на своих воинов, твоя красота слепит их! — глаза молодого наследника, не отрываясь, смотрели на царевну, а она не отводила глаз от него. Личико Юилиммин-даши оставалось гневным, но в глубине сапфировых глаз плескалась радость. Как же Асмаррахе сейчас хотелось послать подальше всю войну, переговоры и уединиться с любимой, заключить в объятия и не выпускать.

— Глаза моих воинов видят правду, обман не для них! Но ты хотел говорить со мной, и у меня есть, что сказать. Не лучше ли будет решить все скорей, чтобы вол от старости не сдох?

— И здесь ты права, маленькая жрица! Негоже нам стоять без дела. Дом Богов — достойное место для заключения союзов и договоров. Я буду ждать тебя там с первым лучом солнца! — в голосе самирита ощутимо проскользнула довольная интонация, но мало кто был способен оценить этот момент.

— Хорошо, наследник Самира, я и мои советники прибудем туда. Тебе тоже следует сделать все надлежащим образом!

Уважаемые читатели, роман еще не выложен весь. Остались самые напряженные главы, но я не хочу выкладывать их за одну неделю. Обновление будет выходить по понедельникам. Это позволит написать побольше глав из второй части и начать выкладывать ее с меньшим перерывом. Спасибо, что читаете, комментируете и ставите лайки!

Врата рассвета. Юулиммин-даши

— Хорошо, наследник Самира, я и мои советники прибудем туда. Тебе тоже следует сделать все надлежащим образом! — официальный язык давался мне в его присутствии с трудом. Влюбленная девочка внутри меня хотела повиснуть на шее любимого, и мне стоило огромных усилий сдерживать этот напор, особенно когда заметила, какие черты пляшут в его темно-карих очах. Теперь она кокетливо принялась накручивать белокурой локон на свой тонкий пальчик. Более же взрослая половина моей личности имела к противнику ряд вопросов, касающихся недавнего «победного прорыва» хоннитских войск и их сегодняшнего бегства к нашим позициям. Прояснить обстоятельства гибели владыки, да и причины начала конфликта, ведь червяк сомнений все еще жил в отдаленных закоулках сознания и я четко ощущала его.

Гаруул, безмолвно стоявший за спиной, легонько тронул меня, возвращая в реальность.

— Хорошо сказано, сиятельная, сейчас самое время мне ненадолго исчезнуть. Пошли меня в храм, подготовить все, — его тихий сиплый шепот был еле слышен. Я кивнула и во весь голос отдала приказ сделать все, что требуется.

Людское море вокруг зашевелилось, голоса сотен людей слились в неразборчивый гул, а для меня остался лишь тот, ради встречи с которым я жила все эти дни. Нет, все эти годы!

— Я так хочу тебя обнять, моя маленькая жрица! — говорили его улыбающиеся глаза. — Я с тобой, и все будет хорошо! Я пришел и смогу защитить тебя!

Слова возникали в сознании и звучали реально, но было совершенно непонятно, как на это реагировать. Его чуть хриплый, тихий, уверенный голос словно обволакивал меня теплым надежным пологом. Сердце, разрываясь, бешено застучало в ушах, и кровь прилила к щекам. Но разве может быть все хорошо, когда кругом война, когда владыка Кареша убит, а степняки вот-вот спалят всю Ассубу? Как же он, для всех карешцев объявленный врагом, защитит меня? Кто вообще сможет теперь защитить юную царевну, которая осталась без защиты родителя, один на один с могущественными врагами? И где тот, что обещан мне в мужья владыкой?

С трудом вырываясь из вязких объятий страхов, я сделала еще один шаг вперед и оказалась на расстоянии вытянутой руки от Асмарраха. Теперь я отчетливо ощущала горьковато-терпкий запах костра и пряностей, напомнивший о залитых солнцем весенних степях Абустана и о далеких, почти нереальных днях моей «другой» жизни. Темные глаза любимого распахнулись, превратились в омуты, где тонуло мое отражение. Казалось, еще миг и он бросится мне навстречу, заключит в объятия, но ничего не происходило.

— Прежде чем ты уйдешь, наследник Самира, ответь мне, известна ли тебе судьба Энмера-ани, младшего сына владыки Кумиш-Шебеша? Я посылала к нему гонца, но не получила известий.

Точеные черты лица Асмарраха вмиг изменились, словно черная туча скрыла солнечный свет. Омуты глаз сделались темны и холодны.

— Мне жаль, что твои мысли все еще обращены к этому ничтожному существу, царевна. Но если хочешь, я отвечу тебе. Военачальник Энмер захвачен лично мной в бою, и его судьба в моих руках! Он утверждал, что мужчина, и потому должен ответить за все свои дела!

То ли от ледяного порыва ветра, то ли от ледяной ярости в словах любимого, я

поежилась. Но отступить было невозможно. Пальцы нащупали на поясе мешочек с осколками той злополучной таблички, которую я получила вместе с последним известием от хоннитского царевича. Осколки, скрепленные на глиняной подложке так, чтобы можно было прочесть.

— Мой отец, владыка Кареша, дорожил миром с Хоннитом, а потому следует и мне идти вослед ему. Разрешите поговорить с твоим пленником, последнее известие от него встревожило мысли. Его ответы будут интересны и тебе.

Наследник Самира, будущий величайший полководец своего времени, сухо кивнул и, резко развернувшись, скрылся за спинами своего отряда. Мое сердце остановилось. Как же быстро меняется его настроение, словно погода в горах. А ведь я почти не знаю этого человека... Да, безумно люблю, но совершенно не знаю! И в то же время мне известно о нем больше, чем любому из ныне живущих.

Еще минуту я стояла неподвижно, глядя на облаченные в дубленые кожи ряды самирских воинов. Никто не трогался с места и не опускал щитов. За спинами первого десятка, в числе которых скрывался Асмаррах, послышалась возня. Гаруул за моей спиной ощутимо напрягся.

Хрипло запели рожки, и в то же мгновение им ответил барабан.

— Жди, госпожа моя, — защекотал мое ухо своей бородой телохранитель. — Господин твой скоро вернется, я слышал сигнал.

В ущелье было почти тихо, лишь усилившийся к вечеру ветер трепал одежды и плащи, раскачивал медные бляхи на богатых доспехах и бесстыдно продувал насквозь мое тонкое одеяние.

По моим ощущениям прошло более пятнадцати минут, прежде чем Асмаррах вернулся. Теперь на нем были искусно украшенные медными пластинами доспехи, что, несомненно, сверкали бы, не скройся светило за горной грядой, и шлем, редкий в те времена. Он восседал на высоконогом черном скакуне, равных которому по стати я не видывала в Кареше. Наши низкорослые крепенькие лошадки были почти на две ладони ниже.

За всадником, перепачканный в сажу и пыли, привязанный за руки грубой веревкой, волочился обнаженный по пояс пленный воин. Узнать в нем прежнего благородного царевича Энмера было почти невозможно: кудри на голове спутались и повисли бесформенными патлами, нежное узкое лицо, лишь слегка тронутое мягким юношеским пушком, загорело и исхудало. Черты его стали резкими, словно вырубленными из камня. Огромные глаза, обрамленные темными ресницами, раньше добрые и трепетные, словно у лани, теперь горели нездоровым огнем.

Поравнявшись со мной, Асмаррах спешил и, перехватив хоннитского царевича за предплечье, поставил его прямо передо мной. Пленник встрепенулся, близоруко сощурился и, поняв, кто перед ним, выпрямился. Теперь они стояли рядом, два мужчины, претендующие на руку и царство юной осиротевшей девушки: полководец в богатых доспехах и пленник в покрытых пылью тряпках. Но глаза каждого из них пожирали меня столь жадно, что я поспешила сделать шаг назад.

— Ты хотела о чем-то спросить этого человека, прекрасная? Как видишь, я не стал утомлять тебя ожиданием. Но сделай это сейчас, ибо я устал от мелких пакостей этого щенка! — голос любимого прозвучал резко и хлестко, словно удар бича. Едва сдерживаемая ярость слышалась в каждом звуке.

Царевна внутри меня снова испуганно отступила, но я не собиралась сдаваться. Мое

положение и авторитет и так висят на волоске, и каждый необдуманый поступок может стоить жизни. Я поглубже вдохнула и подняла глаза на Асмарраха.

— Твое решение радует меня, военачальник, но стоит ли столь жестоко обращаться с благородным юношей? Чем он заслужил подобную жестокость?

Обоих мужчин передернуло от моих слов. Одного от с трудом сдерживаемой ярости, другого... Я не смогла сразу понять этой эмоции. Энмер-ани немного подался вперед, словно ища спасения, и одновременно на его лице заиграла презрительная ухмылка. Мои глаза отказывались принимать увиденное.

— Не трать свои слова зря, сиятельная Юилиммин-даши! Сердце этого человека не ведает ни любви, ни жалости! Будь иначе, стал бы он разрушать чужое счастье? — на секунду Энмер-ани снова превратился в того трепетного юношу, что скрашивал мои вечера беседами о звездах и дальних землях. Волна жалости охватила меня. Руки дрогнули, решимость пропала. Но следующие слова отрезвили меня.

— Разве не знаешь ты, царевна, какие цели привели сюда этого человека? Разве может самирский захватчик помышлять о чем-то еще, кроме новых земель, власти и богатства? Разве заботит Самир то, что они приносят войну всюду, где появляются? Этих псов Нуграала* проклинают по обе стороны света.** Владыка Эрнааль не впускает их в свое царство, и бродят они чудовищами в ночной мгле! Разве тебе, жрице Великой Матери, не известно это? Разве мало страданий причинил тебе этот человек? Гибель великого Маарш-а-Н'маха на его совести! Неужели тебе, озаренной милостью Иинат, не видна вся гниль его души?! Неужели великий Небесный Бык не отказался лить свет на его голову?

Голос царевича сорвался в надсадный лающий крик, лицо перекошилось от клокочущей злобы. Я снова отпрянула, выставляя, словно защиту, полотняный мешочек со злополучной табличкой. Асмаррах же резко ударил пленника под колени, заставляя его упасть на каменное крошево камня.

— Его разум сожрали злоба и зависть, жрица! Жалкое зрелище! Это ты хотела увидеть, царевна?

Энмер ощерился злобной гримасой, он начал было подниматься, но новый тычок опять бросил его на землю.

— Подожди, наследник Самира! — я ринулась вперед, не позволяя третьему удару достичь цели. Асмаррах недоуменно посмотрел на меня, но бить не стал.

— Почему ты заступаешься за этого пса, женщина? — со вполне ощутимой брезгливостью в голосе спросил он. — Я не могу понять, что движет тобой? Неужели ты любишь его?! Неужели в твоей душе живет жалость к этой твари?

— Ты сейчас победитель, предводитель войска, но разве достойно сильному издеваться над слабым? — в мысли в голове метались от одного мужчины к другому. Во что же превратился тот милый, умный юноша, что рассказывал мне о путешествиях и дальних землях? Неужели это любовь так покорежила его душу, превратив в ослепшее от злости существо? А Асмаррах? Тот, что стоит передо мной, — мне не знаком!

Самирский царевич смерил меня взглядом, полным презрения. В нем не читалось ни капли прежней любви и нежности. Руки похолодели. А что, если Энмер прав, и тот, кому я отдала свое сердце, просто умело играл на чувствах неопытной царевны? Что, если ему действительно нужны лишь мои земли, и оттого он и развязал эту войну? Я ведь его совсем не знаю!

— Я хотела спросить о полученных вестях Энмера-ани, царевич, но спрошу тебя! —

безрассудное отчаяние толкало меня идти в атаку. Я должна заставить этого человека раскрыть свои карты и показать истинные намерения. Сомнение поднимало голову.

Завязки на мешочке поддались не сразу, но я не сдалась. Дрожащие руки извлекли и подняли злополучное послание над головой.

— Вот то, что я получила недавно. Слова и угрозы, а под ними твоя печать, наследник! В гибели карешского владыки здесь тоже только что обвинили тебя! Кому же мне верить, скажи? Могу ли я верить ТЕБЕ?!

От душевной боли я зажмурилась и выкрикивала свои обвинения вслепую, выставляя их перед собой, словно щит. Гнев, сильный и ослепляющий, креп скаждой секундой. Как же мне хотелось сейчас разметать оба войска мощным ураганом! Прогнать обоих женишков ко всем чертям! Я больше не намерена быть безвольной пешкой в ваших политических играх, господа!

К реальности меня вернул звон оружия. На полкорпуса впереди, закрывая меня собой, стоял Гаруул. По его руке, разрастаясь, струился ручеек алой крови. Клинок Асмарраха, скользя по медной пластине наруча, распорол плоть, но мой телохранитель не отступил.

Противостояние длилось лишь мгновение. Всепожирающий огонь в глазах самирского наследника, еще секунду назад угрожавший спалить все на своем пути, потускнел и угас.

— Прости, командир, я лишь выполнил твой приказ! — едва слышно сквозь зубы процедил Гаруул. И эти слова были словно холодный душ. Клинок, звеня, упал на камни. А я бросилась к своему спасителю, спешно отрывая кусок ткани от юбки.

— Я уж думал мне конец, госпожа, — посмеиваясь, притворно посетовал он, наблюдая, как я перетягиваю рану. — Но ты же спасешь мою руку?

Но мне смеяться совсем не хотелось. Едва справившись с наворачившимися слезами, я закрепила узел повязки, и мрачно кивнула. Рана не глубока, но дело не в этом. Как же мне надоели эти глупые, неразумные дети, заигравшиеся в войну, заигравшиеся в любовь! Гнев встал в моей душе в полный рост. Как же вы мелочны и глупы! Теперь-то мои глаза видят ясно!

— Я считала, что ты достойный человек, Асмаррах Самирский! Видит бог, я с юных лет восхищалась тобой! Я понимаю, что я всего лишь женщина в твоих глазах, а их у тебя всегда будет предостаточно, но поверь, тут ты ошибся! — я медленно наступала, совсем потеряв страх. — Имей же смелость отвечать на вопросы! Покажи всем, много ли стоят твои клятвы? — на мгновение мне показалось, что я даже немного выросла и теперь смотрела сверху вниз на того, кому ранее едва доставала до плеча.

Смутное лицо Асмарраха едва заметно побледнело, но он не отступил. Когда между нами оставалось не более двух шагов, руки с силой швырнули ему в лицо глиняную табличку. Царевич этого не ожидал, но все же легко уклонился и сумел поймать ее.

Время тянулось киселем, мучительно отсчитывая секунды, которые самирец потратил на чтение. Лицо его закаменело, не отражая более ни одной эмоции.

— Вижу. Здесь стоит моя личная печать, отрицать не стану, но я не писал и не приказывал никому писать таких слов! — Асмаррах неспешно передал злосчастный кусок глины стоящему рядом темноволосому великану и посмотрел мне в лицо.

— Мне понятен твой гнев, Всеблагая! Я виноват перед тобой, так как был несдержан, но в моих жилах кипит кровь Кесхала. Я готов заплатить за это. Но не считаю нужным оправдываться за то, чего не совершал, ведь перед всеми только мое слово против его! Клянусь звездами, что видели нас, и луком Серебрянорогого, что слышал меня в тот вечер, я

не изменил своим клятвам. А потому скорее бы позволил убить себя, чем поднял свой клинок на владыку Кареша!

Я перевела свой взгляд на хоннитского царевича. На его осунувшемся, перепачканном пеплом лице играла нехорошая улыбка.

— Много ли стоят слова грязного вора и захватчика? Много ли стоят слова того, кто осквернил ритуал и надсмехался над Богами? — глаза Энмера снова наполнились нездоровым торжеством.

— Позволь сказать и мне, дочь владыки Кареша, наследница моего господина! — низкий голос Ремишмата прогрохотал над долиной, перекрыв оскорбления хоннитского царевича. — Самирит прав в том, что не желает оправдываться. Ни у кого из нас нет оснований верить ему или его людям на слово. Мудрые всегда говорили, что в таком случае лишь Богам видна правда. Перед нами слово благородного Энмера, столь любимого нашим владыкой, против слова наследника Самира. Пусть же все решит кровь! Боги рассудят!

За спиной послышались одобрительные удары клинков о щиты. Гул все нарастал и был подхвачен войсками с самирской стороны. Вскоре грохот настолько давил на уши, что почти прижимал к земле, заставляя сердце стучать в унисон.

— Смотри, мальчик, люди требуют боя! Чего ж ты не рад? Разве ты не мечтал об этом? — насмешливо спросил Асмаррах у изрядно побледневшего Энмера. Царевич явно предпочел бы иное развитие событий.

— Я не боюсь тебя, наглый вор! Но на тебе доспехи и в твоих руках меч, а я ранен и связан! Где же тут справедливость? — огрызнулся хоннит.

Грохот внезапно стих, Ремишмат на колеснице поднял руку с клинком, прося внимания.

— Каждый видит, что силы не равны. Может быть, кто-то другой хочет вступить на защиту отважного царевича Энмера?

— погоди! — Асмаррах прервал карешского полководца громко и бесцеремонно. — Я хочу боя только с ним и уравновешу силы!

Царевич пошел вдоль рядов своих воинов, снимая с себя доспехи, пока не остался в своих смешных штанах и сапогах. Только теперь я заметила, что на теле самирского предводителя красуется несколько крупных свежих синяков. Очевидно, он не прятался за спинами солдат, а предпочитал сражаться в первых рядах.

У Энмера же, при всей его худосочности, синяк был только один, под левым глазом, но на всю скулу. Авторство было очевидно.

— И поскольку я все равно сильнее, чем соперник, — продолжил меж тем самирский наследник, рассекая веревку на руках противника, — я готов сражаться другой рукой. Но даже так мой клинок будет для тебя опасен, щенок!

Царевич переложил оружие в левую руку, и сразу стало заметно, что это для него непривычно.

— Дайте мальчишке меч, дайте ему все, что он захочет и начнем! Я устал уже видеть эту наглую рожу! — он шел по широкому кругу, осторожно проворачивая короткий клинок в левой руке, словно бы привыкая к ощущениям. Гаруул же оттянул меня назад и вбок, почти к самой колеснице, освобождая место для боя.

Загрохотали щиты. Бойцы заскользили вдоль круга, примеряясь. Первым решился на выпад более неопытный и нетерпеливый Энмер, и он был быстр. Месяцы тренировок и походов не прошли даром. Жилистое тело змеей скользнуло вперед и немедленно отпрянуло. Асмаррах увернулся, но парировать не смог. Лезвие клинка скользнуло по коже,

оставив алый след. И только сейчас мне стал хорошо виден страшный кровоподтек на левом плече. Да с таким даже просто двигать рукой причиняет боль, куда уж там воевать! Я дернулась вперед, но Гаруул держал мою руку.

— Госпожа, не нужно! — тихо зашептал он, утягивая меня еще немного дальше от зоны боевых действий. — Командир сделал выбор и не примет помощи. Ты только все испортишь! Лучше молись, чтобы великая Иинат была на стороне того, кому ты желаешь победы.

В этот момент Энмер снова атаковал. На этот раз зазвенели мечи и хоннитский царевич, потеряв равновесие, едва не упал.

— Это все, что ты можешь? Ну, давай же! Нападай! — Асмаррах насмешливо улыбался. Он продолжал пятиться, иногда, словно бы нарочно, открываясь, чем снова спровоцировал противника.

Новый удар ушел «в молоко» и хоннитский воитель опять потерял равновесие. Вот только на этот раз Асмаррах не отступил, а, провернувшись, легонько отвесил противнику пинка по мягкому месту. Энмер, взмахнув руками, упал на землю, но самирец нападать не стал, давая противнику подняться.

Но как ни ловок был самирский наследник, удары юного царевича нет-нет, а достигали цели. Бронзовое тело Асмарраха уже было отмечено несколькими царапинами, из которых струилась кровь.

— Чего же он ждет! Почему не закончит эту бессмысленную битву? Не может? — шептала я все еще удерживавшему меня Гаруулу, но тот лишь двусмысленно хмыкал в бороду, иногда досадливо цокая языком, когда его командир получал очередную рану.

А противники все кружились. Негромко, отбивая ритм, грохали щиты, а вместе с ними и мое сердце. Солнце меж тем село, теперь лишь светлое небо посылало в ущелье свой скудный свет. Зажглись сотни факелов, и в их неверном свете все происходящее начало напоминать отдельные кадры из фильма.

Наверное, потому я и пропустила момент, когда Асмаррах перешел в нападение. Только что между противниками было почти два шага и вдруг... Лязгнули клинки, потом еще и еще, и вот уже Энмер валяется на спине, прижатый блестящим от крови телом самирита, а его клинок начинает свое смертоносное движение к горлу поверженного врага.

— **ОСТАНОВИСЬ!** — мой отчаянный крик разрезает тьму, заглушая ревущую толпу.

Не знаю, как мне удалось вырваться из железных тисков телохранителя, наверное, свою роль сыграла неожиданность. Почувствовав свободу, я ринулась в круг, едва сохраняя равновесие.

— **ОСТАНОВИСЬ!** — рука Асмарраха дрогнула, но замерла, едва коснувшись кожи врага. Он поднял на меня глаза, и я оторопела. В темных омотах зрачков снова плясало неистовое пламя, готовое вырваться наружу и спалить все вокруг.

— Прощу, не убивай его! — теперь мой голос звучал робко, а в глубине души росла уверенность, что у меня лишь одна попытка. Если сейчас я не найду тех слов, что потушат пожар гнева этого мужчины, то потеряю все.

— Подари мне его жизнь, Владыка! Подари мне ее ради той жизни, что подарил мне ты! Ради того, кто еще не пришел в этот мир!

Я рухнула на землю, царапая колени. Слезы, душившие меня, потоками покатались по щекам.

Веки Асмарраха тяжело опустились и поднялись. Всепожирающий пожар отступал.

— Повтори, повтори, что ты сказала? — в хриплом голосе все еще звучала сталь.

— Подари мне жизнь своего врага, господин, ради того, кто живет во мне! — словно эхо откликнулась я.

Самириец слегка выпрямился, давая поверженному противнику вздохнуть.

— Никто другой не смог бы остановить меня! Но ты не стоишь и слезинки этой женщины! Поклянись, что будешь служить ей и ни словом, ни делом не пойдешь против ее воли!

Энмер, все еще не до конца осознавший, что избежал гибели кивнул.

— ПОКЛЯНИСЬ! — взревел Асмаррах, снова нажимая клинком на горло.

— Клянусь! — еле слышно отозвался юноша, закрывая глаза.

Но самирский наследник одним рывком вскочил на ноги, поднимая врага за собой.

— Поклянись громко! И признай свою вину!

Колени Энмера ходили ходуном, и он упал бы, не держи его за плечо Асмаррах.

— Громче! Пусть люди и Боги услышат это!

— Клянусь! То послание... я забрал твою печать и...

Его слова потонули в возмущенном шуме. А я все плакала на холодных камнях, не в силах остановиться. Душа, разорванная в клочья, болела так, что темнело в глазах.

— Завтра в храме мы решим твою дальнейшую судьбу и судьбу все тех, кого ты заставил воевать за себя! Сейчас же не время и не место! — прогремело над головой.

Запах костра и горьких трав лишь на мгновение коснулся меня. Сильные руки обняли, поднимая с земли, но лишь для того, чтобы передать на руки Гаруулу.

— Прости меня, ты хорошо мне служишь, я не забуду! — фраза относилась не ко мне. Он просто отдал меня! Почему? Но говорить я уже не могла.

Примечания:

*Нуграал** — хтоническое божество Самира. Бог хаоса.

** По обе стороны света — в мире живых и в царстве мертвых.*

Поддержи автора лайком и комментарием! Это лучше любых денег!

Глава 29. Ничего не бойся

Темнота плотной стеной окутала ущелье и долину Кареша, словно кто-то накинул на них расшитый звездами платок. Ветер протяжно и тихо свистел в колоннах, неся с собой запах гари и мельчайший песок, за века изгладивший надписи на резных боках Врат. Пламя факелов и светилен нещадно трепетало, почти не давая света и наполняя лагерь пляшущими тенями. До рассвета было решено вернуться в долину, а утром продолжить переговоры с Самиром.

Я лежала на узком плетеном ложе в маленькой палатке, двое часовых, застыв безмолвными истуканами, охраняли покой владычицы. Вездесущий Гаруул куда-то исчез, оставив меня на попечение старого лекаря. Я плакала всю дорогу до лагеря, плакала и после, горько и безутешно, уткнувшись носом в костлявое плечо старика. Потом, когда слезы иссыкли, пропал и он, бросив наедине с тяжелыми мыслями. Потом, наверное, я все же заснула, так как не помнила, когда у постели вновь появился Гаруул.

— Сиятельная госпожа, очнись! Мой владыка прислал меня! — тихий шепот вывел из забытья, — Он просит о встрече и умоляет не отвергать ее!

Я сфокусировалась на темном патлатом силуэте и прикрыла глаза. Пламя светилен едва разгоняло тьму, но не могло развеять отчаяния в душе.

— Ты говоришь о царевиче Асмаррахе? — ответный кивок.

— Хорошо, я выслушаю его, но где и когда? — даже шепот давался мне с трудом, и я совсем не была уверена в том, что смогу куда-либо идти.

— Я отведу тебя, сиятельная, если надо — отнесу, только выслушай его! Он ждет в храме.

Сильные руки телохранителя аккуратно подняли меня.

— погоди, я хочу сама!

Ноги послушались, но изрядно дрожали. Земляной пол был холодным, но не ледяным. У лежанки нашлись сандалии, а чуть поодаль — шерстяное верхнее покрывало.

— Но как же мы выйдем? Лагерь полон солдат.

— Предоставь все мне, — шепнул самирийский шпион, накидывая мне на плечи тяжелый воинский плащ. Пришлось дышать ртом, так как о стирке в этой армии явно не слышали.

Далеко уйти самостоятельно мне не удалось. Перед глазами поплыло, голова предательски закружилась. Заметив это, телохранитель легко подхватил меня и водрузил на широкое плечо, словно куль соломы. Почти весь подъем я снова проделала негодуя созерцая пятую точку Гаруула, который спустил меня на землю только у самых Врат.

Громада храма смутно белела впереди, а вокруг не было ни единой души. В остывающем воздухе над ущельем дрожали тысячи звезд, и колесница Серебрянорогого, взбираясь по небесному своду, уже висела над кромкой стены. Я оперлась о колонну Врат, проводя ладонью по резной поверхности камня. «Сей путь создал великий Маарш-а-Н'мах-Ишана, владыка Кареша, открывая новые земли для мира и торговли», — вспыхнули в памяти высеченные на нем слова. Отец! Если бы ты тогда мог предвидеть, сколько горя принесет в твои земли глупая дочь! Скольких жизней будет стоять мирной долине твое решение оставить власть ей! Скольких жизней будет стоять моя неразумная любовь! Но

сделанного не воротишь, река не повернет вспять...

— Гаруул, мне страшно! Я боюсь! — голос получился бесцветным и шелестящим, словно сухая трава.

— Зачем бояться, царевна? — изумился мой спутник, — Разве не твой муж ждет тебя там? Разве не к нему устремляла ты свои мысли?

— Я боюсь своих ошибок. Не слишком ли дорого обходится всем наша любовь? Я разрушила все, вокруг война!

— Уж не думал я, что в женской голове может помещаться столько всякого! — усмехнулся мой спутник, увлекая меня все дальше.

— Правду говорят, не нужно вам много думать! Для этого существуют мужчины! Другая бы плясала от радости, что сильные мира сражаются за право быть с ней. Что будет она владеть землями и людьми. А ты, вот ведь, терзаешься! Просто доверься ему, как доверяем мы свои жизни, сражаясь. От лишних мыслей ты не сделаешься краше, а это то, чего любой мужчина ждет от женщины.

От подобной отповеди мне вдруг сделалось смешно. Знал бы он, что спустя века это будет казаться нелепым! Хотя... так ли оно?

Мы добрались до чадивших перед входом факелов.

Драгоценные деревянные ворота, украшенные богатой резьбой, были приоткрыты.

— Он ждет. Сможешь дойти сама, царевна? Я не хотел бы мешать...

Я остановилась, опершись о створку, и прислушалась к собственным ощущениям. Ноги стояли крепко, а вот сердце бешено колотилось, стремясь вырваться из грудной клетки.

— Я пойду, но ты не уходи, хорошо? — я обернулась. Мой проводник стоял совсем близко и задумчиво чесал в затылке.

— Да уж куда я денусь, сиятельная! Хоть всю ночь буду вас караулить, не бойся, — хмыкнул Гаруул, слегка подталкивая меня внутрь. — Ты уж там не ругайся больно...

Я усмехнулась и вошла. Коридор был освещен, но пуст. Со стен, со всех сторон на меня глядели Серебрянорогие, словно укоряя в нерешительности. Его колесницы мчались над землей, сражая врагов мириадами стрел, а обжигающий грозный взгляд пронизывал душу.

Сделав с десятков шагов, я оказалась у святилища. В его глубине, освещенный красноватыми отблесками жаровен, стоял он, тот, что смутил мой разум и похитил сердце. Его фигуру было невозможно спутать ни с чьей другой.

Асмаррах, услышав шорох, быстро обернулся. Он все так же был по пояс обнажен, лишь темный воинский чешуйчатый плащ прикрывал плечи. Я замерла, словно боясь вспугнуть это видение. Чувства нахлынули, сбивая с ног, прерывая дыхание.

— Ты пришла! — хриплый шепот показался оглушающе громким. Он отразился от стен, от пляшущих багровых теней и обступил меня со всех сторон.

— Ты пришла, мой цветочек! Прости меня, я был так глуп!

В мгновение он оказался рядом. В неверных отблесках я не могла четко разглядеть черты его лица, но мне показалось, что он боится. Чего?

— Ты позвал, и я пришла, — сорвалось с губ, и в следующее мгновение его сильные руки подхватили меня.

— Ты пришла! — шептал он, целуя мое заплаканное лицо, а я вдыхала терпкий аромат его тела, боясь пошевелиться.

Время отступило, замерло и понеслось вскачь, а Асмаррах, словно мальчишка, все кружил и кружил меня, осыпая поцелуями.

— Скажи мне, скажи, правильно ли я услышал тогда! Правильно ли я понял? — прошептал он, наконец, опуская меня у самого алтаря, — Это правда, что ты носишь нашего сына?

— У меня нет причин обманывать тебя, Асмаррах Самарский. Но я не берусь утверждать, что это будет мальчик, — от избытка переживаний во мне, видимо, проснулась саркастичная Юлия.

От неожиданности ответного напора любимый слегка отстранился и пристально заглянул мне в глаза.

— Ты злишься? Ты мне не рада? Твои чувства изменились? — в шепоте звучала неподдельная тревога.

— Нет, я все еще люблю тебя, но ты испугал меня, — выдавила я. На самом деле говорить не хотелось. Хотелось, чтобы он кружил, обнимал, целовал, но слова срывались с губ сами.

— Я боюсь. Я боюсь, что твой гнев навредит мне. Боюсь, что ты ударишь, прогонишь. Ведь если бы не верный Гаруул, ты бы сделал это! Ты собирался поднять на меня руку! — справедливый гнев придавал мне сил.

Асмаррах отпрянул, словно вместо меня перед ним извивалась ядовитая тварь. Отпрянул... и схватился руками за кудлатую голову.

— Ах я глупый баран! Я глупее дворового пса! — причитал царевич, с заметной силой дергая свою шевелюру. — Прости... Я бы хотел сказать тебе, что не смог бы, но я не знаю. Гнев иногда застилает мне глаза, а пламя ярости выжигает мне разум! Ты имеешь право бояться! Я вел себя недостойно, и мне нечем оправдаться. Но обещаю, больше этого не будет! Только будь со мной! Танцуй для меня! Наверное, это боги покарали меня безумием, но я не могу жить, если рядом нет тебя.

Он был искренним и каким-то потерянным. Я сделала шаг, обняла его большую курчавую голову и прижала к себе, глядя упругие волны темных волос. Может быть, я горько пожалею об этом, но сейчас мне хотелось ему верить, любить и не думать о будущем.

— Любимый, родной мой, я так боялась за тебя! — слезы вновь покатались по щекам. И вот опять его горячие губы целуют мои соленые щеки, глаза.

— Я никогда не причиню тебе вреда, мой цветочек! И никому не позволю! Ты не должна была все это видеть! Не должна, и я увезу тебя домой!

Домой... А ведь в Ассубе враги, совсем рядом кочевники, пожары! Во дворце предатели и убийцы. Я мягко вывернулась из объятий.

— Я ведь пришла сюда за помощью, Асмаррах. После отъезда владыки меня пытались убить враги, а часть моего города сожгли степняки! Я не могу вернуться туда без защиты. Я искала защиты отца, но теперь прошу твоей, полководец!

— Убить? Кто? — в глазах царевича снова за плясало гневное пламя, — Назови мне его имя, и он пожалеет о том, что увидел свет! Я сделаю жизнь твоих врагов хуже, чем жизнь голодной бродячей собаки! Прикажи, и мои войска послушают тебя, как меня...

— погоди, — мне пришлось снова обнять его, чтобы он не исчез карать обидчиков праведным гневом сей же миг. — Сейчас ты все рано ничего не сделаешь, на дворе ночь, а в долине карешские войска, с которыми еще не все решено. Нам нужно поговорить сейчас об этом! Я ведь тоже виновата перед тобой.

Асмаррах недоуменно посмотрел на меня и хотел было что-то возразить, но я прижала палец к его губам.

— Я ведь так и не рассказала владыке о нас. Он был слишком зол и не поверил бы мне! Оттого я испугалась, решила подождать до подходящего времени, а тут война на границе. Вот так... Теперь можешь злиться.

Но в ответ на мое признание любимый только рассмеялся.

— Цветочек, ты самая необычная из всех женщин на свете! Другая бы укоряла меня за то, что оставил ее одну, но не ты. То решение было глупым. А я даже не подумал, что гнев старого лиса может быть не слабей моего! Я должен был сделать все сам, а не просить тебя! Но не успел. Поверь, если бы хоннитский щенок не поймал меня тогда, я бы давно был в Ассубе с войском!

Теперь настала моя очередь удивляться, но Асмаррах увильнул от ответа.

— Не будем об этом! Я не хочу... — он склонился ко мне, щекоча шею бородой и волосами. Губы нашарили ушко, заставив меня застонать. Но мое упрямство так легко не сдавалось. Чувство вины за происходящее жгло раскаленным углем.

— Все вокруг страдают из-за меня! Я — причина раздора и войны! Это все из-за того, что не послушалась воли отца, а в итоге он погиб, и я не знаю, кто виноват в том...

— Утром мы узнаем все, поверь! Могу тебе лишь поклясться в том, что не делал и не приказывал делать этого. И, видит Эну, это будет правдой! Но в сражении смерть ходит за спиной... В том же, что ты ослушалась, нет твоей вины, боги насылают на нас любовь, и люди не могут противиться им. Поверь, выбрав меня, ты, быть может, спасла Кареш. Теперь я понимаю, что не принял бы нового отказа, не смирился... Стал таким, каким меня видит хоннитский щенок! Я дошел бы до Ассубы с огнем и мечом, топя свою боль в чужих смертях. Но и в таком случае я не получил бы тебя, так?

Я кивнула. По всему было понятно, что он говорит правду. С лихвой одаренный талантами и умом, верный сын своей страны, царевич не часто желал чего-то для себя, но и отказов получать не привык.

Я прижалась к его широкой груди, горьковатый запах трав и дыма, исходящий от разгоряченного тела, обычно успокаивавший меня, теперь вызывал беспокойство. Плащ соскользнул с его плеч, обнажая покрытое тонкими шрамами тело. Несколько длинных, припухших по краям ран, пересекали кожу. Как же я забыла об этом? Железный запах запекшейся крови вновь отрезвил меня.

— Ты ранен, сейчас, надо чем-нибудь перевязать, — засуетилась я, но Асмаррах поймал мои руки, останавливая порыв. В его бездонных обсидиановых глазах танцевало пламя, но оно было иным, теплым, желанным.

— Царапины... Разве это сейчас главное? — его голос был низким, с бархатистой хрипотцой, что совершенно заворожила меня.

— Эта ночь не для разговоров, цветочек. Я слишком долго ее ждал!

— Погоди, твои... — но он не слушал. Сильные и нежные руки уже ласкали мое тело, поднимая волну ноющего тепла.

— Забудь, это мелочи. Они не стоят того, чтобы отвлекаться, моя желанная!

Мой плащ тоже полетел на пол, а вслед за ним покрывало и туника.

— Я ни за что не отпущу тебя, моя жрица! Даже и не думай! Я слишком долго мечтал об этом, и все войска мира не смогут меня сейчас остановить!

Его губы скользнули к моей груди, причиняя сладкую боль, а руки ласкали так нежно и требовательно, что противиться им не было сил. Я застонала, ощущая, как горячие губы спускаются все ниже, мои пальцы зарылись в копне жестких волос его головы.

— Хассин, — шепнул он, в тот миг, когда мы, разгоряченные желанием, оказались на полу. — Хассин... так назвала меня моя мать. Это значит «утренняя звезда» на языке ее родины. Теперь ты знаешь обо мне все, моя жизнь в твоих руках! А утром о нас узнают все, и у них не будет выбора, кроме того, чтобы принять это! И больше никто не посмеет перечить тебе, о, владычица! — В его глазах, потемневших от страсти, плескалось счастье.

Надо ли говорить, что до рассвета мы не сомкнули глаз, и только необходимость участия в переговорах заставила нас оторваться друг от друга.

Гаруул дремал под дверью, но тут же вскочил, стоило мне приоткрыть створку.

— Идем скорее, нам нужно вернуться в лагерь! — поторопила я его. После бурной ночи голова заработала особенно хорошо. Теперь я точно знала, что я должна успеть сделать до переговоров.

— Зачем? Скоро сюда придут жрецы, они помогут тебе выглядеть достойно, а я предупрежу Асмата, скажу, что ты всю ночь молилась, — ухмыльнулся самирский шпион. — А вот командиру лучше поторопиться. Его тут застать не должны.

— Сам знаю! — беззлобно огрызнулся выходящий вслед за мной Асмаррах. Он привлек меня к себе и снова поцеловал.

— Цветочек, на переговорах я могу показаться тебе жестким; может быть, это снова испугает тебя, но помни, я не причиню зла ни тебе, ни твоим людям, ни Карешу. Я поклялся защищать твою землю, как свою, и нет такой силы, что заставит меня отступить! Но вот с Хоннитом я церемониться не обещал!

Я вздрогнула, вспомнив, с какой ненавистью Асмаррах смотрел на Энмера.

— Но жизнь их предводителя ты подарил мне, не забывай! Что бы он ни совершил, он молод и мог заблуждаться.

— Ты удивительная, моя жрица. Не понимаю, как ты можешь его оправдывать? Он молод, но он сын владыки и должен понимать, что его слова стоят больше других, а поступки тем более. Но ты права, я обещал... Но видеть его подле тебя не хочу! — самирский наследник снова сердился. Как же мы сможем ужиться? Мне ведь тоже палец в рот не клади!

— Хорошо, — произнесла я как можно более миролюбиво. — Мне все равно, где он будет, но сохрани ему жизнь.

Время до переговоров пролетело как одно дыхание, и я еле успела организовать все задуманное. Хорошо, что в эти времена не все осмеливались перечить правящим особам.

Храм Аннана у Врат был не маленьким, но едва вместил обе делегации. Все командиры от десятника и выше, все карешские сановники из свиты владыки толпились с одной стороны. Напротив, отделенные алтарем, стояли самириты. Их одежды были темны и не столь красивы. «Словно ночь и день — две птицы! — подумалось мне. — Вот оно, начало той сказки».

За соблюдение порядка и очередности отвечали жрецы. Им же доверили и составление решения, которое должно быть записано и отослано всем сторонам конфликта.

Ремишмат, как старший военачальник, вызвался говорить первым.

— Известно всем, что царь самирский Асармериб напал на Хоннит. Он обвиняет царевича Энмера в проявлении неуважения к своему наследнику и как возмещение, требует отдать земли у Врат под свою руку. Так ли это? Что скажет на это высокий родом Энмерани?

На совет новоявленного хоннитского полководца отмыли и приодели. Теперь он снова напоминал того юношу, что впервые ступил на ступени дворца Ассубы. Только из всех чувств к нему у меня осталась лишь жалость. Да, он очень молод, но отвечать за свои дела приходится всем.

— Не буду скрывать, почти две луны назад я захватил здесь, у закатных врат, отряд наследника Асмарраха. Он тайком пробирался из земель Кареша, где ранее нанес мне оскорбление! — юноша, хоть и проиграл поединок, но сдаваться не спешил.

— Так ли это? Что скажет, наследник Самира Асмаррах? — голос Ремишмата казался нейтральным, но при обращении к самириту стал немного жестче. Мой военачальник был явно не на его стороне.

— То, что было между нами, хоннит, должно было там и остаться! Я тебя предупреждал! Это не наше дело, и судить не нам. Я не знал, на что иду, и ты не знал. Как нужно было тебе поступать — спроси знающих и мудрых. Но если бы ты не взял моей печати, войны бы не было. А уж использовать ее...

— Я должен был тебя остановить! — выкрикнул Энмер, не сдержавшись. — Ты разрушил жизнь мне! Ты разрушил жизнь ей! — он ткнул рукой, указывая в мою сторону.

— Это не тебе решать! — рявкнул на него Асмаррах в ответ. — Ты проиграл мне, ты мой пленник, и я решаю, что с тобой будет!

Ремишмат было дернулся разнимать их, но самирский наследник вдруг сменил тон.

— Если уж речь зашла о благородной Юилиммин-даше, то и на это у меня есть, что сказать. Но для начала хорошо бы прояснить обстоятельства, при которых погиб владыка Кареша. А то ходят слухи, что ты, щенок, и в этом усмотрел мою вину!

— Твоя правда, царевич, — поддержал его Ремишмат. — И у нас есть, что сказать. Пусть скажет тот, кто принял от владыки последний вздох.

Из рядов карешских сановников выбрался личный врач отца. Он вышел к алтарю и неуверенно оглянулся на меня. Я кивнула, ободряя его.

— Выслушайте меня, воины и сановные люди! — начал старик. Было заметно, что говорить на больших собраниях он не привык. — Я, Манди-аба, и я многие годы исцелял своими знаниями нашего владыку, Маарш-а-Н'мах-Ишана. И я был при нем, когда он отправился в Нижние земли. И я по просьбе его дочери, Юилиммин-даши, осматривал его тело перед отправкой в Ассубу. Но я хорошо разбираюсь в болезнях и мало понимаю в оружии, а потому прошу мне помочь.

По рядам прошел шепот. Люди явно колебались, не понимая, какого вида помощи от них ожидают. Пришлось подать голос:

— Свидетелей гибели моего отца мы успеем допросить. Я же хочу допросить то, что не умеет лгать. Для этого прошу выйти вперед по одному знатоку оружия от каждой из сторон. Они по очереди осмотрят то, что извлек уважаемый Манди-аба из тела моего отца. Свое решение пусть каждый из них сообщит старшему жрецу. Таким образом, мы избежим сговора и лжи — вещи лгать не умеют!

Теперь уже гул одобрения наполнил зал, и вперед вышли трое: Ремишмат, Кайлас и сотник Анут из отряда Энмера. Старый лекарь поманил пальцем одного из них и развернул тряпицу, показывая ее содержимое. Так повторилось три раза. На лицах «экспертов» можно было заметить некоторое удивление.

Наконец жрец выслушал всех и поднял руки, призывая к вниманию.

— Мне выпала честь быть одним из судей в этом деле. Я выслушал слова, и все они

говорили одно. Та вещь, что была причиной смерти владыки Кареша, — наконецник копья. Все эти воины признали, что таких не делают ни в Хонните, ни в Кареше, ни в Самире. Это копьё горных племен!

Я дождалась, пока очередная волна гула утихнет, и снова взяла слово:

— Я устала слышать ложь и наветы, а потому позволила этому свидетелю говорить первым! Теперь мы можем выслушать остальных, если вам нужны иные доказательства. Мне же и этого достаточно.

Но свидетелей слушать пожелали, хотя ничего нового они добавить не могли. Даже если кто-то очень хитрый и нанял тот горский отряд — выяснить это оказалось не в наших силах. Пора было переходить к самому главному — моему замужеству. От одной мысли об этом внутри все холодело.

И вот вперед снова выступил Асмаррах. Он поднял руку, призывая к тишине, нашел меня взглядом и заговорил:

— Теперь, когда очередные лживые наветы с меня сняты, я хочу продолжить! И я хотел бы услышать, принимают ли воины Кареша, присутствующие здесь, волю Маарш-а-Н'маха о том, что управлять после него будет прекрасная Юилиммин-даши?

Он выжидающе смерил карешскую часть собрания. Но шептания в рядах длились недолго, и вперед снова выступил генерал Ремишмат.

— Все мы уже клялись нашей царице в том, что примем ее как царицу и владычицу над нашей землей, и это решение неизменно. Но владыка желал, чтобы дочь его прежде вышла замуж, так как стране нужен мужчина, охраняющий ее от врагов и прочих бед, подобно Аннану.

Асмаррах усмехнулся. В этой улыбке я снова увидела ту безбашенную наглость, с какой он блистал на переговорах в Ассубе.

— То есть, вы все желаете своей владычице мужа, который бы разбирался в военном деле?

— Это так, царевич. Рядом с царицей должен быть достойный! — Ремишмат, казалось, не понимал намеков собеседника.

— Хорошо! Есть ли тут воины, которые видели меня в бою? Есть ли те, кто может сказать, что я низок родом или недостаточно учен? — Асмаррах откровенно веселился, наслаждаясь представлением. — Может быть, среди вас есть и те, кто подтвердит, что я просил выдать за меня царевну Юилиммин дважды?

Ответа на все эти вопросы не требовалось. Волнение в толпе нарастало.

— Я знаю, что есть и другой претендент! — самирский царевич указал на бледного как полотно Энмера. — Но есть ли среди вас те, кто слышал о том, чтобы он просил старого Маарш-а-Н'маха о том же?

— Не было такого, ты прав, — прогудел Ремишмат, пытаясь прервать монолог самирита, — но все знали, что владыка выбрал для своей дочери юного Энмера. Не зачем кричать о том, что видно.

Но на это Асмаррах лишь рассмеялся.

— Конечно! Пока владыка был жив, его слово было законом. Но теперь, когда Юилиммин-даши, жрица Иинат и Аннана, осталась одна, давайте спросим ее, кого она предпочтет назвать своим мужем? Если уж ей править, то, может, пора выбирать самой? Или не говорит ее устами Всеблагая? Разве остались еще сомневающиеся в этом?

Ремишмат попытался опять было вставить свои «пять копеек», но наследник Самира не

дал ему этого. Он встал напротив меня и теперь обращался только ко мне:

— Я помню свои клятвы, сиятельная, и я навсегда останусь верен им. Но я хочу, чтобы ты заново сделала свой выбор, и это должно быть решением не женщины, а правителя! — его взгляд был тверд и спокоен. Этот огненный человек сейчас, вероятно, принимал одно из самых непростых решений в своей жизни. Он отпускал меня... Отпускал ту, которой бредил, ту — за обладание которой был готов драться со всеми и каждым.

— Прошу тебя, сделай выбор! Если ты боишься моего гнева, то напрасно! Я приму любое твоё решение. Прогони меня, и мое войско немедля уйдет в Самир, я клянусь в этом перед всеми! Да покарает меня Владыка Неба, если я отступлюсь от данного слова! Да поразят меня стрелы Аннана, если нарушу клятву.

Я молча слушала каждое слово, боясь пошевелиться, а Асмаррах продолжал. Он вытолкнул передо мной растерянного Энмера. Юноша явно пребывал в состоянии жестокого спора с самим собой.

— Ну же, не будь словно глина, говори! Вот он — твой шанс! Давай, покажи, что ты достоин этой женщины!

Но хоннитский царевич медлил, раздираемый внутренними демонами сомнений. Возможно, сейчас он уже сожалел о том, что шел к победе, не чураясь никаких средств. Возможно, он злился от того, что проиграл бой, а, возможно, все сразу.

— Мне нечего сказать тебе, царевна... — все же начал он. — Моя жизнь принадлежит тебе. Сейчас даже больше, чем когда-либо. Ты вправе возвысить меня или втоптать в пыль. Я приму любое твоё решение, клянусь Аннаном!

Вот они оба стоят передо мной и ждут. И я жду, жду, сама не знаю чего. Выбор давно сделан, маленькая жизнь, что теплится внутри, не даст мне повернуть. Но я тяну время, смотрю на них и медлю.

— Скажи мне, Ремишмат-ина, и вы, воины и советники, примете ли вы мое решение? — начала я, оттягивая насколько можно точку невозврата.

Карешская делегация зашептала. Через минуту генерал снова вышел вперед.

— Да, сиятельная госпожа, мы согласимся с твоим выбором. Но сделай его наилучшим образом. С Хоннитом нас связывает соседство, родство и многие договоры. Мы почитаем одних Богов. Шааху-Мере грозят набегами. Сделай выбор в пользу того, кто поможет сохранить мир до того часа, как юный Асмара-абаш войдет в силу.

Да, точно. Дома мне предстоит то же самое, но глобальнее. И там уже возражения будут. С правом на наследство тоже надо выяснять. Дойдет ли до нужного адресата в Ассубе табличка с последней волей владыки, или здесь, как и века спустя, самые важные документы имеют свойство пропадать?

— Хорошо, тогда слушайте! Своим мужем я называю Асмарраха Самирского и никого другого! Ему я принесу клятву перед богами и людьми. И сейчас я прошу его привести свое войско на земли Кареша и отогнать степные племена от наших границ. И так же прошу я его защитить мою жизнь от тех, кто уже не раз пытался забрать ее. Эти люди притаились во дворце, но все должны получать по заслугам.

На лице Асмарраха отразилось явное облегчение. А ведь я до последнего полагала, что он уверен в моем выборе, а сомневаюсь лишь я! Энмер же обреченно опустил голову. Чувство жалости шевельнулось в глубине души, но затихло. Невозможно сделать счастливыми всех. Я выкупила его жизнь, и у него теперь будет шанс устроить ее. Будущее рассудит.

А любимый уже подошел ко мне и взял за руки.

— Все хорошо, цветочек, теперь я рядом, — шепнул он одними губами и громко добавил: — Я исполню твои желания, сиятельная владычица Кареша, чьими устами говорит Великая Мать. Ты и твои земли под моей защитой!

Дальше было еще многое, и многое еще предстояло сделать: послать гонцов в Асар и Тахлаш, чтобы обсудить условия мира, гонца в Ассубу — подготовить все к возвращению новой царицы, и так далее. Но все это меня уже не слишком заботило. Начинаясь совершенно новая, счастливая страница моей жизни.

Наступил вечер, все разошлись. Возвращаться в Ассубу было решено утром, и самирский отряд начал свою переброску через ущелье не медля. Всем нашлось дело — всем, кроме нас. Возможно, снова постарался Гаруул, пару раз мелькнувший то тут, то там. Как бы то ни было, но вскоре в главном зале никого не оказалось, кроме меня и Асмарраха. Мы сидели друг напротив друга и молча смотрели друг на друга, держась за руки. Мне так о многом хотелось ему сказать, так о многом расспросить, но страшно было первой нарушить окутавшую нас тишину. Ему, возможно, тоже.

В итоге пришлось обойтись без слов. Любимый просто обнял меня, а дальше говорили уже наши тела.

О сне и в эту ночь пришлось забыть. Утомленные ласками, мы лежали на плащах перед алтарем, и я уже почти задремала, когда в полутьме храма раздался легкий как вздох шорох, словно ночная птица задела нас своими крыльями. А уже через мгновение низкий утробный гул, неприятный и ужасный, сотряс все вокруг. Пламя светильников взвилось и бешено заметалось, с потолка посыпались тоненькие струйки песка.

Не стовариваясь, мы вскочили, впопыхах одеваясь. Дрожь стихла, но лишь затем, чтобы спустя несколько минут вернуться с удвоенной силой.

Понимание пришло мгновенно. В прошлой жизни я уже сталкивалась с подобным явлением.

— Бежим! Бежим отсюда! — я потянула любимого за собой, не давая возразить. — Землетрясение!

В подтверждение моим словам, стены храма зашатались, и песок потоками хлынул на пол. Боясь отпустить руку Асмарраха хоть на миг, я побежала, а пол под ногами уже ходил ходуном, выгибаясь, словно живой.

Едва мы успели выскочить в ледяную утреннюю серость, как стены строения, жалобно всхлипнув, сложились, словно карточный домик, подняв тучу пыли. Струя песка огнем хлестнула по ногам, заставив присесть. Подступившая паника мешала соображать. Из всех сил вцепившись в руку любимого, боясь хоть на миг потерять его, я рванула в направлении «от». Время растянулось. Каждый шаг длился и длился, словно в ночном кошмаре. Каждый вдох обжигал легкие, в горле першило от известковой пыли. А вокруг, в предрассветной дымке апокалипсиса, похожие на гигантские мячи, с бесшумным грохотом прыгали первые валуны камнепада. И все это можно было бы считать красивым, не находишь мы ровно посередине бедствия.

Справа в пыльном мареве мелькнул свет, и, будто из ниоткуда, перед нами возникло бледное, словно у покойника, лицо Гаруула. Он что-то кричал, но голос тонул в адском гуле и реве, а мы проносились мимо.

Асмаррах среагировал мгновенно. Вытянул в сторону свободную руку и, поймав подчиненного за край одежды, притянул к нам. Времени на разговоры не было, царевич

рванул с места еще быстрее, увлекая нас из-под камнепада. Словно бешеная тройка коней мы мчались сквозь этот ад к спасению, цепляясь друг за друга, как за спасительную соломинку.

Землю снова страшно трянуло, и значительная часть стены ущелья, выстрелив вверх облаком осколков, в единый миг рухнула, погребая остатки храма под многотонными глыбами. Реальность из кошмара превратилась в ужас. Очередной толчок сбил с ног, и нас поволокло по ощерившейся острыми осколками земле. Серый сумрак вмиг сделался вязким от облака каменной пыли, неумолимой волной накрывшим все вокруг. Дышать стало невозможно. Но сдаваться было нельзя. Мы упрямо поднялись и снова побежали.

Где-то совсем недалеко от нас, справа и сзади, снова страшно загремело и грохнуло. «Еще обвал, тот, что перерезал долину!» — мысль, внезапно возникшая в голове, была острой и чистой, как сталь. Она лезвием взрезала мечущееся сознание, возвращая из адского пекла на грешную землю. А перед глазами в молочно-белом киселе метались тени. Утробный гул креп; казалось, что земля вот-вот разойдется под ногами, открывая проход в нижние миры. Воды быстропенного Иреша сделались мутными и слегка розоватыми. Теперь они не журчали, весело перепрыгивая между камнями, а еле тащились, всплескивая вязкой жижей. А над землей вставало солнце, и его оранжево-красным, словно леденец, лучам было решительно наплевать на все несчастья этого мира.

Яркий квадрат восточных Врат — единственное, что я теперь видела перед собой. Он и тепло сжимавших мою руку пальцев Асмарраха были единственными верными ориентирами в хаосе катастрофы. Эти теплые жесткие пальцы, слегка чересчур сжимавшие ладонь, успокаивали. На мгновение я увидела его самого. Вся левая щека до самого уха была рассечена. Кровь, хлеставшая из раны, мгновенно серела и становилась вязкой, набрав пыли. Мочка уха, та в которой обычно висела моя злополучная подвеска, была прорвана и пуста.

А вокруг все грохотало. Низкий, словно порожденный живым существом, стон, а затем жуткий треск, раздались совсем рядом. Острые осколки камня на этот раз так сильно хлестнули по ногам, что я не удержалась. За руку резко дернули, так, точно пытались выломить ее из плеча. От боли пальцы сами собой разжались, выпуская спасительную ладонь Асмарраха. Плотная стена пыли накатила, скрывая меня с головой. «Всеблагая, сохрани ему жизнь! Спаси его! Если ты есть — спаси его!» — взмолилась я, и в тот же миг ослепляющая боль расцвела в затылке. В ту самую последнюю секунду, когда уже не осталось сил даже дышать, меня словно обволокло прохладной водой. Боль исчезла. «Ты выполнила все, зачем я призвала тебя в этот мир. Настала пора вернуть все на свои места. Ты спасла мою землю — я исполню твою просьбу...» — безликий голос заполнил собой все вокруг, и мир погас.

Дорогие читатели, на следующей неделе появится финальная глава. Не судите меня строго за концовку, продолжение следует. Очень хочется отзывов и лайков, как и любому автору. Буду рада узнать, какие герои понравились. Даже конструктивная критика вполне приемлема (но конструктивная). Лана Чи.

Глава 30. Эпилог

Воздух с хрипом вырвался из забитых пылью легких, и надсадный кашель заставил сложиться пополам избитое тело. Асмаррах с трудом разлепил глаза. Серые стены ущелья были вновь немые и недвижны. В высоком безоблачном небе скользили кружевные перистые облака. Удушливая каменная пыль устилала все: камни, чудом уцелевшую арку восточных врат, его изодранное тело. Пыль была даже во рту! Каждый вдох приносил боль, но царевич заставил себя подняться.

— Юилиммин! Юилиммин! Где ты! — вырвался из его груди то ли крик, то ли стон. Он пронесся над долиной, отражаясь от каменных глыб и нарушая тишину. Кашель опять скрутил тело, заставив сплюнуть кровь. «Плохо дело. Должно быть, сломал несколько ребер», — отметил про себя Асмаррах, но заполнявшая его душу тревога не давала сосредоточиться на собственной боли. Мужчина, шатаясь, медленно двинулся туда, где, как ему помнилось, в последний раз видел любимую.

Упорный поток Иреша уже проложил себе путь через каменные завалы. Его воды, холодные и чистые, мчались, унося в долину мелкие камни и песок. Где-то здесь! Он помнил, как ноги скользили по ледяной грязи реки. Помнил, как невероятная сила вырвала руку любимой и швырнула его обратно в поток, словно намеревалась утопить в той жиже, которой стала вода. «Великий Отец! Всеблагая! Кто бы ни сохранил мою жизнь — заберите ее! Заберите, но верните ту, что для меня важнее жизни!» — слезы застили глаза, но он упорно двигался вперед, спотыкаясь об обломки и падая. Но поднимался вновь.

Она лежала в сотне метров от него. Хрупкое неподвижное тело за огромным валуном, словно щитом, закрывшим хрупкое тело жрицы от последней ударной волны. Серая пыль удивительным образом не запорошила ослепительно-белых одежд, золота рассыпавшихся волос. Асмаррах опрометью бросился вперед, припал к ее груди, и начал вновь дышать, только услышав, как тихо, но отчетливо бьется маленькое сердце.

Словно боясь повредить драгоценный сосуд, он осторожно убрал волосы в сторону. Прекрасное, белоснежное лицо девушки было умиротворенным и спокойным. Казалось, она просто спит. Никогда еще за всю свою жизнь Асмаррах не испытывал такого облегчения, как в этот момент. Его драгоценная, его единственная была жива. А значит, Богиня не гневалась на нее! Им сохранили жизнь, остальное же он сделает сам. Он сделает ее самой счастливой на этом свете!

Асмаррах не помнил, сколько провел так, сидя на осколках камней, баюкая маленькое тельце любимой. Плохо помнил и то, как из долины пришли люди.

Должно быть, он совсем ослаб, потеряв много крови, так как в следующий раз пришел в себя уже в одном из походных шатров. У ложа мирно дремал старикашка, тот самый, что выступал на совете и принес туда наконечник копья. За светлым пологом слышались звуки лагеря: голоса, ржание лошадей, звон посуды. Царевич по привычке хотел было вскочить, но тело оказалось буквально спеленато лоскутами ткани. От усилий мигом заболело все. Мужчина хрипло выругался, чем разбудил лекаря.

— Владыка силен словно бык, но не стоит пытаться вставать, — назидательно изрек знающий, опуская сморщенную сухонькую ладонь на туго стянутую грудь больного. — Всеблагая сохранила вам жизнь, но раны слишком серьезны. Пройдет не одна луна, прежде чем я позволю вам встать!

— Юилиммин! Где моя жена? Что с ней? — хрипло выдохнул Асмаррах, морщась от нестерпимой боли.

— Успокой свое сердце, могучий! Великая Мать уберегла свое дитя. Ее раны не столь существенны, но она еще очень слаба.

— А ребенок? Ты знаешь об этом? — сердце снова защемило тревогой.

— Я думаю, что все будет хорошо, владыка. Тело владычицы не отторгло плода. Но волноваться сиятельной царице никак нельзя! Потому не просите меня о том, чтобы увидеться с ней! — речи старика были спокойны, но настойчивы. Тут кричи — не кричи, а не уступит.

— А мои люди? Могут ли я видеть их?

Лекарь замялся и усмехнулся:

— Ваши воины с самого начала дежурят за пологом. Внутри я их не пустил, не гневайтесь. Все два дня, что вы лежали без памяти они меня донимали, а хлопот и без того много! Сейчас позову одного, но вставать без меня не смей! — старик легко поднялся и заковылял прочь.

«А ведь правда, этот человек, должно быть, и не спал совсем, спасая жизни. Надо быть благодарным!» — Асмаррах решил, что будет слушаться знающего, насколько сможет, конечно. Провести лежа несколько лун — невысказано!

Через четыре дня он уже вполне окреп и выбирался из шатра. Молодость и сила брали свое. Дел же у Асмарраха было предостаточно: отписать отцу и бабушке, отправить отряд в Ассубу, организовать своих людей на расчистку завалов, отослать с глаз долой Энмера. Разумнейшая Нарамман позаботится о хоннитском щенке наилучшим образом! А еще царевич повелел немедля высечь на одном из столбов восточных врат (западные разрушило землетрясением) слова о том, что Всеблагая благославила их с Юилиммин союз, и теперь земля Кареша под его, Асмарраха Самирского, охраной! Что записано — не исчезнет!

Только вот его любимая... его цветочек так и не звала к себе! Ну, ничего, он будет ждать, даже если на это уйдет вечность!

«Хассин! Хассин!» — звук, чистый, словно удары колокола, пробивался в сознание, как будто через вату. «Утренняя звезда...» — вяло отвечало оно зову. «Теперь ты знаешь обо мне все, моя жизнь в твоих руках!» — любимый образ мелькнул на грани сознания. А холодный поток все дальше уносил, плавно покачивая, будто убаюкивая. Звон слов делался все тише и приглушеннее, мысли гасли, становясь бесцветными. От этого где-то в глубине «я» расцветала нестерпимая боль.

Боль была первым ощущением, которое вернуло меня из небытия. Знакомое чувство — дежавю. Голова раскалывалась, словно зажатая в тиски. Не решаясь открыть глаза, я прислушалась к ощущениям. Саднило ноги, горела, будто обожженная, кожа на правом плече. Остальные части тела хоть и не столь явно проявляли себя, но были ощутимы. «Я определенно жива!» — я попыталась улыбнуться мысленно. Двигать хоть какими-то мышцами было страшно. Тонкая нить, связывающая меня с реальностью, казалась натянутой до предела. Где-то внутри себя я отчетливо ощущала ее напряженное дрожание. Потяни сильнее — и порвется.

Я осторожно втянула в себя воздух, показавшийся мне если не безвкусным, то горьким. «Карболка, — всплыло в подсознании, — или хлорка». Сердце встревоженной птицей затрепетало в груди.

Надо мной уныло белел обычный больничный потолок. Самый обычный, даже, можно сказать, довольно новый белый потолок со столь же стандартными палочками ламп дневного света. Телу было удобно, даже непривычно мягко. Запах хлорки отошел на второй план, уступая место слегка резиновому аромату тепличных роз. «Как же я их ненавижу, эти почти живые пародии на настоящие цветы!» — подсказала память. Я прислушалась к собственному сознанию. Мысли вяло роились в голове, тело ныло, а в душе было пусто. Я снова была наедине с собой: устоявшаяся, целостная, монолитная современная женщина средних лет. Ощущение было непривычным и давно забытым.

Я пошевелила рукой, потом ногами и рискнула приподняться. Жалобно скрипнули пружины, зашелестело грубоватое больничное белье. Боль глухо отозвалась во всем теле, но отступила.

Примерно минуту я сидела на краешке кровати, свесив на серый линолеумный пол босые плотно забинтованные ноги. В палате больше никого не было, хотя еще две пустые застеленные кровати обнаружились у противоположной стены. На ближайшей тумбочке пышной копной благоухали резиновым ароматом более двадцати крупных красных роз. На левой руке обнаружился катетер и капельница, что по капле вливала в мои вены какую-то жидкость из большого прозрачного пакета с надписью «Физиологический раствор». Больница... это же больница!!!

Крик вырвался наружу неожиданно, какой-то животный, истерический. Осознание реальности оглушило и раздавило. На шум из коридора немедленно прибежала молоденькая медицинская сестра в коротеньком белом халатике с зеленой окантовкой и туфельках на столь высоком каблуке, что от одного их вида кружилась голова. Немного помешкав в дверях, девушка опрометью бросилась ко мне и засуетилась вокруг.

— Счастье-то какое, что вы очнулись, Юлия Владимировна! — щебетала она, укладывая меня обратно на постель. — Сейчас доктора позову. А вот вставать вам пока рано, не велено! Так что лежите-лежите, все, что вам потребуется, — сейчас же доставим.

А из моих глаз рекой лились слезы. Прочертив соленые русла по щекам, они, словно дождь, капали на белоснежный пододеяльник, простынь, больничную зеленую пижаму. Крик унес почти все эмоции, и теперь меня хватало лишь на безмолвный плач. Я вернулась... Неужели все это был только сон? Неужели Карещ, Ассуба, любимый — все это лишь плод больного воображения находящегося в коме пациента?!

— Если вам что-то нужно, вы только скажите! Сейчас же организуем!

Наконец щебетание медсестрички достигло моего сознания.

— Принесите мне зеркало, милая. Дайте мне зеркало, пожалуйста, — мой голос был прежним, этакое охрипшее от крика меццо-сопрано. Неужели сон?!

Девушка нерешительно, словно боясь, что за время ее отсутствия я куда-нибудь исчезну, выпорхнула из палаты.

Вернулась она почти мгновенно: то ли до поста бежала бегом, то ли палата была рядом. А следом за ней в помещение проскользнуло еще несколько человек персонала. Я почувствовала себя диковинным зверем в зоопарке.

— Вот, — нежным голоском пропела медсестричка, протягивая мне маленькое круглое зеркальце в пудренице, — вы уж простите, что такое маленькое, зато быстро, правда же?

Я взгляделась в ее по-детски пухленькое румяное личико, окруженное тоненькими завитками выбившихся из-под шапочки золотистых волос. Девушка была искренней. Она действительно была рада мне угодить, и пудреница, скорее всего, ее собственная.

Зеркальце скользнуло в руку, и, сверкнув на солнце, отразило меня... То есть ту, что должна была быть мной.

С исхудавшего, но ухоженного лица на меня смотрели мои лукавые карие глаза с золотистыми прожилками — единственное, в былые времена, достояние Юленькиной внешности. Глаза были совершенно точно мои, а вот ресницы, брови, губы были другими: аккуратно выщипанными, подведенными широкими стрелками и подкрашенными, словно бы я не лежала на больничной койке, а только что вернулась со светского раута. Волосы тоже были другими, другими и страшно знакомыми. Осветленные до золотистого оттенка пряди, завитые широкими кудрями. Как это все напоминало сиятельную Юлимин, а, значит, не могло быть сном. Добровольно сотворить с собой подобное я бы не смогла!

Я отложила зеркальце и, откинув одеяло, села. От полноватой крепкой фигуры Юлии Владимировны осталось меньше половины. Только мелкие шрамики на бледной коже все еще напоминали о прошлом, да и то они были явно не все.

«Видимо, все же это был не сон! — радостная мысль заискрилась в сознании. — А если это был не сон, то я обязательно найду способ все вернуть! Юи хорошо здесь порезвилась, наверное, даже к лучшему. Сама бы ты ни за что не нашла бы сил похудеть!»

Я улыбнулась, радуясь мыслям, и даже не заметила, что рядом с кроватью появился пожилой сухонький субъект в круглых очках и белом халате — типичный доктор.

— Ну-с, больная, налюбовались? — ехидно осведомился он, — Позвольте-ка вас теперь осмотреть.

Он быстрыми движениями ощупал мою голову, осмотрел повязку на правом плече, ноги и помог встать.

— Скажите-ка мне, любезная, зачем же вам потребовалось так вылезать в окно, тем более в вашем-то положении? — как будто невзначай спросил доктор, нацепляя стетоскоп.

— Не понимаю вас, доктор... Куда я лезла? В каком положении? — его слова привели меня в изумление, почище нововведений во внешности.

— Не помните? — с любопытством уточнил мой собеседник. — Или не хотите говорить?

— Да что вы, доктор! Я бы и рада, но мне нечего вам рассказать! Я абсолютно ничего не помню! — уверенно соврала и одновременно не соврала я. Из этой жизни я действительно ничего не помнила.

— Что ж, — эскулап пожал узкими плечами и помог мне сесть обратно на кровать.

— УЗИ матки и МРТ головы, сегодня же, ясно Виктория? — это уже не мне, а медсестричке. Та смиренно кивнула и исчезла за дверью.

— Напугали вы нас, голубушка, — продолжил он, присаживаясь на краешек кровати, — Понимаю, во время беременности, тем более поздней, всякое бывает, но не до глупостей же! Разве вас ваш гинеколог не предупреждал, что нагрузки могут навредить вам и ребенку? Зачем же затевать мойку окон, или что вы там удумали? Не проще ли нанять помощницу по хозяйству на это время? Константин Александрович из-за вас тоже весь на нервах, а ведь у него плановые операции! Знаете же, он крайне востребован!

Я с немым изумлением слушала этот возмущенный монолог врача. К тому моменту, как он замолчал и с ожиданием уставился на меня, ответов в голове больше не стало.

— Простите, — смущенно краснея, пролепетала я, словно застуканная за списыванием студентка, — я совершенно ничего не помню. То есть я помню свое имя, профессию, наверное... Но ни вас, ни Константина Александровича, ни про беременность...

Я беременна! Здесь я тоже беременна! Как такое может быть? Неужели это ребенок Асмарраха, но как?! Или неугомонная царица тоже успела залететь?

От шокирующих дум меня отвлекло появление нового посетителя. В дверь аккуратно протиснулся высокий статный мужчина, лет сорока — сорока пяти, тоже в безукоризненно белом халате и врачебной шапочке. Задумчиво глядевший на меня доктор мгновенно оживился, вскочил и засеменил навстречу.

— Ах, Константин Александрович, ох уж мне эта Вика! — запричитал он, — Оторвал вас от дел? Напишу выговор!

— Все в порядке, Михаил Петрович, наоборот, я очень рад, что меня сразу вызвали. Совершенно не мог сосредоточиться, — новый посетитель отстранил возникшего на пути коллегу и быстро подошел к кровати.

— Юленька, дорогая, как ты себя чувствуешь? — в глазах мужчины читалось бесконечное обожание и волнение, — Как же ты меня напугала!

Константин Александрович раскрыл было объятия, но остановился и вопросительно посмотрел на коллегу.

— Только не долго, пациентке вредно волноваться. Да и обследование нужно закончить, — разрешил сухонький доктор, — Да, коллега, предупреждаю, наблюдается некоторая степень амнезии, но, скорее всего, это пройдет.

Он вытолкал за дверь медсестер и вышел сам, оставив нас вдвоем.

— Юленька, да как же так, ничего не помнишь? Совсем ничего? — мужчина вопросительно и как-то жалостно смотрел мне прямо в глаза.

Нет, я его помнила, вернее, узнавала, так же как узнавала когда-то Ибу и Шанхаат — первых, кого я встретила там, давным-давно. Вот и теперь память дала подсказку, лишившую меня сил. Передо мной мой муж — гениальнейший хирург современности Кириллов Константин Александрович. Вот уже четыре месяца, как мы состоим в законном браке и живем в его загородном коттедже.

— Не волнуйся, Костя, все будет хорошо, — соврала я. — Потерпи с обнимашками, хотя бы до конца обследования, мало ли что...

От собственной лжи было противно и горько, но что мне еще было сказать этому абсолютно чужому человеку? Неужели, где-то там она с такой же неприязнью смотрит на моего мужа?

— Ты меня помнишь! — расцвел мужчина, аккуратно беря мои пальцы в свои широкие, аккуратные руки и нежно поглаживая их. — Тогда все точно будет хорошо! Ты же у меня сильная...

Дальнейших его слов я просто не слышала. Здесь уже ничего не могло быть хорошо. Чужой муж, чужая жизнь... Как же я смогу забыть любимого, как смогу позволить обнимать себя чужим рукам? Асмаррах... Где же ты, мой Хассин? Выжил ли в том аду или погиб? Как же мне вернуться к тебе? О будущем ребенке я даже не думала, принимая как родное все, что является частью меня. Я думала о том, другом малыше, которого бросила, сама того не желая. О том, что плод нашей любви будет растить другая женщина! Юилиммин! Несмотря, что почти год я провела в твоём теле, ты не стала мне родной. Близкой и понятной — да, но мы разные! И я никогда не смогу принять того, что ты заменишь меня там, в моей жизни, а, значит, я должна попасть назад! Я не могу не вернуться! И я вернусь!

Больше книг на сайте - Knigoed.net